

Гай Юлий
Орловский

Ричард Длинные Руки —
сеньор

Гай Юлий Орловский

Длинные Руки —
сеньор

Паладин почти свободно прогодил по зачарованным
эсмали, получая от гномов волшебными мечи, или
фех — Зачаренные они не поддаются, и звон их
изумляет... сомневаться будем, найдут ли мы
к подземцу дю, который наш рыцарю, а не к хоббитам
прежде не утешит, пред сорвавшимися
Ричард вынужден был сидеть на скамье
и ждать, пока не пойдет

**Баллады
о Ричарде
Длинные руки**

Ригард Длинные Руки

Ригард Длинные Руки —
воин Господа

Ригард Длинные Руки —
паладин Господа

Ригард Длинные Руки —
сеньор

Ригард де Амальфи

Баллады
о Ричарде **Длинные Руки**

Гай Юлий Орловский

ФицАль
Длинные Руки —
сеньор

ЭКСМО

Москва, 2004

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)б-4
О 66

Оформление серии художников
A. Старикова, M. Петрова

Серия основана в 2004 году

Иллюстрация на переплете художника *A. Дубовика*

- О 66 **Орловский Г. Ю.**
 Ричард Длинные Руки — сеньор: Фантастический роман.— М.: Изд-во Эксмо, 2004. — 480 с. — (Баллады о Ричарде Длинные Руки).
 ISBN 5-699-07481-3

Паладин почти свободно проходит по зачарованным землям, получает от гномов волшебный молот, от феи — Зеленый меч, он же поддается чарам могущественных колдунов... однако что будет, когда он столкнется с такими же могучими рыцарями, которые в свое время не устояли перед соблазнами Дьявола?

Ричард верит в свою правоту, хотя его понятия весьма расходятся как с мнением инквизиции, так и ее основного противника — Сатаны.

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)б-4

ISBN 5-699-07481-3

© Орловский Г. Ю., 2004
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2004

Часть 1

Глава 1

На зиму река скрылась под надежный рыцарский панцирь из толстого льда. Из окна моей комнаты видны застывшие деревья в белых плащах с надвинутыми на лица капюшонами. Вон стая серых волков вышла на пригорок, принюхивается к деревенским дымкам, теплым запахам хлева, конюшни.

Звонко и гулко стучит дятел. Дерево за ночь промерзло, звон таков, словно бьют по огромному хрустальному бокалу. Дятел — это такая птица с красной головкой, я его еще не видел, но знаю с полсотни анекдотов, шуточек, приколов, афоризмов, намеков и прочей дряни, что очень легко ссыпается в череп и занимает столько места, что нет уголка для дифференциального исчисления.

Промелькнула рыжей молнией белка, в лапах крупное, похожее на картофелину. Впрочем, картофеля здесь нет, как и помидоров или кукурузы, Колумб еще не плавал, или не ходил по морю, как обидчиво поправляют моряки, плавает, по их мнению, обязательно что-то нехорошее, а они, видите ли, только ходят.

Сумрак подкрадывается очень медленно, закат уже с полдня кровянит небо, а с земли такими же застывшими каплями крови блестят гроздья рябины. Провисели всю зиму, но

птицы летят мимо, где-то надыбали вкуснее. Хотя кто знает, что тут за птицы.

За окном могуче грохнуло, вот бы затряслись стекла и оконные рамы, если бы здесь были. Я подпрыгнул: откуда пушки?

От стола отец Дитрих сказал мирно, дивясь моему испугу:

— Лед вскрыло.

— С таким грохотом, — пробормотал я. — Простите, святой отец.

Он сидит свободно в легком кресле, в тонких изящных пальцах поворачивается медная чаша, выкованная молотком кузнеца, но здесь это верх изящной работы. Прищуренные глаза священника внимательно следят за каждым моим движением.

— Сэр Ричард, из каких вы стран?.. Ледяной панцирь всегда так... потом в ушах звенит. Отец Епифант как-то оказался на берегу, когда вот так вскрылось, так на сутки оглох. Да и вообще... руки тряслись неделю, а «Отче наш» не то что выговорить, даже вышептать дня три не мог. Не смейтесь, это не так весело!.. Идет мудрый и мирный человек по берегу замерзшей реки, как всю зиму, мыслит о Божественном, а тут совсем рядом ка-а-а-ак грохнет... Ладно, сэр Ричард, спасибо за хорошее вино, но я к вам, увы, как ни прискорбно, с пренеприятнейшим известием...

— К нам едет ревизор, — пробормотал я.

Он удивился:

— Откуда знаете?

— Да так, — сказал я в некотором замешательстве, — не пророк я, не пророк. Просто интуиция. А кто едет?

— Нунций Войтылла, у него самые широкие полномочия. Вообще-то известен как человек, который сжег шестьсот ведьм. А к нам, чтобы очистить от

скверны, как говорит, ряды кордонников. Увы, мы на переднем краю борьбы со Злом, а оно принимает разные формы. Бывает, в самом деле заползает даже в ряды монашеской братии.

Я спросил медленно, уже догадываясь о некоторых неприятных последствиях визита отца Дитриха:

— Хотите сказать, что меня коснется тоже?

Он вздохнул, развел руками.

— Я бы хотел, чтобы этого не случилось. Но Войтылла склонен совать нос всюду, проверять и перепроверять. Он обязательно прицепится к вам! Обязательно. Ведь достаточно заглянуть в это ваше жилище...

Я огляделся по сторонам.

— А что в нем не так?

Вообще-то я понимал, что не так: без мощного компа вообще не жилье, да чтоб выделенка, плазменный или жидкокристаллический монитор на стене, всякая привычная ерунда, вроде дивидишка, но, похоже, отец Дитрих имеет в виду нечто иное.

— Вот видите, — сказал он с укором, — вы даже не замечаете, что у вас в жилье нет атрибутов святой церкви.

— Ах, икон? — спохватился я. — Ну... гм... я ж говорил, для настоящего христианина церковь должна быть не из бревен или камней, а из ребер.

— Да? — спросил он. — А кто в ней служит мессу, не дьявол ли? Такие вещи должны быть и на виду! Не полностью, но люди должны сразу видеть, на чьей вы стороне.

— Согласен, согласен, — ответил я. — А то у нас петлюровцам приходилось требовать от встреченных, дабы перекрестились, а это нехорошо, нужны опознавательные знаки. Как в армии. И что вы придумали?

Он усмехнулся, глядя мне в глаза, покачал головой.

— Уже догадываетесь, что мы над этим думали?

— Ну да, вы же инквизиция!

— У вас в самом деле... интуиция. Вообще-то интуиция — дар Божий. Наука и многознание могут завести в бездну, а вот чувство нашего происхождения из рук Господа — предостережет от дурных поступков. Как вы знаете, святейшая инквизиция большинством голосов.... не скажу что абсолютным, но все же большинством, оправдала вас. Как и ваши деяния. Мы не знаем все ваши поступки, вот только вчера отец Павлиний высказал мысль, что ваше возвращение в Зорр и очищение его от смердящих летучих мышей как-то связаны. Молчите?.. Ладно, не буду настаивать. Творцу скромность угодна, хотя чаще всего скромность — одно из проявлений силы и даже гордыни, здесь мы с дьяволом деремся на очень узком поле... Церковь лишь приводит желания Творца в действие. Сегодня мы наконец пришли к единому мнению, что вам надо на время приезда нунция побывать вне Зорра. Большинство предлагает вам съездить в Срединные Королевства, навестить родных, показаться рыцарем. Пусть местные узрят, что честное и беспрепятственное служение церкви... а также королю вознаграждается сторицей.

Я подумал, оценил, поинтересовался:

— А что предложило меньшинство?

— В меньшинстве был один только отец Епифантий. Он предложил вам совершить поездку на юг, есть у нас одно приметное место.

Я подумал для приличия, кивнул.

— Я предпочитаю это приметное место.

Он пристально смотрел мне в глаза. Бледные бескровные губы чуть тронула усмешка.

— Мы так и подумали, что предпочтете именно это. Отец Епифантий сказал, что сразу схватитесь за

это предложение, а я сказал, что для приличия немногого подумаете, подвигаете бровями, поморщите лоб... Нет-нет, я не буду спрашивать, почему не хотите в Срединные Королевства...

Я пригубил вино, ответил спокойно:

— Разве было сказано, что не хочу? Просто в причинное... э-э... приметное место хочу больше.

— Хорошо, — сказал он. — Будем считать, что туда предпочитаете больше.

— Не «будем считать», — возразил я мягко, — а предпочитаю. А то, простите, в вашей трактовке таилось нечто слегка двусмысленное. Самую малость, но все же...

Он заметил спокойно:

— А вы не простолюдин, сэр Ричард. И никогда им не были.

— Вы не поверите, отец, — ответил я с некоторой грустью, — в моей стране простолюдины иной раз... просвещеннее, чем здесь короли. И богаче.

Он кивнул, голос прозвучал спокойно:

— Но простолюдины везде простолюдины. А вот люди благородного сословия... Можно купаться в золоте и быть нищим простолюдином, как иные купцы или ростовщики. Вы не согласны?.. Итак, отец Епифантий вспомнил о славном рыцаре Галантларе... Это был величайший воин, в силе и доблести спорил с Ланселотом, учтивостью превосходил Галахада, а в чистоте помыслов мог потягаться с нашими святыми отцами. Его всегда тянуло на юг...

Он сделал паузу, я пробормотал:

— Понимаю. В смысле, жажда подвигов, то да се...

— Да, Зло концентрируется на юге, — согласился отец Дитрих. — Иные отцы церкви даже говорят, что там и зародилось, но это спорно, спорно и ведет к опасным выводам. Словом, доблестный сэр Галант-

лар стремился переломить копье о грудь самого дьявола. А потом скрестить с ним меч...

— И что же случилось? Погиб?

Отец Дитрих покачал головой.

— Представьте себе, нет. Сумел пройти на юг настолько далеко, как никто из христианских рыцарей. Побивал Зло, восстанавливал справедливость, защищал вдов и сирот, рубил драконов и черных рыцарей смерти, наконец достиг одной из обителей Зла, крепости могучего колдуна. Тот в своих владениях поклонялся дьяволу, приносил кровавые жертвы... Вы не поверите, сэр Ричард, но сэр Галантлар в сопровождении всего одного оруженосца сумел одолеть врага!

— Да, — согласился я осторожно, — вот что значит святость благородного дела.

Он хмыкнул, зыркнул на меня искоса, но я смотрю чистыми невинными глазами.

— Сэр Галантлар, — продолжил он, — захватил замок колдуна. Старинный замок, переполнен старинными реликвиями... Сэр Галантлар спешно отоспал обратно оруженосца, тот и рассказал все. Но, увы, мы не успели послать священников, в наши земли вторглись войска Аносия Кровавые Ножны, потом короля Карла, а теперь те земли кишат бандами разбойников. Святых отцов пришлось бы сопровождать большому отряду, а у нас каждый воин на счету.

Мое сердце стучало часто, сильно, я едва сумел выговорить, стараясь голос держать ровным:

— Что от меня требуется?

— Не очень много, но дело достаточно трудное...

— Нужно проверить дорогу?

— Да, сэр Ричард. Надеюсь, сумеете достичь его крепости живым, а если на то будет воля Господа, то и невредимым.

— Я тоже в этом заинтересован, святой отец, — пробормотал я. — Такой уж я меркантильный человек. Он скромно улыбнулся.

— Сэру Галантлару передайте наше благословение. Сообщите, вот-вот отправим к нему двух-трех святых отцов. Думаю, к вашему возвращению папский нунций уже вернется в Срединные Королевства.

— Спасибо, отец Дитрих!

— Не за что, — ответил он сухо, было видно, что эта часть разговора ему неприятна. — Это зависит не от меня, к сожалению.

— Правят из столицы, — согласился я. — Так везде и всюду. Но вообще-то это правильно, хотя окраины с этим не согласны.

Он вскинул брови, долго всматривался в меня запавшими глазами.

— Вы удивительно зрело смотрите на вещи, сэр Ричард. Не могу понять, сколько вам лет под такой юной внешностью... Да, мы здесь, в пограничье, по-другому смотрим на вещи. Вы только что сказали, что церковь должна быть не из камней или бревен, а из ребер... Мы это понимаем, но этот нунций из Срединных Королевств, боюсь, предпочитает более заметные доказательства приверженности. Есть церковь у человека в сердце или нет, сразу не заметишь, а что распятия у вас в доме днем с огнем — это как? Ни в спальне, ни в столовой... Вы хоть одну молитву знаете?

Я усмехнулся, прямо посмотрел ему в глаза.

— А вдруг я, как те два отшельника на острове?

Дитрих ответил таким же прямым взглядом, промолчал, обдумывая ответ. На прошлой неделе пилигримы рассказали в Зорре историю, как один ревностный епископ объезжал с миссионерской миссией пограничье и запограничье, сеял Слово Божье, учил молитвам, объяснял правила причастия, а ему рас-

сказали местные, что поблизости на диком островке, где ничего не растет, уединились двое отшельников, проводят время в молитвах и размышлениях. Он сел в лодку, погреб к островку, отыскал обоих, одобрил их служение Господу, но ужаснулся, что старики так и не выучили ни одной молитвы. Остался с ними на три дня, учил, они добросовестно повторяли, но память уже не та, снова забывали, и он снова и снова учил, пока не запомнили. Наконец сел в лодку и погреб обратно. И вдруг видит: бегут вдогонку по воде, аки посуху оба, даже подошвы не замочили, машут ему. Он остановился, добежали, упали на колени и взмолились: «Отец, забыли мы, как молитва-то начинается!» Тут уж епископ сам им поклонился и в страхе Божьем признал, что их святость неизмеримо выше...

После паузы отец Дитрих сказал мягко, в церковно-увещевательном тоне:

— В упорядоченном обществе все должно быть упорядочено. Случай с отшельниками мог быть только на пограничье, где еще не установились правила, обряды... А в обществе с детства учат, как надо и что надо. Нунций прибывает из мира, где пониманию учения Христа, как и обрядам, учат с колыбели... Там каждый ребенок, садясь за стол, скажет благодарственную молитву. А вы хоть пару слов из нее знаете?

Я широко улыбнулся.

— А на фиг Господу мои молитвы?

Он покачал головой, лицо было печальным и серьезным.

— Молитвы не Богу нужны, а самим молящимся. Все-таки вы, сэр Ричард, уже палadin, что явилось, как догадываетесь, и для нас совершеннейшей неожиданностью. Если честно, наша церковь поступок наших братьев-монахов не одобрила, хоть и... поня-

ла. Но, в любом случае, что сделано, то сделано. Вы — паладин, а это, знаете ли, обязывает.

Я стиснул зубы. Даже чертово рыцарство привалило нежданно-негаданно, а после нашего с сэром Гендельсеном рейда в Кернель тамошние настоятели монастыря ввели меня в сан паладина. Или в чин. Или присвоили звание. Для меня слово «рыцарь» было лишь обозначением сословия, как купец, банкир или предприниматель, я жил в эпоху, когда каждый сопляк — стыдно признаться, полгода тому я тоже был им, — постоянно разоблачает и разоблачает всех и вся, испытывая гнусненькую радость, что и остальные, оказывается, пишут и какают, как и я, даже самые великие и умные, тоже пишут и какают, и что все эти рыцари на самом деле были тупыми и злыми дураками, а в крестовые походы шли только с целью пограбить, понасиловать, что все рыцари — клятво-преступники...

Здесь, в Зорре, увидел, что высочайшая мораль рыцарей — норма, само собой разумеющееся. Конечно, всегда найдется ублюдок, который сочтет, что куда выгоднее насрать на эту мораль, выгоднее украсть, сподличать, нарушить клятву верности, но другим рыцарям, королям, герцогам нужны сотоварищи верные и честные, на которых можно положиться, чьи клятвы обязательны, кто не ударит в спину, не предаст, кто верность и честь ставит выше каких-то материальных выгод. Но я жил в мире, где всякая мразь не в состоянии вылезти из мрази, но, понимая, что она, мразь, все-таки мразь, старается обгадить и опошлить все, до чего может дотянутся. И тем самым, не умея подняться из мрази, она старается омарзить сверкающие вершины, омарзить и принизить до своего мразевого уровня. Потому у нее, мрази, нет людей, что делают что-то во имя идеалов, а все только

по Фрейду, только по учебникам рыночной экономики, когда продавай и предавай всех, ничего святого нет, да и не было, все эти подвиги прошлого — выдумка, потому я, мол, вовсе не мразь, а нормальный и приличный член общества, ибо то, что считалось в дикие времена подлостью, в наше цивилизованное время просто узаконенная моралью рыночная конкуренция...

Но я читал свидетельства очевидцев еще моей истории, как в 1291-м тамплиеры героически обороняли Акру, чтобы жители успели сесть на корабли, как семьсот рыцарей ринулись на восемьсот тысяч сарацин и опрокинули, обратили в бегство, как героически тамплиеры и тевтонцы сражались в кольце врагов и отказывались сдаваться в плен, как уносили тела товарищей с поля боя и несли через пустыню, под палящим солнцем, изнемогая от жажды, сами умирали, но отдавали последние капли воды раненым. Это были простые рыцари. Какой грабеж, их вели высокие идеалы. Но и это, как говорят в рекламе, еще не все, еще не вершина доблести. Есть рыцари из рыцарей, более высокая ступень — паладины. Даже в бою паладин стоит десятка обычных рыцарей, это я знал еще со школы. Паладинами становились там, в крестовых походах, где дрались учились не на турнирах, а в жесточайших боях, паладины в плен не сдавались, знали, к ним пощады не будет, а сарацины их не просто убют, а сперва искалечат, потом замучают насмерть.

Отец Дитрих сказал невесело:

— Все чаще поговаривают, что герцог Веллингберг и отец Антоний не разобрались в спешке...

Я промолчал, отец Дитрий прав. Крепость рыцарей-монахов доживала последние дни, но мы с Гендельсоном успели, успели в последний миг. И повер-

нули колесо победы в нашу сторону. Монастырь был спасен, и настоятель под одобрение израненных паладинов прямо на обломках выбитых врагом врат посвятил меня в паладины. Ему просто в голову не могло прийти, что такой подвиг мог совершить не совсем... достойный паладинства.

— Да, — согласился я, — понимаю. Еще один камушек на чашу весов, чтобы не попадаться на глаза прелату. Или, как его, нунцию.

Он смотрел на меня мудрыми, грустными, понимающими глазами. В эпоху рыцарства Европа вдохновлялась подвигом неистового Роланда, лила слезы над его гибелью, тогда понимали прекрасно, почему в час гибели Роланд обращается к своей спате Дюрандаль, а не к возлюбленной невесте Альде, что ждала у окошка его возвращения. Это потом, когда дух рыцарства стал исчезать, поэты написали бы, что Роланд в час гибели говорил бы не о любимой Родине, а о любимой женщине. Не страдал бы, что погиб цвет рыцарства, а горевал бы, что не обнимет возлюбленную. Но тогда дух был высок, тогда «сперва думай о Родине, а потом — о себе». О короле Артура с его тупыми и самовлюбленными рыцарями и не вспоминали, для настоящих рыцарей то были всего лишь крепкие мужики в железе, зато в мое время о паладинстве уже забыли напрочь, вот тогда-то вспомнили эпоху короля Артура, ибо сам король и его герои для нас просты и понятны: дрались за добычу, умыкали чужих жен, а если и освобождали какую невинную девушку из лап людоеда, то опять же мотивы их поступков были проще и понятнее нам, простолюдинам третьего тысячелетия. И рыцарями начали считать именно воинов короля Артура, хотя звания рыцарей, по сути, достоин один лишь Галахад, мог бы считаться даже паладином, остальные же — крепкие мужики

в доспехах и с мечами, что не просто думали сперва о себе, а потом о Родине, вообще ни о какой родине не думали и не знали такого понятия.

Перед моим взором проплыли картинки прошлого, я ответил со вздохом:

— Вы правы, отец Дитрих. Какой из меня паладин... Когда собираться?

— Лучше не затягивайте, — ответил и посмотрел мне в глаза. — На рассвете вас устроит? Что делать, сэр Ричард, сильному воину Господа — ноша по плечу!

— Большой груз, — огрызнулся я, — везет не самый сильный, а самый тупой верблюд.

Утром я проснулся, щурясь, комната залита светом, как будто над Зорром засияло два или три солнца. За окном свист, треск, а когда выглянул, обомлел: черные проталины, где вчера был снег, пригорки похожи на зеленые щетки: жесткая торопливая трава выползает так же спешно, как лезли зубы кадмового дракона, посевенного Язоном.

От пригорков пар, впадинкам тепла достается меньше, там травы еще нет, блестят грязные льдинки, но и те истаивают буквально на глазах. Птицы подняли неистовый щебет, стараются перекричать друг друга. Вдоль подоконника пробежал крупный муравей, посмотрел в мою сторону внимательно, сяжки двигаются, старается понять, перепадет ли сегодня от меня угощенье или придется искать и тащить перезимовавших мух, жуков, куколок, очень худых и жестких, иссохших, будто тоже старались попасть в святые и до неприличия морили себя голодом.

— Ого, — сказал я невольно по своему адресу. — Ни фига себе спун!.. Ну не жаворонок я, не жаворонок!.. Я вообще-то еще тот гусь...

Сонный добрел до бадьи с водой в углу комнаты. Ударом кулака проломил тонкую корочку льда, плес-

нул в лицо, здесь так умываются и короли, если умываются, взвизгнул, не по мне это моржевство, поспешно оделся. В Средневековые феодалам помогают одеваться слуги, но я хоть и в феодальстве, но пока еще не феодал, а так себе, подфеодальник, мужик с мечом и с доспехами, хотя и при золотых монетах, но ранг, ранг...

Когда спускался вниз, слуга почтительно доложил, что в прихожей дожидается сэр Сигизмунд. Я заглянул в приоткрытую дверь, он сидит у дверей, прямой и правильный, красивый рослый юноша, весь белокурый, с нежным, румяным, как у херувима, лицом, в чистых голубых глазах почтительное внимание.

Я приоткрыл дверь, Сигизмунд вздрогнул, увидел меня, вскочил, преисполненный готовности выполнять любые повеления сюзерена.

Я помахал рукой.

— Сэр Сигизмунд, не соблаговолите... эта... от завтракать со мною?

Он поклонился.

— Сочту за честь, сэр Ричард!

Голос его оставался звонким и чистым, а сам выглядит свежим и чистым, как круто сваренное и очищенное от скорлупы яичко. Я вздохнул, сам я больше по утрам похож на свежий огурчик: такой же зеленый и в пупырышках, хотел его пропустить вперед, но здесь эту вежливость не поймут, я же сюзерен, а он этот, вассал, потому я задрал подбородок и широкими шагами прошествовал к столу.

Пока поглощали холодное мясо, на другом конце помещений сырое мясо жарилось на открытом огне, пеклось на углях. Запахи жареного плывут тяжелыми волнами, бьют в ноздри, заползают в уши, делают волосы жирными и липкими. Сэр Сигизмунд ел с аппетитом, раскраснелся, хотя дома наверняка позавтра-

кал, глаза косятся на мои пальцы с удивлением, я то и дело, орудуя двумя ножами, один использовал как вилку, что здесь кажется диким и неестественным. Правда, я быстро отвык от привычного бесконтактного способа — как легко опускаться! — и с удовольствием хватаю мясо руками, здесь так делают даже короли и нежные принцессы.

— Какие планы? — спросил я у Сигизунда.

Он удивленно вскинул брови.

— Какие у меня могут быть планы?

— Ах да, — сказал я, в самом деле, какие планы могут быть у вассала, это значит, вся ответственность на мне, и если даже он сам кого-то прибьет или сильничает, вешать поведут меня. Ну, не то чтобы уж сразу вешать, но все-таки отвечаю я, как вышестоящее. — Вы счастливый человек, сэр Сигизунд... Я сегодня отправляюсь на юг. Мне даже дали примерную карту. Все-таки я не тиран, вам предоставляю выбор.

Он посмотрел большими глазами, голос упал до шепота:

— Какой... выбор?

Я ответил тем же страшным шепотом, даже посмотрел по сторонам:

— Оставаться здесь... или ехать со мной.

Он с облегчением вздохнул, засмеялся.

— Вы все шутите!..

— Значит, едем, — подыточил я. — Чтобы ладить с близкими, нужно держаться от них подальше, а я собираюсь ладить и дальше. Так что завтракайте как следует, обедать нам, возможно, придется...

Его большие синие глаза округлились, спросил радостно:

— ...в раю?

Я поморщился.

— Торопитесь, мой дорогой сэр Сигизунд! Лег-

кие дороги ищете? Господу угодны те рыцари, что потрудились на ниве... гм... на ниве. Рай — это как на пенсию, надо заслуг побольше, чтобы даже в раю место дали получше! Думаете, все толпой сидят и на арфах тренькают? Нет, кого-то за особые заслуги и до пианины допускают! А то и вовсе — до рояля.

— Простите, сэр Ричард!

— Не за что, — ответил я мужественно, ибо мясо подали хорошо прожаренное, просто тает во рту, солнце светит ярко, весна, птички чирикают и вообще поют. — Жизнь прекрасна, что и удивительно! Мы им еще покажем!

Он подтвердил радостным голосом:

— Да, сэр, конечно! Но кому им?

— А всем, кто попадается на дороге!.. Чтоб не попадались! Рыцари мы или не рыцари?

— Да, — ответил он с неуверенностью, — да, мы рыцари...

С юмором у него туговато, не все Господь складывает в одну сумку, да и юморист из меня, если честно, не намного лучше, чем рыцарь-крестоносец.

Глава 2

Двор горит и плавится в лучах торопливого весеннего солнца. Воздух свеж, наполнен жаждой жизнью, даже куры, что гребутся неподалеку от крыльца, квохчут громче, петух бросается на проходящих мимо людей, почему-то не отличая благородное сословие от простолюдинов, отгоняет ревниво от своих кур, возле колодца группка смешливых девушек...

Вот умолкли, с любопытством повернулись в сторону молодого всадника в блестящих латах. Шлем он держит на сгибе левой руки, длинные белокурые волосы красиво падают на плечи, лицо юношеское, ру-

мяное, светится чистотой и детской непосредственностью. Сигизмунд завидел меня и вскинул руку в приветствии и подобии салюта вассалу сюзерену:

— Готов служить вам, сэр!

— Хорошо выглядишь, Сиг, — сказал я ему, как молодой женщине, и он, как женщина, зарделся и в то же время горделиво приосанился. Были бы зеркала, он смотрел бы только в них. — Сейчас и меня оденут...

Слуги начали выносить доспехи, а я с удовольствием рассматривал моего единственного вассала, одинощитового рыцаря, как здесь говорят. Сигизмунд, как и я, в черных с головы до ног доспехах, хотя, конечно, черных в местном значении, так говорят о черной работе, т.е. в добротных доспехах, что не прошли никакой дополнительной обработки после кузницы и оружейной, всяких там полировок, вычеканивания гербов, узоров, девизов, вензелей и прочей трехомудии, металл тускло блестит сам по себе, прочная сталь, добротная...

Он выглядит сильным и ладным, ловким и поворотливым. У нас почему-то считают, что закованные в доспехи рыцари — что-то тяжелое и неповоротливое. Как только слышишь «рыцарь», сразу перед глазами стальной болван, что с железным лязгом рушится с коня и не может подняться. Карикатура, такого не бывает даже на рыцарских турнирах, где действительно облачаются в настоящие наковальни, чтобы защититься от страшного лобового удара. Даже на турнирах сбитые с коня вскакивают и хватаются за мечи, а для настоящего боя рыцари вовсе одеваются в легкие доспехи. К слову сказать, кирасиры носили доспехи намного тяжелее рыцарских, да и наш ОМОН таскает на себе побольше кэгэ, так что Сигизмунд, как и любой рыцарь, в состоянии не только с легкостью размахивать мечом, но и на скаку запрыгивать

на коня, бежать какое-то время с ним наперегонки, кувыркнуться, избегая удара, вскочить на ноги и дать в зубы недрогнувшей рукой.

Меня поворачивали, я послушно поднимал руки, опускал, растопыривал. Сперва надели рубашку из полотна, потом вязаную, затем кольчугу, а потом соединили две половинки латного панциря. Плотные штаны из прочной кожи и сапоги на двойной подошве уже на мне, сапоги простые, без обязательных золоченных рыцарских шпор, но мы — на Границе, да и принимали меня на поле боя, иначе во время сложной церемонии принятия в рыцари вообще бы загнулся. Да никто меня иначе и не принял бы...

Проводить пришли Ланселот и Асмер, только Рудольф с Бернардом с отрядом рыцарей чистили окрестности города от нечисти, с ними ушел и отец Совнарол. Ланселот придилично проверил, как на мне доспехи Арианта, подергал, сказал без улыбки:

— Я уж боялся, что дадут тебе доспехи святого Герогия!

— Свят, свят, — сказал я и чуть ли не впервые ощутил потребность перекреститься, сплюнуть через левое плечо и сложить пальцы крестиком. — Только не это!

— Ага, признаешься?

— В чем?

Наши взгляды скрестились в безмолвной схватке. Лучший рыцарь королевства сразу невзлюбил меня, но так уж случилось, что несколько раз прикрывали друг другу спины, даже спасали один другому шкуры, но это не мешает ему относиться ко мне с прежним подозрением.

— Что святые доспехи, — сказал он холодно, — будут жечь огнем твою нечестивую плоть, верно?

— Ответ неверен, — сказал я. — Попробуй еще с трех... тысяч раз. И все равно промахнешься.

Я с раздражением смотрел в его массивную нижнюю челюсть, как всегда надменно и вызывающе выдвинутую вперед. Сейчас я в хороших сапогах, с металлическими набойками на пятках и носках, так бы и двинул ногой в эту челюстину, да не достану в этих доспехах. Хотя, если честно, не достал бы и в тренировочном костюме. Да и то сказать, я треники надевал, лишь когда носил ведро к мусоропроводу.

Он проверил крепление перевязи меча за спиной, подергал, отступил.

— Если сам не потеряешь, — сказал он холодно, — ничего не соскочит.

— Спасибо, — ответил я. — Ты просто сама галантность. До чего же эти менестрели брехливые... Сколько ты им платишь?

Он надменно пропустил шпильку мимо ушей, а я подумал с ужасом, что он прав, доспехи святого Георгия могли бы заставить надеть на меня!.. Если епископ считает, что это меня как-то облагородило бы, склонило на их сторону, то жестоко ошибается. Мое поколение выработало иммунитет к любому давлению, будь это наглая реклама, пожелания правительства или комитетов по правам человека. Я бы, напротив, взялся творить все наперекор. На белое говорить черное, на черное — белое, а поступать тоже не так, как мне шептали бы доспехи...

Медленно приблизился Бернард, обнял, отодвинул на вытянутые руки. Крупное, иссеченное ветрами и солнцем лицо выглядело невеселым.

— Кто знает, — проговорил он, — встретимся ли?

— О чём речь? — удивился я. — Только и дело, что туды и сюды! Не успеешь чихнуть...

Он спросил серьезно:

— К Гендельсону зайти не хочешь?

Я умолк на мгновение, подыскивая ответ, сказал с наигранной беспечностью:

— Знаешь, тут не то что не могу видеть его ран... Там придет его жена, а я буду чувствовать себя виноватым.

— Почему?

— Он изранен, останется калекой, а я цел, без царапинки...

Он подумал, качнул лохматой головой.

— Да, такое может быть. Она очень хорошая женщина, но сейчас может быть несправедливой.

— Когда мы уедем, — сказал я, — ты зайди к нему от меня, хорошо? Я, мол, выехал очень срочно, приказ короля, ослушаться не мог, потому не попрощался. Передай ему от меня...

Я сбился, ком в горле, умолк и махнул. Бернард сказал торжественно:

— Ценю твои чувства, сэр Ричард. У тебя слезы на глазах! Что может быть благороднее, когда благородный рыцарь так скорбит о ранах своего боевого товарища?

Сигизмунда провожала целая толпа девушек с их бдительными и блажими матерями. Он на белом коне, сам белокурый, белый плащ с огромным красным крестом ниспадает с плеч и покрывает даже конский круп, весь светлый, это ему бы пошли доспехи святого Георгия, а у меня все не так, все не то, даже конь мой, я назвал его Черным Вихрем, похожий на вылепленную из черной эпоксидной смолы статую, блестящий, с выступающими тугими мышцами, тонконогий, с гибкой шеей — просто не конь, а что-то иное, звериное. Да и уши торчком по-волчьи, в глазных орбитах полыхает, выплескиваясь, багровое пламя. Вообще-то у любого коня уши по-волчьи, но только при взгляде на моего понимаешь, что это именно по-

волчьи, а у остальных — по-конячьи. При взгляде на моего коня многие крестятся, шепчут молитвы. Церковники пробовали кропить его святой водой, но Черный Вихрь не испарился, даже не замечал, что именно на него плещут: простую воду, святую или крутой кипяток.

Мне помогли взобраться в седло, подали шлем, а затем и длинное копье. На крыльце вышла королева Шартреза, я поклонился и отсалютовал копьем. Она благосклонно и спокойно улыбнулась, подавая знак, все спокойно, езжай, крупных врагов нет, с мелочью справимся.

Я перевел дыхание, вон там дальше трое в монашеских рясах, капюшоны надвинуты на лица, в одном я узнал отца Дитриха. Уловив мой взгляд, он поднял голову, неторопливо и с достоинством перекрестил меня с конем вместе. Я оглядел себя: на мне панцирь из двух половинок, справа у седла дивный щит и молот с короткой рукоятью, слева — лук. Меч Арианта, что рубит любые доспехи, как капустные листья, я присобачил за спиной. Выдергивать не очень-то удобно, но я недаром зовусь Ричардом Длинные Руки, зато справа и слева под руками более нужные вещи: молот и лук. Лук тоже от Арианта, в смысле, пользовался им Ариант, а не изготовил.

Амулет, который простая копалка, на груди под рубашкой, а все четыре Арианта браслета я, поколебавшись, сунул в мешок. Их надевают на голые руки, но время года пока что не то, на мне рубашка, а сверху теплый свитер из козьей шерсти. Связан грубо, но надежно, вязали мужчины, женщины еще не научились этому чисто мужскому занятию, так что свитер толстый, грубый, тепло хранит, как дубленка, а панцирь прижимает к спине и груди, не дает продувать ветру.

Ланселот и Асмер неодобрительно косились на мое неполное рыцарское облачение, но смолчали, ибо я хоть и рыцарь, но какой-то неправильный рыцарь, не воспитанный в нужных традициях с детства, а возведенный на поле боя ударом меча по плечу. Такому еще предстоит обтесываться, дабы стать истинным рыцарем Христова воинства.

Асмер, быстрый, мгновенно перетекающий из одного состояния в другое, компьютерный спецэффект, а не человек, сразу же уставился на лук Арианта.

— Все-таки берешь?

Потомок эльфов, необычайно быстрый и меткий стрелок из лука, он, естественно, замечает только луки, сравнивает со своим, всякий раз довольно задирает нос, но это первый лук, которым ему щелкнули поносу, а потом еще и врезали между остроконечных ушей.

— Ага, — сказал я и, заметив хмурый взгляд Ланселота, шмыгнул носом и вытерся рукавом. Ланселот холодно отвернулся, уже знает мои шуточки. — А что, узнал его свойства?

— Нет еще... но если оставишь, разберусь быстро!

— Фигушки, — ответил я любезно. — Потом от тебя не получишь!

Он захохотал, быстро и дробно, словно рассыпал сухой горох.

— По себе судишь? Ну-ну, что уставился?

Я подмигнул ему, сказал заговорщики:

— Хорошо смеется тот, кто стреляет последним.

Он открыл рот, не понял, хотя смутно уловил некий великий смысл, а я тронул коня, поехал мимо дворца. Шартреза изволила помахать рукой. Великая честь, провожает сама королева, я поклонился, больше похожий на варвара своими доспехами и манерой носить меч за спиной, зато едущий следом Сигизмунд выглядит образцом рыцарского облачения, изящест-

ва и рыцарских манер. В полном доспехе, шлем с пышным плюмажем, забрало поднято, открывая чистое юношеское лицо. Тяжелый рыцарский конь укрыт кольчужной сеткой, а поверх — яркой попоной из красных и белых квадратов, расположенных в шахматном порядке, красный крест на плаще, на шлеме, на щите, даже на сапогах.

Народ по обе стороны дороги расступался, мы поклонялись с тремя монахами. Я остановил коня.

— Благословите в дорогу, святые отцы.

Все трое пробормотали короткую молитву, а отец, Дитрих сказал тихо:

— Рядом с блестящим юным рыцарем вы, сэр Ричард, сама скромность. Впрочем, скромность красит человека.

— Да, — согласился я. — В серенький такой цвет.

Он кивнул, в глазах не проскользнуло ни тени улыбки.

— Иным серый цвет необходим, чтобы их не слишком замечали, не так ли, сэр Ричард? Не знаю, увидимся ли мы еще... потому хотелось бы задать вам вопрос, на который в другое время я бы не решился, чувствуя вашу уязвимость.

Я проговорил настороженно:

— Слушаю вас, отец Дитрих.

— Сэр Ричард, почему все-таки в вашем сердце нет религии?

Я посмотрел по сторонам, наклонился и сказал ему почти на ухо, чтобы не услышали закапюшоненные собратья:

— Но ведь Бог в моем сердце есть?

— Есть, — согласился он с некоторым колебанием.

— Наверное. Возможно. Но религии уж точно нет.

Я сказал негромко:

— Если вернусь, считайте, что я не отвечал на

этот вопрос. А если не вернусь, то считайте коммунистом и знайте, что религию я утратил по вине самой же религии. И ничего, жив.

Он посмотрел на меня с ужасом и жалостью.

— Сэр Ричард, религия и законы — пара костылей, которые ни в коем случае не следует отнимать у людей, слабых на ноги. Повторяю, ни в коем случае! Не все же сильные, коих ведет, как вы хорошо сказали, церковь, что внутри нас! Большинство — просто люди со всеми слабостями и дурью!

— Я это запомню, — пообещал я. — В моем мире... моих землях больше опирались на один костыль, да и тот подгнивший... Прощайте, отец Дитрих.

— Постарайтесь уцелеть, — попросил он.

— Да уж, — ответил я, — к вящей славе церкви. Общение с вами мне дало немало.

Решетка ворот заскрипела, поднялась с натугой. Стражники приветствовали нас, голоса хриплые, простуженные, но все держатся бодро, молодцевато, при нашем приближении всяк выпрямлял спину, разводил плечи и старался смотреть орлом или хотя бы львом. Сигизмунд наклонил копье, дабе не царапать свод, кони прошли бок о бок, копье снова нацелилось в синее небо, я видел, как Сигизмунд готов поскорее опустить забрало и копье, дабы пришпорить чудовище в шахматной попоне и метнуться на противника... хорошо бы — дракона, да чтоб огнедышащего...

— Сиг, — сказал я доброжелательно, — расслабься.

Он вздрогнул, покраснел, посмотрел на меня испуганными глазами.

— Зачем?

— А то перегоришь, — сказал я. — Нам еще ехать и ехать. А если будешь ждать, что вот-вот что-то выпрыгнет, загукает, растопырится да ка-а-а-ак гавк-

нет, то свалившись через милю. Или уже не заметишь, как в самом деле что-то выпрыгнет. И начнет тебя жрать, посыпая перцем и чесноком.

Он сказал торопливо:

— Сэр Ричард, я так боюсь осрамиться в ваших глазах!.. Вы такой воин, такой воин...

— Ага, — ответил я саркастически, — воин.

Он поглядывал на меня испуганно и с невероятным почтением, а я в самом деле чувствовал себя старше его лет на тысячу или хотя бы пятьсот, сколько там прошло с его феодального века до моего постиндустриального, хотя на самом деле мы или ровесники, или же он старше меня на пару-другую лет.

Ворота остались за спиной, но острозубая тень от них еще тянулась под копытами наших коней, как мы с Сигизмундом увидели большой отряд конных воинов под началом паладина. Они ехали навстречу, следом двигалась, поскрипывая высокими колесами, крытая повозка.

Сигизмунд сообразил первым, явно увидел какие-то особые знаки, торопливо подал коня на обочину, соскочил и стоял там в смиренной позе буддиста. Я тоже сдвинулся в сторону, но остался в седле.

Повозка поравнялась с нами, занавеска отодвинулась, я увидел худое, изможденное постами и бедениями лицо, горящие фанатизмом глаза, плотно сжатые губы.

— Благослови, святой отец! — сказал Сигизмунд с жаром.

Человек с горящим взором перекрестил его, сказал жарким голосом:

— Будь благословен, рыцарь. Остерегайся тех, что уступают дьяволу!

В мою сторону он бросил взгляд острый и пронизывающий, я ощутил жар во внутренностях. За по-

возкой проскакало еще двое всадников, Сигизмунд влез в седло, я уже ехал далеко впереди, он догнал меня, спросил вполголоса:

— Это и есть святой человек, которого ждут в Зорре?

— Ты же сам просил у него благословения!

— Я просто увидел эмблему служителя церкви!

— Он это, он.

— Как жаль, — вырвалось у него.

— Чего жаль?

— Что уезжаем, — сказал он простодушно. — Нельзя было задержаться хоть на сутки?.. Послушали бы проповедь, исповедались бы во всех грехах, испросили бы его напутствия на дальнюю дорогу...

Я помолчал, ну что сказать, ну что сказать, устроены так люди, буркнул нехотя:

— Еретик не тот, кто горит на костре, а тот, кто зажигает костер.

Он не понял, переспросил:

— Костер? Но ведь на кострах жгут ведьм, колдунов, всякую нечисть!

— С теми, кто считает, что обладает истиной, и не ищет ее, спорить невозможно. Этот нунций для себя все решил. Он забыл, что любая религия — это повязка, изобретенная человеком, чтобы защитить душу, раненную обстоятельствами. А он превращает эту повязку в каленое железо.

Сигизмунд подумал, сказал нерешительно:

— Но ведь надо же... каленым железом, сэр Ричард? В мире нечисть сидит на нечисти и нечистью погоняет!

Я скривился, потом махнул рукой.

— Извини, ты прав. Я слишком привык к более щадящим методам. Но ты прав. Когда яд заражает тело, а противоядия нет, лучше выжечь и часть собственной плоти, корчась от боли, но остаться жить.

А раны зарастут, зарастут, Господь все предвидел и дал нам великую способность заращивать раны телесные и душевые. А Христос говорил хорошо и правильно, только его обычно не дослушивали...

Сигизмунд посмотрел вытаращенными глазами, спросил осторожно:

— Как это?

— Ну, к примеру, он сказал, что если вас ударили по правой щеке, подставьте левую и, пока противник будет замахиваться, ударьте его ногой в пах. Или можно поднырнуть под руку и в челюсть его, в челюсть! Хотя можно и в печень... Что мы обычно и делаем, поступая по его заветам.

Сигизмунд задумался, а я позволил Черному Вихрю вырваться вперед. Он шел красивым ровным скоком, прекрасный конь, грива развеивается по ветру, хвост вытянут в струнку, мышцы перекатываются под кожей. Он не видит разницы, в тяжелых доспехах я или без. На гору поднимается с такой же резвостью, как и скачет вниз, а потовые железы у него, похоже, отмутировались.

Так мы ехали трое суток, изредка на берегах рек видели мелкие поселения. Первые два дня нас встречали достаточно доброжелательно, хоть и настороженно поначалу, на третий вообще прятались в лесу, едва видели двух вооруженных всадников. Сигизмунд хмурился, обеспокоенно посматривал на небо, вертел головой по сторонам.

— Спорные земли, — сказал он наконец. Быстро поправился: — Не в том смысле, что спорные, весь мир принадлежит Господу, а следовательно, и нам, его верным воинам, а в том... что сюда часто проникает Зло.

— Ничего, — утешил я. — Добро всегда побеждает Зло. Правда, его же оружием.

Сигизмунд вскинул брови, глаза стали совсем го-

лубые, как у куклы за три пятьдесят из простенького универсама, не понял, а я не стал напоминать, что хоть глупость — божий дар, но злоупотреблять ею не следует, ибо на фиг мне умный спутник? Я сам умный. Два — уже перебор. Мы и так едем, двое сильных молодых самцов, что будь это в моем мире, наше партнерство приняли бы однозначно. Сигизмунду лучше и не намекать, из какой клоаки я выполз, нам бы сейчас в компанию старого колдуна, гнома и прекрасную амазонку. Ах да, еще эльфа обязательно, без эльфов как-то неполно...

Я ехал, погруженный в свои невеселые думы, все старался уложить в сознании картину этого странного мира, слишком много несостыковок, вздрогнул от странного голоса молодого рыцаря:

— Сэр Ричард...

Я поднял голову, по телу пробежала дрожь. Уже не запад, а все небо — в яростном огне, словно вспыхнул верхний слой атмосферы, а сейчас загорится нижний. Клубы плотного красного огня, размером с Африку, полыхают жарко, бросают на землю тревожный багровый от света. Солнца не видно, можно лишь угадать, где сквозь пурпур просвечивает иногда оранжевым, желтым, вот-вот там расплывется небосвод и на землю закапает всесжигающий огненный дождь.

— Прекрасный мир сотворил Господь, — сказал Сигизмунд благоговейно. — Как красиво!

— Господь у нас Творец, — согласился я. — Нелепо, но замечательно! Гениальнейший Творец может творить что-то и просто для красоты. А вот дьявол для торжества красоты пальцем не шевельнет. Ладно, твой конь устал, здесь и остановимся на ночь. Жаль, место неуютное...

Проехали еще чуть, выбирая место для ночлега, вблизи ни рощи, ни ручейка, но везет не всегда, с

трудом отыскали местечко, где из сухой земли торчат мертвые, словно опаленные взрывом, кусты; Сигизмунд принял себирать хвост, я расседлал коней, своего отпустил, прибежит на свист, Сигизмундова пришлось стреножить.

Седла уложили возле костра, закат некоторое время воспламенял громады облаков, затем небо стало лиловым, потемнело, выступили первые звезды. Я лег, положил голову на седло. Звездное небо выгнулось настолько глубокой чашей, что казалось колодцем. Я взглянул со странным желанием обнаружить изменения в расположении звезд, тупое дитя асфальта, как будто помню хоть одну звезду, где она и как! Небо как небо, черный бархат и помигивающие искорки. Зато знаю, что мигание от атмосферы, иначе с чего мигать, не пульсары, да и для пульсаров мои глаза не телескопы Максутова...

— Как хорошо, — вздохнул Сигизмунд. — Когда зришь такое вот... да, такое, то всем сердцем чувствуешь красоту и величие замысла Творца, что сотворил мир не только совершенный, но и прекрасный... Слава Господу за его труд!

Я лежал на спине, он сидел, скрестив ноги, как Будда, лицо вдохновенное, в глазах религиозный экстаз. Хороший парень, везде может находить доказательство величия Творца и его заботы о нас, двух рыцарях в ночи. Наверное, и самого Творца он представляет в виде могучего седого рыцаря в полном облачении из железа, чистом и сверкающем, с длинной седой бородой, сверкающим взором из-под вскинутого забрала, с треугольным щитом, на котором крупными буквами написано: «Я — есмь Господь».

— Слава, — сказал я. Подумав, добавил: — Аминь.

— Аминь, — ответил он автоматически, потом спросил настороженно: — Это почему ж аминь?

— Потому что он устранился от дел, — ответил я, — передоверив весь этот мир нам. Теперь от нас зависит: засрем его весь или частично, а может быть, превратим в цветущий сад? Даже с дьяволами нам придется самим, сэр Сигизмунд!

Он смотрел на меня настороженно, в лице пропустила тревога.

— Сэр Ричард, а это... не кощунство?.. Не клевета на Творца?

— В чем? Что человечеству и даже церкви нужен дьявол? Сиг, не будь на свете дьявола, многие набожные люди никогда не помышляли бы ни о Боге, ни о церкви, ни о следовании заповедям, что на самом деле вовсе не дураком придуманы.

Он сказал нерешительно:

— Сэр Ричард, ваши речи... слишком близки к тому порогу, за которым ташат на костер. Вполне заслуженно.

Я зевнул, сказал лениво:

— Ладно, давайте спать. Ничего нет крамольного в том, что есть люди, в которых живет Творец, есть люди, в которых живет дьявол, а есть люди, в которых одни глисты. Спите, сэр Сигизмунд!

В ночи прозвенел тихий легкий смех, ласковый и чистый. Мы умолкли, прислушивались. Сигизмунд торопливо бросил на пурпурные угли пару сухих веток. Вспыхнули оранжевые огоньки, тьма неохотно отодвинулась, словно выдавливаемая невидимым поршнем, я даже ощутил разрежение воздуха, Сигизмунд охнул и застыл с отвисшей челюстью. В раздвижившемся кругу света стояла молодая девушка. Я бы принял ее с некоторой натяжкой за ангела, а Сигизмунд, судя по его виду, принял и без всякой натяжки. В белых развевающейся одеждах, целомудренно скрывающих ее молодое сочное тело до самых пят, видны

только босые ступни с нежными, никогда раньше не ступавшими по земле голыми подошвами, лицо подетски припухлое, глаза синие, наивно-радостные, румяные щечки с умильными ямочками, взгляд маслянисто покорный и ласковый. Она смотрела с удивлением, как на попавших сюда неизвестно как в ее мир. Складки одежды слегка шевелятся, выдавая соблазнительную полноту юного, но уже созревшего тела. Свет костра наполовину пронизывает легкую ткань, проступают очертания ног, даже форма нижней половины живота, тонкая талия, полные груди...

Она смотрела так, что кивни ей, радостно сядет рядом или на колени, обнимет за шею, а руки нежные, ласковые, прижмется горячей грудью подетски, уже готовая инстинктивно к тем действиям, что запрограммировала природа для мужчин и женщин.

Пока я таращил на нее глаза, Сигизмунд просипел что-то, приходя в себя, каркнул, сказал осевшим голосом:

— Кто ты, прелестное дитя?

Она светло и радостно улыбнулась, голос ее был детский, звенящий, как тихий лесной ручеек:

— Мы переселенцы, едем дальше на север. Говорят, там люди лучше, а мир спокойнее. Наш лагерь там...

Повернувшись вполоборота, так, что ткань четко обозначила ее полную, созревшую для хватания мужскими ладонями грудь, она показала неопределенно в темноту.

— А ты? — спросил Сигизмунд с неподдельной тревогой и нежностью.

— Я вышла... — сказала она и стыдливо улыбнулась, — вышла из лагеря... и отошла подальше...

Сигизмунд сам покраснел, даже не мог себе представить, что такая прелестная девушка может присесть на корточки и, задрав подол на голову, какать,

тужась и краснея, так что морда просто багровая, а глаза как у рака, сказал торопливо:

— Да-да, ты собирала хворост, но где он в такой ровной степи... Иди к нам, погрейся, а потом мы отведем тебя к родителям, чтобы ты не заблудилась...

Она стыдливо улыбнулась, глаза ее бросили по сторонам пугливые взгляды, не видит ли кто, решилась и пошла к нам. Глаза немножко испуганные, но на щеках разгорелся румянец, а масляный блеск в глазах стал заметнее. Она грациозно села рядом с Сигизмундом, при этом движении полные груди колыхнулись из стороны в сторону, натягивая ткань острыми кончиками. Даже когда уже сидела, прижавшись к нему боком, груди еще некоторое время завораживающе двигались, все уменьшая амплитуду, круглые колени высунулись из-под платья, она стыдливо пыталась натянуть укоротившийся подол, не получалось, объяснила с виноватой улыбкой:

— Я вышла только в ночной рубашке... у меня под нею ничего нет, мне стыдно...

Сигизмунд, красный как вареный рак, торопливо заверил:

— Да ничего, это ничего!.. Я ничего такого даже не думаю, даже совсем не думаю!

Но уши полыхали, как огни на нефтяной вышке. Она сказала стыдливо:

— Все-таки я одна с двумя мужчинами среди степи... Да еще ночью. Мне просто страшно...

Она подвигалась, устраиваясь, Сигизмунд пытал весь, девушка прижималась к нему грудью, всем телом, таким сочным и зовущим, даже я на другой стороне костра слышал мощный зов, самый древний и неодолимый, потому именно его и стараются в первую очередь подделать, имитировать.

— Ты не с двумя, — поправил я почти сочувствующе. — Я ведь с тобой не заговаривал первым!

Она вздрогнула, в ее больших синих глазах, сейчас уже томных, с поволокой, прступил испуг.

— Да, — ответила она жалобным голосом, — но я так испугалась в ночи и замерзла...

— Грейся, — сказал я. — И еще... я ведь не приглашал тебя к костру, верно?

Страх в ее глазах рос, румянец на щеках сменился бледностью. Сигизмунд смотрел на меня с растущим раздражением, девушка спросила почти шепотом:

— Кто ты?

Я промолчал, давая ей взглядом понять, что она мне нравится, но провести себя не дам. Сигизмунд обнял ее за плечи, что покорно смялись под его ладонью, теплые, пухлые и нежные, сказал неприятным голосом:

— Это сэр Ричард, паладин...

Она дернулась так, что его рука соскользнула ей на спину, где-то там затормозила на нижней, сильно оттопыренной части.

— Па... паладин?

— Да, — подтвердил я почти с сочувствием. — Паладин... А это значит, что вижу такой, какая на самом деле.

Она охнула, с непостижимой скоростью подхватилась, в глазах был страх. Застыла на мгновение, на лице обреченность, я сделал ей знак, чтобы убиралась. Еще не веря в спасение, она поспешно метнулась в темноту, топот босых ног вроде бы сменился сухим стуком копыт, несущих легкое тело.

Судя по бледному лицу Сигизмунда, он тоже что-то уловил, в глазах отчаяние.

— Сэр Ричард, — прошептал он белыми губами, — а... какая она?

— Не знаю, — ответил я.

— Но вы сказали...

Я ответил с великой неохотой:

— Мало ли что говорим женщине!.. Особенno когда хотим уязвить! Но я не стал бы, даже если бы мог... Расставаясь с ними, мы все же храним в памяти лучшие минуты?.. Пусть останется такой... какой видели. Какой сама хотела казаться.

Последний оранжевый язычок поплясал на рубиновом угле, порыскал, отыскивая еще хоть крошку древесины, вздохнул и втянулся вовнутрь в терпеливом ожидании сладостного мига, когда я брошу еще сухую ветку сверху. А лучше — две. А помечтать можно, что могучие руки человека поднимут всю охапку и швырнут на россыпь багровых углей, внутри которых ждет своего часа жар.

Звездное небо все так же бесстрастно смотрело на темную землю и наш крохотный багровый огонек. Сигизмунд сидел в горестном оцепенении. Я хотел сказать, что печалиться не стоит, все женщины такие, надо видеть их в том облике, в каком сами подают нам себя, ну разве что вот так в путешествии через опасные края надо принимать меры предосторожности, но дома должны делать вид, что не замечаем, и в самом деле стараться не замечать, а видеть их только такими, какими нам стараются казаться. А тот, кто видит женщин в их настоящем облике, теряет многое. Очень многое. Может быть, даже всю красоту и все желание вообще жить.

— Ну и дурак же я, — прошептал он тихо.

Я хмыкнул:

— Довольно просто сказать: «Ну и дурак же я!», но как трудно заставить себя поверить в то, что это действительно так... Ничего страшного, я сам обожаю женщин, у которых ноги недалеко от головы. На-

столько недалеко, чтобы прямо задница с ушами, это уже идеальная женщина... Однако не стоит попадаться в лапы даже идеальной.

Он спросил хмуро, с упреком:

— Вы так о женщинах... нехорошо, сэр Ричард! Нежели у вас нет дамы сердца?

Сердце мое упало, я ответил сдержанно:

— Уже нет.

— Почему? Она вас не любит? Но это еще не причина. Неразделенная любовь возвышеннее.

— Она любит, — ответил я коротко.

Он посмотрел удивленно, переспросил:

— Вы это ощущали?

— Она даже сама сказала, — ответил я невесело.

— Но... сэр Ричард! Что же вам еще надо?

— Если женщина говорит, — ответил я с болью в голосе, — что она вас любит, то это еще совсем не значит, что она любит только вас. Давайте спать, сэр Сигизмунд.

Глава 3

Утром он, бледный и печальный, торопливо развел огонь из остатков хвороста, прогрел мясо и даже хлеб. Молча позавтракали, обоих пробирала дрожь, днем солнце накаляет доспехи, однако ночью даже возле костра зуб на зуб не попадает, от земли тянет могильным холодом. Коня я подзывал свистом, а Сигизмунд долго бегал за своим, ловил, тот ухитрился и со спутанными ногами отдалиться почти на милю.

— Хорошо, — заметил я одобрительно, — трусцой от инфаркта.

— Что, сэр Ричард?

— Говорю, утренние пробежки очень полезны для рыцарского духа.

Он покачал головой.

— Ох, сэр Ричард... никогда не пойму, когда вы говорите серьезно!

Выехали навстречу заре, солнце поднимается из-за дальнего леса маленькое, злобно-красное, сулящее то ли бурю, то ли что-то еще нехорошее. Если солнце красно к вечеру — то хохлу бояться нечего, если красно поутру — то хохлу не по нутру. Ладно, здесь вообще нет такого великого народа, что пирамиды построил и евреев из Египта вывел.

— Я смотрел следы, — проговорил вдруг Сигизмунд. — Ничего... Неужели она была одна?.. Одна ночью?

— Без женщин прожить еще можно, — заметил я, — но без разговоров о них... гм... сомневаюсь.

Сигизмунд покраснел, сказал, оправдываясь:

— Да так дорога короче... На ней сам дьявол ноги сломает, как только ваш конь скакет по таким кочкам...

— Плохие дороги требуют хороших проходимцев, верно?

Он посмотрел с подозрением, подумал, указал широким жестом вокруг:

— Здесь пустые места; я не видел следов жилья. По крайней мере, недавних.

— Ты все еще о ночной гостье?

Он сказал с обидой:

— А что плохого? Может быть, ей в самом деле нужна была помошь?

Я кивнул:

— В чем-то ты прав, ведь кто не рискует, тот не пьет... в смысле, того не хоронят в гробу из красного дерева. А то, что она все-таки ведьма, так от одного греха подальше, к другому поближе, верно? А ты ее почти уболтал. Женщины все любят ушами. Особенно те, у которых от ушей растут ноги.

Он спросил уныло, но с надеждой:

— А вы в самом деле не рассмотрели... кто она?

— Кто много спрашивает, — ответил я, — тому много врут. Но я в самом деле не стал всматриваться. Отогнал — и ладно. Я понимаю, что если враг не сдается, его уничтожают, но как-то не могу всерьез считать врагом красивую женщину... или которая может прикинуться красивой. Ведь они все прикидывают: с помощью макияжа, шейпинга, дантиста, портних, курсов общения! Для нас прикидываются.

— Но, если...

— Жизнь, — сказал я наставительно, — на десятую долю из того, что с нами происходит, а на девять десятых из того, как мы на это реагируем. Реагируй весело!.. Иначе жизнь будешь видеть в виде лестницы в курятнике — короткой и в дерьме.

— Сэр Ричард! Вы говорите ужасные вещи!

— Нет, — ответил я, — я оптимист. Знаю, что в жизни обманывают только три вещи: часы, весы и женщины. А все остальное — жизнь есть жизнь, в какой бы позе ни проводилась. Надо жизнь любить, иначе...

Он не ответил, смотрел ошеломленными глазами. Я проследил за его взглядом. Над вершинами холмов в нашу сторону летел, часто-часто взмахивая крыльями, громадный дракон, похожий на большую лиловую ящерицу. Я поспешил вытащил меч. Сигизмунд со стуком захлопнул забрало, в левой руке щит, готовый принять удар огненного дыхания, в другой меч, красиво изготовленный для удара.

Дракон налетел, ветер от крыльев ударила по нашим телам, как порыв шторма. В последний миг крупное лиловое тело взмыло, пронеслось над головами. Кончик меча Сигизмунда блеснул на расстоянии ладони от белесого брюха крылатой рептилии. Разме-

рами дракон с коня, даже с пони, худого такого пони, в смысле, туловище размерами с пони, а лапы, формой похожие на львиные, толстые, как ноги моего коня, с острыми когтями. Хвост, как у ящерицы, которых я ловил в детстве, только, понятно, покрупнее.

Сигизмунд поворачивался в седле, глаза следили за крылатым чудовищем. Дракон распахнул пасть, донесясь скрежещущий звук, словно на скорости в сто пятьдесят грузовик затормозил перед «зеброй». Сигизмунд побледнел и в бессилии опустил меч, но я визга тормозов наслышался, как и следующего за ним глухого звукающего удара со звоном вылетающих стекол, мой меч в руке, я рассматривал крылатое чудовище с живейшим интересом.

— Сэр Сигизмунд, — сказал я. — Он не так уж и опасен... У него кости должны быть пустотельные, вы их мизинцем перебьете!

— Да, — сказал он слабо, — вы все породы драконов знаете?

— Зачем мне породы? — ответил я бодро. — Я знаю законы гравитации. И эти... аэродинамики, наверное. Правда, жук их не знает, потому и летает, но жук, по-моему, просто нагло пользуется магией.

— А дракон?

Дракон сделал быстрый полукруг и снова понесся в нашу сторону, угрожающе растопырив все четыре лапы с выпущенными когтями, распахнув пасть и снова издав так испугавший сэра Сигизмунда отчаянный скрип тормозов по асфальту. Я привстал на стременах и выставил в сторону дракона лезвие меча. У меня руки длинные, да и меч не римский гладиус, дракон завизжал еще громче и, как я и ожидал, круто ушел вверх и в сторону, блеснув незащищенным брюхом.

— А дракон, — ответил я запоздало, — слишком

уж реальный. Воняет рыбой, вон чешуйка упала, крылья потертые, шрам на боку, заметил?.. То ли кто-то мечом, то ли с другими драконами цапался.

— С другими драконами?

— Ну да. В весенний гон.

Сигизмунд привстал на стременах, замахнулся, дракон пролетел над головами, рыбой пахнуло сильнее, сделал крутой разворот, из пасти огонь узкой струей, а потом широкими лепестками цветка, глаза горят яростью, когти блестят, Сигизмунд наконец вскрикнул нервно:

— Сэр Ричард... не испытать ли вам свой молот?

— Зачем? — ответил я. — Он уже испытан.

— На драконах?

— Я говорю вообще, обобщенно.

— А если дракон...

Я сказал, стараясь, чтобы голос звучал уверенно:

— Он слишком уж страшен. Когда нападают, так не топорщат перья.

— А как? — спросил он обалдело.

Кони наши, встревоженные, но не обезумевшие от страха, идут ровной рысью, дракон все еще кружил над головами, имитировал пикирующий бомбардировщик, но я видел, что когти постепенно втягиваются, огонь из пасти уже не пышет, сам дракон взмывает на высоте двухэтажного дома.

— У него тут, — предположил я, — наверное; гнездо. Вон на том холме, похоже...

— А разве они не в норах?

— Разные виды, — ответил я, хотя Сигизмунд, похоже, прав, драконам больше идет жить в норах.

Дракон сделал над нами последний круг, на большой высоте, лапы поджаты к пузу, прокричал что-то презрительно-угрожающее и полетел обратно. Сигизмунд проводил его долгим взглядом. Из груди вы-

рвался вздох, трясущаяся рука с огромным облегчением сунула меч в ножны.

— Как вы догадались, сэр Ричард?

— Да он напал сперва вяло, — ответил я, — а потом все злее и злее. Именно, когда подъезжали к самому холму. А едва начали удаляться, тут же снизил темп яростных атак, чтоб не разбить себе пятак... Пусть живет, ящерица. За что ее убивать? Это не человек же, которого всегда есть за что прибить, оплевать, унизить, втоптать, размазать...

Он некоторое время еще оглядывался, сказал нервно:

— А вы не очень высокого мнения о человеке, верно?

— Человек... — буркнул я. — Чем выше он задирает нос, тем больше демонстрирует его содержимое. Потому что задирать нос ему хоть и свойственно, но рановато. Всегда на одном и том же месте спотыкается.

Сигизмунд некоторое время ехал молча, потом поинтересовался осторожно:

— На каком месте?.. Сэр Ричард, вы говорите, как наш священник, только Господа не повторяете через слово. И молитвы я от вас никогда не слыхал.

— Молитва от слова «молить», «умолять». Нет, Сиг, Господу наши мольбы не нужны, наоборот... Ему нужны сильные и гордые люди. Он помощников себе растит, а не рабов, халявщиков! Дарвин ошибался, считая, что человек произошел от обезьяны. Этот процесс еще только начинается, хотя прошло фиг знает сколько веков и миллениумов.

Дорога давно исчезла, мы ехали, ориентируясь по солнцу. Я все равно называл это дорогой, ибо в России дорогой называют то место, по которому собираются проехать, так что ехали по прямой, как стрела, дороге, далеко впереди появились небольшие рощи,

проплывали справа и слева, но постепенно становились шире, наконец слились в единый лес.

К счастью, не русский лес, где не всякий заяц прoberется, а почти ухоженный европейский парк: деревья огромные, величественные, красивые, даже картинно красивые, мягкая трава, а когда поехали через сосновый бор, копыта зашелестели по толстому, вкусно шелестящему слою из сухой хвои. Лишь в низинах еще лежат, прикрытые ворохом темных листвьев, последние залежи снега, слипшиеся в серые грязные льдины.

Вершины не сплетались над головами, там яркое синее небо, солнечные лучи красиво освещают коричневые стволы, оставляя другую половину в густой тени. Ярко блестят янтарные капельки сока. Очень медленно лес начал темнеть, я сообразил, что деревья просто встали плотнее, а хвойный лес сменился лиственным.

Из полумрака леса далеко впереди выступило сооружение из камня, ветхое и полуразрушенное. Между массивных глыб, покрытых зеленым мхом, пробивается трава, упорно втискивая корешки, пытаясь раздвинуть каменные плиты. Кони начали фыркать, а мой зло ржанул, ударил землю копытом. Глаза остановились кроваво-красными, не пооранжевели, значит, опасности нет, просто не нравится здесь. Сигизмунд забормотал молитву, начал осенять направо и налево крестными знамениями.

Каменные руины оформились в полуобвалившийся склеп. Дверь то ли целиком превратилась в ржавчину, а ту унесло ветром, то ли рассыпалась от заклятий, но издали мы увидели только темный провал. Когда миновали последние деревья и кони вышли прямиком к склепу, в проходе на каменной плите мы увидели молодую женщину. В длинном белом

платье, возможно, это и есть саван, никогда их не видел, с оборочками и украшениями, с длинными черными волосами, что как змеи падают за спину, а пара крупных прядей на грудь, сидит спокойно, чуть откинувшись, одной рукой упирается в камень, другая свободно лежит на колене...

Сигизмунд забормотал молитву громче. Я чувствовал, что молодого рыцаря трясет, да что там чувствовал, слышу по мелкому позвякиванию доспехов. Лицо женщины, голые от плеч руки, шея и глубоко открытая в широком вырезе грудь — снежно-белая, мраморно белая. Я ощущил с холодком по коже, что если прикоснуться, то все равно, что к пролежавшему в глубинах сырой и холодной земли мрамору. Единственным цветным местом остались ее губы — неестественно красные, пухлые, чувственные, красиво изогнутые.

Она смотрела в нашу сторону бесстрастно, спокойно, не вздрогнула, когда, испуганная нашим приближением, из темного провала выметнулась целая стая летучих мышей. Сигизмунд охнул, сам сперва посерел, как мышь, потом стал таким же белым, как и женщина, забормотал, запинаясь, молитву громче.

Я сказал звучно:

— Привет, красавица!.. Из этого леса есть прямая дорога на юг?.. Или хотя бы кривая?

В ее прищуренных глазах появился слабый интерес. Мы сидим прочно в седлах, слезать не спешим, она же почти на земле, смотрит без страха и без боязни, только пухлые яркие губы дрогнули в легкой улыбке. Мы оба не могли оторвать взглядов от ее губ, чересчур ярких, живых, с приподнятыми кверху уголками, что придавало ее лицу слегка кокетливое выражение.

— Дорога? — повторила она. — Разве героям нужна дорога?

Голос у нее низкий, грудной, мне сразу вообразилось ложе, ее тело на этом ложе, черные волосы разметаны по широкой подушке, почти услышал частое дыхание, ее, конечно, я все еще дышу хоть и учащенно, но пока не так уж чтоб слишком. Она перехватила мой взгляд, улыбнулась шире, посмотрела на Сигизмунда, с удивлением покачала головой.

— Да мы такие герои, — объяснил я легко. — Немножко липовые. Нет, мой спутник почти настоящий, а меня бы чтоб через этот лес еще и в носилках... И мух чтоб отгоняли всю дорогу.

— Мух?

— Да. Это не значит, что я вот такое, на что бросаются мухи, просто люблю уют.

Она сказала тем же глубоким чарующим голосом:

— Да, вы разные... Нет дороги здесь, нет. Уже давно. Последний раз прокладывали, когда здесь ронял иглы сосновый лес, настоящая корабельная роща... Потом, когда снова все заросло, прорубились через березняк странные такие люди: мелкие, краснокожие, с большими ушами... Но с той поры, как здесь одни дубы, вообще никто не захаживал.

По лицу Сигизмунда было видно, что он только сейчас сообразил насчет соснового леса и дубравника: менялся климат, менялась сама земля, сосны растут только на песке, а дубам дай подзол.

Я подобрал поводья, показывая, что сейчас поеду дальше, уже начал даже поворачивать коня, когда задал вроде бы невинный вопрос:

— Ты давно здесь?

Улыбка угасла на ее лице, веки на миг прикрыли взгляд, а когда вскинула снова, в глазах темнела бездна смертельной тоски.

— Не знаю... — прошелестел ее голос. — Все, что помню... это Свет... ты о нем спрашиваешь, стран-

ный?.. Был Свет, жгучий, обжигающий. Я лежала... да, лежала...

— Я понимаю, — прервал я, — понимаю, в чем ты лежала. И что свет? Заставил тебя встать и выкопаться?

— Нет, — ответила она тихо. — Но он пробудил. Я лежала потом долго... Затем стала подниматься, выходить. Далеко отходить не могу, слабею. Но пока вот так живу, смотрю, слышу... Вон там муравейник, уже как стог, ему триста лет, я помню, как начинался с простой норки... Я все эти деревья помню, как вылезали из земли. Помню те деревья, что их породили. Для меня деревья, что раньше была трава: так же расступят, стареют, рассыпаются, а на их месте нарастают новые... Это мой лес, я к нему привыкла.

— Хороший лес, — одобрил я. — Многие мудрецы мечтали о таком. Покой, уединение для высоких мыслей, никакой рекламы... И хоть ты не мудрец, а напротив — блондинка; но все равно у тебя здорово. По крайней мере, экология соблюдена.

Когда мы отъехали на пару сот шагов, Сигизмунд перестал бормотать молитвы, хвататься за амулет, осенять все крестами, оглянулся и спросил шепотом:

— Сэр Ричард, да какая же она блондинка?

— Самая настоящая, — сказал я.

— Но у нее же... черные волосы! Она ведьма!

— Все женщины — ведьмы, — утешил я его. —

А что черные волосы... так блондинка — это не цвет волос.

По темному и густому лесу кони пробирались довольно долго, потом он поредел, стали чаще встречаться поляны. На краю одной из таких полян сидел спиной к нам дракон размером с козу, обгладывал ветки орешника. Услышал наше приближение, оглянулся, я успел увидеть большие испуганные глаза. Он тут же ломанулся в лес, только ветки затрещали.

— Опять динозавр, — сказал я с тоской. — Что же натворила эта чертова комета... Или смещение земной оси?

Сигизмунд спросил быстро:

— Сэр Ричард, это у вас молитва или заклинание?

Я покосился на него с подозрением:

— Что-то я не вижу у вас рвения сразиться. Даже меч на месте.

— Так Божья ж тварь, — сказал Сигизмунд с недоумением.

— Дракон? — переспросил я.

— Он же орешник ел, — объяснил мне Сигизмунд, как придурку. — Чего ж нападать?

— А, травоядный...

— Орешник, — повторил Сигизмунд, и я наконец вспомнил, что орешник для нечисти то же самое, что осиновый кол в грудь вампира. — Раз листья орешника жрет, значит, Божья тварь! С нечистью и рядом не сидела.

— Хорошо, хорошо, — пообещал я. — Обязательно поправку в классификацию внесу. Карлу Линнею такие прыжки в сторону и не снились.

Поляны становились шире, разрослись на широкое поле, по обе стороны лес, что расширяющимися клиньями уходит в стороны. Сигизмунд ликующее вскрикнул, вознес хвалу Господу: впереди прекрасная дорога, широкая и абсолютно ровная, как бильярдный стол! По обе стороны грамотно проложены кюветы для отвода воды, даже камни по краям, чтобы дождевые ручьи не размыли.

Сигизмунд торопливо пустил коня на дорогу, копыта торжествующе и хвастливо зацокали, а я остановился, всмотрелся в край. Дороги так не заканчивают. Ее как будто срезало, но не бритвой, а чьи-то руки взяли и разломили, вон свежий... ну, это зави-

сит от материала, край разлома с неровными выступами. Вся дорога в эту сторону, на север, как будто со всем плато рухнула в пропасть... но ведь не рухнула же, уровень почвы тот же...

Я присмотрелся еще, мороз прокатился волной по коже. Как будто чьи-то гигантские руки аккуратно состыковали два куска континента. На той стороне, где эта чудесная дорога, по краям растут совсем другие травы, цветет незнакомый мне кустарник. Здесь же, откуда мы выехали, сосновый и березовый лес, осина, дубы, клены, знакомый кустарник, вон Сигизмунд различил орешник, а я скажу, что это орешник, если увижу на нем орехи, но на той стороне как будто другой мир... Нет, ничего инопланетного, но как бы удивился князь Невский, когда вот так же выехал бы из родного леса и увидел растущие поля с кукурузой, помидорами, картошкой, которые еще предстоит обнаружить и привезти с неведомого континента из-за океана?

Но спина захолодела еще и потому, что те растения так и растут там, не переходя незримой черты, а эти, привычные, здесь, хотя понятно, что уже на следующий год после этого странного катаклизма ветер занес бы семена на другую сторону, или занесли бы птицы в кишечниках, животные на шерсти в виде репьяхов, перебрались бы подземными корнями, как малина...

Сигизмунд погарцевал от края к краю, останавливаясь перед кюветами, прокричал:

— Великолепная дорога, не правда ли?

— Правда, — ответил я. Сердце сжало тоской. — Еще как правда...

Дорога в самом деле великолепная, словно бы главный инженер МКАДа с отрядом высококлассных строителей и первоклассной техникой выполнял за-

каз римского сената. Покрытие из тщательно уложенных, подогнанных одна к другой и сцепленных краями керамических плит, имитация под грубый гранит. Края не просто подогнаны, а сомкнулись, слились, как сливаются два куска льда или куски пластилина. Покрытие идеально ровное, а под ним явно неразрушимый слой подложки, ибо за столетия вода уже подмыла бы, невзирая на кюветы, есть же и подземные родники, даже целые реки, что иногда выпускают вверх мощные ручьи.

Долгое время мы ехали по этой странно прекрасной дороге, абсолютно без выбоин или промоин, через каждую милю верстовой столб, обычно из массивной гранитной глыбы, на лицевой стороне герб и незнакомые вензеля, даже Сигизмунд ничего прощать не мог.

Подковы все так же звонко стучали по каменным плитам. Сигизмунд все оглядывался по сторонам, начал хмуриться, по такой широкой и ухоженной дороге должны купеческие караваны ходить взад-вперед, здесь вообще должно быть тесно, однако за весь день никого не встретили, лишь дважды видели вдали полуразрушенные строения.

Я съехал на обочину, моему Вихрю все равно где идти, снял амулет и, зажав в ладони, лег животом на конскую шею. Сигизмунд посматривал с недоумением, не видел, что у меня в руке, а я свесил руку как можно ниже. Ехал некоторое время, ничего не случилось, велел Вихрю перепрыгнуть кювет. Не миновали и сотни шагов в стороне от дороги, как быстро-быстро вздулась земля, словно на поверхность выбрался скоростной крот, в воздухе блеснуло. Я не успел подхватить, монета упала наземь. Ворча, я слез, подобрал, снова в седло, но когда еще через пару шагов еще одна точно так же выпрыгнула, кувыркаясь, как при

игре в орлянку, я снова поймать не сумел, слишком низко, то, ворча, повесил амулет на шею и задумался, стоит ли слезать.

Сигизмунд понял правильно, вмиг оказался рядом. Соскочил, подхватил и подал в одно движение.

— Сэр Ричард, это же целое состояние!..

В голосе молодого рыцаря был упрек, я его понимал, но когда достается вот так легко, а золота нам нужно только на прокорм да разве что на перековку подков, то в самом деле бывает лень нагнуться.

— С какой силой человек притягивает золото, — сказал я мудро, — с такой же отталкивает людей.

Сигизмунд возразил:

— А мой отец говорил, что деньги как дети, какими бы ни были большими, всегда кажутся маленькими.

— Золото — это праздник, что всегда с другими, а наш праздник в другом... Если вон там устроить привал с ночлегом, как думаешь?

— Да, — согласился Сигизмунд, — это будет праздник!

Остановились в сторонке от дороги, выбрав густую рощу. На этом настоял уже Сигизмунд, высказав резонное предположение, что по такой дороге по ночам могутноситься орды демонов, это явно их дорога, руки христианские такое построить не в силах.

Кони мирно паслись в кустах, далеко не уходили. Костер Сигизмунд благоразумно расположил за толстым деревом, да еще в широкой выемке между корнями. Со стороны дороги тишина, Сигизмунд напрасно прислушивался весь вечер, даже время от времени переставал жевать, вперял глаза в тьму, но, увы, тишина, разве что над головами что-то скреблось, ухало, взыхало жалостливо и даже жалобно. Пару раз в костер с веток посыпались чешуйки коры. Однажды, правда, блеснула и кремниевая чешуйка, что меня

насторожило, но не настолько, чтобы всю ночь сидеть с мечом в руке, не смыкая глаз.

Сигизмунд, перенервничав, заснул первым, внезапно. Сидел, помешивал прутиком в углях, пальцы разжались, прутик выпал, а он сам откинулся спиной к дереву и застыл, мирно посапывая.

Далеко из глубин темного леса донесся едва слышный звук струн, так мне показалось. Я подтянул ножны с мечом ближе, наполовину обнажил, кто это в потемках играет такое, что Сигизмунд отрубился, как бревно. На меня музыка так не действует, я наслушался всякой, у меня долби с объемным звуком, а здесь что-то тренькает, как чукча на кобызе...

Звуки становились яснее, ближе. Я чувствовал, как сведенное в тугой ком тело распускает отряд мыши, еще не командой «вольно», но уже близкой к ней, угрозы в этом треньканье нет, я довольно чувствительный зверь, еще бы не стать чувствительным, каждый день десятки раз перебегая улицу, где нет разметки, но даже и на зеленый свет бежишь и смотришь по сторонам, ведь какой-то на колесах может не успеть затормозить, другой сорвется с места на желтый, все нужно рассчитать, а когда этим занимаешься с детства, то расчеты опускаются в подкорку, все выполняется на инстинкте, и уже заранее знаешь, откуда веет опасностью, а откуда ожидать пока не стоит... Это не значит, что чувство безопасности не подводит, всегда есть и неучтенные факторы, новые инстинкты человека асфальта только складываются, но, во всяком случае, мои рефлексы намного лучше, чем у этих бесп hitrostных детей нового Средневековья.

Слушал, слушал, наконец убрал пальцы с рукояти меча. В темноте появилось свечение, будто там возник полупрозрачный призрак, свет приближался, ширился, наконец я рассмотрел за деревьями освещен-

ную настоящим лунным светом полянку, свет ярок настолько, что глаз воспринимал цвета. На зеленом пригорке со старинной лирой в руках молодая девушка в белом платье до пят, длинные белокурые волосы украшены дивными цветами нежных оттенков, за спиной большие белые крылья изысканной строгой формы, я рассмотрел крупные длинные перья.

Снова тронула струны, в моей груди разлилась нежность и тоска, настолько ласков и робок звук, деликатен, над нею тут же закружились не то большие полупрозрачные бабочки, не то птички, сотканные из лунного света, потом мне почудилось, что это крохотные человечки с крыльями. Дальше, шагах в пяти, небольшое озеро, выплыли два белых лебедя и остановились у берега, слушают, время от времени трогая друг друга красными носами.

Откуда озеро, я не понимал, днем же не было, а красивая мелодия лилась сквозь ночь, струилась тихо и нежно. Девушка перебирала струны тонкими, удивительно красивыми «музыкальными» пальцами. Покосилась в мою сторону, я уже стою возле дерева и пялюсь на нее, но не испугалась, даже не удивилась, что я не отрубился, как другой, улыбка тронула ее полные нежные губы.

Я стоял и смотрел на эту лиру, что есть пррабабушка арфы, а сама арфа — это рояль без штанов и вообще без одежды, все знакомо, но сердце щемило, даже не думал, что и вот такая простенькая музыка, без всяких синтезаторов и компьютерной обработки может тронуть, исторгнуть если не слезы, я не такой, но все же задеть, заставить ощутить то, чего я не ощущал и не собирался.

Оглянулся, между деревьями видно поляну, Сигизмунд спит, прислонившись к дереву. Белокурые

волосы в свете костра поблескивают алым, так и кажется, что по ним струится кровь.

Вздохнув, я вернулся в багровый круг света. Костер уже догорает, я ногой придвинул охапку толстых сучьев, лег на расстеленный плащ.

Глава 4

Рядом весело потрескивало, лицо лизали теплые волны, но в спину противно дуло. Запах жареного мяса щекотал ноздри, по трубам заползал вовнутрь и там врубал какие-то рецепторы или рычаги, включающие спазмы в желудке.

Я сглотнул слюну и кое-как поднял тяжелые веки. Сигизмунд, бодрый и выспавшийся, разогревал на углях мясо. По земле двигаются ажурные тени, ствол дерева уже коричневый, что значит, солнце поднимается над лесом.

Заметив мое шевеление, молодой рыцарь сказал противным голосом ранней птички:

— Кто рано встает, тому Бог дает!

— Кто рано встает, — буркнул я, — тому ночью не... гм... нечем было заняться.

Он насторожился, глаза бросили быстрый взгляд по обширной поляне, не видно ли трупов гоблинов, сраженных великанов, драконов, разбитых щитов и сломанных мечей.

— Скажите, сэр Ричард, только честно...

Я прервал:

— Знаю, что когда обращаются с просьбой «Скажи мне, только честно...», с ужасом понимаешь, что сейчас, скорее всего, придется много врать. Сиг, на фиг тебе это?

Он помялся, кивнул, сказал со вздохом:

— Просто вы сами, сэр Ричард, как-то сказали, что я для вас не только вассал, но и друг...

— Понимаю, друг — это человек, который знает о тебе все, но при этом все еще не считает тебя сволочью! Но кое-что лучше оставить за кадром... У тебя мясо не подгорело?

Мы ели сыр и мясо, неловкость быстро испарялась, далеко за деревьями просвечивает удивительная дорога, с неба падают прямые солнечные лучи, очень яркие, словно бьют лазерные прожекторы.

— В жизни всегда есть место подвигу, — сказал я с набитым ртом. — Надо только быть подальше от этого...

Сигизмунд слушал меня внимательно, в глазах ни капли сомнения, что я изреку мудрость, и я, крякнув, поправился:

— ...надо быть поближе к этому месту.

Черный Вихрь подбежал на свист и замер, не конь, а статуя. Я нарочно взапрыгнул с разбега, но коняга даже не шелохнулся, словно копытами впаян в каменную плиту, как жертвы Аль Капоне в тазик с цементом. Сигизмунд легко и красиво взобрался в седло, утреннее солнце бодро блестит на доспехах, на вскинутом к небу рыцарском копье.

— В дорогу, сэр Ричард?

— Да, — ответил я. — И слава тебя найдет!

Копыта снова застучали весело и звонко на странном покрытии. Сигизмунд подивился искусству, с которым строители отполировали гранит, а я подумал о странной прихоти этих чудаков, что замаскировали керамические плиты под серый невзрачный гранит. Могли бы и разрисовать дивными цветами, узорами... Или вынуждены были таиться?

В полумиле медленно проплыл на высоком холме массивный и величественный замок. Над ним кру-

жила стая угольно-черных на фоне голубого неба ворон. В полной тишине слышалось их злобно-торжествующее карканье. Ясно, замок пуст, давно пуст, такого засилья ворон никто бы не потерпел. У каждого феодала есть ловчие соколы, а для соколов нет любимей дела, чем бить обнаглевших ворон, заставлять летать у самой земли.

Под солнцем блеснули искры, я привычно подумал, что солнечные зайчики пляшут на чьих-то доспехах, обычно выдают приближающегося врага, но затем взгляд вычленил вдали крыши домов, обнесенные высокой стеной. До городка несколько миль, я посмотрел на солнце, еще высоко, можно проехать мимо, ибо чем дальше к югу, тем более вызывающее смотрится яркое одеяние рыцаря-крестоносца, что на Сигизмунде.

Я заметил, что он неотрывно смотрит в сторону. В двух сотнях метров от дороги невысокий холм, на вершине каменный столб, ничего особенного, грубый, вытесанный без всякого изящества. Даже без привычных узоров, которые я оптом называю рунами. Но под столбом...

...под столбом прямо на земле сидит девушка. Сигизмунд, яростно вскрикнув, повернул коня, тот очень неохотно сошел с дороги, дальше потрусиł гадкой вихляющей рысью. Мой Вихрь, повинувшись движению колена, пошел следом, ему, как вездеходу, все равно, по какой дороге стучать копытами.

Девушка, молодая и сочная, испуганно вскинула голову, потом в ее глазах появилась смутная надежда. Пышная грива пепельных волос, здоровых и волнистых, падает ей на спину. Из одежды на ней только затейливого вида кожаные штанишки, очень короткие, больше похожие на купальник. Рядом с нею крупная цепь, я не сразу врубился, что одним концом цепь

прикреплена к массивному каменному столбу, другим — к металлическому ошейнику. Девушка как раз попыталась просунуть пальцы под широкое кольцо, подтащила к подбородку. Крупная грудь тоже приподнялась при этом движении, я определил, что беда постигла эту деревню немалая, не только в России простой народ хитровато старается отделаться подешевле: языческим богам — красной ленточкой на веточке, христианскому — копеечной свечкой, президенту — аплодисментами, что вообще ничего не стоят, но раз уж отдали молодую женщину, да еще такую лакомую, от сердца, так сказать, оторвали, то...

— Дикари! — вскрикнул Сигизмунд. — Сатанисты!

— Вряд ли, — возразил я. — Скорее всего, язычники.

— Да какая разница...

Он соскочил с коня и начал бегать вокруг каменного столба, стучать, колотить, вскрикивать, обращаясь то к Господу, то совсем другим тоном... уже не к Господу. Девушка следила за ним полными надежды глазами. У нее оказалось широкое, очень милое лицо, грубоносое и в то же время красивое той простонародной красотой, как бывают красивы молодые безупречные коровы, овцы, козы.

Я сказал, не слезая с коня:

— Ты не прав.

Он обернулся.

— В чем?

— Услышали бы тебя наши неоязычники... ладно, отыди.

Он не понял, но когда я снял с петли молот, поспешно отрыгнул, заслонил собой девушку. Молот вылетел из моей ладони с силой, фырканьем, хотя я бросил легонько, видно, застоялся, вернее, зависелся без дела. Сигизмунд наклонился над девушкой, почти навалился, закрывая ее грудью и не только грудью,

раздался грохот, треск, столб рассыпался на крупные глыбы.

Сигизмунд снял с гранитного пенька широкое кольцо, похожее на обруч для бочки, только потолще, оглянулся в беспомощности. Я выразительным жестом указал на девушку, потом на седло его коня. Взгляд молодого рыцаря заметался, я сделал вид, что не вижу попыток выкрутиться, и Сигизмунд спросил с некоторой надеждой:

— А что, не подождем чудовище?

— Какое?

— Ну, которому эту прекрасную леди в жертву...

Я пожал плечами.

— Зачем? Может быть, чудовище уже разучилось само добывать пищу. Так бывает, когда выращенных в зоопарке выпускают на волю... Кто знает, вдруг это редкий вымирающий? Впрочем, не так это важно, как то, что для простонародья необходимо... гм... чудовище, налоговая полиция или призыв в армию. Чтоб жизнь медом не казалась, а то совсем обленятся! Обязательно нужен внешний враг, это сплачивает, дает чувство плеча. Так что пусть с этим пришлым лицом кавказской национальности разбираются сами. А то нам еще и достанется, что лишили их... цирка. Кого пиара, кого смысла жизни.

Сигизмунд краснел, бледнел, брови то поднимались в изумлении, то вздрогивали, и смотрел на меня так, будто я произносил заклинания на украинском языке, что, по новейшим данным украинских ученых, — прямой потомок арийско-халдейского, то в беспомощности оглядывался на девушку. Она уже поднялась на ноги, ниже его на голову, но крепенькая, с широкими плечами и могучей грудью, что смотрит прямо, бесстыдно и красиво, небольшие валики на поясе, но талия хороша, к тому же широкие бедра

только подчеркивают ее узость. И крепкие спортивные ноги с хорошими мышцами совсем не выглядят коротенными.

Когда он поднял ее к себе на седло и усадил впереди себя, я поинтересовался:

— Ну что, жениться будешь?

Девушка посмотрела на него с надеждой, прильнула всем телом, стараясь сделать его как можно более нежным и обволакивающим. Сигизмунд покраснел отчаянно, сказал умоляющим голосом:

— Сэр Ричард, как можно!..

— А почему нет? Все рыцари так делают.

Он отчаянно помотал головой.

— То не рыцари. Или не совсем рыцари. То просто мужики в железе. Нельзя так... нельзя извлекать корысть из благородных деяний!

— Нельзя? — спросил я в сомнении.

— Нельзя! — отрезал он сердито. Добавил: — Тем более и деяние не так уж и благородное, просто обычное! Как будто можно было проехать мимо!

Я смолчал, насмешничать над такими чувствами язык не поворачивается. Сигизмунд в самом деле тянет на паладина, но никак не я. Я слишком заражен тотальным безверием и оплевыванием всех и вся. Скажем, непорочная и праведная жизнь, бывшая нормой в Средние века, ставшая редкостью во времена молодости моих родителей, в мое время уже подвергается нещадному осмеянию. Если бы выяснилось, что какая-то из моего класса или школы вышла замуж девственницей, ей до конца жизни не отмыться от насмешек, глумливого хохота и указывания пальцами. Так что я свинья, свинья, свинья, а Сигизмунд — сама чистота. И не фиг мне оправдываться, что я вот такой богатый и разносторонний: могу и свиньей быть, и благородным, все это дешевая отмазка. Как пре-

подлейшие фильмы про благородных киллеров, проституток с моралью или домашников, что на ворованное жертвуют сиротке конфетку, как и оправдания сетевых пиратов, что они вовсе не воруют чужое, а живут по принципу «отнять и поделить».

Он ехал впереди, девушка прижималась к нему так, что ее тело расплывалось на нем, как медуза. Ее пальчик время от времени указывал дорогу, мы съехали с шоссе, а городишко, который я предпочел бы объехать, все приближался. Земля поросла привычным бурьяном, все запущено, хотя я бы сказал, что здесь редкостный чернозем, о котором говорят, что вечером воткни оглоблю — к утру вырастет телега.

Показалась красивая каменная арка моста, дивной красоты башенки, узоры и барельефы, конь Сигизмунда уже вступил на каменный пол, я поехал на расстоянии. Странные ощущения переполняли грудь, когда поднимался по дуге через этот стариннейший мост, под которым давным-давно уже нет реки. Мимо потянулись каменистые холмы, чахлая трава и голые кустарники. Мир одновременно и стар, предельно стар, и в то же время юн, как если бы мы ехали по меловому периоду или каннозойской эре, вокруг диплодоки, стегоцефалы и буцефалы с бицефалами, но в то же время видны руины космодромов, откуда в древности стартовали наши предки.

Понятно, что никаких буцефалов или ацефалов не увидим, как и руин древних космодромов, но ощущение древности этих мест оставалось, заползало под шкуру, пробиралось в кости.

Сигизмунд обернулся, крикнул:

— Это город называется Ленгойтом!..

— Да хоть Нью-Липцами, — ответил я. — Ты уже придумал, как провезешь через ворота эту голосистую?

Он остановился, в глазах тревога.

— Голо.. простите, как? Ах да...

— Пrikрой, — посоветовал я, — хотя бы плащом. Да и сам не будешь так в глаза бросаться своим кре-стоносительством.

Город огражден деревянным частоколом, коза пе-рескочит, тем более те козы, которых мы только что встретили, поджарые, как бегуны-марафонцы, без кап-ли жира, зато рога как отточенные острия рыцарских копий. Ворота тоже деревянные, на ночь, похоже, за-пираются, но сейчас распахнуты настежь. Воздух рас-парывает резкое блеяние овец, целое стадо теснится, мохнатые тушки стараются пропихнуться раньше дру-гих, будто в городе не бойня, а молодая трава на халяву.

По обе стороны ворот по трое крепких стражей, немолодые, уверенные, отборные, почти омоновцы. Их цепкие взгляды обшаривали даже овец, ни одна не пронесет в город контрабанду или неучтеннюю валю-ту, вслед за овцами медленно двигались две подводы, а следом — трое купцов с навьюченными лошадьми.

Нас заметили и прощупали взглядами еще до то-го, как приблизились к воротам. Мне, однако, пока-залось, что моего коня рассматривают даже внимательнее, чем меня, а на меня посматривают так... с каким-то снисхождением, как на калеку. Мы дви-гались медленно, блеющие овцы наконец втянулись в слишком узкий для них проем, ближайший к нам страж, крупный и вообще поперек себя шире дядя в толстой коже доспеха, сказал властно:

— Остановитесь, гости дорогие! С какой целью, откуда?.. Зачем?

Второй добавил почти весело:

— С какой целью? Правда ли, что шпионы?

Я кивнул, сказал в том же тоне:

— И собираемся совершить вдвоем переворот в городе. Кстати, эта не ваша? Сэр Сигизмунд, покажи.

Сигизмунд откинул край плаща, страж посмотрел, звучно причмокнул:

— Нет, но можете оставить нам.

— Как пошлину? — спросил я.

Сигизмунд воззрился на меня в великом негодовании.

Страж сказал весело:

— Нет, пошлину отдельно.

Я покачал головой.

— Разве по нас не видно, что такие вот олухи, спасающие девиц от дракона... или не дракона, не ездят с мешками, полными золота? Впрочем, пара серебряных монет у меня где-то завалялась. Но самим придется идти по городу с протянутой рукой. Авось кто-то накормит.

Я вытащил две серебряные монеты, страж поймал обе на лету. Старший тут же смахнул с его ладони, словно взлетевших мух, рассмотрел, попробовал на зуб. Я сделал скорбное лицо. Старшой махнул:

— Поезжайте!.. По этой же улице, в самом конце, хороший постоянный двор. Если у вас завалялась еще одна такая же, хорошо накормят и спать уложат.

— Спасибо, — сказал я и добавил вежливо: — Добрые люди.

Они захохотали, словно я отмочил крутецкую шутку юмора, прям приколился, а мы с Сигизмундом выехали в город. Народ останавливался поглазеть на нас, рыцари везде — штучный товар, я сказал настойчиво:

— Сэр Сигизмунд, если не дадите свободу милой девушке, я вас начну подозревать.

— Сэр Ричард!

— Да-да, — сказал я твердо. — Почему не отпускаете?

— Да она же... не одета!

— Тем более, — сказал я неумолимо. — Эй, чадо! У тебя в городе есть какая-то родня? Ты сама откуда?

Из-под плаща показалось разрумянившееся лицо, глаза блестят, до чего же эти женщины, как и кошки, быстро осваиваются в любой обстановке, про себя в качестве жертвы уже забыла, как забыла бы любая коза, уже устроилась жить под рыцарским плащом.

— Я из Горелых Пней, — пискнула она звонким, почти детским голоском. — Это такое село.

— Где оно?

— Мы его проехали, — сообщила она невинным голосом.

Сигизмунд открыл и закрыл рот, я сказал строго:

— Чадо, ты умеешь устраиваться, вижу. Ты бы и у дракона сумела прижиться. Это очень важное качество женщины, признаю. Даже самое важное. А теперь ответствую, как Томлинсон перед святым Петром: здесь в городе родня есть? Хоть какая-то?

Она заколебалась, но я смотрел строго, она сказала тихо:

— Есть, двоюродная тетя... Такая противная.

Я кивнул Сигизмунду:

— Отпусти ребенка. Плащом придется пожертвовать, но ты, надеюсь, не очень жадный?

— Сэр Ричард, — воскликнул он возмущенно. — Как вы можете?

— Не дашь? — спросил я. — Да, плащально красивый...

По лицу Сигизмунда видно, что плаща и в самом деле жаль, роскошный плащ, великолепный, чьи-то девичьи ручки вышивали, кто-то мечтал, что будет укрываться и вспоминать ее ясные очи, румяные щечки и милые ямочки.

Девушка осталась посреди улицы, на шее кольцо с цепью, так и пошла, бедная, может, к кузнецу надо

бы, но ладно, хватит и того, что плащом обогатилась. Я подмигнул ободряюще, схватил коня Сигизмунда за повод и пустил своего галопом. Дома замелькали по обе стороны, кто-то испуганно вскрикнул, а через несколько минут кони оказались перед распахнутыми воротами постоянного двора.

Сигизмунд пропустил меня первым, я передал по-водья слугам, что заверили насчет отборного овса и ключевой воды, я смолчал, что мой конь и камни жрет, а то в самом деле нанесут камней, всем на такое чудо посмотреть захочется, отряхнул на крыльце пыль и толкнул дверь.

Запахи не сшибли с ног, как бывало раньше, здесь даже не запахи, а скорее ароматы, пахло жареным мясом, но хорошо прожаренным, по запаху чувствовалась его нежность, мягкость, в воздухе плыло слабое ощущение изысканных специй. А если и не изысканных, я их все равно не отличу от неизысканных, то хотя бы не грубых.

Я сел за свободный стол, быстро оглядел помещение. Чистое, просторное, большие окна, столы тоже чистые, ни одной собаки под столами. Правда, я ничего против собак не имею, уже сам привык бросать им под стол кости. Даже посетители тоже сравнительно чистые, хотя народ с виду достаточно простой.

Подошел человек в белом фартуке, похожий разом на официанта и на хозяина.

— Обедать?.. Или только пить?

— И пиво тоже, — ответил я. — В смысле, кроме всего, что полагается двум усталым рыцарям с дальней дороги... Сэр Сигизмунд, идите сюда!.. Нам понадобится еще и просторная комната. Кровати, пожалуйста, раздельные.

Он посмотрел на Сигизмунда, тот опустился с другой стороны стола, взгляд оценивающее скользнул

по шлему с красным крестом на коленях молодого рыцаря.

— Комнату?.. Да еще просторную?

Я бросил на стол две серебряные монеты.

— Если не поторопишься с едой, начнем грызть стол.

Он взял монеты спокойно, с достоинством, все-таки хозяин, не слуга, осмотрел, на губах появилась скучающая улыбка.

— Все будет. У нас хорошо готовят.

— Верю, — ответил я. — Пахнет здорово.

Он ушел, я посматривал на людей, Сигизмунд сидел угрюмый, бросал по сторонам недоверчивые взгляды.

— Нехорошее место, — сообщил он хмуро.

— В чем?

— Нехорошее, — повторил он убежденно. — Ни- где не вижу святого распятия! Как можно?

— Возможно, — предположил я, — чтобы не портить аппетит? Все-таки вид распятого на кресте человека, истекающего кровью, как зарезанный баран, напоминает кухню, а за столом о кухне не то что говорить, даже вспоминать неприлично. Не спеши, в комнате увидишь даже свечи и просвирки.

— Пока не увижу Библию, — сказал он так же угрюмо, — я не поверю, что здесь живут достойные люди.

— Сэр Сигизмунд, — ответил я, — нам придется не только идти бок о бок с не самыми достойными людьми на свете, но и делить хлеб. Не гордыня ли в тебе глаголит?

Он испуганно перекрестился, губы задвигались, шепча молитву. Когда принесли две глубокие миски с горячим супом, он все еще молился. Просил избавить от искушения, от соблазнов, укрепить дух и волю. Я торопливо хлебал, с каждым глотком вливалась сила, усталое тело ожидало. Потом хорошо приготов-

ленный кусок мяса, есть приправы, да не вонючий чеснок, а благородный перец... Хотя, возможно, чеснок убрали потому, что отпугивает всякую нечисть, а это бесхозяйственно, у нечисти зата больше, чем у невинных душ, которым уготовано место в раю. Правда, я чуточку ближе к чисти, чем к нечисти, но тоже мне очень не хотелось бы, чтобы на меня дышала чесноком вот та красотка, что веселится в компании мужчин в дорожных плащах. Или слышать запах чеснока вон от той женщины, пусть уж лучше будет нечистью...

Она сидела за небольшим столом у окна, свет падал на ее чистое милое лицо. Взгляд больших темных глаз устремлен на нечто там, на улице, явно такое же спокойное, мирное, теплое и ласковое, как она сама. Я подумал, что ее трудно вообразить в соседстве с чем-то не теплым и не ласковым. Водопад черных волос ложится на плечи и спину, волосы блестящие, ровные, вся женщина налита спокойным здоровьем. Такая чеховская душечка, пышненькая даже, в полупрозрачной сорочке лилового цвета, с крупной налитой грудью, что вызвала ассоциации с тонкой пленкой, заполненной горячим густым молоком, розовые девичьи ареолы сосков, вовсе не осиная талия, да на фиг она нужна, так здорово хвататься за сочный живот и кусать за нежненькие валики на боках.

Руки чуть скрещены, свисают свободно, давая возможность полюбоваться их нежностью, чистой кожей, которой не коснулось солнце, я сразу представил эти руки на своей шее, а потом не только на шее, но не застеснялся, посмотрел на нее глазами пользующегося собственника, и она, перехватив мой взгляд, ответила спокойным понимающим мои нужды взглядом и легкой материнской улыбкой.

Сигизмунд тоже посмотрел в ее сторону, вздрогнул, прошептал:

— Ведьма...

— Точно? — спросил я с интересом.

— Вы что, — спросил он возбужденно, — прямо здесь ее рубить будете?

— Нет, — ответил я, — что ты, Сиг... Зачем народ отвлекать от хорошего обеда? Да и клиентуру распугаем хозяину, а у него дело поставлено хорошо, вон как жрешь, словно язычник. Попробую увести куда-нибудь.

Он спросил испуганно:

— Я в самом деле... жру?

— Как язычник? Мне показалось, что ты получаешь удовольствие от еды, а это грехно. Благочестивый человек должен получать радости только светлые, чистые, незамутненные, а какие высшие радости от жратвы, что переварится и поступит в кишечник?

Он с отвращением отодвинул недоеденное мясо, насупился, лоб напрягся, пытаясь наморщиться.

— Пойду посмотрю на коней, — сказал он и поднялся. — Что-то здесь уж очень хорошо все.

Я доел мясо, посматривал на женщину, пытаясь понять, в самом ли деле увести ее куда-нибудь, кто она, возможно, у нее у самой есть место поблизости или даже на этом постоялом дворе, попробовал вино, терпкое, хмельное.

Громко хлопнула дверь, это Сигизмунд вышел, выразив ударом двери по косяку неодобрение высокой культурой обслуживания. Я проследил за ним взглядом, а когда повернул голову обратно, на его месте за столом сидел человек. Я узнал его сразу, а он смотрел на меня через стол с вежливым любопытством, чуть наклонив набок голову. Смуглое лицо, черные волосы, непривычно коротко подрезанные, а ко-

гда улыбнулся, два ряда белых и безукоризненных зубов сверкнули, как жемчужины. В этом мире, где белые здоровые зубы редкость, он выглядел преуспевающим бизнесменом, что заботится об улыбке, как доказательстве своего прибыльного бизнеса. Красивые зубы и ровный загар молча говорят, что с этим господином можно иметь дело...

И фигура свежая, подтянутая, без животика, такое же свежее, чисто выбритое лицо без всяких дурацких усов или бороды, скромная и со вкусом подобранная теплая рубашка, вообще одет скромно, но с достоинством, я бы такого не слишком выделил взглядом из толпы на Тверской, в то время как я в этом железе как сбежавшая с карнавала обезьяна.

Глаза только странные, меня взяла оторопь, когда я увидел эти расширенные зрачки... нет, не расширенные, напротив — как булавочные острия, однако в них сгустки мрака, тьмы, чернота, даже не космическая, там все упорядочено, а как бы докосмичность, досозданность, холодок ужаса забрался в мои внутренности.

За соседними столами все так же пили и ели, смачно шлепали по толстому заду единственную служанку, но поднос с пивом в ее руках не вздрогивал, могучий зад похож на тот айсберг, что перетопит все «Титаники», а женщина у окна светло и чисто смотрит во двор.

Он сказал с излишней почтительностью, за которой нетрудно было рассмотреть насмешку, да он ее и не скрывал, тонкий расчет, когда не скрывают, это уже не насмешка, а дружеское подтрунивание:

— Сэр Ричард, поздравляю вас!.. да и себя, кстати.

Я поинтересовался с подозрением:

— Меня — еще могу догадываться, а себя за какие заслуги? Или со мной не связано?

Он воскликнул с энтузиазмом:

— Как же?.. Думаете, просто было задумать такую

многоходовую комбинацию, чтобы вам вручили пояс паладина?.. А потом провести так, чтобы комар носа не подточил?.. В этом мире столько случайностей!

Холод охватил меня с головы до ног. Я все еще отказывался верить, но он смотрел уверенно, в глазах победное выражение.

— Хорошо, — сказал я с усилием, — чем же паладин... то есть рыцарь Церкви, так угоден врагу Церкви? Паладины всегда на стороне Добра.

Он покачал головой.

— А вы не знаете? Как все запущено... При чем тут паладины и Церковь? При чем тут вообще Добро и Зло? Дорогой сэр Ричард, паладины вообще не знают Добра и Зла, как им приписывают неграмотные люди, ибо они выше этого...

Я расхохотался.

— Ну, знаете!.. Это уже ни в какие ворота не лезет. Как это может быть выше? Паладины всегда на стороне Добра...

Его глаза насмешливо мерцали. Я запнулся, он сказал голосом школьного учителя:

— Добро и Зло — понятия простолюдинов, а вы уже поднялись из простолюдинов, чему и я поспособствовал, признаюсь, признаюсь!.. Простолюдины — вне зависимости от богатства, знатности и родовитости, оценивают как Добро лишь то, что для них хорошо: дождик в засуху, корова родила двух телят, сосед на день рождения подарил золотой кубок, молния ударила в дом соседа, чья крыша заслоняла солнце вашему огороду... Верно? Верно-верно, по глазам вижу. А Зло — это все, что вредит, верно? Ну там наводнение смыло корову, молния ударила не в соседский дом, а в ваш... Простолюдин будет храбро и честно сражаться с врагом, который нападет на его страну, он понимает, что враг может дойти и до его дома,

надо остановить его как можно дальше от своего огорода, но простолюдин никогда по своей воле не пойдет сражаться в чужую страну, чтобы...

...чтобы землю в Гренаде крестьянам отдать, мелькнуло в моей голове. Он прав, нам уже непонятны и смешны Боливар, Че Геварра, Хаттаб, все объясняем в привычных нашей простолюдинности терминах выгоды, интересами олигархов.

— И все равно непонятно, — ответил я чужим голосом, — почему вы решили, что, будучи паладином, обязательно окажусь в вашем лагере?

Он всплеснул руками.

— Как же? Паладины сражаются не за Добро и Зло, верно? Мы уже видим, что это для одних добро, для других зло, как с молнией в дом соседа...

Да ладно, молния, подумал я зло. Среди немецких псов-рыцарей, как мы их называли, были и паладины, но для нас они все — гады, потому что шли не с нами, а против нас. Уж мы точно называли добром разное...

— И что же?

— Паладины, — договорил он, — сражаются храбро и мужественно на стороне Правды!.. На стороне правого дела. Если их родина или их страна оказывается неправой, они с болью в сердце... или без боли, по их мужественным мордам не разберешь, сражаются против. Для них Правда, Истина — дороже таких простеньких понятий простолюдинов, как родина, отчизна, свои, чужие...

Я подумал, потом еще подумал, ответил осторожно:

— Хорошо, я подумаю еще над вашими... далекоидущими. Даже если это в теории верно, но живем не в мире идей. В обыденности без понятий Добра и Зла не обойтись. Только слышим... иногда, о высшей математике, но довольствуемся простой арифметикой. Я понимаю настоящий смысл сентенции: «Если

ударили по правой щеке, подставь левую», но народ разумеет буквально, ржет, как сытые кони! Так и с этими понятиями: быть выше Добра и Зла... гм... можно залететь в обоих смыслах.

— Но вы же паладин?

Голос был коварным, насмешливым, я насупился и сказал зло:

— Да.

— Будете действовать, как паладин?

— Да, — ответил я зло, ничего другого не оставалось, как стоять на своем. — Да!

— Тогда вы придетете ко мне, — сказал он весело, глаза светились победным огнем. — Ох, сэр Ричард, вы ведь Антихрист, слышали?

Я сказал раздраженно:

— Вы постарались?

Он хохотнул:

— Не поверите, но это сами церковники додумались.

Я стиснул челюсти, в помещении все казалось застывшим, словно только мы были реальными, а все остальное — картина. Даже с улицы перестал доноситься стук колес, не слышно конского ржания, мычания скота.

— Ладно, — ответил я, — посмотрим. Мне самоуверенность не нравится.

— Я знаю, — ответил он. — Но под нею более прочное основание, признайтесь!

— Да, — согласился я, — но я все еще не выбрал дорогу.

Он покосился в сторону женщины у окна, легкая улыбка скользнула по его тонким, красиво очерченным губам.

— Тогда не буду вам мешать!

Снова хлопнула дверь, это вернулся Сигизмунд,

еще более хмурый. Когда я повернул голову от него к столу, там снова пусто, а женщина у окна повернулась и посмотрела на меня.

— Хорошо покормили, — сказал Сигизмунд в раздражении. — И вода ключевая, сам напился, провёрил. Что-то хорошо здесь слишком, не верю я в этот постоянный двор. Правда, молитва не помогает, но я, видимо, с недостаточной верой читал... Вот если вы, сэр Ричард, попробуете, вы же паладин, почти святой человек...

Я поднялся, сказал с достоинством гладиатора, идущего на смертный бой:

— Попробую. Начну сразу с ведьмы. А там посмотрим.

Глава 5

Окна в доме напротив светятся красноватым трепещущим огоньком, словно там горит лучина, между домами темень, прошла ночная стража, громыхая по утоптанной земле древками копий. Снизу донесся смех, дурашливый взвизг, тут же все затихло.

Из распахнутого настежь окна видно, как во дворе пробежала, опустив хвост, лохматая собака с не-привычно узким рылом. В комнату вливаются запахи зелени, конских каштанов, ветерок донес аромат выделываемых начисто шкур, нет, уже кож.

В полутире комнаты хорошо видны черные загадочные глаза, а темные волосы, разметавшиеся на белой подушке, выглядят сказочно. Я вернулся от окна, лег, она тут же положила голову мне на грудь, закинула ногу. Я слышал, как длинные ресницы пощекотали мне кожу.

— Ты в самом деле паладин? — спросила она очень тихо.

— Как и ты — ведьма, — ответил я.

— Но я в самом деле ведьма, — возразила она осторожно.

— А я в самом деле паладин, — сказал я. — Но что нам сейчас эта пятая графа? Нет человека праведного на земле, который делал бы добро и не грешил бы во все. Да и грех ли, когда ты...

Я запнулся, не зная, как сказать, что она подлечила даже душу, израненную разлукой с леди Лавинией.

— Не объясняй, — произнесла она тихо. — Я же ведьма, сразу ощутила твою рану. Ты в самом деле паладин, что поступил так... Только за это уже паладин. Я только не верила, что решишься подойти.

— А я правильный паладин, — ответил я. — Чувствуешь, где палкой по голове не стукнут.

Она сказала тихо:

— Но хотел ты сказать совсем другое...

— Что?

Она сказала медленно, словно бы с трудом выговаривая чужие слова:

— Лучшая доля не в том, чтобы воздерживаться от наслаждений, а в том, чтобы властвовать над ними, не подчиняясь им... Это значит, что на рассвете, который близок, сядешь на коня и даже не обернешься...

— Вот это уже брехня, — возразил я. — Обернусь. Но ты права, утром двинемся дальше.

Мы лежали притихшие, я чувствовал прилив странного, просто нестерпимого счастья, смотрел поверх ее головы в окно, там светлеющая чернота неба, медленно плывущая луна, облака мертвенно-бледные, а возле луны до странности голубоватые, непривычные.

— Как жаль, — вырвалось у меня, — что всегда что-то теряем! Всегда от чего-то приходится отказываться! Человек, который остается дома, отказывается от дальних стран и чудес в них, а тот, который уезжает, отказывается от счастья, что рядом с ним...

Она молча поцеловала в губы, обняла, теплая, пышная, ласковая и женственная, настоящая женщина, в то время как я еще не настоящий мужчина, а то, что я умею с женщиной, и бродячие собаки умеют.

Утром Сигизмунд ничего не спрашивал, возможно, не хотел слышать, как я пытал и расчленял ведьму, спасая ее душу, только скользнул пытливым взглядом по моему бледному лицу. Впрочем, вряд ли бледному, я как будто прекрасно выспался, набрался сил, в теле перекатывается сила, а бодрость прет из ушей.

Город, а затем и зеленая равнина остались позади, пошли холмы, а впереди начали медленно вырастать горы. Правда, не те, что со снежными вершинами, пониже и потеплее, но все равно суровые, коричневые и с виду — безжизненные. Даже не коричневые, а неприятно ржавого цвета. Неприятного тем, что даже в самых суровых заснеженных горах чувствуется жизнь, а эти почему-то кажутся лунными горами, абсолютно мертвыми, выжженными.

Ближайшая к нам одиноко стоящая гора оказалась не горой вовсе, а высокой, очень высокой и массивной каменной башней. Внизу окружает зубчатая стена, видны ворота и две крохотные башенки по обе стороны ворот, но я не мог оторвать взгляда от исполинской башни. Страшная зловещая красота чувствуется в этом дизайне. Гора сложена из камней, что и горы, потому таков цвет, это понятно, но я не мог отделяться от впечатления, что строитель нарочно делал ее неотличимой... нет, отличается, но он как бы церетелил эту башню в общий дизайн, в общую картину...

Хорошая протоптанная дорожка вела прямо, почти не виляла, я уже видел, что нацелена как раз между двумя горами. Если бы дорога рудокопов, то вела бы прямо в гору или на гору, а раз между, то кто-то этой дорогой пользовался сравнительно недавно.

Сигизмунд вскрикнул, пришпорил коня. Я показал головой, догонять не стал, мне положено держаться солидно, я же сеньор, подъезжал медленно, во все глаза рассматривал чудо, преградившее дорогу.

Отвесные горы поднимаются, как две стены в узком коридоре, проход между ними загородил огромный, в три человеческих роста, каменный крест из белого с примесью малахитового цвета мрамора. Массивный крестище, основание втрое толще моего туловища. Края уперлись в стены. Конечно, мы без особого труда протиснемся хоть справа, хоть слева, только что голову наклонить да сэру Сигизмунду копье опустить, но ощущение, что крест именно заграживает проход.

— Велика сила Господня, — промолвил Сигизмунд с благоговением. — Животворный крест Господа закрыл дорогу нечиисти!

— Но не войскам Карла, — заметил я.

— Да, — согласился Сигизмунд упавшим голосом, — да, к сожалению... Но у Карла люди, а им Господь дает возможность покаяться, грехи искупить, обратив оружие против нечиисти...

— Да и нечиисть где-то проникает, — добавил я. — Это нам повезло, не встретили, что просто дивно.

— И мне, — признался он.

— Все впереди, — предостерег я. — Вдруг да придется прорубываться через их ряды? А BFG у нас нет, одни мечи. Драконы так и вовсе могут перелететь через гору.

Он задрал голову, лицо стало задумчивым.

— Я слышал о горах, которые не может перелететь ни зверь, ни птица, ни комар. Возможно, это те самые... Правда, те горы на самом Краю земли.

— А мы и есть на самом крае, — ответил я.

Он в испуге оглянулся.

— Какой же это край?

— Обыкновенный, — буркнул я и подосадовал, что брякнул. Не хватает еще объяснять, что Земля круглая и край у шара в любом месте.

Мы разговаривали, не отрывая глаз от креста, я все больше видел в нем величественной простоты, что говорит о гениальности создателя, дивной соразмерности пропорций, мощи и вместе с тем изящества, что торжествует над грубой животной силой и темной магией. Крест не просто очень умело вытесан из камня, еще и украшен лепестками роз, все еще не стерлись, даже сейчас, если хорошо потаращить глаза, на уровне моего лица четко проступают письмена.

— Руны, — сказал я уверенно.

Сигизмунд посмотрел на меня с почтением.

— И это вы знаете, ваша милость, — сказал он.

— А что тут знать? — отмахнулся я. — Если картинки, то пиктограммы. Наверное, потому, что их пикты пиктили. По граммам. А все остальное непонятное — руны. Как все нехристианские народы — язычники, верно?

Он выпрямился, сказал воодушевленно:

— А мы принесем туда свет истинной веры!

— Вот-вот, — поддержал я и добавил угрожающим голосом: — А кто осмелится оставаться незрячим...

Пустил коня вперед, наклонился, над головой прошла каменная балка, неясная прохлада струилась от креста, конь ступал дальше, ощущение исчезло. Я оглянулся, крест чуть ли не светится, загораживая дорогу крупным монстрам, с которыми людям еще не справиться, и пропуская мелочь, чтобы порубежники не спали, всегда были готовы принимать удары и наносить в ответ.

Сигизмунд ехал рядом, на лице почтение. Встретившись со мной взглядом, прошептал:

— Это же крест самого Тертуллиана! Вы знаете историю, как он поставил?

— Как-нибудь расскажешь, — ответил я как можно спокойнее, но появилось ощущение, что некто огромный и недружелюбный наблюдает за нами из-под приспущеных век. — Значит, мы перешли границу, за которую еще не переступали копыта христианских рыцарей... А также их коней. Сэр Сигизмунд!

— Да, сэр Ричард?

— Расслабьтесь, — посоветовал я.

Он вздрогнул, на лице простило смущение, но тут же спросил почти с вызовом:

— Но почему?

— Нечисть не поджидает нас прямо здесь, — сказал я, тут же подумал, а верно ли говорю, но уже по инерции договорил: — Как-то я сам, помню, ехал в другую страну... Все ожидал, что как только перелечу... гм... в смысле, миную границу, то и деревья не такие, и земля не такая, и как был разочарован, когда все те же березки, та же трава, такая же вода в реке...

Он вертел головой по сторонам, почти не слушал, ответил невпопад:

— За легкое дело берись как за трудное, а за трудное — как за легкое. Так мне говоривал батя... Как за трудное, это чтоб уверенность не стала беспечностью, а как за легкое, чтоб неуверенность не стала робостью...

— Смертелен каждый путь, — сказал я, — каким бы ты ни шел, но путнику прямой особенно тяжел. Так говорили наши мудрецы. А мы, дорогой сэр Сигизмунд, на пути к этому... разуму!

Он так удивился, что даже пошатнулся в седле.

— Мы? К разуму?

— Да. Другой великий мудрец сказал, что к высшему разуму ведут три пути: путь размышлений — са-

мый благородный, путь подражаний — самый легкий, и путь опыта на своей шее — самый тяжелый. Мы, понятно, как рыцари и мужчины, выбрали самый трудный путь, легким путем идут обезьяны и женщины.

Сигизмунд встревожился, я видел, какие складки пытаются появиться на его чистом безморщинном лбу.

— Сэр Ричард... это что же... мы можем стать умными?

— Что, уже готов вернуться?.. Не трясись, такое случится не скоро. И то, если человек будет учиться на собственных ошибках. Но мы же не будем, верно? Иначе начнем избегать неприятностей, как эти, тыфу, умные, а какие же мы только рыцари, если без приключений?

Его лицо просветлело, глаза зажглись задором.

— Как вы правильно говорите, сэр Ричард!.. Да и вообще, я подумал... представляете?.. что тот, кого привели к цели, не имеет права считать, что он ее достиг. А так как меня ведете вы, то это на вас может рухнуть мудрость, после чего вы в монастырь или в симеоны-столпники...

Я уж было подумал, что это он острит, но юный рыцарь говорил настолько серьезно, с ясным лицом, что я только принял надлежащий скорбный вид и кивнул.

Трава поднималась сочная, зеленая, весна дружная, с жаркими днями и прохладными ночами, все идет в рост, я буквально слышал, как скрипит земля, выпуская из себя молодые побеги. Конь Сигизмунда то и дело на ходу срывал верхушки трав, мой шел как бронетранспортер новейшего поколения, который питается только обогащенным ураном.

По этому зеленому полю брела в нашу сторону

босоногая и в коротком платьице девчушка лет пяти, очень серьезная, деловитая, обеими руками прижимала к груди большой берестяной туесок. Рыженькие волосы свободно падают на спину, серьезный такой деревенский ребенок с поцарапанными ногами и сбитыми в кровь коленками, с засохшими корочками на месте старых ссадин.

Сигизмунд поинтересовался:

— Не тяжело, малышка?..

Она отрицательно помотала головой, обеими ручонками прижала к груди сокровище, глядя на огромных людей, что на конях, недоверчиво, исподлобья.

— Что насобирала? — поинтересовался Сигизмунд. — Грибы?

Она снова помотала головой.

— Ягоды?

Она ответила тихим детским голоском:

— Мед...

Я тронул коня, Сигизмунд поехал рядом, но я слышал, как он начинает ерзать, железо звякает, оглядывается, наконец я услышал его растерянный голос:

— Не понимаю...

— Что, сэр Сигизмунд?

— Как насобирала мед, ее же пчелы заедят!.. Маленькая такая, хрупкая! И как мед не вытекает, сейчас же жарко... И почему не видно жилья?

Я сказал ему в тон:

— И куда исчезла, как только мы проехали? Не стоит сушить голову, сэр Сигизмунд, над умными вопросами, а то, не дай Господи, сами умными станем. Иначе спросишь, откуда мед вообще, ведь снег только что стаял, когда пчелы наносить успели?..

Он задумался, пробормотал озадаченно:

— А в самом деле...

— Думаю, — сказал я ободряюще, — за поворотом нам вообще могут настучать по голове. И по ушам.

Он понял мои слова буквально, с лязгом опустил забрало, вытащил из ножен меч и поехал чуть впереди, чтобы благородно принять удар на себя, а я тем временем метну свой всесокрушающий молот. Я же косился на его дурацкое копье, слишком длинное, огромное и тяжелое, удобное только для схватки с таким же точно закованным в железо рыцарем. Сигизмунд не дурак, понимает его непригодность в таком походе, но в то же время как это оставить или потерять копье, символ рыцарства?

За весь день мы так ни с кем и не подрались, то есть не совершили во славу Господу никаких богоугодных подвигов, не прославили копьем и мечами его славное и кроткое имя, хотя несколько раз над нами пролетали драконы, присматривались, но оказались не настолько тупыми, чтобы бросаться на закованных в железо существ, когда есть олени, лоси, туры и, на худой конец, простолюдины.

Вечером долго любовались великолепным закатом, Господь Бог превзошел себя и порадовал нас просто сказочным зрелищем, при виде которого даже самый заядлый атеист твердо уверится в существовании Творца, иначе на фиг кому нужна эта божественная красота захода солнца?

Хвоста усердный Сигизмунд натаскал много, костер разгорелся такой жаркий, что пришлось отползать. Длинные языки оранжевого огня рвались в небо, трепетали, искры взлетали стремительно, трещали уже там, вверху, взрывались крохотными бомбочками. Круг света был широк, даже озарил в трех шагах каменную кладку, покрытую серо-зеленым мхом.

— Бесподобно, — проговорил Сигизмунд восторженным шепотом. — Солнце — счастье, однако и

ночь... хоть и прибежище Зла, но видно же, что ее создал Господь! В ней столько божественного очарования, умиротворенности, спокойствия, тишины...

— Тиха украинская ночь, — согласился я, — но сало надо перепрятать!

Он посмотрел непонимающе:

— Сало? Зачем?

— Когда Горький появлялся в Антарктиде, пингвины начинали робко прятать в утесах сало, масло и другие продукты. Не понял? Я сам не понял, однако давай половину ночи побудь на страже, а потом разбуди, поменяемся.

Он насторожился, быстро повертел головой.

— Ожидаете опасности?

— Очень уж хорош вечер, — объяснил я. — И весь день никто не бросился из кустов. И не встретился. Пора бы, как думаешь?

В ночной тиши раздался негромкий смех. Пламя костра выхватило двух молодых женщин, одну в длинном платье до пят, что умудрялось не скрывать округлый прелестей ни бедер, ни высокой груди, ни даже соблазнительных линий живота, а другая едва прикрытая легкомысленным прозрачным шарфиком, похожим на сизый дымок от костра. Обе с длинными черными волосами, рассыпавшимися по спине, темноглазые и с пухлыми сочными губами, смеющиеся, игривые, сразу же принявшие эротические позы, когда и бедра просятся в жадные ладони, и грудь тычеться в лицо, и мягкий горячий живот прижимается к твоему животу.

Я сказал Сигизмунду тихо:

— Молчи. Пока не заговоришь, не ответят. Пока не пригласишь — сами не подойдут.

Он шепнул в ответ потерянно:

— Да знаю, только разве упомнишь...

Девушки хихикали и покачивали бедрами, ноги длинные и стройные, а задницы высоко вздернутые, оттопыренные. Обе двигались под слышимую только им музыку, смеялись, полные сочные губы раздвигались, одна томно высунула кончик языка и облизала губы, я перехватил хитрый дразнящий взгляд, другая ухватила обе груди и, глядя на нас, насмешливо потрясла ими из стороны в сторону. Это был вызов, я ощутил, как мышцы моих ног напряглись, посылая сигнал встать и пойти, а пальцы конвульсивно дернулись, словно я уже хватаю за эти... да, за эти самые, горячие, мягкие, налитые жизнью...

Рядом послышался стон. Сигизмунд смотрел безумными глазами, по бледному лицу катились крупные капли, на висках вздулись темные, как пиявки, жилы. Женщины смеялись громче, подошли осторожно на шажок, дальше, похоже, что-то мешает, моя святость, наверное, первая вскинула руки над головой, отчего крупная грудьзывающе натянула тонкую ткань, обнаженная начала напевать и ритмично хлопать в ладоши, а скромница начала танец, вроде бы тихий, но наполненный иронией, пародийный, отчего еще больше проступила эротичность движений, откровенность желаний.

Сигизмунд застонал громче, лицо исказилось, он начал приподниматься. Я поспешил ударил его по плечу.

— Сядь!.. Весь стриптиз испортишь!

Он вздрогнул, посмотрел с сумасшествием во взгляде.

— Что?

— Не мешай, — сказал я настойчиво. — Если пойдешь к ним, я гавкну на этих...очных бабочек. Исчезнут, как будто увидели... понятно кого. Пусть пляшут.

Он прошептал в отчаянии:

— Сэр Ричард... Мне бы вашу твердость паладина...

— Это другая твердость, — ответил я хмуро. — Меня столько раз кидали эти вот... и через колено, и через... словом, и Матери Божьей не поверю. Смотри, но не влезай. Голого и босого оставят, да еще и одурманенного с больной головой. А вот так пусть стараются.

Он покачал головой, глаза не отрываясь следили за танцующими девушками. Я тоже смотрел на их движения, сравнивал с теми, что видел раньше, и хотя стриптизерши моего мира эротичнее, фигуры у них нашейпингованные, сиськи — как спелые дыни, а соски торчат, будто раскаленные кончики стрел, но в этом неотесанном мире и такое вот — супер, а если уж по большому счету, то в принципе все равно, на кого залезть и соргазмить: на кухарку или принцессу, органы размножения у всех одинаковы, и как их ни камасутрь, концовка всегда одна и та же.

— Ложись и спи, — посоветовал я. — А они пусть оттанцуют всю программу... Девушки, судя по всему, не замужем, а перебиваются случайными связями. Надо учитывать, что весной нас возбуждает не красота женских ног, а сам факт их наличия, верно? С другой стороны, чем меньше девушек мы любим, тем больше времени на сон, а это совсем не лишнее.

Он смотрел на меня отчаянными глазами. Странный я паладин в его глазах: все понимаю, могу Божьим словом изгнать их туда, откуда появились, или обратить в дым, но без действую. Не поддаюсь, но и не борюсь со злом. А что зло, это же видно: все женщины — зло, а чем красивее, тем это создание дьявола злобнее, хоть и забавнее.

— Я не смогу заснуть, — прошептал он убито.

— Попробуй, — посоветовал я. — К счастью, есть такая хитрая вещь, как поллюция... Можешь сам, только не в мою сторону. Это снизит накал, умень-

шил силу их... воздействия. Ненадолго, но заснуть успеешь. Что за мир создал Господь: как много девушек хороших... но тянет что-то на плохих?

Он смотрел исподлобья, подозрительно, стараясь узреть, где именно насмешница, но я держал лицо очень серьезным и даже говорил совершенно серьезно, хоть и с иронией, но уже по своему адресу, по адресу всей цивилизации, что загоняет вот в такие смешные тупики, когда боремся, хотя можно бы не бороться, ибо сказал же один английский гомосек, что лучший способ побороть соблазн — это поддаться ему...

А что, мелькнула мысль, если в самом деле позвать эту девицу, трахнуть ее, всю измять и попользовать грубо, без церемоний, я ж в бесцеремонном мире, их чарам не поддаюсь, а истрахавши их обеих, я утвердю свой мужской примат, свой верх, свою победу...

Я вздрогнул, ибо голос Сигизмунда раздался далеко сзади, из-за спины, а обе женщины уже передо мной, от них пахнет разогретыми телами, сочной плотью, готовой покорно смяться под моим грубым настиском, губы распухли и в покорном ожидании, глаза томно полузакрыты...

— Сэр Ричард!..

За спиной раздались шаги. Я резко обернулся, молодой рыцарь с белым от ужаса лицом торопился ко мне, протягивал руку, пальцы тряслись.

— Все в порядке, — ответил я хриплым от страсти голосом. — А вы... женщины, изыдите. Обе! Как-нибудь в другой раз.

Обе, обрадованные, что с ними наконец-то заговорили, весело и звонко затараторили:

— Милостивые рыцари, позвольте скрасить вас досуг!

— Доблестные герои, мы утолим неистовый жар в ваших чреслах!

— ...а потом снова разожжем...

— мы будем ласковыми!

— ... и покорными...

— Мы сделаем все-все, чтобы угодить вам!

— В другой раз, — сказал я твердо. — Первым делом — самолеты, ну а девушки — потом. Изыдите!..

Сигизмунд повторил слабым голосом:

— Изыдите...

Я посмотрел в его страдальческое лицо, добавил:

— Но как-нибудь еще заглядывайте. На огонек... или прямо в постельку.

Девушки перестали щебетать, глаза округлились, а ротики приоткрылись уже не эротически, а от удивления. Я повернулся к ним спиной, взял Сигизмунда за плечо и потащил обратно к костру. Когда мы обернулись, женщины исчезли, в мире стало пусто, тоскливо и одиноко. Сигизмунд тяжело вздохнул.

— Сэр Ричард... мы победили?

— Да, — подтвердил я. — Только, боюсь, не потому, что были сильны, а соблазны были недостаточно... гм... Хотя я чуть было не вlip, ты меня спас. Они сумели задвинуть мне хитреньюю мысль, что если я сгребу их, потрахаю, а потом выгоню, сказав с торжеством, что все равно знаю, кто они, то этим я как бы победю... Ни фига, в этих ситуациях победитель вовсе не тот, кто сверху. Женщина и под тобой, истраханная и в разорванной одежде, всегда победительница. Так что не надо нам этих внеолимпийских состязаний. Давай спать, завтра день тоже нелегкий.

— Господи, помоги мне, — пробормотал Сигизмунд, — дай мне стойкость, какую обнаружил святой Ипонисий...

Я вспомнил портрет седобородого старца с изможденным лицом, сказал утешающее:

— Большая разница, не хочет грешить человек

или не может. Ты — герой, Сигизмунд! Тебя вообще можно в святые, даже кастрировать не обязательно. Даже я чуть было не влип, лох...

Я невесело засмеялся. Сигизмунд тут же откликнулся:

— Что-то случилось, сэр Ричард?

— Да так... Если бы мы все исповедовались не духовнику, а друг другу, мы бы все вдоволь поржали над убогостью наших желаний. Дьявол всем забрасывает одних и тех же червячков! Не зря презирает весь род людской... Эти бабы на этом месте показывают один и тот же номер. Уже отрапетировали так, что могут исполнять на автомате, думая совсем о другом. Действует же, зачем новые трюки?.. Хуже другое, Сиг. Если бы мы, люди, даже добродорядочные, раскрыли бы друг другу свои добродетели, то посмеялись бы над тем же: над их мелкостью, бескрылостью, убогостью... Ладно, спи. Нетрудно быть добродетельным там, где ничто этому не препятствует, а нас в дороге ждет еще не одна ловушка...

Он прошептал с почтением:

— Вы так все мудро определили, сэр Ричард... Мне бы так!

Я отмахнулся.

— Прислушайся к голосу разума! Слышишь? Слышишь, какую фигню несет?.. Так что на разум не надейся, он не спасение. Церковь права, веру надо ставить выше. Вера вопрошает, разум обнаруживает, как сказал святой Аврелий. Или Августин.

Я лег, подложив под голову седло. Сердце колотилось, гоняло кровь по большому и малому кругу. Мне казалось, что я раздуваюсь уже весь, уж слишком сильно от земли пахнет чувственностью. Теперь вижу, что в рождении гигантов нет ничего особенного, так и должно было получиться, когда Афина вырвала из

бороды Гефеста клок, брезгливо вытерла ногу и швырнула на землю.

По ту сторону костра вздыхал и шевелил прутиком уголья Сигизмунд, я услышал горестный шепот:

— Господи... почему такие прелестные всегда такие чудовища?

— Это их природа, — утешил я. — Ничего не делаешь, это все Дарвин, Фрейд... Мы ж мужчины или не мужчины?.. Вроде бы гетеросексуалы... Или ты хотел бы, чтобы плясали голые мужики?

Лицо Сигизмунда выразило крайнюю степень отвратности.

— Какая мерзость!.. Вы такие гадости ухитряетесь говорить, сэр Ричард!

— А что? Могли бы и попробовать, в надежде, что... — я посмотрел на чистое, честное лицо молодого рыцаря, проглотил окончание фразы и сказал туманно: — Ну, словом, мало ли на что могли надеяться эти порождения... техногенного мира. Или совсем уж одичали, что не догадались даже попробовать?.. Как думаешь, если бы тут ехали амазонки, эти... порождения танцевали бы перед ними в виде... ну, скажем, вон та, что плясала перед тобой в облике застенчивой принцессы, перед амazonкой показалась бы в личине молодого и красивого рыцаря?

Он посмотрел на меня чистыми глазами:

— Рыцаря? Голого?

— Ну да, — подтвердил я нагло. — А что? Рыцарь тоже бывает голым. Или он в самом деле никогда не... Я понимаю, что настоящий мужчина с женщиной может даже не снимая лыж, но как мыться?..

Жаркая краска залила его лицо, вдруг сообразил, какую танцовщую картинку можно нарисовать и какой именно рыцарь мог бы плясать в гнусном исполнении бесовских тварей.

— Ненавижу, — сказал он, скрипнув зубами. — Святая церковь искоренит это все... все! А кто такие амазонки?

— Рыцари-женщины, — объяснил я. — Давали обет безбрачия, брали оружие, садились на коней и совершали подвиги. Лишь однажды по достижении возраста они сходились с мужчинами, а забеременев, мужчин изгоняли, как дурных, похотливых и лживых существ. Странно, что ты о них даже не слыхивал.

Он покраснел, видно было, как потемнели щеки, напомнил виновато:

— Сэр Ричард, я же из медвежьего угла... Мне все, что рассказываете, диво дивное! А половины слов вообще не понимаю.

То-то и хорошо, мелькнула мысль. Ты хоть сваливаешь их незнание на свою медведистость, а другие уже готовы тащить меня в святейшую инквизицию.

Веки потяжелели, начали надвигаться с неотвратимостью движения планет по орбитам. Воздух над костром колыхался, подрагивал, я не сразу рассмотрел, что по ту сторону легкая тень собирается в фигуру молодой женщины. Тело налилось приятной тяжестью, я еще чувствовал, что лежу подле костра, что невдалеке Сигизмунд, за спиной развалины каменной стены, но через этот мир проступал другой, странный, где и небо голубое, и далеко впереди поблескивают окнами башни, и женщина уже во плоти, черноволосая, с жгуче-черными бровями, алым ртом и крупными глазами... да, она все отчетливее, танцует, это нечто ритуальное, танец все замедлялся и замедлялся, а она подошла ко мне, опустилась на колени, тяжелые груди оттянули сорочку с глубоким вырезом.

Я протянул руку, она легла рядом, жаркая, теплая, сочная, хотя с виду тело как у накачанной шейпингистки. Я жадно вздохнул, она прижалась ко мне, я чув-

ствовал только тепло и нежность от ее тела, а в моих руках оно таяло, как горячий воск.

Она прошептала мне на ухо:

— Не спеши... Я должна буду уйти...

Сладкая истома нарастала в моем теле, мне самому хотелось продлить эти очаровательные мгновения, я отдернул руки, спросил:

— Тебя зовут Санегерий?

Она шепнула, смеясь:

— Да, но у тебя это звучит непривычно. Зови по началу имени или по концовке, как все делают.

— Саня, — сказал я, пробуя имя на слух, — Герия... Лучше Саня. Что-то связано с тем, как ты появляешься. Но буду и Герой, даже Ией иногда звать, хорошо?.. Или Герией?.. Нет, Ией лучше, что-то похожее на удивленный вскрик, потом отвисает челюсть и видишь тебя... вот такую красивую...

— Хорошо, милый, — шепнула она, трогая теплыми губами мое ухо. — Я счастлива с тобой... Ты смог мне дать то, что никто из мужчин...

Мощное желание затопило мозг, я ощутил знакомые толчки. Желанная женщина засмеялась сожалением, ее тело начало истончаться, обретать воздушность, стало призрачным, наполнилось светом... и прежде, чем этот свет превратился в хмурый утренний свет, я успел подумать, что вот это призрачное тепло я уже видел, уже мял в руках, входил в него с рычанием и жадным откликом на зов плоти.

Рассвет едва-едва осветил восток, воздух сырой и холодный, я закрыл глаза и постарался заснуть снова, только двумя пальцами оттопырил то место, что мокрым и уже почему-то холодным прикасается к ноге, пусть засыхает на внутренней стороне штанов, там уже много таких белых пятен. Что делать, наше тепло — как осел: недокормишь — помрет, перекормишь — взбесится, а баланс выдержать не удается.

Глава 6

Утром Сигизмунд был хмурым, невыспавшимся, очень печальным. Глаза то и дело поворачивались в орбитах, бросая взгляд на рукоять меча. Мечталось драться с чудовищами, слышать их крики, рубить и крошить во славу церкви, очищать мир, а вместо этого приходится сражаться с призрачными женщинами.

Впрочем, когда он походил вокруг костра расширяющимися кругами, обнаружил, что они не такие уж и призрачные. В одном месте землю испещрили следы копыт, острых когтей, в щелях между камней виднелись зеленоватые потеки быстро испаряющейся слизи. На массивном валуне в рост человека свежие царапины, какай-то зверь поточил когти, а на другом прилипли шерстинки и даже пара чешуек размером с ладонь.

Сигизмунд сперва повеселел, все-таки опасность в самом деле была велика, затем загрустил, это ж расстаться с образами прекраснейших женщин, я сказал, что все подобные радости еще впереди, он снова повеселел, расправил плечи, глаза заблестели готовностью схваток за дело Церкви и ее Господа.

Оглядел, как я одеваюсь, спросил с подозрением:

— Что это у вас, сэр Ричард, глаза сонные и вся спина исцарапанная?

— Ага, — ответил я, — всю ночь не спал... спину царапал. Ночь обнажает всю полноту чувств, сэр Сигизмунд. Господь, он мудро понимал, что мы — свиньи, не сможем все время быть чистыми и ясными, потому и создал ночь, чтобы человек немножко выпускал из себя скота и давал ему малость порезвиться. В этом нет ничего страшного, Господь понимает, что мы не можем без грешков, важно лишь, чтобы ночь не тащили в день, понимаешь?..

Он смотрел обалдело, помотал головой.

— Нет.

— Скота надо выдавливать из себя постепенно, — терпеливо объяснил я. — В смысле, грехи. А то были одни наивные души, что хотели сразу целую страну, да еще такую огромную, разом в царство небесное... Теперь заново капитализм строят.

Мы позавтракали, как обычно, холодным мясом с хлебом, закусили сыром и запили холодной ключевой водой. Кони вроде бы не голодные, Сигизмундов всю ночь хрюстал сочной травой, а мой прибежал на свист, облизываясь, как волк. На морде кровь, похоже, охотился.

Сигизмунд поехал впереди, угрожающе выставив копье, длинное, как шлагбаум. Доспехи блестят тускло, над головой Балтийское море — серое, свинцовое, огромные волны неторопливо двигаются, догоняют одна другую и не могут догнать, северная часть неба вообще черная, непроницаемая, как туманность Угольный Мешок, дальше переходит в эту свинцовость. Я представил себе, как происходит всемирный потоп, это же просто стоит этой массе воды обрушиться вниз, что только ее удерживает...

Так двигались до полудня, уже подумывали о привале, кони устали, Сигизмунд вздернул голову, словно просыпаясь от сна, сказал с радостным удивлением:

— Замок...

Далеко, в трех-четырех милях от нас, на небольшом плоском холме возвышается замок. Зеленовато-серый, словно заплесневел, а может, и заплесневел, сегодня с утра воздух влажный и неподвижный. Холм и нижняя часть замка освещены странным желтоватым светом, но крыши и все башни чернеют на фоне разбушевавшихся свинцовых волн. На наших глазах из этих волн в башню ударила изогнутая молния, похожая на светящийся корень мандрагоры. Даже на

таком расстоянии мы услышали злобное шипение электрического разряда. Молния озарила мир призрачным мертвым светом, неровным и трепещущим, словно перед источником света часто-часто взмахивала крыльями гигантская стрекоза. Разряд длился непривычно долго, Сигизмунд громко призвал Имя Божье, его конь храпел и прядал ушами, но опасливо шел, мой двигался ровно и спокойно, словно сам привык подзаряжаться от молний и высоковольтных столбов.

Не успели наши кони пройти и полмили, как молния ударила снова, и опять в тут же башенку, не самую высокую, другие повыше и поближе, но молния с тупостью бледнолицего ломилась в ту же дверь. Наши кони, видя, что ничего не случается, двигались уже без понуканий, и тут молния ударила опять, я рассмотрел, что эта башенка хоть и не отличается от других башен, но только в ней окно, не бойница, а просто окно, распахнутое на всю ширь, именно туда и уходит изогнутый ствол светящегося дерева, толщиной с бедро.

Молния трепетала, шипела, бешено дергалась, колыхалась в верхней части, где острие как шпиль вспахивает небесные волны, заставляя их тоже светиться, но внизу дуга уходила именно в окно, только в окно, даже не задевала оконную раму.

— Странный замок, — проговорил Сигизмунд дрогнувшим голосом.

— Да, — согласился я с интересом. — Не отставай.

— Сэр Ричард, вам не кажется, что в этом замке могут оказаться... не совсем христианские сеньоры?

— Наверняка, — подтвердил я. — Трудно в таком непростом мире оказаться наверху холма. Сэр Сигизмунд, самые добродетельные люди, которых мы встречали, — это пастухи коз. Они воистину безгрешные...

Ну разве что с козами балуются. Но с пастухами как-то общаться не совсем интересно, верно?

Он посмотрел на меня странно, не понял, но переспрашивать не решился. Кони с рыси перешли на галоп, учゅяли близкий отдых. Замок как будто вырастал из зеленых зарослей карликовых деревьев, цветущего кустарника. В воздухе пыл сильный густой запах множества цветов. Я подумал, что здесь живут либо слишком беспечные, либо слишком уверенные в своем могуществе: в таких зарослях можно спрятать целую армию, обычно хозяева замков вырубают и выжигают кусты по крайней мере на два выстрела из дальнобойного лука, а то и больше.

Замок, как стало видно вблизи, — это комплекс зданий, башен, чего-то куполообразного, похожего не то на мечеть, не то на храм Христа Спасителя, башни и башенки, тонкие и толстые, но все башни и весь замок выстроены в едином стиле и явно одним архитектором, чувствуется вкус и странное изящество.

Мы объезжали замок по широкой дуге, Сигизмунд первый заметил и указал пальцем:

— Дорога!

Хорошо укатанная дорога поднимается полого на холм, там в глаза бросились массивные ворота, но ведут не по ту стороны стены, а словно бы в гигантский храм. Мой конь, чувствуя инстинктивное нежелание заезжать в замок, поднимался на холм, но пугающие красными глазами смотрел вдаль, а когда я оторвался от созерцания замка и проследил за его взглядом, увидел в глубине долины коричневые домики, простые, незатейливые, а коричневые не из-за придумки дизайнера, а просто из коричневого камня, что сам лежит под руку.

Мы съехали вниз, там шумит и грохочет бурная река, прыгает через камни, собяет с ног. Дальше ни-

же по течению намноготише, разливается вширь, воды несет намного спокойнее. Я начал присматриваться к воде, где бы вброд, Сигизмунд по обыкновению молился, воздевал взгляды к небу, бормотал, вдруг воскликнул:

— Проклятые язычники!.. Что творят?

Впереди к краю высокого обрывистого берега двое дюжих мужчин подвели обнаженную женщину, конечно же — блондинку, хоть и с темными, как ночь, волосами. Один быстро и умело связал ей руки, другой что-то привязывал к ее ногам. Мне показалось, что камень, здесь еще не разработали технологию утапливать ноги в быстросхватывающий цемент.

В сторонке стояли и переговаривались богато и пышно одетые люди с разрисованными лицами. Отсюда их не рассмотреть, мы проезжали почти под самым обрывом, задирали головы, только и видели, что женщину повернули лицом к шумевшей внизу реке. Если просто спихнуть, упадет на острые камни, а высота каменного берега не меньше, чем пятиэтажного дома. Но камень...

Додумать я не успел, мужчины подхватили женщину, один взял за руки, другой за ноги, подбежал третий и ухватил камень. Раскачав, они швырнули ее с такой силой, что она описала крутую дугу, прежде чем ее понесло вертикально вниз.

— Язычники! — выругался Сигизмунд, как истинный сын церкви. Он начал неуклюже слезать с коня. — Мы не можем допустить...

Камень, а затем и женщина перелетели через наши головы и с силой ударились о воду. Я крикнул:

— Куда, дурак? Утонешь!

— Я не позволю...

Я выругался куда злее, соскочил с коня, сделал два быстрых шага и нырнул вниз головой, ибо уже

видел, что вода чистая, а дна так и вовсе не видно. Холодная вода обожгла, как огнем. Я поспешил заработал руками и ногами, поймал взглядом жертву.

Женщина опускалась быстро, ее несло вниз вдоль каменной стены, изо рта сразу потянулась струйка серебристых пузырьков. Тяжелый камень наконец удалился о дно, замедленно взметнулся серый песок. Из темной пещеры высунулась огромная рыба, похожая на мутировавшего сома. Я поспешил ринулся к камню, девушка увидела меня, глаза безумные от ужаса, открыла рот, оттуда вырвались серебристые пузыри величиной с кулак.

Я показал ей знаками, чтобы закрыла рот, дура, блондинка чертова, а сам, как блондин, попытался удастить мечом по веревке. Вода затормозила, лезвие лишь коснулось натянутой как струна веревки. Рыба высунулась до половины, пасть приоткрылась, я с холодком внутри увидел три ряда острых, как иглы, зубов.

Еще дважды попробовал перерубить веревку, пока не догадался просунуть меч под веревку и пилить снизу к себе. Веревка лопнула нехотя, тоже как в замедленной съемке. Я ухватил женщину, с силой оттолкнулся от дна, и мы понеслись вверх. От удушья уже темнело в глазах. Дура-рыба выплыла из норы, я видел ее серое блестящее тело совсем близко, выставил меч, а когда приблизилась, уперся острием.

Чешуя рыбу защищила, но потом острие погрузилось по самую рукоять. Свет вверху разросся, мне показалось, что мы догоняем серебристые шарики воздуха, и когда грудь моя взорвалась в неистовом желании хватануть воздуха, мы вылетели на поверхность, я успел сделать глубокий выдох и даже полуудох, снова погрузился под воду, с усилием выдернул меч, но на этот раз высунулся уже умело, задышал, в два гребка подтащил женщину к берегу.

Сигизмунд орал и швырял в воду камнями.

— Рыба!.. Морской дракон!

— Не попади в глаз, — прохрипел я.

Женщина лежала на спине, я перевернул ее лицом вниз, подложив колено под живот, несколько раз нажал, из нее хлынула вода вперемешку с мелкими раками и водорослями. Тут же я переложил ее на песок снова лицом вверх, начал делать искусственное дыхание рот в рот.

Сигизмунд перестал бросаться камнями, ибо морской дракон всплыл кверху брюхом, вокруг него расплылась, как нефтяная пленка, темная маслянистая жидкость. Женщина вздохнула и открыла глаза. Я замер, никогда еще не видел таких чистых лучистых глаз. Даже не обратил внимания, что она обнаженная, а то и вовсе голая, ибо женщину не одежда красит, а ее отсутствие...

— Теперь я понимаю, — сказал я, жадно хватая воздух широко раскрытым, как у той рыбы, ртом, — в чем замысел дьявола...

— В чём?

— А вот в этих бабах, — сообщил я.

— Соблазны?

Я перевел дух, объяснил:

— Еще какие! В моем мире... гм, в моем королевстве женщины весьма свободные особи. Чуть что не так — в рыло, а то и ногой в зубы. Нет, не мы им — они нам! Да сразу в рыло, ногой! Задней. У нас нет таких, чтобы вот так спасти, а она за тобой, как щенок, — преданно и счастливо... А что еще мужчине надо? Только, чтобы женщина восхищалась, смотрела снизу вверх.

Он смотрел на меня в задумчивости и печали. Потом перевел взгляд на спасенную. Она медленно приходила в себя, лицо все еще оставалось бледным, но

молодость быстро берет верх, повернулась, окинула взглядом Сигизунда, снова посмотрела на меня. Я увидел, что вот-вот это будет что-то вроде имплантинга или как его там, когда цыпленок или щенок считает мамой то, что увидит, когда впервые откроет глаза. Когда девушка обнаженная — это эротика, когда голая — уже порнография, но в этой есть то и другое, плюс нечто еще такое, что я тоже готов был разделить мир всего лишь на две категории: вот таких хорошеных девушки и остальных уродов.

Я поднялся, холодный ветер в мокрой одежде пронизывал насквозь. Дрожь пробрала тело, я задрал голову, смотрел на высокий обрыв. Так уже собралась чертова тьма народу, все жестикулировали, верещали тонкими обезьяньими голосами и подобно бандарлогам суетливо указывали в нашу сторону.

— Надо подниматься наверх, — сказал я. — Но, сэр Сигизунд, берите женщину на свое седло. Если сейчас же не въедем в город, меня разобьет насморк.

Он сказал с беспокойством:

— Почему я? Спасли вы...

— Я просто вместо тебя нырнул. В твоих бы доспехах... Словом, твоя идея, сам и расхлебывай!

Я свистнул, послышался грохот копыт, конь возник передо мной с горящими глазами и взлохмаченной гривой. Зубы, понятно, оскалены, у него шкура, как я уже понял, плотная, непроницаемая для воздуха, как у собаки, потому приходится раскрывать пасть, чтобы охладиться.

— Умница ты мой, — сказал я нежно и поцеловал в его нежные и мягкие, как протекторы КамАЗа, ноздри. — Я тебя люблю, золотце мое эпоксидное...

Конь жадно подышал мне в ухо, прежний хозяин не баловал его лаской, а ласку все животные любят, вон как спасенная жмется к Сигизунду...

Я взлетел в седло, по очень крутому подъему поднялся наверх, не думал, что такое вообще возможно, но конь то ли выдвигал из копыт стальные клинья, то ли еще как, но мы поднялись наверх с такой же скоростью, как будто неслись по ровной степи.

Народу собралось не меньше трех десятков, но только человек пять из них крепкие мужики и при оружии, остальные же те, кого называют отцами города.

Они уставились на меня со страхом и возмущением, а я выпрямился в седле и сказал громко:

— Паладин Ричард Длинные Руки!.. Что был за обряд?

Они смотрели на меня так, как будто я показал им звезду шерифа и назвался агентом НКВД. Заговорил крупный дородный мужчина с сильным властным лицом, одетый тепло, несмотря на теплую погоду:

— Ежегодное приношение водяному богу!.. Чтобы река не пересыхала... Но как ты, дерзкий, осмелился...

Я вскинул руку, останавливая, сказал еще жестче:

— Ваш водяной бог убит. Спуститесь, он там кверху брюхом плавает. Что значит, сила Господня одержала верх и победила Зло его же оружием. Отныне рекомендую прекратить эти непотребства. По крайней мере до тех пор, пока не заведется в тех юрах что-то еще. Или же сбрасывать таким же зреющим образом рецидивистов, уголовников, клятвопреступников, гомосексуалистов, любителей кошек и других асоциальных... Рыбе все равно... Есть в вашем селе постоянный двор?

Они смотрели на меня обалдело, наконец один, посмышленее, указал в сторону домиков:

— Доблестный паладин, у нас не село, а город, которому три тысячи лет. Он даже был однажды столицей неведомого государства, а сейчас, конечно... но

постоялый двор есть, вон тот дом с красной крышей! Видите?

— Отыщу, — заверил я. — Спасибо за сотрудничество!

Я повернул коня и послал рысью к домикам, где краснокрыший выглядел выше всех. Хотелось галопом, но сдерживался, хотя зубы уже начали выбивать дробь. У самых домов Сигизмунд нагнал, спасенная впереди, как Аленушка на Сером Волке, склонив голову на рыцарскую грудь. Рыцарский плащ Сигизмунда, вернее, тот, который он именовал рыцарским, старый, поношенный и без креста, купленный на постоялом дворе, укутывал ее с головы до ног.

Постоялый двор почти пуст, только у колодца женщина с натугой крутит ворот, а у коновязи мужик повязывает к морде коня торбу с зерном. Никто не вышел встречать, Сигизмунд разрывался между долгом соскочить первым, принять моего коня, помочь мне сойти и всячески заботиться, ибо в его ранге он должен выполнять и обязанности оруженосца, и в то же время не знал, что делать со спасенной.

Я соскочил, набросил повод на крюк коновязи. Если мой конь захочет есть, сгрызет и столб, за спиной послышался вздох облегчения, это Сигизмунд спрыгнул и принимал на руки девушку. Я не стал смотреть, как она к нему прилепится и как он ее будет отдирать, толкнул дверь, в лицо приглашающе пахнуло смесью жареного лука с рыбой, наваристой ухой, хорошо прожаренным сомом. Похоже, сегодня рыбный день, водяной бог в ожидании невесты расщедрился на богатый улов.

Всего четыре стола, пусто, запахи идут со стороны кухни. Пока я раздумывал, сзади затопало, вошел мужик, кормивший коня, сказал почтительно:

— Чего изволите, сэр?.. Я хозяин этого двора.

— Прекрасно, — ответил я. — Сумеешь накормить двух мужчин и одну женщину?

— Конечно, сэр, — ответил он с некоторой задетостью. — Иначе зачем бы наш двор... Будь вас даже сто человек...

Он бросил взгляд на входящего следом Сигизмунда, поперхнулся, прикусил язык. Грудь молодого рыцаря украшал могучий красный крест, на сгибе левой руки шлем с красным крестом, и вообще крестоносность из сэра Сигизмунда буквально перла, а на лбу было написано крупными буквами, хоть и с ошибками, что он — верный слуга церкви.

— Ладно-ладно, — сказал я, — старший здесь я, а мне по фигу, какой магией разводишь огонь под котлами. Понял? Выполняй.

Он исчез, Сигизмунд взглядом указал на девушку, что пряталась под плащом и едва ли не залезала молодому рыцарю под мышку.

— Сэр Ричард...

— В комнату, — отмахнулся я. — Если ей идти некуда. Негоже молодой даме сидеть в корчме с двумя мужчинами. Хотя, мне кажется, как только ее родители дознаются...

Запахи пошли еще сильнее, теперь добавился аромат мяса. Пришла женщина, которая доставала воду из колодца, вытерла насухо стол, поставила крохотный кувшинчик с цветами, застенчиво улыбнулась, исчезла, уводя с собой девушку. Мы кое-как расселись, устраиваясь с мечами, топорами и молотом, и тут же хозяин вышел с кухни с подносом в руках. Еще издали посмотрел в сторону Сигизмунда с настороженностью, потом с надеждой на меня.

Пока он приближался, на подносе, как я заметил, в двух огромных мисках уха, я рассматривал само помещение. Вообще-то странная эта корчма, все при-

меты христианской атрибутики: зеркала и свечи, даже вроде бы просвирки, но в то же время вон у противоположной стены вырезанная из цельного столба фигура не то кобольда, не то огра. Добро бы только фигура, но у подножия колода, забрызганная кровью. Конечно же, на ней режут кур да гусей, как обычно, но все же подозрительно похоже на жертвоприношение...

Хозяин поставил поднос, начал перегружать миски на стол, я кивнул в сторону столба, поинтересовался:

— И богу свечка, и черту кочерга?

Он не смущился, ответил просто:

— Я не воин, ваша милость. Я, как лекарь, обязан обслуживать всех, не так ли?.. Потому мне нельзя принимать чью-то сторону.

— Дешевле, — сказал я резонно, — если ни тому ни другому.

Он покачал головой, вздохнул:

— В нашем мире так: как ты к кому, так и он к нам. Старые мудрецы говорят, что с людьми и богами поступать надо так, как хотел бы, чтобы эти сволочи поступали с тобой. Не угадаешь, к кому попадешь! Да и зачем вообще с кем-то ссориться?

— Тоже верно, — одобрил я. — А чего ты только рыбу принес?

Он сказал нерешительно:

— Так ведь... пост же... а вы — рыцари...

— А, — сказал я, — вот ты о чем!.. Тогда неси-ка что-нибудь из... чего-то другого, понимаешь? Я ведь не простой рыцарь, а паладин, не видишь?.. А паладины умеют творить чудеса. Не очень большие, но и мелочи могут скрасить жизнь.

Он сказал еще в большей нерешительности:

— Да, но...

— Неси, — велел я. — Все, что у тебя есть наготов-

ве. Если ты был готов накормить хоть сто человек, то нас накормить обязан. Все понятно?

Он ушел. Сигизмунд был уверен, что надолго, но хозяин тут же снова показался из кухни, словно его там ждали и сунули в руки поднос с уже заготовленными тарелками, мисками. Хозяин нес его, побагровев от настути и сильно откинувшись всем корпусом назад.

Я проследил, как он ставит на стол огромный поднос, на нем плоское медное блюдо с огромной коричневой тушей раскормленного гуся, оранжевая корочка покрыта бисеринками жира, под ней чувствуется давление горячих недр. Мои ноздряки сразу задергались, жадно улавливая дурманящий запах. Рядом такое же точно блюдо с аппетитно зажаренным поросенком. Кожица блестит, как покрытая лаком, подрагивает от напора ароматного пара.

Хозяин с поклоном замер, ожидая, что же будет, ибо молодой рыцарь побагровел, напрягся, готовый то ли выскочить из-за стола, то ли вовсе перевернуть его с нечестивыми в постные дни блюдами, а я, вспоминая запорожцев, сказал громко:

— Именем Господа перекрещаю порося в карася!.. А гуся — в форель. Все, сэр Сигизмунд, вы тоже можете есть! Как видите, это уже не поросенок, а большой и хорошо прожаренный карась. А карась — постная пища.

Сигизмунд всмотрелся в поросенка, на лице появилось жалобное выражение, он даже побледнел, сказал дрогнувшим голосом:

— Но я... все еще зрю поросенка...

— Как? — изумился я. — Сэр Сигизмунд, это на нас наводят морок, чтобы сбить с пути христианина!.. Или у вас недостаточно веры? Вон даже хозяин подтвердит, что перед вами карась!

Хозяин взглянул на меня изумленными глазами,

потом на бедного рыцаря и сказал очень честным голосом:

— Карась, еще какой дивный карась!.. Отродясь такого карасистого карася не видел! Чудо, просто чудо!.. Кушайте, доблестный рыцарь, никакого греха на вас не будет! Какой же грех — есть такого карасевого карася?

Сигизмунд нерешительно отрезал заднюю лапу, начал жевать, лицо все еще напряженное, внушает себе, что обсасывает плавничок, а я сказал хозяину:

— А теперь вина!.. Сам понимаешь, под рыбу надо красное вино. Красное, понял?

Он поклонился, глаза его были, как океаны после потепления, полны глубочайшего уважения.

— Понял, доблестный сэр! Все понял.

Он исчез, отсутствовал долго, но когда принес кувшин, я сразу ощутил по его температуре, что хранился в самом глубоком погребе. Хозяин на моих глазах смел паутину с засохшими тельцами паучков со скрюченными лапками, сломал сургучную пробку.

— Как хорошо, — сказал я хозяину громко, — что ты пожертвовал бедным путникам этого гуся и поросенка... э-э... карася и форель, хотя готовил для себя... Вот возьми эту монету. Я, паладин, подтверждаю, что все, могущее накормить или обогреть усталых путников, — во благо и славу Господа.

— Аминь, — сказал Сигизмунд благочестиво, он явно принял мои слова за молитву.

— Ага, — подтвердил я.

Хозяин кивнул, что значило и «ага» и «аминь», но глаза расширились, а челюсть отвисла, когда рассмотрел, а потом и расprobовал на зуб, что монета из золота.

— Да, — выдавил он с трудом, — во славу... гм... Вы надолго, благодетели?

— На ночь, — сообщил я с набитым ртом. — Не забудь покормить коней. Мы постояльцы мирные, хлопот не доставим. Переночуем и уедем.

Корочка хрустела, из разломов вырывались струйки горячего пара, обжигая пальцы. Я рвал мясо, сок стекал до локтей, мы с Сигизмундом пожирали молча и как на ристалище, кто управится со своим противником быстрее, чтобы прийти на помощь другу. Горячее мясо обжигало язык и пасти, сразу проваливалось в пищевод, а там желудок подпрыгивал и хватал, как пес, на лету, мгновенно проглатывал и смотрел в жадном нетерпении: ну где же еще, почему так долго, что там за ленивец засыпает на ходу?

Отяжелевшие, мы время от времени прикладывались к кувшину, пока хозяйка не догадалась принести по медной чаше. Сигизмунд спросил ее сипло, не успев проглотить очередной кусок:

— Как там... леди?

— В комнате, — ответила хозяйка. — Чистенькая такая комната... Я сама принесла ей поесть. Хорошая девушка. Я ее знаю, она младшая дочь шорника с третьей улицы. У него их шестеро, вот младшую и определили...

Я отпустил ее кивком, Сигизмунд задумался, я сказал с облегчением:

— Ну вот и эту пристроили!.. Не фиг ей здесь рассиживаться, могла бы и сразу домой. Впрочем, понимаю, нужна некоторая реабилитационная программа для жертв насилия. Ладно, пусть поест, помоется... хотя последнее лишнее, как думаешь?..

Сигизмунд сказал с упреком:

— Сэр Ричард, я слышу в вашем голосе шуточки в адрес этой несчастной, а это нехорошо!

— Да. Но это только типа шуточки, — согласился я, — но не сама шуточка. Я в самом деле ей глубоко

сочувствую. Она еще молодец, никакого визга! Приняла все достойно. Как и то, что в жертву, так и освобождение.

Он просиял, как будто я расхваливал долго и самозабвенно его самого.

— Она превосходный человек, превосходный!

— Согласен, — сказал я, — вообще, у женщины нет недостатков, пока не похвалишь ее перед подругами. Но ее подруг здесь нет, а мы с тобой видим только милашку с хорошенькой мордочкой. Да еще и блондинку!

Сигизмунд заподозрил подвох, спросил подозрительно:

— Да, волосы просто золотые... И что?

— Когда же ты поймешь, что блондинка — это не цвет волос?

Глава 7

Мы разливали остатки вина по чашам, когда хлопнула дверь, ввалились трое поджарых мужчин, покрытых пылью, усталых. Они заняли ближайший к выходу стол, сразу же потребовали вина промочить пересохшие глотки, а еду потом, потом. Хозяева засуетились, а мы допили свое и отправились наверх, провожаемые заинтересованными взглядами. Судя по плотному загару, эти трое с юга, с очень далекого юга.

В просторной комнате на втором этаже, что отвели нам для ночлега, крупнозадая служанка стелила постели. У нее оказалась настолько пышная подпрыгивающая грудь, что едва не вываливалась из глубокого выреза. Я совершенно не запомнил ни лица, ни фигуры, вообще ничего не запомнил, а она, быстро упавившись, хотела проскользнуть к выходу, но я ухватил за руку и, глядя в низкий вырез платья, спросил:

— А где девушка, что была с нами?

— Она... — ответило там, немного выше груди, хотя голос звучал низкий, грудной, — ее уже увели... Хозяйка тут же сообщила родне. Пришли родители, сестры. Она плакала и не хотела уходить, но утащили...

Я сказал с облегчением:

— Вот видишь, Сигизмунд, а ты уже собирался жениться!

— Да я, — пробормотал он, — не совсем так уж, чтоб... Но если родители ее приняли обратно, то...

Я отпустил руку служанки, такую пухленькую и горячую, словно я уже держался за ее грудь, служанка благодарно пискнула и ускользнула, унося роскошные полушария. Я краем глаза заметил, как смотрит Сигизмунд, подумал, что да, женское платье должно так плотно обтягивать грудь, чтобы дыхание перехватывало у мужчины, ибо мужчина больше всего в женщинах ценит три достоинства: лицо и грудь, ведь грудь — это лицо женщины!

Я со вздохом облегчения опустился на ложе, что поближе к окну.

— Ты прав, Сиг, не в грудях счастье, а в их количестве...

Сигизмунд явно хотел возразить, что он такого не говорил, но из почтительности не рискнул, покряхтел и подтащил лежанку ближе к двери, он очень серьезен в роли вассала, который обязан жизнью защищать своего господина. Я раскинул руки и ноги, распустил мышцы, отдаваясь отдыху, рассеянный взгляд зацепился за крохотного паучка, тот пробежал по стене, устроился на подоконнике. Я начал присматриваться к нему внимательнее, что-то царапнуло изнутри, по спине пробежал предостерегающий холодок.

— Сэр Ричард, — донесся встревоженный голос Сигизмунда, — что-то случилось?

— Полагаю, да, — ответил я.

Он в мгновение ока оказался посреди комнаты с обнаженным мечом в руке, пригнулся, развел руки, глазами шарил по комнате, бросал быстрые взгляды на окно и дверь.

— Опасность?

— Еще не знаю, — ответил я, — но была... и была очень большая.

Паучок сидел смироно, из таких засадников, что не плетут сети, а либо прыгают из засады, либо бросают лассо, а то и метко швыряются каплей клея на длинной нити. Обычный такой паучок, если на взгляд Сигизмунда или хозяина корчмы, но я-то вижу, что у этого паучка всего шесть ног!.. Я нарочито присматривался внимательно, чтобы не попасться, как Пантагрюэль, тьфу, Паганини, когда тот потерял очки и не заметил, что неуклюжий негр попросту оторвал пару лап у пойманного в дебрях Африки паука...

Сигизмунд проследил взглядом за мной, спросил шепотом:

— Этот паук... что с ним?

— Не бывает шестиногих, — ответил я. — Это не жук и не муравей. Это паук!

— Сэр Ричард... полагаете, он не настоящий? Волшебство?

— Ага...

— Злое?

— Еще какое, — ответил я и зябко повел плечами, словно над ухом затрещал счетчик радиации. — Но оно было... раньше. Паук... просто попал под удар.

Паучок внезапно подобрался, приник брюшком к струганому дереву. Я увидел на той стороне оконного косяка толстую жирную муху, наглую и сытую, с белым раскормленным брюхом, такими становятся осенью, когда приходит пора откладывать яйца, а сейчас еще тощие...

Сигизмунд тихонько ахнул. Паучок исчез, просто исчез, а не прыгнул или скакнул, но в то же самое время муха свалилась, дрыгая лапами, а паучок уже у нее на загривке, холицеры вонзились ей в раскормленный загривок, разом перекусив хорду.

— Чудо? — прошептал он и перекрестился.

Я молчал в затруднении. Пауки прыгают не силой мышц, они умеют нагнетать кровяное давление в лапах в десятки раз, благодаря чему такой стремительный прыжок, но все равно чересчур быстро. То ли паучок умеет замедлять время, то ли овладел телепортацией на ограниченные расстояния. Скорее всего, телепортация.

— Не совсем, — ответил я тоже шепотом. — Но мы вторгаемся в южные земли, сэр Сигизмунд...

— Но где еще христианские земли?

— Уже с вкраплениями, — уточнил я. — Злое... многолико, сэр Сигизмунд.

Сон долго не шел, а ночь, как назло, оказалась жаркая, душная, словно мы не вступили на краешек южных земель, а уже забрались на самый что ни есть южный полюс. Заснули оба, как отрубились, чуть ли не под утро, но очнулись посвежевшие, бодрые, выспанные. Рассвет едва брезжил за окном, я вскочил, быстро оделся.

Сигизмунд проснулся на мгновение позже, но сразу такой виноватый, словно это он поджег рейхстаг или плонул на святые реликвии.

— Сэр Ричард...

— Нам осталось ехать пару суток, — ответил я. — Если не будем засиживаться по злачным местам. Одевайтесь, сэр Сигизмунд! Тише едешь — хрен приедешь!

Я говорил зычно, уверенно, сам собой залюбовался, хоть-щас в майоры, именно в майоры, это ж майо-

ры везде зычные и наглые, хоть и туповатые, зато популярные, слово-то какое-то поганое — популярные, почему-то сразу задница перед глазами, нет — в паладинах лучше...

Сигизмунд долго и мучительно облачался в доспехи, я даже хотел помочь, но он отчаянно взмолился, я ж его позорю, это он обязан помогать мне в одоспешивании.

В корчме за столами пусто, только вчерашняя служанка, повернувшись к нам крупногабаритным задом, вытирает большой цветной тряпкой столы: Пахнет кислым, запах ухи уже выветрился, со стороны кухни громко булькает.

Заслышиав звяканье металла, служанка подпрыгнула, схватила со стола две палки, так мне показалось, поспешно загородилась ими, держа крест-на-крест. Я не понял, были это какие-то священные предметы или же просто первые попавшиеся палки, но она изображала ими именно крест. Белейшая грудь двумя полуширьями выступает над тонким краем платья, а в талии платье настолько туго перетянуто поясом, что я подумал, как бы заставить ее кашлянуть или хотя бы чихнуть.

Сигизмунд сказал поспешно:

— Мы не тролли!.. Вот смотри!

Он быстро перекрестился. Девушка перевела испуганный взгляд на меня. Я хоть и смотрел на ее грудь, дивное творение природы, но понял немой вопрос.

— Тебе одного недостаточно?

Она поколебалась, медленно опустила свой крест на стол. Теперь я рассмотрел, что это обычновенные скалки для раскатывания теста в лепешки. Когда наклонилась, я увидел в узкую щель между ее грудями нежный и белейший, как у придонной рыбы, живот, соблазнительные валики, даже впадинку пупка.

— И что? — спросил я с недоверием. — Это помогает?

Она все еще смотрела исподлобья, пробормотала с неохотой:

— Говорят, что если с верой, то помогает...

— Но ты не очень-то уверена в своей вере, — сказал я понимающе. — Верно? Чего ты такая испуганная? На постоялом дворе что-то не так?

Она отступила на шаг, в глазах появился страх.

— Вы тоже из таких...

— Именно я? — спросил я. — А он?

Она бросила короткий взгляд на Сигизмунда, потрясла головой, груди с готовностью заколыхались из стороны в сторону.

— Он — нет. А вы, ваша милость, весь в невидимой броне. Только она у вас там... внутри.

— Кто?

— Вера.

Я кивнул Сигизмунду.

— Смотри, независимый свидетель подтверждает, что вера у меня все-таки есть, хоть ты и сомневаешься. Молчи, молчи!.. Я же по морде лица вижу... А ты, дорогуша, ведьмочка... если брать мерку отцов инквизиторов. У паучка шесть лап, а у тебя вот такое умение пробудилось. А кто еще из... закрытых на постоялом дворе?

Она снова потрясла головой.

— Ни одного. Только вы закрытый, я других не встречала. Странные — да...

— А это что такое, странные?

Она пожала плечами.

— Странные, просто странные. Они отличаются от других, но они тоже как все.

Я сказал внятно, рассматривая ее пристально:

— Ну, если брать шире, то кобольды, гномы, эль-

фы, огры — тоже как все. В смысле, как все люди. Только и того, что чуть более странные.

Сигизмунд переводил отчаянный взгляд с меня на девушку и обратно, не мог понять, как я могу такое говорить, это же не всерьез, это военная хитрость, а служанка, в свою очередь, смотрела на меня пытливо, не понимая, насколько я говорю то, что думаю.

— Да, — сказала она нерешительно, — я не могу сказать, где начинаются не люди. Это пусть решают другие, умные. Они решают, кто правильные или неправильные, а я решаю, кто хороший, а кто нет. Для нас, простых людей, это важнее. Так что я только смотрю, к кому можно подходить близко, к кому нельзя... Некоторых ночью подпускать нельзя и близко. Нехорошие они. И совсем уже не люди. Днем люди, а ночью... ночью — нет.

Я улыбнулся как можно доброжелательнее.

— А к нам?

Она оглядела нас исподлобья, неожиданно усмехнулась, на щеках появились милые ямочки.

— Вы тоже, ваша милость, ночью меняетесь... как все мужчины. Но не больше. А вот те, кто приехал после вас...

Она осеклась, побледнела. Рука Сигизмунда метнулась к рукояти меча. Я перехватил его за кисть.

— Сиг, оно нам надо? Если останавливаешься, чтобы бросить камень в каждую лающую на тебя собаку, никогда не доберешься до цели. А эти трое ни разу даже не гавкнули!

Кони пошли споро, сразу рысью, застучали копыта, в лицо пахнуло почти еще ночной прохладой. Некоторое время мы ехали навстречу разгорающейся заре, потом обогнули холм и понеслись на юг. Кони охотно сорвались в галоп.

Одинокие деревья-великаны, что встречались да-

же среди вроде бы безжизненной степи, начали собираться в группки. К полудню мы уже двигались между крупными рощами, деревья все как на подбор, каких бы в гвардию к их лесному королю. Я почти не удивился, когда впереди замаячила зеленая гора, я так и считал, что гора, пока не подъехали еще на пару миль и я сообразил, что зеленая гора покоится на очень тонком основании. Правда, тонком с расстояния миль в пять, но чем ближе мы подъезжали, тем сильнее мурашки вгоняли коготки в загривок. Сперва ствол показался мне с основание Останкинской телебашни, но когда подъехали еще на две-три мили, я сообразил, что рекорд будет побит по крайней мере вдвое.

Сигизмунд повернулся в седле, гремя железом, правая рука красиво указала чуть в сторону.

— Не лучше ли сперва вон туда?

Домик показался самым обыкновенным, чистый и ухоженный, но чем ближе мы подъезжали, тем тревожнее мне становилось. Вокруг дома заросли цветов, самых разных, я не очень в них разбираюсь, отличаю только по цвету и размеру, но показались слишком уж ухоженными, высокосортными.

Кони остановились перед окнами. В глубине за чистой занавеской мелькнуло, словно крупная птица взмахнула крыльями. Занавеска колыхнулась, мы ждали, наконец Сигизмунд по моему кивку громко постучал в оконную раму.

— Есть кто-нибудь?

Дверь отворилась, на пороге показался немолодой человек, одет опрятно, седые волосы не распущены, как у всех колдунов и отшельников, а подрезаны коротко и довольно аккуратно. Он с любопытством смотрел на гостей, наконец развел руками.

— Простите, — сказал он дружески, — я людей не

видел уже несколько лет... Отвык, знаете ли. Слезайте, будьте гостями.

Он не выказывал ни страха, ни особого интереса, что меня насторожило, я соскочил с коня, сказал любезно:

— Спасибо за приглашение. С удовольствием воспользуемся. Мы захватили с собой кое-что для ужина, так что охотно с вами поделимся...

Пауза была нарочитая, он сразу уловил ее смысл, отмахнулся.

— Вы насчет огородов? Да кому они нужны?

— Но вы не похожи на охотника, — заметил я.

Наши взгляды встретились, в его глазах опять же ни страха, ни смятения.

— Мне пропитания хватает, — ответил он коротко. — Вы можете не вытаскивать ваш сыр... ого, цепных три круга?... мясо, рыбу... правда, от хлеба не откажусь, у вас, как погляжу, ржаной?

Сигизмунду передалась моя подозрительность, он слезал с коня медленно, старался не поворачиваться к странному отшельнику спиной. Тот сдержанно улыбался, пригласил жестом в дом. Сигизмунд поискать, к чему бы привязать коня, но ближайшие деревья далековато, просто strenожил. Мой конь равнодушно взглянул на цветы, я перехватил острый взгляд отшельника, внимательный и оценивающий.

— Как насчет моего коня? — поинтересовался я. — Вы, как погляжу, не только в цветах разбираетесь?

Он кивнул, глаза стали серьезными.

— Жизнь учит, — ответил он. — Вот с вами столкнула, тоже чему-то научусь. А конь у вас особый... Такие были выведены еще до Седьмой Великой Войны. Некоторые говорят даже, что не выведены, а созданы, хотя мне такое слово непонятно... в отношении живых существ.

— Седьмой Войны магов?

Он покачал головой.

— Их для доступности всех называют магами, — ответил он просто, сердце мое екнуло. — Но только последняя из войн велась уже магами.

— А кто воевал раньше?

Мы вошли в дом, но я не видел помещения, сердце стучало так, что кровь бросилась в лицо, а в глазах появился розовый туман. Отшельник внимательно смотрел мне в лицо.

— Ну... как вам сказать... предпоследняя шла между гендеями и ацентами. Маги, правда, уже появились, но были чересчур слабыми и мелкими. Но когда гендеи и аценты почти уничтожили весь мир, а друг друга истребили начисто, маги быстро захватили освободившиеся места под солнцем. Гендеи и аценты, как говорится в хрониках, владели могуществом земли, могли вызывать из Котла неслыханные силы...

— Из Котла?

Он пожал плечами, улыбка была извиняющаяся.

— Так сказано в древних хрониках. Якобы в центре земли находится Котел, в котором заперты силы, перед которыми ничто не сравнится... Бред, конечно, но, возможно, это иносказание... Вообще история между Шестой и Седьмой войнами очень туманная, от той эпохи дошли самые невнятные легенды. Странно, больше известно о Пятой эпохе, когда миром правили озируэллы. Те вообще брезговали ступать на землю, вся их сила была от звезд, жили в летающих городах, были бессмертными и неуничтожимыми...

— Но что-то их уничтожило?

Он развел руками.

— Это лишь говорит, что ничего вечного нет. Правда, есть слухи, что не все погибли, часть сумела уйти обратно к звездам...

На столе появился туго свернутый рулон белой материи, раскатился в скатерть из тончайшего полотна. Отшельник, поглядывая на меня испытующе, произнес несколько отрывистых резких слов. Над столом сгустился воздух, начали возникать узорные блюда, запахло печеным, жареным, вяленым, тушеным, очень красиво и гармонично стали появляться все возможнейшие блюда.

Сигизмунд смотрел с отвращением, хватался за крест, шептал молитву, но перекрестить не осмеливался, я еще в дороге запретил вмешиваться: все решают я, паладин, как ближе стоящий к Богу и Церкви. Отшельник посматривал с интересом, глаза его бросали острые взгляды то на Сига, то на меня, губы двигались, слова вылетали с разными интонациями, разной тональности, пальцы тоже вязали непонятные мне узоры.

— Мы неплохо позавтракали, — сообщил я, — но сейчас уже время обеда, а стол у вас заглядение.

— Я рад, что вам понравилось. Вы в самом деле... христиане?

— В самом прямом, — заверил я. — Но мы в Великом Искуссе. Идем к великой цели, преодолевая соблазны, а слава нас потом найдет. Может быть, посмертно.

Он сказал с сомнением:

— Да, интересно... А что ищете здесь?

— Просто идем мимо, — сообщил я. — У вас немалая мощь. Думаю, не только в этом... накрывании стола. Но почему здесь? Почему не в городе, где можно помогать людям... или вредить, строить или ломать, просвещать народ или, напротив, вгонять в дикость и цивилизацию?

Сказал и сам устыдился, вспомнив всех буддей и

христосов, что уходили в леса, искать универсальные ответы. Отшельник следил за моим лицом, кивнул.

— Да, вы угадали. Мне еще рано. Рассчитываю потом огrestи больше. Вы обратили внимание на Дерево?

По тому, как он произнес это слово, мы с Сигизмундом сразу поняли, о каком дереве речь. Сигизмунд молча и красиво ел, отрабатывая манеры, я поинтересовался:

— Оно чем-то интересно помимо размеров?

— Вы сами это знаете, — ответил маг спокойно. — Уже то, что другие не могут вырасти и в десятую его часть... значит, что дерево необычное. Что не просто дерево, а Дерево. Я предполагаю, что появилось в эпоху между Четвертой и Пятой войнами. Правда, один странствующий мудрец высказал неприятную идею, что война как-то преобразила самое обычное дерево, оно выжило, когда все остальные погибли, и вот теперь продолжает расти... Оно в самом деле все еще растет, я здесь уже... гм... давно, провожу тщательные замеры. Да, растет. Когда-то либо проломит земную кору своей тяжестью и провалится до самого Котла, либо же начнет выпускать добавочные корни-ветви и станет опираться на множество стволов. Тогда в конце концов покроет всю землю.

Я зябко пожал плечами.

— Неприятная перспектива!

— Не скажите, — возразил он. — Я знаю целое племя, которое этого страстно бы желало.

— Кто?

Он задумчиво посмотрел на кувшин. Тот приподнялся, завис над чашей, полилась тугая бордового цвета струя. Когда чаша наполнилась, кувшин благовоспитанно опустился на место и застыл, как вышколенный лакей. Я ожидал, что маг и чашу поднимет

взглядом, но то ли побоялся расплескать, то ли еще чего, но взял по-человечьи, руки дряблые, высохшие, как птичьи лапы, отхлебнул.

— Внутри Дерева живут люди, — произнес он. — Да, там такие дупла, что обитают не семьями, а родами. Можно сказать, там разместилось племя. Когда-то это была одна пара чудаков, теперь же...

Наши взгляды встретились. Я сказал:

— Вы ждете вопроса, почему они живут в Дереве? Считайте, что я спросил.

— Они живут внутри этого Дерева, — повторил старый маг задумчиво. — Даже не знаю... завидовать им... или жалеть их?

— А что в их жизни не такое, как у нас?

Он пожал плечами.

— Сматря что рассматривать. В основе все то же самое, что и у нас. Рождаются, живут, страдают, умирают. В промежутках женятся, выращивают потомство. Которое тоже страдает, живет долгую жизнь, потом умирает...

— А в чем различие?

Он с грустной усмешкой посмотрел на меня.

— Они живут столько, сколько Дерево, в котором поселились.

— Ого, — сказал я, — такое огромное дерево живет лет тыщу, да? Или десять тысяч, как бабо... ебо... ладно, секвойя!

— Тысячу? — повторил он с презрительным недоумением. — Это даже не смешно. Тут есть травы, что живут по сотне лет. Я знаю деревья, возраст которых под сто тысяч. А Дерево, вы понимаете, вообще уникально.

— Ого, — сказал я уже громче. — Так кто же откажется... Гм, а как насчет того, что переехать, скажем, в город?

Он посмотрел на меня с заметно выросшим уважением.

— Сэр, вы сразу берете дракона за гребень. Да, живут долго, но только пока внутри Дерева. Нет, не только именно внутри, но должны питаться только соками и мякотью Дерева... у него древесина весьма усвоемая, уверяю вас!.. а также должны спать в хоромах, что внутри Дерева.

— Ага, — пробормотал я, — какая-то замкнутая экосистема. Возможно, даже симбиоз. Дерево дает приют людям, но и от них что-то требует. Это понятно, точно так же поступает бамбук с муравьями... да и тысячи других растений с разными жучками-паучками.

Маг спросил заинтересованно:

— Простите, я никогда о таком не читал в древних книгах мудрости...

— Да что читать, — отмахнулся я. — Вот выйдем на любую лужайку, я вам покажу десятки примеров симбиоза. В смысле, взаимопомощи между растениями и насекомыми.

— Но здесь люди!

— Это как сказать, — пробормотал я. — Кто-то назвал человека сладострастным насекомым, а это был, говорят, очень светлый ум. Хоть и подпорченный средой и существующим строем эксплуатации человека человеком. Сэр Сигизмунд?.. Вы нажрякались?

Сигизмунд вздрогнул, вытянулся сидя.

— Да, сэр!

— Надеюсь; вы ни хрена не поняли и вам не восходится вегетатства. В смысле, жить растением, а не жрать растения. Нам пора дальше, если вы уже отдохнули.

Сигизмунд намек понял, пулей вылетел из-за стола. Когда мы с магом вышли на крыльцо, он уже седлал своего коня. Маг посматривал заинтересованно, но деликатно помалкивал. Я вышел на полянку, при-

сел на корточки. Он подошел и сразу же опустился рядом, я показывал на любого проползающего жучка и объяснял, как насекомые симбионтически сотрудничают друг с другом, с растениями, как сами растения сотрудничают с насекомыми всех видов: крылатыми, подземными, прыгательными и ползательными. Маг слушал с раскрытым ртом, я открыл для него целую неизведенную область, целую страну, да что страну — мир, который куда богаче и огромнее нашего.

Наконец я оглянулся на Сигизмунда, закончил:

— Да вы сами все увидите, дорогой маг. Их мир перенаселен, там все переплетено и взаимосвязано, все сотрудничают друг с другом, все-все!

В глазах мага было изумление и растерянность. Мы с Сигизмундом уже заняли места в седлах, когда маг наконец с кряхтением и щелканьем ломаемого льда в коленях поднялся, разогнул спину.

— Я уж думал, — сказал он ломким голосом, — что доизучаю Дерево — и все...

— Если начнете изучать симбиоз трав и насекомых, — сказал я, — придется стать бессмертным...

— Почему?

— А все новые формы, в смысле, способы содружества появляются и появляются... Спасибо за обед!

— Вам счастливой дороги, — ответил маг. — Вы в самом деле... рыцарь?

Когда я оглянулся через пару минут, он уже стоял на четвереньках в траве, зад выше головы.

Глава 8

Еще несколько дней двигались среди островков могучего леса, половину из них — в тени Дерева. Но и потом, когда подобно горе медленно и величаво ото двинулось за спину, мы ощущали могучий запах его

листьев, а воздух был свеж, чист и накислороден. В такой прохладе двигались еще долго, когда вдруг впереди зелень исчезла, земля показалась темно-коричневой.

Сигизмунд перекрестился, я привстал в стременах, всматриваясь, Сигизмунд забормотал молитву. Впереди и в стороны простирается ровная, как выжженная ядерным ударом, равнина. Над головой солнце стало мутным, слишком огромным, чтобы быть настоящим. Кони пошли неохотно, под копытами застучало коротко и сухо, будто двигались по пересохшим костям.

В воздухе сильный запах дыма, гари, горячей плоти, но до горизонта везде пусто, только ветры от одиночества закручиваются в большие или маленькие смерчи, начинают гоняться один за другим. За одним протянулся выжженный след, кое-где оставалась кипящая лава, я понял, откуда запах гари, оглядывался, там удалялась зеленая равнина с островками рош, там влажный воздух, там сочная трава...

Проехали пару часов, навстречу начал дуть ровный устойчивый ветер, очень горячий, словно приближаемся к работающим дюзам космического корабля. Сигизмунд постанывал сквозь зубы, лицо его быстро обгорело, превратилось в рыхлую вспухшую маску. Он пробовал накрывать голову тряпками, но сухой ветер иссушал кожу, выпивал не только пот, но и вытягивал влагу из тела. Мы чувствовали себя иссохшими скелетами, где вот-вот в мешке из кожи начнут стучать кости. Шлем разогрелся, как сковорода, можно жарить яичницу, Сиг снял свой, сначала держал на руке, потом привязал к седлу, морда распухла, как булка из печи, доспехи раскалились, да и я ощутил себя консервами в плотно запаянной банке, ну и запахи, конечно, воняет от нас, аж глаза режет. Во рту пересохло, язык царапает десна.

Я оглядывался на все стороны, но Сигизмунд, более зоркий, вскрикнул с надеждой в голосе:

— Наконец-то... зеленая степь!

Коны перешли на рысь, торопясь покинуть страшное место. Мы доехали до границы, я невольно остановил коня. Здесь что-то не так, ни один ядерный удар не выжигает землю до спекшейся корки, оставляя в сантиметре рядом нежные цветочки. А здесь как будто гигантским циркулем пропели правильный круг, внутри выжжено... доныне, а за невидимой стеной буйная зелень, кузнечики скачут, бабочки, стрекозки, жучки, жужелицы, паучки, муравьи...

Сигизмунд проехал вперед, нетерпеливо оглядывался. В глазах мольба.

— Сэр Ричард... Подальше бы от этого злого места!

— Ты прав, — ответил я. — Место очень злое...

Мы рисковали, что поперлись.

— Слава Господу, — проговорил он и перекрестился, — ничего не встретили!

Я тревожно подумал про радиацию, смолчал. Дальше тянулась холмистая равнина, потом двое суток пробирались между желтых округлых гор, похожих на старые ноздреватые картофелины. Все примерно одинакового размера, желтые, и все бы хорошо, но вскоре расстояния между ними расширились, мы постепенно поднялись на возвышенность, я удивленно присвистнул.

Дальше гряда классических гор, с неровными островерхими пиками, все покрыто снегом, там резкие морщины ущелий, скалы, черные щели, я только такими и видел горные хребты, но что тогда это, что за образования, между которых мы ехали трое суток?

— Дивы дивные, Господи, — проговорил Сигизмунд, но встревоженным не выглядел, для этого надо, чтобы навстречу выметнулся дракон или отряд

рыцарей с опущенными забралами и выставленными вперед копьями.

Вершинка холма, мимо которого ехали, показалась срезанной острейшим ножом, а почва — покрыта затвердевшим стеклом. Из этой блестящей, как лед под лучами солнца, поверхности выступало шесть идеально гладких полусфер. Зацикленный на греховности Сигизмунд тут же сравнил их с женскими грудями, вызывающие направленными сосками в небо, как вызов священному небу, но мне они больше показались яйцами сверхгигантских страусов, до половины погруженными в почву.

Я даже не мог на глаз определить размеры, сердце колотилось от странного узнавания. Эти блестящие, как шлемы, купола казались пластиковыми. Или не пластиковыми, но уж очень правильная сферическая форма, природа такого не вытворяет, нет, не пластик, любой пластик за века и тысячелетия уже изъело бы кавернами, изгрызло бы, разве что особый пластик, с перестроенной структурой...

— Сэр Ричард, — сказал Сигизмунд предостерегающим голосом, — сэр Ричард, нам проще прямо... там и тропка...

— Да-да, — ответил я торопливо. — Ты прав, хоть и юн.

Он косо посмотрел на меня, мол, на себя посмотри, но смолчал, мы спустились по тропке в цветущую долину, где и застал нас закат. Сигизмунд хлопотал, соединяя в себе оруженосца, младшего рыцаря и повара, а я сидел у костра, прислонившись спиной в стволу огромного дуба, наслаждался покоем.

Багровые угли зловеще светились, похожие на огромные рубины. В них что-то происходило, ибо сами по себе то вдруг разгорались пурпуром, даже алым, то затухали, покрывались серой накидкой пепла, готовы-

вого вспорхнуть при малейшем движении ветра, да что там ветра, стоит шевельнуться или шумно вздохнуть, как сразу возгорятся целой россыпью.

Основание дуба картическое, с темно-зелеными комочками мха, застывшими желтыми каплями сока, а выше, куда не достигает свет костра, серое и почти плоское, как на черно-белой пленке. Я наконец лег, сонно наблюдал за искорками в глубине этих легких призрачных рубинов, двигаются, сталкиваются, разбегаются, угрожающе вспыхивают, раздуваются, пугливо гаснут, как вдруг краем глаза уловил сверху нечто светлое, словно уплотнившийся лунный свет.

Пятно голубовато-белого света собралось в крохотную человеческую фигурку. Я приподнялся на локте, глаза следили с тем выражением, как пес смотрит на летающую вокруг морды муши, я спохватился и прилег снова, фигурка перестала порхать вдали, приблизилась. Я рассмотрел человечка с крылышками. Показалось, что это ребенок, слишком велика голова, ножки коротковаты, толстенький, вообще пропорции детские, но поверхность струится, не давая четкости, не удается рассмотреть лицо, вообще не видно глаз, рта, только слабо струящийся во все стороны свет.

За спиной человечка трепещут полупрозрачные крылья, что мне показалось лишним, он и так невесом, а крылья... гм, или остались от прошлой жизни? Да и машет слишком медленно, ведь всем этим мухам и жукам, чтобы летать, приходится так работать крыльями, что неглядишь...

Человечек уже безбоязненно порхал вокруг меня, крупный такой светлячок, но не жук-светлячок, а какой-то нематериальный светлячок. Я осторожно вытянул вперед палец, человечек сделал над ним пирамиду

и опустился задними ножками. Веса или давления не ощущалось, как и повышения или понижения температуры, но я чувствовал его материальность, пусть и в чем-то частичную, рассматривал во все глаза, а он сидел на пальце, свесив ножки, и тоже рассматривал меня с живейшим интересом.

Теперь я смутно видел его лицо, все время меняющееся, словно бы струящееся, детское лицо. Да, все верно, у меня на пальце сидит ребенок, крылышки опустил и ручки, словно отдыхающий человечек. Глаза его, я скореечувствовал, чем видел, смотрят на меня с детской любовью и преданностью.

— Ты кто? — спросил я шепотом.

Он засмеялся, я смутно увидел широко раскрывшийся в детском смехе беззубый рот. Я ощутил к нему смутную симпатию, как будто на моем пальце сидела и светло улыбалась родственная мне душа.

Сигизмунд забормотал во сне, рука поднялась, пальцы сотворили крестное знамение. Светлый человечек улыбнулся мне еще, вспорхнул и унесся. Я сожалеющее смотрел вслед, потом вздохнул и взглянул на чистое лицо молодого рыцаря. Он шлепал губами и что-то бормотал. Я прислушался, показалось, что это женское имя. Он забормотал снова, я насторожил слух, понял, что я прав, он в самом деле шепчет женское имя, но... это имя Богоматери.

И снова каменистые холмы, время от времени я с подозрением всматривался в россыпь валунов, надеясь увидеть в них руины древнейших зданий, крепостей, памятников, монументов, но подъезжали ближе, увы, всего лишь изъеденные временем камни.

Воздух жаркий, сухой и ломкий, как крылья стрекоз. Впереди роща, мы свернули и долго ехали по опушке, в тени, но даже там воздух горячий, как из

жерла вулкана, листья шелестят жестью, копыта стучат по выбеленной земле, хрустят мелким щебнем.

Лишь однажды долина выгнулась исполинской подковой высоких желтых холмов, а в самой середине этого холма, больше похожего на защитный вал великанов, вздыбились руины древнейшей крепости. Я сперва решил было, что игра природы, как уже обманывались, но вскоре различил остатки колонн, порталов, да и сама стена чересчур ровная, а вблизи видно, что вся из отдельных каменных блоков. Века, тысячетелетия сплавили их почти воедино, отличить можно только по рисунку, что обрывается внезапно, и начинается совсем другой узор.

Крепость уплыла за спину, тут же показался замок, почти привычной архитектуры, хотя и намного проще: четыре массивные круглые башни, напоминающие шахматные ладьи, с такими же зубчиками по верхнему краю, между собой соединены высокой и явно толстой стеной, а внутри одно-единственное здание с остроконечной крышей, на кончике развевается стяг с гербом, подробности рассмотреть отсюда я не смог.

Сигизмунд с облегчением вздохнул.

— Здесь по крайней мере живет рыцарь, а не маг!

Замок в самом деле выглядел олицетворением грубой мощи, стена поднимается на высоту пятиэтажного дома, башни и того выше, уже видны блоки, из которых сложена и стена, и башни — в основание Бальбекского бы храма их, откуда такие и привезли, как будто пирамиду Хеопса растащили.

Мы подъехали, я все ждал, что кто-то сверху окликнет грубо и напомнит, что на конях в храм, это разве что татары с Наполеоном так делали, но замок казался мертвым, только жуткое шипение доносилось издалека. Мне почудилось, что там шипит плаз-

ма, горит воздух, достигая наших ноздрей повышенным содержанием озона...

— Знаешь, — ответил я, — нам что, впервые ночевать в поле? Не лучше ли для воина звездное небо вместо темного потолка с паутиной?

— Лучше, — ответил Сигизмунд поспешно.

Запасы еды давно кончились, но я удалым броском молота расшиб в лепешку крупного оленя, Сигизмунд заверил меня, что так даже лучше, мясо будет вкуснее, но я со стыдом решил в следующий раз все-таки стрелами. А молотом — все равно, что на охоте из гранатомета...

На фоне багрового заката красиво и торжественно раскинули кроны три огромных дерева, высоких и в то же время разбросавших ветви на просторе вширь, привольно, дивизия разместится в тени ветвей.

— Отдохнем там, — сказал я и посмотрел на багровеющее на западе небо. — И заночуем!

— Там должен быть ручей, — поддержал Сигизмунд с надеждой.

— С чего так?

— А такие деревья просто так не вырастут.

— Молодец, — сказал я.

Он не понял, широко распахнул глаза.

— В чем, сэр Ричард?

— Мог бы сослаться на неисповедимость воли Господней, — объяснил я. — Ох, что за черт...

Наши кони, раньше нас зачувяв воду, неслись галопом, деревья становились крупнее, но теперь оба увидели крохотного издали коня. Из-за деревьев вышел человек, остановился, завидев нас, затем наклонился, даже я догадался, что поднимает копье, довольно легко вскочил на коня.

Мы перевели коней на рысь, в десяти шагах от незнакомца остановились. Настоящий рыцарь, весь в

железе, шлем с плюмажем сверху и забралом спереди, но все великолепие доспехов я не рассмотрел, поверх железа наброшено что-то вроде простыни с огромным красным крестом во всю грудь и даже живот, а на горле блестит огромная пряжка плаща, что накрывает коня до репицы хвоста и прикрывает бока. Плащ толстый, как одеяло, тоже белый, я увидел там на спине край огромного красного креста, словно на крыше «Скорой помощи», дабы не расстреляли невзначай, приняв за бронетранспортер.

Щит длинный, треугольный, цельнометаллический, с гербом, искусственной чеканкой. Настолько красивый, что такой щит надо беречь, лучше свою голову подставлять, чем такой щит. В правой руке длинный металлический штырь с клиновидным топором на конце. Уважение мое к рыцарю сразу возросло, топор в схватке с тяжеловооруженными и закованными в крепкую сталь рыцарями намного эффективнее красивых, но мало полезных в таких боях мечей.

Из доспехов, кроме шлема и латных рукавиц, сумел рассмотреть только великолепные сапоги, с виду цельнолитые, настолько все детали подогнаны, стопа при ходьбе изгибается, как у спортивных кроссовок, однако там поверх кожи все из железа, что за искусственные оружейники это все делают?

Рыцарь выглядит огромным, устрашающим, да и конь его показался не совсем простым конем, а как если бы взяли огромного тяжеловесного брабанта, рослого и массивного, поместили в сарацинскую пустыню, где зной и немилосердное солнце, и вот теперь под ним великолепный мускулистый арабский скакун, горячий, тонкокожий, стремительный, без капли жира, но сохранивший громадный рост и толстые кости.

Так как подъехали мы, то и здороваться нам пер-

выми. Ибо первыми здороваются не только те, у кого нервы слабее, но и те, кто соблюдает правила вежливости, встречаются и такие даже среди рыцарей. Я раскрыл было рот, но всадник, выставив перед собой копье, проревел сильным гулким голосом:

— Кто вы, назовите себя!.. И признайте, что самая красивая женщина на всем белом свете — леди Кофанна. В противном случае готовьтесь к поединку.

В принципе мне глубоко симпатичен любой человек, который готов драться за честь женщины, тем более вот так, абстрактно, встретившись в темном лесу с двумя незнакомыми рыцарями, сила которых неведома. Когда ночью провожаешь девушку, а в темной подворотне встречают двое-трое подыпивших личностей, что желают позабавиться, тут просто долг каждого мужчины принять бой, спасая женщину, хотя, к стыду за мужскую половину рода людского, надо признать, что теперь даже в такой простой и понятной ситуации большинство просто удирает, бросая женщину в руках насильников.

Придумана даже классная отговорка: расслабься и постараися получить удовольствие, а потом просто прими душ, словом, есть ситуации понятные, ситуации долга, пусть и зачастую невыполнимые слабыми в области кишечника, и есть ситуации вот такие, высшие, когда она в безопасности сидит в высокой башне, а он ходит по свету и бьет по голове тех, кто не верит, что она самая красивая, бесспорочная и замечательная.

Повторяю, мужик мне глубоко симпатичен, это настоящий рыцарь, он готов страдать и получать раны за любовь; а не за прибыль, за крышу, за умелое скрытие доходов.

Но мы слишком устали от перехода, от постоянной готовности к жестоким схваткам, потому я по-

смотрел на Сигизмунда, тот уже опустил забрало и с натугой взял копье. Я вздохнул и сказал усталым голосом:

— Сэр рыцарь, мне глубоко симпатичны твои заявления. Мы не будем оспаривать твое утверждение, хорошо?.. И на этом разойдемся. А места у этого ру-чья хватит всем.

Он с добрую минуту смотрел на меня сквозь прорезь шлема, набычившись, олицетворение тупой и честной моци, наконец прогудел нерешительно:

— Значит, вы признаете, что моя леди Кофанна самая прелестная леди на свете?

Я сказал голосом, который он должен был бы принять как согласие:

— Мы не отрицаем твоего утверждения. Не оспариваем. То есть нет предмета для спора, так что можем разъехаться тихо-мирно. Без драки.

Он изумился:

— Без драки?

В голосе звучало нескрываемое презрение. Даже Сигизмунд повернулся голову, я увидел, как в щели забрала блеснули его честные глаза.

— Да, без драки, — повторил я. — Надеюсь, конфликт исчерпан?

Рыцарь начал было опускать копье до самой земли, потом вдруг выпрямился, в его сильном голосе прозвучало подозрение:

— Вроде бы, да что-то не так! Вы должны были назвать мне имена своих дам, а мы сразились бы. Выяснили бы, кто из них красивее.

Я сказал кратко:

— Мы не ищем повода для драки.

Он сказал задиристо:

— Кто не ищет повода, того находит сам повод!.. Назовите имя своей дамы, рыцарь!

У меня сердце защемило, на миг промелькнул образ Лавинии, но тут же исчез, стертый усилием воли. Я проговорил медленно, чувствуя нарастающее раздражение:

— У меня нет в сердце дамы. Я служу не бабам, а Истине.

Сигизмунд сопел и готовился метнуться на рыцаря. Чтобы этого не случилось, я вытащил меч Арианта и пустил коня в сторону рыцаря. Тот вздрогнул, я буквально видел, как расширились его глаза там, в железном горшке. Он громко ахнул густым басом, довольно ловко соскочил с коня и с поспешностью подбежал ко мне.

— Паладин!.. Простите, сэр, я принял вас за таких же, как и я, обезумевших от любви. Я еще никогда не встречал паладинов...

Он придерживал стремя моего коня, я понял это как приглашение сойти на землю, оглянулся на Сигизмунда, тот бросил копье на землю и поднял забрало, довольный, что надменный рыцарь так явно признал наше полное превосходство над ним.

— Женщина знает смысл любви, — сказал я, — а паладин — ее цену. Так что у нас полное взаимопонимание, сэр...

— Зигфрид, — сказал он с достоинством, придерживая мне стремя. — Сэр Зигфрид из рода Нibelунгов, младший сын владетельного сеньора Кунинга.

— Разделите с нами скромную трапезу, сэр Зигфрид, — предложил я. — Мы — странствующие рыцари, бредем во Христе, соблюдая пост... еще как соблюдая, так что вам будет не зазорно и не противно вашим морально-нравственным установкам.

Ручей вытекал из-под корней дуба, даже здесь симбиоз, дуб хранит от пересыхания, от солнца, от ветра и песка, а ручеек в благодарность питает его

корни. Я и раньше задумывался, как это они находят друг друга, но обычно если вот так в степи могучий раскидистый дуб, то из-под него обязательно выбегает ручеек, а если где-то ручеек, то явно его заметит с высоты своих ветвей и перебежит к нему дуб...

Зигфрид помог мне снять доспехи, сам же разоблачался не раньше, чем устроил меня на отдых. Я прислонился к стволу дуба, тело ноет, усталость пропитала каждую клеточку. Зигфрид наконец снял шлем, оказавшись широкомордым и широкоскулым, а когда снял панцирь, я увидел, что весь соответствует мордости: широкий в плечах и выпуклогрудый, толстощей, с мускулистыми руками, толстыми, как бревна. Верхняя половинка лба нежно белеет, как украинское сало, остальная часть лица и шеи покрыта таким сильным загаром, что я принял бы его за сарацина, если бы не все остальное, очень уж не сарацинное.

Он снял и сложил металлической горкой доспехи, стянул через голову кольчугу, а затем и вязаную рубашку. Сильно пахнуло крепчайшим мужским потом, на груди блестят влажные волосы, плечо сильно перетянуто чистой тряпицей с крупным засохшим пятном крови. Он перехватил мой взгляд, сказал, морщась:

— Два дня тому... Подрались в корчме. Пока я гнал и лупил одних, кто-то метнул нож. Я тогда был без доспехов, не в лесу же, спустился пообедать...

Он пошел с рубашкой в руках к ручью. Я пошел следом, он оглянулся, показал на рубашку.

— Постираю, не люблю эту вонь. Да и сам сполоснусь...

Я оглянулся на Сигизмунда, тот разводил костер, выбрав местечко так, чтобы оставаться в тени, но и не обжечь деревья.

— Хорошее дело, — сказал я.

Он покосился с подозрением.

— Вы так думаете? Это я у сарацин научился. Никак не могу отвыкнуть.

— Не стоит, — сказал я. — Скоро всю Европу привучим мыться.

Он не поверил своим глазам, но я забрался выше по ручью в воду, там по колено, сел в ледяную воду и с наслаждением смывал с себя пот и грязь. Со стороны деревьев поднялся дымок, видно было, как хлопчет и суетится Сигизмунд. Зигфрид тщательно выстирал рубаху, снял штаны и тоже выстирал, даже постучал плоским камнем, выбивая въевшуюся грязь, затем и сам влез в воду, даже лег, с наслаждением пуская пузыри, опуская голову под воду.

Повязка размокла, Зигфрид морщился, начал снимать слой за слоем. Нижние держались за рану крепко, наконец отодрал, не дрогнув, рана обнажилась неширокая, но глубокая. Сразу же выступила и полилась тонкой струйкой кровь. Зигфрид вывернул рожу и дико скосил глаза, разглядывая рану, с каменным лицом раздвинул кончиками пальцев края, молодец, не дает загноиться, пусть кровь выносит все чужое, заживать должно изнутри...

— Все ныла, — сообщил он довольно, — а теперь перестала... Должно быть, от холодной воды.

— Да, — согласился я. — Это компресс.

Он перехватил мой взгляд, снова посмотрел на рану. Прислушался, на лице начало проступать удивление. Кровь течь перестала, свернулась, засохла, осипалась сухими коричневыми скорлупками, похожими на чешую грязной рыбы. Края раны стали сизыми, вздутыми, подрагивали, сдвигались, сомкнулись под нашими взглядами.

Зигфрид посмотрел на меня с великим почтени-

ем. Мне показалось, что он едва удерживается от желания встать на колени.

— Сэр, — проговорил он с чувством, — я только слышал, что паладины одним своим присутствием заживляют раны соратников... Спасибо, сэр, что сочли меня достойным.

— Ага, — выдавил я, — ага, ну да... эта... пойдемте, а то от костра такой запах...

Он поспешил натянуть мокрую одежду на белое, как у личинки майского жука, тело. Она красиво облегала его могучий торс, не очень изящный в талии, но по-мужски грубовато красивый. Я шел впереди, как и положено старшему по званию или по чину, я уж не знаю, к чему паладин больше относится, может быть, вообще к сословию, изо всех сил старался скрыть обалделость, делал морду ящиком, что здесь выглядит как человек с достоинством. Значит, тогда в монастыре меня наделили не только званием паладина, но и свойствами? Надо как-то незаметно узнать, что может паладин еще...

Сигизмунд разложил на чистой скатерти круги сыра, хлеб, тушки жареных рябчиков, что мы захватили в корчме, ломти жареной говядины. Зигфрид покрутил головой.

— Ого! Ну и пост у вас, святые братья...

— Это вот карась, — простодушно сказал Сигизмунд, указывая на половинку поросенка. — А это форель... Форель, сэр Ричард? А то я в рыbach плохо разбираюсь, я ж лесной человек...

Зигфрид выглядел обалделым, но смолчал, осторожно стал есть этого странного карася, потом разошелся, уже и сам называл его карасем, правда, пару раз обозвал окунем, зато насчет форели не сбился ни разу. Сигизмунд честно рассказал, как я, будучи па-

ладином, превратил скромную пищу в постную, так что греха никакого нет, мы все такие же безгрешные.

— Ага, — сказал Зигфрид чуточку обалдело, — ну, от одного греха подальше, к другому поближе... Главное, что раскаяться никогда не поздно, а согрешить можно и опоздать... если вы не против, я возьму и этот плавничок? Что за дивная форель!.. Да будь благословенно озеро, где такие рыбные места!.. Я уж думал, что паладины только медом и акридами, а они, гляди ж ты, еще и форелями!..

Я не знал, так ли насчет акрид, по-моему, акриды — это обыкновенные кузнечики, на всякий случай улыбнулся и указал на Сигизмунда:

— Он пока что не паладин. Хотя не сомневаюсь, что со временем станет.

Сигизмунд едва не выронил от испуга и смущения хлеб и мясо:

— Сэр Ричард, пощадите!.. Я и рыцарь-то не совсем достойный...

Зигфрид сказал довольно:

— Достойный, достойный!.. Я как увидел, как вы эту... рыбу разделяете, сразу понял, что настоящий рыцарь. У вас есть дама сердца?

Сигизмунд покраснел, сказал жалко:

— Н-нет еще...

— Будет, — заверил Зигфрид. — Нет ничего внезапней любви. Вот разве расстройство желудка... Любовь — это не баран накашлял! Как охватит внезапно... ух! Вот, помню, моя леди Кофанна...

Сигизмунд слушал внимательно, я сказал наставительно:

— Сэр Зигфрид помнит имя своей дамы, значит, любит. Это очень важно, сэр Сигизмунд! От любви сердце должно петь, понимаешь? Правда, когда от любви сердце поет, то мозгам лучше не подпевать, а

дирижировать, но кто из нас, мужчин и рыцарей, станет делать то, что лучше? Это даже стыдно как-то. Меркантильно. Мы не должны искать выгоды от любви! Чем абсурднее, тем лучше, честнее... На то мы и рыцари. И пусть вымрем, пусть!.. Но мы останемся рыцарями, а не юристами.

Зигфрид кивал, Сигизмунд достал кувшин с вином, Зигфрид вконец развеселился, запел походную песню, что вскоре плавно перетекла в балладу о славном рыцаре и двух веселых монашках. Я откинулся спиной на ствол дуба, прикрыл глаза, делая вид, что задремал. Что-то приобретая, мелькнула мысль, что-то теряю. Паладин, судя по разговору Зигфрида и Сигизмунда, лечит раны товарищей по оружию, но не может лечить себя сам. Ладно, я и раньше не мог себя лечить, так что это не потеря. Даже не упущенная выгода. Но наверняка немало и потерял, знать бы заранее, что именно...

Рука машинально поднялась к амулету, пальцы коснулись блестящего камешка и опустились в бессилии. Если и потеряю что, то вряд ли это вещественное.

Глава 9

Сигизмунд заснул сразу, я отрубился следом, даже не заметил, как это случилось, все так же лежу у костра, а ко мне подходит танцующей походкой Саня, пухленькая, сочная, нежная. Я смотрел в ожидании, она приложила палец к губам, указывая на спящего Сигизмунда и Зигфрида. Те оба лежат на спинах, широко раскрыв пасти, почему-то в расписных рубахах с петухами, возле них полуоткрытые рюкзаки, оттуда выглядывают консервные банки, у каждого на голове металлическая полоска дуги с широкими наушниками.

Да и лежим на полянке подмосковного леса, вон

вдали ажурные столбы высоковольтной передачи, похожие на марсианские боевые машины. Я приподнялся на локте, Саня тихонько села рядом, теплая, зовущая и ласковая. Я сразу ощутил желание ухватить ее и немедленно погрузиться в сладкую нежную плоть, напряг всю свою волю, удерживаясь. Саня смотрела сочувствующе, шепнула:

— Борись... Ты не аскет, тебе не обязательно преодолевать зов плоти, но не будь и чересчур прост...

Чересчур прост, мелькнуло у меня в голове, это животное, что хватает кусок мяса и торопливо жрет. Человек же научился мясо жарить, перчить, поливать соусом старых камасутр и новейших излишеств, жрать медленно и с наслаждением, улавливая все оттенки, продлевая удовольствие, и я сказал, как можно более контролируя себя:

— Саня, ты многих аскетов сбила с пути истинного?

Она сказала нежно:

— А каков он, этот путь, дорогой?.. Но ты прав, отказались от своего пути, да, многие.

— А я? Откажусь?

Она смотрела на меня с любовью и нежностью, как показалось мне, хотя в этих ситуациях мне этого и не требовалось, я всегда знал, что это сон, потому торопливо хватал и пользовал, а то частенько поллюция наступает раньше, чем успеваю ухватить.

— Я тебя и не сбивала с твоего пути.

— А что?

Ее смех был тихим и нежным.

— Просто совращала. Ты показался мне... необычным. Так и случилось...

Горячая тяжесть все больше концентрировалась в низу живота, я спросил торопливо:

— А в чем... получилось?

— Ты еще не догадался?

— Нет, — ответил я с трудом.

Горячая волна встряхнула тело. Саня торопливо метнулась в мои объятия, чтобы я хоть в последний миг успел насладиться ее телом. Я ухватил грубо, смял, торопливые толчки еще продолжались, а в мозгу появилось слабое разочарование, что не успел че-го-то важного узнать, ведь мы же люди, а не животные, нам мало трахнуть или просто выпить, нам бы еще и поговорить...

Ее тело таяло, истончалось, становилось все светлее, превращалось в рассвет, я зажмурился и старался сосредоточиться на догадке, что показалась слишком невероятной, дикой, однако... Наверное, вот на этой грани между сном и бодрствованием как раз и приходят редкие, умытые сном мысли, что при ярком беспощадном солнце кажутся дикими и нелепыми.

Сигизмунд и Зигфрид, потихоньку разговаривая, сидели у костра, там полыхали свежие ветки. Зигфрид, видя, что я проснулся, принялся точить меч, этот не- приятный визг мог бы пробудить даже мертвого.

— Хорошо спите, сэр, — сообщил он. — Благородная кровь сказывается!

— У меня? — изумился я.

— Ну да. Простые рыцари, вроде нас с сэром Сигизмундером, встают рано. Он говорит, что вы оленя молотом зашибли?

— Он вообще много говорит, — ответил я раздраженно. — Это я так, пошалил.

— Как-нибудь покажете?

Я сел, указал на молот.

— Вот он.

— Да нет, как... ну, чтоб вдрывг, а потом к вам в руку.

— Покажу, — пообещал я. — После завтрака.

Он поинтересовался нейтральным тоном, чтобы я мог увильнуть от ответа или перевести на другое:

— Далеко путь держите?

— Уже рядом, — ответил я. — Похоже, вон там начинаются деревни, принадлежащие великому рыцарю Галантлару. А где-то вскоре увидим и его замок.

Я собирался встать, амулет выскользнул из-за пазухи и раскачивался, как крохотное кадило, я взял в ладонь и хотел сунуть за пазуху, земля зашевелилась под боком, взлетели три блестящих комочека. Я машинально подставил ладонь, два успел подхватить, третий поднял с земли. Золотые монеты оказались овальной формы, с полустертыми надписями, на двух бородатые лица, на третьем кентавр, натягивающий лук.

Зигфрид смотрел оторопело.

— Деньги счастья не заменяют, — сказал я благочестиво, — зато в дороге помогают обходиться без него.

— Но, — воскликнул он, — как это?..

— Господь помогает паладинам, — напомнил я скромно. — Чтобы в дороге не терпели лишений.

Он все еще не мог оторвать взора от монет. Затем перевел ошелепый взгляд на разгрызенные в поисках сладкого костного мозга... кости карася и форели, пустой кувшин Сигизмунд забросил в кусты, вон его донышко, снова посмотрел на меня. Похоже, его стукнула и даже тряхнула некая мысль, он боролся с нею, но она не отставала.

Я не стремился помочь, мужчины решают свои проблемы без психоаналитика, он переговорил с Сигизмундом, подошел ко мне. На лбу образовалась складка, рыцарь мыслил. Я закончил седлать коня, когда Зигфрид, потоптавшись за спиной, проговорил громыхающим голосом:

— Сэр Ричард, я так вам обязан за избавление от этой раны...

— Пустяки, — сказал я.

— Ну да, — возразил он, — для меня не пустяки! Она, правду сказать, успела меня измучить, проклятая, в этой жаре...

— Пустяки, — повторил я. — Вы же видели, сэр Зигфрид, что я даже не заметил своих усилий. Это одно из немногих преимуществ паладинства. Правда, не уверен, что перевесят все минусы...

— А что за минусы? — спросил он с живейшим интересом.

— Ну, наверное, нельзя жульничать при игре в кости. Возможно, нельзя чужую жену...

— «Наверное», «возможно»... Вы что же, еще не пробовали?

— Меня недавно опаладинили, — объяснил я. — Даже то, что могу лечить, только на вас, сэр Зигфрид, выяснил. Все открытия, приятные и не очень, еще впереди.

Я поставил ногу в стремя, Сигизмунд уже в седле, Зигфрид снова развел руками, сказал напряженным голосом:

— Знаете, я вообще-то рыцарь-одиночка... но вот сейчас мне вдруг восхотелось в ваше дружное рыцарское общество!.. Да и вам, говорю честно, пригодится мое копье, мой меч и мой топор. Я умею с ними обращаться, дорогие друзья!

Я взглянул на Сигизмунда, тот явно доволен, но молчит, созерен я, за мной решающее слово.

— Э-э... — сказал я, — как бы это... гм... сказать поделикатнее... Оформить грубую реальность в дипломатичную учтивость.

Я остановился, подбирая слова, а Зигфрид сказал быстро:

— Прежде чем вы оформите свою мысль в острые, как ваш меч, слова, доблестный сэр Ричард, хочу

принести вам вассальную присягу... на время этого похода, а буде продлится, то на все полные сорок дней. В эти дни я обязуюсь выполнять беспрекословно все ваши распоряжения, если не попрут... не будут попирать мою честь и достоинство, буду следить за вашим конем... хотя за этим дьяволом следить вряд ли надо, я уже приметил за ним кое-что... словом, обязуюсь быть верным и преданным членом отряда! Вашего отряда.

Он смотрел на меня открыто и честно, могучий и уже немолодой ветеран, даже странно, что бьется ради бабы, скорее всего у него и бабы нет. Выпендривается, зато повод бить встречных очень возвышенный и благородный.

— Добро пожаловать, сэр Зигфрид, — сказал я. — С вами мы на третью сильнее!

А Сигизмунд сказал хитренъко:

— Сэр Зигфрид, признайтесь, что вас побудило к нам присоединиться?

— Усы, — ответил Зигфрид, — делают мужчину старше, книги в мешке — мудрее, а отсутствие денег — говорчивей. Есть золотое правило — у кого золото, тот и устанавливает правила. Золото сейчас у сэра Ричарда, у меня лишь дырявые карманы... Когда я был молод, думал, что золото — это главное в жизни. Теперь, когда я... гм, немолод, я это знаю.

Он оседлал коня, взгромоздился в седло, очень серьезный, даже чересчур, так что Сигизмунд, у которого с юмором туго, принял все за чистую монету, начал посматривать на нового боевого товарища с отвращением.

А Зигфрид перехватил мой взгляд, захочтал и сказал громко:

— Что ж поделаешь, придется приспособливаться

жить на большие деньги... Как думаете, сэр Ричард, сумею?

— Если как мы, то легко, — заверил я.

— Легко приходит, — добавил Сигизмунд с укором, — легко уходит.

— Святая церковь учит презирать богатство, — сказал я наставительно.

А вообще-то Зигфрид хорош, мелькнуло в голове. Вроде бы увалень, а соображает быстро. И понимает, почему я осторожно подбирал слова для дипломатической учтивости. Дипломат — это человек, который может послать таким образом, что с предвкушением будете ждать путешествия. А если и нагадит кому в душу, у того во рту остается легкий привкус лесных ягод.

Но если он это понимает, то и сам, как истинный дипломат, может умильным голосом произносить «хороший песик» до тех пор, пока под руку не попадется хороший бульжник.

Отдохнувшие кони несли легко, деревушка впереди не очень зажиточная с виду, но домов не меньше трех десятков, уже не деревня, а почти село. Сразу от околицы набежала детвора с собаками, женщины на всякий случай юркнули в хаты, я видел блестящие от любопытства глаза в дверных проемах, мужчины прижимались к заборам, давая нам дорогу, взгляды у всех настороженные, тревожные.

Дома расступились, широкое вытоптанное место, словно танцевали слоны, могучий дуб, под ним четыре толстенных дерева с ободранной корой, под копытами сухо затрещали скорлупки орехов.

Я остановил коня на этом месте привычных деревенских посиделок, спросил громко, ни к кому не обращаясь:

— Есть здесь дом, где можем перевести дух, напоить коней?.. За все заплатим!

На нас смотрели опасливо, молчали. Из-за каждого забора смотрели серьезные детские мордашки. Зигфрид подозвал одного мужичка ближе, сказал доверительно:

— Если здесь негде остановиться, то заночуем у тебя. Как, жена у тебя красивая?.. И посуды много? Я страсть как люблю посуду бить. И палить все люблю, когда напьюсь...

Мужик вздрогнул, сказал умоляюще:

— У меня тесный дом, господин!.. Самый просторный дом у нашего войта, вон тот, с черепичной крышей. А через два дома, видите две вербы?.. Там Иволинна, у нее две дочери взрослые, да и сама в теле...

Зигфрид повернулся ко мне, рот до ушей, я пробормотал:

— В самом деле, трудная задача нравственного выбора... Что скажет мой боевой отряд?

— К Иволинне! — воскликнули Сигизмунд и Зигфрид в один голос, по глазам видно, кто нацелился на дочку, а кто на тело.

— Ладно, — согласился я, — раз уж демократия... а к старосте зайдем пообщаться.

Я повернул коня, на ходу поинтересовался у мужика:

— А что, эта Иволинна, вдова?

— Нет, но ее муж с братом погнали скот на продажу в крепость...

Когда мы подъехали к двум вербам, я слышал, как Зигфрид втолковывает юному рыцарю:

— Никогда не спрашивай у женщины, сколько ей лет. Спроси лучше, когда муж возвращается из замка.

Сигизмунд пробормотал:

— Да зачем это тебе?

— О, любовь замужней женщины — великая вещь. Женатым мужчинам такое и не снилось.

Я постучал в ворота, толкнул, створки распахнулись, мы въехали в довольно просторный двор. Собственный колодец, сверху навес, три сарая, дорожка ведет к дому. На крыльце вышла женщина в длинном платье, не скрывающем руки и плечи, в теле, как сказал мужичок, очень в теле, но, как всякие постепенно полнеющие женщины, очень свежая и румяная, без единой морщинки на лице, пышущая здоровьем.

— Хозяюшка, — сказал я скромно, — мы путники из дальних мест. Дозволь у тебя перевести дух, накормить и напоить коней. Да и сами мы что-нибудь попили бы и съели. За все будет заплачено, не беспокойся.

Она внимательно осмотрела нас, только я остался в седле, Зигфрид слез первым, по-хозяйски уже привязывал коня, Сигизмунд тоже сполз на землю. Женщина поинтересовалась:

— Если я скажу, что не принимаю гостей, то вы, конечно же, прям так и повернете назад?

— Ты угадала, — признался я, — хоть и красивая... даже очень красивая, но еще и умная! Где же в тебе кроется порок для равновесия?

Она довольно заулыбалась, на комплименты даже женщины ловятся, не только мужчины, подбоченилась, осмотрела нас снова уже с головы до ног.

— Порок?.. Как-нибудь попозже... Ладно, коней вон в тот сарай, там стойла и даже ясли. Помыться можете в той бочке, там дождевая вода. С ужином придется подождать, пошлю к соседям, чтобы прислали еще мяса.

— Вы умная женщина, — сказал я честно. — Вижу, умеете принимать гостей.

Она пожала плечами, полными и округлыми, как головки сыра.

— Муж занимается торговлей, у него часто бывают гости. Привыкла.

Сигизмунд перехватил повод моего коня и увел в сарай, а я поднялся на крыльце. От женщины вкусно пахло потом, ветчиной, сеном, под глазом вроде бы вчерашний синяк, уже рассасывается, я смолчал, что говорить, уже наверняка все сказали до меня. Ростом мне до подбородка, что значит — высокая женщина, на меня посмотрела с удовольствием, любой женщине приятно ощутить себя дюймовочкой.

В большой комнате чисто и опрятно, пусто, а когда пересек и выглянул на задний двор, там молодая женщина кормила кур, а далеко на огороде между грядками удалялся от дома мощный зад на довольно мускулистых загорелых и крепких крестьянских ногах.

— Мои дочери, — сказала за спиной Иволинна. — Знаю, что у вас на уме, но лучше эти мысли выбросьте.

— Хорошо, — согласился я, — у меня вообще период целибата, я ж паладин... хоть не уверен, что это обязательно. А что с ними не так? Изо рта сильно пахнет?

— У меня самые красивые дочери в деревне, — ответила она с достоинством. — А у вас сколько длится этот период? Пока обедаете?

— Не приведи Господь так оголодать, — ответил я с испугом. — Зачем же так долго?

— Ладно, я предупредила. Они постоять за себя могут. А на то, что ведьмы, можете не обращать внимания. Можете!

Я выложил на стол золотую монету.

— Мы пробудем недолго. Надеюсь, это покроет все расходы.

Она долго смотрела на золото, перевела взгляд на меня. Брови поползли вверх.

— Сэр паладин, — произнесла она с чувством, — в нашем селе золота отродясь не видели! Даже если останетесь здесь до конца жизни, все равно это будет много! Золото надо тратить с умом...

— Зачем? — удивился я. — Ум еще может пригодиться.

Она врубилась не сразу, улыбнулась, лицо осветилось, помолодело.

— Вы правы, сэр паладин. Женщина встречает по одежке, а провожает...

— ...поутру, — подсказал я.

Она засмеялась громче, запрокидывая голову, шея чистая, нежная, гладкая, кожа здоровая, загорелая, только в низком вырезе платья колышутся нежные горы молочного цвета. И зубы все ровные, жемчужно белые, чистые, явно не только дочери ведьмы, но и сама что-то да умеет, вон кромки остренькие, несточенные, словно у юной девушки.

Уже без колебаний она взяла монету, вышла на задний двор. Я слышал ее звучный низкий голос, дочери примчались послушно, снова унеслись, уже к соседям.

Девки часто забегали в дом, таскали нам еду, в самом деле яркие и броские, заметные в любой толпе. Мы отдыхали, нам таскали лучших гусей, сыр, мясо, рыбу из ближайшего озера, кузнец и шорник осматривали коней и упряжь, перековывали коня Зигфрида и Сигизмунда, на моего посматривали с опаской и обходили по большому кругу. Уже все знали, что мы платим щедро, но ведем себя смирно, не поджигаем дом и не рубим мебель, никого все еще не изнасиловали, я уже видел сожаление в глазах приносящих гусей, что не догадались пригласить заночевать у них.

Мы с Сигизмундом ели, соблюдая приличия, но оголдавший Зигфрид набрасывался на еду, как отощавший волк, смотреть любо-дорого, у него трещало за ушами, тяжелые челюсти двигались, как мельницы жернова, кадык то и дело проталкивал вниз новые порции жареного мяса.

— Гусь свинье, — сообщил он, — на один раз похрать, верно? Скромность украшает, но оставляет голодным. Как вам наша хозяйка? Ничто так не украшает женщину, как временное отсутствие мужа... вы, друзья, займитесь дочками, а хозяйка мне уже улыбнулась, понятно?.. И кормит меня лучше, чем вас, заметили?

— Женщина, — заметил я, — считающая, что путь к сердцу мужчины лежит через желудок, метит слишком высоко.

Сигизмунд спросил наивно:

— А какой самый короткий путь к мужскому сердцу?

— Через его желудок, — ответил Зигфрид твердо, — причем дорогу нужно проптать жареными гусями, печеными порослями, ветчиной, шейкой, грудинкой, карасями, тремя-четырьмя бочками вина...

Сигизмунд посмотрел на меня, я подтвердил:

— Да, верно, через его желудок. Если только женщина не зашла сзади.

— Как это? — переспросил Сигизмунд.

— Путь к сердцу мужчины лежит через его левый желудочек, — пояснил я. — Через грудную клетку при помощи острого ножа... Вы уже знаете, что они все трое — ведьмы? Мненичо, я паладин. Меня защитит моя святость... наверное, а вот вы, гм...

Они переглянулись, Сигизмунд даже недогладанную кость опустил, но Зигфрид сказал бодро:

— Умение летать на метле — это то, что отличает ведьму от обычновенной женщины! Ну и пусть себе летает... в свободное время. Но свободного времени не будет, я сумею ее занять чем-нибудь.

Он подмигнул нам обоим, не переставая жевать, мол, чтобы женщина стала прекрасной царевной, мягкой и пушистой, надо просто спустить с нее шкуру, лягушка она или ведьма — не важно. Судя по виду

Сигизмунда, молодой рыцарь подумал про леди Кофанну, еще не понимает, что для настоящего рыцаря идеал женщины, за который он готов драться и дерется, — одно, а женщины, что встречаются по дороге, — другое.

Сигизмунд сказал дрогнувшим голосом:

— Вы как хотите, я лучше проведу ночь в молитвах и бдении.

— Правильно, — обрадовался Зигфрид. — Святость — великое дело!

— На что вы надеетесь, сэр Зигфрид?

Он ответил бодро:

— Женщины изменяют в двух случаях: по необходимости и просто так, верно? Необходимость в том, что ни одна разумная женщина не пройдет мимо такого героя, как я, без того, чтобы у нее не сбылось дыхание. А эта Иволинна, уверен, уже спилила не одно дерево, разрушила не один дом и вырастила, как видите, двух дочерей! Настоящая женщина, а я — настоящий...

Скрипнула дверь, Иволинна вошла с улыбкой на румяном полном лице, большой кувшин прижимает к груди. Мы все трое засмотрелись не на кувшин, а на полные, налитые жизнью груди, от которых жар и мощный зов.

— Вот, — сказала она низким грудным голосом и поставила кувшин на середину стола. Когда наклонилась, груди оттянули тонкую рубашку, прорисовавшись очень даже отчетливо. — Это лучшее вино, за ним бегали в соседнюю деревню!..

— Да стоило ли так... — сказал я почему-то хрипловатым голосом.

— Стоило, — заверила она. — О вас тут долго будут вспоминать.

— Мы уж постараемся, — заверил Зигфрид.

Она неторопливо удалилась, ступая красиво и царственно, слегка двигая из стороны в сторону мощными и приподнятыми, как конский круп, бедрами.

— Королева! — сказал Зигфрид восторженно. — И знает себе цену, заметили? Женщина, которая ценит себя слишком низко, сбивает цену всех остальных женщин.

— Да-да, общие интересы блюдет, — согласился я. — Надеюсь, мы блюдем тоже общие интересы нашего боевого отряда?

Глава 10

Вечер, прохлада, я вышел на крыльце, небо чистое и ясное. Все звезды как на ладони или как в атласе по астрономии. Знать бы, как они должны стоять, вдруг бы заметил какую разницу... Впрочем, даже заметил бы, что с того?.. Лучше стой, дыши свежим воздухом. Здесь уж точно нет выхлопных газов, химиков, а хорошо пахнет свежим навозом, таким теплым и домашним, доносится аромат конских каштанов, оттуда слышно злое чириканье воробьев, дерутся за непереваренные зернышки ячменя и проса.

По улице шли двое подростков, оборванные, босые, с грязными нечесанными головами. Один что-то доказывал другому, тот скептически отмахивался. Я не двигался, они меня не видели, я в тени, прошли неподалеку, я услышал, как тот, что отмахивался, спросил скептически:

— А тролли?

— Что тролли, — ответил второй мальчишка с жаром, — тролли посильнее гоблинов, но им тоже с рыцарями не драться, дело гиблое. Пусть даже двигаются огромной стаей, но рыцари умеют сражаться и в строю! Их кони идут в полный галоп так, что земля дрожит, и грохот такой, что стон на земле, под землей

и в небесах! Ты же видел этих троих, что у тетки Ивлинны? Такие строй не теряют, а их копья не колыхнутся. Все в железе так, что только глаза видны через прорезь в шлеме, все храбрецы, все жаждут славы и потому готовы на любые подвиги...

— На подвиги?

— А что тебе не так?

— Да просто пограбить едут, — сказал голос.

Они прошли мимо, а я смотрел в их удаляющиеся спины. Мне почудились знакомые интонации. Именно так доказывали мне в школе, в институте, на туловищах — что в основе любых деяний лежит экономика. Князь Игорь пошел на половцев не ради славы, а ради грабежа, крестовые походы только ради грабежей, Америку открыли только для грабежей, и Коперник сообщил миру, что Земля круглая, чтобы легче было ее грабить...

Хорошо, подумал я, хоть о Фрейде пока ни слова. Все еще впереди. Еще будут доказывать, что в основе всех деяний нереализованные сексуальные извращения. А доказывать будут, обязательно будут. Простолюдины есть простолюдины... Но здесь они на правильном месте, на нужном месте. Никто с их мнением не считается, перед ними не заигрывают, никакой они не электорат, их голоса не важны. Здесь это люди, которые выращивают зерно и скот, пекут хлеб и добывают руду, доставляют в замки продовольствие, железо и прочее, необходимое для жизни. А высшие ценности определяют не они. Потому здесь «плуй на все и береги здоровье» не стало общечеловеческой ценностью, а осталось ценностью простолюдинов или, если уж совсем откровенно, чего лукавить, быдла.

За окном громко и настойчиво кричали петухи. А еще дальше отвечали, как часовые, что дают друг другу знать, мол, все в порядке, враг еще не пробрал-

ся. Клич идет по цепочке, по кругу, возвращается к закричавшему первым. Это, понятно, майор, или мэр, что одно и то же.

Полусонный, я слез с лежанки и потащился до бочки с водой. Там как в зеркале отразился крепкий молодой парень, все достоинство которого в первые дни было только в росте и длине рук, довольно средний рост в моем времени, но здесь еще не знают акселерации. От нелегкой жизни мои мускулы уже не помещаются в старых доспехах, молот перестал казаться тяжелым, а конем могу управлять любым, сдавливая бока коленями.

Из лука стреляю, правда, хреново, если не сказать крепче, но в целом я стал шире в плечах, мускулистее. Как говорят, армия сделала из меня мужчину, хотя я предпочел бы для этой цели просто сходить в женское общежитие.

Из соседней комнаты доносились мужские голоса, мне показалось, что слышу игривый женский смех.

Вытираясь на ходу, я вышел, споткнулся о Сигизмунда. Он вскочил, сказал с готовностью:

— Ночью было много дивного... Но я крестом и молитвой отгонял нечисть!

— А соблазны? — спросил я.

Он ответил, глядя в глаза преданно и честно, только покраснел самую малость:

— Было. Много. Но я устоял!

— Верю, — ответил я. — Несправедливо, верно?

Возможность может постучать в твою дверь раз в жизни, а искушение барабанит годами, заглядывает во все окна, скребется в дверь, визжит и машет хвостиком, трясет выменем... Вы с Зигфридом пока займитесь завтраком, а я загляну к старосте.

Он крикнул мне вдогонку:

— Сэр Ричард, а что вы делаете, когда испытываете такое вот мучительное искушение?

— Стараюсь испытать его подольше, — ответил я.

Он смотрел мне вслед, я даже не глядя видел на чистом юном лице совсем другую трактовку моей глупости, мол, святой паладин длит искушение, дабы заметнее была победа.

Дом войта самый заметный, более того, стены каменные, из древних пощербленных глыб, не поленился разобрать какую-то древнюю постройку. Что им памятники старины, здесь куда ни плюнь — памятник. Живым хоть ложись и мри. В доме мрачно, повеяло темницей, но староста, видимо, находит его сносным. Каменные стены не прикрыты коврами или gobelenами, как было бы в замке, здесь это просто камень, я прислушался к звукам, доносящимся с той стороны дома: унылый скрип дерева, что раскачивается под окном... кстати, ветра нет, издалека донесся унылый волчий вой, тоже странно, кто же воет днем, когда ночи еще не отменили...

Хлопнула дверь, вошел довольно крепкий и сравнительно молодой мужик. Я почему-то ожидал старца с длинной седой бородой, но этот поджар, быстро-глаз, окинул меня цепким взглядом, что мне не понравился, никто не любит, когда о нем понимают слишком много, потому я бесцеремонно сел за стол, кивнул ему, словно это мой дом, а он гость:

— Можешь сесть. У меня к тебе пара вопросов.

— Да, ваша милость, — ответил он смиренно и послушно опустился на краешек табуретки. Что-то уловил, сразу подпустил уважительности, почтительности, кашу маслом не испортишь. — Все, что знаю, к вашим услугам.

— Это уже земли доблестного воителя, славнейшего из рыцарей, сэра Галантлара?

Что-то промелькнуло на его лице, но в следующее мгновение он уже отвечал, глядя мне в лицо прямо и честно, даже чересчур прямо и честно:

— Да, ваша милость. Вы правы, ваша милость.

Я нахмурился, побуравил его взглядом, прорычал:

— А где сам замок?

— Близко, ваша милость, — ответил он послушно. — Мы в низине, а если чуть подняться, то замок сразу же и откроется во всей красе.

Я помолчал, делая вид, что о чем-то раздумываю, пусть видит, что человек я серьезный и основательный, поинтересовался вроде бы невзначай:

— А что за человек этот Галантлар?

Он взглянул осторожно, но из норки себя не выпустил, ответил оттуда:

— Могучий господин. Очень могучий.

— Это я знаю, — сказал я нетерпеливо. — Как бы иначе захватил такой замок?.. Но что он сам за человек? Добр или зол?.. Дает ли какие-то свободы или за каждую провинность вешает?.. Да не просто вешает, а за горло?

Он помолчал, ответил еще осторожнее:

— Не наше это дело, судить дела господина. Он поступает, как... как господин. Он могуч и силен, соседи нас обижать не осмеливаются...

Он умолк, я кивнул.

— Хорошо сказал. Верно, каждый должен знать свое место. Простолюдин свое, сеньор — свое. А король — тоже свое. Значит, сам вас все-таки обижает...

— Я этого не говорил, — запротестовал он.

— Не в лоб, — заметил я, — но все-таки сказал... В чем эти обиды?

Он помолчал, глядя исподлобья, сказал очень осторожно:

— На господина обид нет. Но сам он почти пере-

стал показываться из замка. Раньше его видели часто... Да что там почти, в самом деле последние два года его не видели. Мне довелось в прошлом году побывать в замке, отчет давал, так он, скажу вам, ваша милость, настолько стар, что я просто не знаю... Всеми делами уже давно заправляет Цеппер и Шваргельд, да еще Етлинг, это они берут молодых женщин на поругание, на первую брачную ночь...

Я прервал:

— Первая брачная — это ж освященное право сеньора, это можно, а вот как эти Цеппер да Шваргельд, они что, тоже господа?

Староста покачал головой.

— Нет, господин один — Галантлар. А они — слуги.

— Может быть, колдовство какое? — предположил я. — Слыхивал, что Галантлар приехал в эти земли не так уж и давно, ну лет пять от силы! Что же он так вдруг постарел... Или нечистая сила?

Староста без всякого удивления развел руками.

— А кто не колдун? Всякий замок либо на колдовстве, либо с помощью колдовства. Говорят, где-то на дальнем Севере не так, но есть ли он вообще, тот север? Да, хозяин — великий колдун, да и служат ему...

Он осекся, я ободряюще кивнул:

— Не трусь. Здесь свои. Так кто ему служит?

Староста сказал осторожно:

— Не люди... или не совсем люди. Нам, конечно, все равно, мы в деревне сами по себе, а они там сами по себе, от нас только продовольствие требуется, да людей иногда, но и то, правду сказать, когда соседний барон Щульц начал было нападать на деревни, жечь и людей хватать, то наш хозяин выступил с отрядом, подстерег барона, разбил наголову, самого поймал, заставил принять бой и собственноручно разрубил до пояса. Его людей гнал до ворот его замка. Мало

кто ушел... Так что мы ему благодарны. А что в его отряде были и... ну, не совсем люди, то это не наше дело.

— Да, — сказал я, — что для нас хорошо, то — Добро, а что против, то — Зло. Верно?

Староста просиял.

— Все верно, ваша милость! Как вы точно все сказали! Что значит благородная кость. А мы только чувствуем это, а сказать не можем.

За окнами послышался шум, крики. Донесся грохот копыт, мимо проскасал мальчишка на взмыленном коне. Староста бросился к окну, а я через его плечо увидел далеко зловещий густой дым, поднимающийся к невинно голубому небу. Староста сказал озабоченно:

— Никак на деревню Большие Сверчки кто-то напал...

Я выбежал на крыльцо, из дома Иволинны выскочили Сигизмунд и Зигфрид, растрепанные, растерянные. Сигизмунд на ходу затягивал пояс, а Зигфрид на бегу влезал в перевязь с мечом. Мальчишка поднял коня на дыбки, явно гордый, что все внимание на него, прокричал:

— Там напали!.. Дядьку Гента убили, Шарля и Курта ранили, Индирику уже на коня...

Зигфрид раздраженно фыркнул, а Сигизмунд воскликнул красивым голосом:

— Как можно? Мы не позволим!

— Да не спеши ты, — осадил его Зигфрид.

— Но там бесчинство!

— Бесчинство или нет, — сказал Зигфрид строго, — определяет наш сеньор. Может быть, там осуществляются законные права...

Они смотрели на меня с требовательным ожиданием. Сердце мое стиснулось в трусливый комок. Я уже могу постоять за себя, проверено, с самого первого

дня, как сюда попал, принимаю удары и наношу их в ответ, мало не покажется. Но это все, так сказать, в порядке самозащиты, когда каждый гражданин, не опасаясь, что посадят или предъявят, может давать сдачи, но чтобы вот так самому куда-то пойти или поехать, дабы бдить и защищать — на это есть милиция, органы и все такое...

Холодок прокатился вдоль хребта. Никуда не дежешься, рыцари — одновременно и милиция, что поддерживает порядок, наказывает насильников, переведит старушек через дороги, утешает вдов и сирот, защищает бедных.

И не на кого сослаться, нельзя втянуть голову в плечи и дождаться, что кто-то поедет, а я останусь.

— Поехали, — сказал я обреченно. — Мы должны вершить справедливость. Знать бы, какая она...

Земля мелькала под копытами, сливалась в серо-коричневую полосу, ветер пытался остановить, тренал конской гривой по лицу. Пожар приближался, стало видно выбегающих из домов людей. Всадники кружили на деревенской площади, там с криками и плачем бегали две девушки в разорванных платьях. Из одного дома мужчина в жирно блестящей кольчуше выволок за волосы женщину, за неё бежал мальчишка, с плачем хватался за женщину, за насильника. Тот отшвырнул его пинком, мальчишка вскочил и снова бросился на обидчика, и тогда тот, не останавливаясь, коротко ударили узким мечом.

Сигизмунд вырвался вперед, я видел промелькнувшее распаленное гневом лицо. Он на скаку развалил насильника почти пополам, по другую сторону улицы вихрем пронесся Зигфрид, тускло сверкал его меч. Я остановил коня, молот вырвался из моей дланни, и в круге насильников из пятерых осталось двое. Я подставил ладонь, шлепок, замах, и снова свирепо

воюющий молот понесся навстречу оцепеневшим жертвам.

Из дома выскочила старуха, подхватила мальчишку, голова залита кровью, он пытался вытереть лицо, но ручонки бессильно падали. Женщина поднялась, склонилась над ним, истощно завыла.

Я торопливо слез, подошел. Они все трое подняли головы, в глазах страх.

— Жив?

— Умирает, — ответила старуха плача. Женщина выла, прижимала голову парня к груди. Разорванное платье сразу испачкалось кровью.

Я оглянулся, Сигизмунд и Зигфрид быстро разобрались, что рыцарей здесь нет, на плenении не заботаешь, быстро и жестоко рубят проигравших схватку. Оба, кажется, без ран, Сигизмунд тяжело дышит, вид очумелый, шлем на земле, одна бровь красная, будто измазали киноварью.

— Дай-ка посмотрю, — сказал я женщине.

Голова мальчишки бессильно падала, как у птенчика, я опустил ладонь на детский лоб. От пальцев побежал озноб, с разбега ударили в сердце, остро колнуло. Зубы застучали, меня передернуло в ознобе, а заноза в сердце стала острее. Мальчишка задышал чаще, кровь сразу присохла, начала отваливаться коричневыми струпьями.

Я отодвинулся, мир впереди качнулся и поплыл. Старуха и женщина радостно закричали, меня раскачивало, потом на плечо упала ладонь в металлической перчатке, голос Зигфрида прозвучал как гром, разрывающий перепонки:

— Сэр Ричард, вы ранены?

— Нет... — прошептал я.

— А что случилось? Вы так побледнели... А, лечили этого сопляка... Стоило из-за него?

Перед глазами прояснилось, лицо Зигфрида выступило, как из тумана, багровое, на щеках бисеринки пота. Он дышал часто, в правой руке все еще меч, лезвие в крови по самую рукоять.

— Стоило, — прошептал я.

— Зачем? — удивился он.

— Инвестиции в будущее, — ответил я, приходя в себя.

Он посмотрел с недоумением, затем кивнул в сторону Сигизмунда, тот с крестьянами ловил лошадей нападавших.

— Кони у них хорошие, — сообщил он. И добавил многозначительно: — Два из них — рыцарские.

Рыцарские, это значит — стоят целое состояние, далеко не каждый конь способен нести всадника в тяжелых доспехах, тем более — мчаться вскачь.

— Забирай, — разрешил я.

Он отодвинулся, исчез, на его месте возникла женщина, упала на колени, исступленно обнимала мои ноги, захлебывалась в счастливых рыданиях. Распростерлась в пыли и старуха, называла спасителем, ловила и целовала руки, а мальчишка уже сидел на ступеньке, слабый, зябко вздрогивающий, смотрел на меня непонимающими глазами.

Селяне выстроились цепочкой к ближайшему колодцу, передавали ведра с водой. Последний с разбега выплескивал через проемы окон в горящую избу. Убитых обходили опасливо, на нас смотрели с точно таким же страхом.

Сигизмунд прокричал громко:

— Есть здесь староста?.. Что здесь произошло?..
Разбойники?

Зигфрид подошел к нам, меч уже в ножнах, показал головой.

— Для разбойников слишком хорошо одеты. И сытые морды...

— Сосед балуется набегами?

Зигфрид снова покачал головой.

— В том селе говорили, что соседи боятся Галантлара. А это его деревня.

— Значит, не так уж и боятся?

Он снова пожал плечами.

— Не совсем то. Боюсь, что намного хуже. И совсем не то, что вы нам рассказывали об этом Галантларе.

Сигизмунд привел пожилого человека, без седой бороды, но я сразу признал в нем старость по степенности движений, уверенному и хозяйскому взгляду.

— Кто эти люди? — спросил я. — Кто напал на деревню?

Он смотрел на меня исподлобья, ответил после паузы, со вздохом:

— Как бы не получилось, ваша милость, еще хуже... вы поедете дальше, а нам расхлебывать. Из замка приедут, и уже не одну, а десять девок уведут на потеху и поругание.

Я не понял, спросил:

— За что?

— А что не кинулись сразу им помогать, а вы их так легко завалили! Это же был сам Цеппер со своими людьми. Правая рука господина Галантлара. У нас свадьба, вот они и приехали взять невесту для первой брачной ночи. Все так и получилось, не первый же раз, обычай есть обычай, но они ж восхотели захватить с собой еще двух молодых девок. Пригляднулись больно. А это не по правилам, им пытались объяснить, но как объяснишь тому, кто уже пьян и у кого в руке меч?

Я слушал, слушал, оглянулся на Сигизмунда и Зигфрида. Лица обоих бесстрастные, дело обычное,

деревня живет богато, мирно и зажиточно, на свадьбу явились люди из замка, чтобы взять невесту для первой брачной ночи. Так делается всегда и везде, но вот других девок брать нехорошо, это уже беззаконие.

Челюсти мои сомкнулись, я чувствовал, как вздулись желваки. Хотя это дело, конечно, ерунда, любая девчушка к совершеннолетию проходит через сотни рук, и не только рук, но принуждать всегда нехорошо, даже унизительно для мужской гордости: как это не уболтать, не уговорить на ужин, переходящий в завтрак?

Сигизмунд с непониманием поглядывал на мое помрачневшее лицо:

— Что-то не так, сэр Ричард?

— Еще бы, — огрызнулся я. — Ты не находишь, что обычай права на первую брачную ночь попахивает нарушением прав человека?

Он добросовестно подумал, ответил с недоумением:

— Нет...

Я косо посмотрел на его чистое, невинное лицо, он прав, разве простолюдины тоже люди?

— Попахивает бесчинством, — сказал я. — Не нравится мне это.

Он встревожился.

— Сэр Ричард, что вы хотите?

— Остановить бесчинство, — отрезал я.

Он ахнул, ухватил меня за локоть.

— Сэр Ричард, но эта деревня принадлежит барону Галантлару! Это его деревня. Он волен в ней делать все, что захочет. Это мы окажемся в бесчинстве, если вмешаемся.

Я прорычал зло:

— Ты забыл, что паладину по фигу законы и морали простых людей, будь они извозчики или коро-

ли!.. Паладин творит суд так, как сам его разумеет. Паладин предан только правде.

Он ахнул:

— Какая же эта правда?

— А вот такая, — ответил я. — Хочешь, перескажу по памяти? «Паладин всегда говорит правду, помогает нуждающимся, не боится выступить против несправедливости. Паладин не терпит оставлять виновного без наказания. Паладин уничтожает зло безо всякой милосердия и защищает невиновных безо всякой колебания».

Хрен из меня получится паладин, мелькнула трезвая мысль. Я редко говорил правду, чаще отделялся шуточками, двусмысленностями, приколами, в нуждающихся чаще оказывался сам, против несправедливости дурак, что ли, выступать, проще головой о стену, уничтожать зло даже не пытался, ибо у нас ста-раниями СМИ зло вообще растушевано до фиг знает чего, в то время как любое добро дерьямом закидано по самые уши, невиновных нет, все на свете гады...

Ко мне подвели еще двоих, у одного разрублено плечо, другому досталось мечом плашмя. Волосы слиплись, красная струйка течет по щеке, глаза в кучку. Я возложил ладони, чувствуя себя глуповато, раны затянулись, но сам вновь ощутил такую слабость, что ноги подкосились, а в ушах зазвенело. Смутно чувствовал, как усадили на толстое бревно, в ладонях оказался тяжелый кувшин. Я жадно припал к горлышку, во рту к этому времени пересохло так, что язык царапало, будто о раскаленную черепицу.

Я пил до тех пор, пока не запрокинул кувшин вверх дном, плечи передернуло, над головой раздался властный окрик Зигфрида:

— Быстро принесите поесть!.. Быстрее!

В голове прояснилось, я чувствовал и даже видел,

что сижу на бревне. Нас окружает молчаливая толпа, на меня смотрят с опасливым восторгом. Перед нами поставили стол, принесли хлеб, сыр, мелко нарезанное мясо, я чувствовал волчий голод, пожирал быстро, жадно, и с каждым проглощенным куском в тело вливалась сила, кровь разогрелась, озноб исчез, а тревога в глазах Зигфрида сменилась явным облегчением.

— Сэр Ричард, — сказал он, — в другой раз так не это... не рискуйте!.. Это ж простолюдины, разве можно им свою мощь паладина без остатка?... так и копытами можно кверху!.. ради чего?

Сигизмунд тоже посматривал с недоумением, в чистых, честных глазах я видел осуждение.

— Давайте отдохнем, — сказал я, — и кони пусть отдохнут. А мы решим, что делать. Что-то странное. Не нравится мне такое. Святые отцы четко объяснили, что замком завладел благородный рыцарь Галант-лар, исполненный всяческих добродетелей так, что из ушей выплескивались. И от святости чуть ли не светился, как после Чернобыля. И что же? Классический случай превращения героя в дракона?..

Сигизмунд спросил наивно:

— Это как?

Зигфрид молча сверкнул глазами. Знает или догадался.

— К сожалению, — ответил я, — просто. И часто. И очень понятно как.

Оба выслушали пересказ, Сигизмунд надолго задумался, Зигфрид уже оглядывался по сторонам, показывал крестьянам знаками, что благородных рыцарей надо ублажать, кормить и вообще лелеять.

Вновь понесли напитки, на простых глиняных тарелках подали холодное мясо, но вскоре принесли и прямо с огня чью-то тушку, я бы решил, что мутиро-

вавший поросенок. Я подозвал старосту и дал ему золотую монету:

— Это за обед.

— Мы ж не успели позавтракать! — напомнил Зигфрид.

— И за него тоже, — сказал я. — Завтракайте и обедайте. Ужинать придется...

— В раю? — спросил жадно Сигизмунд.

Зигфрид опустил ложку, лицо вытянулось. Я сказал спешно:

— Что ты так в этот рай спешишь? На арфе играть восхотелось?..

Зигфрид с облегчением вздохнул, начал хлебать уху, заметил философски:

— В рай сэр Ричард не отпустит. Лишь бы успел руки возложить. Пусть и немытые. Где придется ужинать, сэр Ричард?

— Не знаю, — ответил я. — Но что-то мне перехотелось вот так прямо переть в замок. Одно дело Галантлар — благородный рыцарь, что подставит правую и левую, и не только щеку, другой — Галантлар-дракон, что сам тебя поставит... Однако мне надо бы с ним перекинуться хотя бы словцом, иначе монахи не поверят. Эх, а я так надеялся узнать у него...

— Что? — спросили они в один голос.

— Великие тайны, — ответил я с раздражением.

Зигфрид покачал головой.

— А, древние вещи посмотреть...

Я насторожился.

— Какие древние?

— Да любые, — ответил он спокойно. — Одни древние были могучими магами, другие... еще чем-то. И вещи у них были всякие. И простые, как вот эти горшки, и волшебные, что могли, даже не знаю что могли! Раньше много народа за ними охотилось, ис-

кало, копалось в развалинах, а потом где церковь за- претила, а где и сами перестали, слишком часто дья- вол сразу же уволакивал в ад.

Некоторое время ели молча, я подумал, что в са- мом деле мало просто найти старую вещь. Это все равно, что Зигфрид нашел бы заряженный револьвер. Долго вертел бы, пока случайно бы не нажал на спус- ковую скобу. Скорее всего, в тот момент заглядывал бы в дуло. Или направил бы его на меня или Сигиз- мунда. Но даже если по редчайшему стечению об- стоятельств никого из своих не застрелил бы, а убил врагов — сколько в обойме патронов? — потом оста- ток жизни потратил бы, узнавая у колдунов, как сно- ва заставить заработать волшебную вещь...

— Да, — произнес я запоздало, — да, все так... Но всегда живет мечта, что смогу оживить волшебную вещь, что лежит веками, но никто ее не мог заставить проснуться...

Они переглянулись, в глазах Зигфрида блеснул за- гадочный огонек. Он быстро опустил голову, ел все так же деловито, в запас, но лицо оставалось задумчивым.

Сигизмунд сказал просительно:

— Как поступим, сэр Ричард?

Я раздумывал, Зигфрид промычал с набитым ртом:

— Я, к примеру, могу сопротивляться чему угод- но, но только не искущению.

— Это ты о дочках Иволинны? — спросил я.

— Что мне дочки, — ответил Зигфрид. — Я ночь провел в богоугодных беседах с самой Иволинной, вот это женщина!.. Я говорю о шансе. Надо бы под- даться соблазну. А то вдруг не повторится?

Сигизмунд вертел головой, не понял, спросил в лоб:

— Так как поступим? Идем в замок?

— Зачем? — спросил я.

— Там же зло, — ответил Сигизмунд с недоумением. Оглянулся на Зигфрида, тот с задумчивым видом щупал шрам над час тому рассеченной бровью, поглядывал на меня вопросительно. — Или как мы насчет зла?

Я вспомнил, что паладин, завидя зло или несправедливость, тут же должен нагнуть голову, как бык перед красным, пару раз копнуть землю копытом, и ринуться в бой за щасте и справедливость для всех, невзирая, как сказал дьявол, на веру, расу и партийную принадлежность.

— Да я такой паладин, — пробормотал я, — что могу и мимо... А то и вовсе налево.

Сигизмунд отпрянул, челюсть отвисла, а Зигфрид сказал понимающее:

— Во имя высших интересов?

— Да, — ответил я, — во имя еще более высших, чем высшие. Даже вышайших... Че останавливаться и кидать камнями в каждую собаку? Так никогда до цели не дойти.

Они молчали, смотрели почтительно, даже не пытаясь представить, какая цель у меня может быть, а мне стало стыдно, я же не Чубайсу лапшу на уши вешаю, а этим двум чистым душам, посопел, сказал сердито:

— А впрочем, почему нам в самом деле не остановиться на следующую ночевку в замке?.. Ехать недалеко... Но пока давайте допьем вино, что-то мне подсказывает...

— Что? — спросили они в один голос.

— Что недолго нам вот так сидеть и пить. Один же успел вскочить на коня и унесся в замок!

— Я это заметил, — буркнул Зигфрид. Лицо его ничуть не омрачилось. — Но вино уже все выпито.

Часть 2

Глава 1

Народ обходил наш стол стороной, благородные гулять изволят, но уже все знают о настоящей золотой монете, что дал господин старосте, а на эту монету можно купить несколько тысяч скота, выстроить несколько деревень или же всей деревней лет пять не работать, а все покупать у соседей.

Посыпался конский топот, на площадь перед домом выметнулся все тот же мальчишка на коне.

— Из замка скачут! — прокричал он. — Пятеро!

Сигизмунд вскочил, задев край стола, но Зигфрид молниеносно подхватил кувшины. Сигизмунд покраснел и сел, виновато глядя на старших. Зигфрид опустил кувшины на середину стола, прямо взглянул мне в глаза.

— Как, сразу?

— Сперва поговорим, — ответил я и добавил: — За жисть.

Всадники показались в конце улицы, когда мы все трое, в доспехах и с обнаженными мечами, ждали, выбрав удобные позиции: Сигизмунд боком к дому с левой стороны, Зигфрид — с правой, а я с молотом в руке посреди улицы. Растопырив ноги на ширину плеч, вылитый ганфайтер, тупо и мрачно смотрел на

эту пятерку. Как раз все пятеро стремя в стремя поместились на улице, едут медленно, задевая сапогами стены. На молот в моей руке смотрят с интересом, не без страха, скорее — с недоумением. Значит, еще не знают, хорошо...

Когда между нами оставалось не больше десяти шагов, Сигизмунд и Зигфрид зашевелились, доспехи загремели, а я крепче стиснул рукоять молота и взглядом поймал грудь здоровяка, что ехал посредине.

Что-то в моем взгляде все-таки было, всадник разом натянул поводья, конь послушно остановился. Остальные четверо выдвинулись на шажок, но остановились тоже. Мы рассматривали друг друга внимательно. Что он видел, догадываюсь, а я смотрел в лицо типичного наемного солдата, прошедшего все мыслимые войны в пределах досягаемости, выжившего, отыскавшего тихое место и теперь уверенного, что круче его никто не встретится, он здесь любому сшибет рога и отныне все бабы — его собственность, не важно, кто из них замужем, а кто нет.

— Вы побили людей Цеппера, — произнес он хрипловатым мужественным голосом. — Я сразу хочу, чтобы все было ясно, верно?.. Цеппер — это кощюшенный, у него свой небольшой отряд. Я же Шваргельд, и хотя побитые тоже наши люди, не стану очень уж взыскивать с вас, ребята.

Он скромно улыбнулся, давая понять, что на самом деле доволен, все-таки унизили и ослабили влияние соперника при престарелом правителе, но в то же время должен принять какие-то меры, ведь и он, и Цеппер служат одному хозяину.

— Премного благодарны, — ответил я суховато.

Он только взглянул на Сигизмунда и Зигфрида, а меня рассматривал оценивающим взглядом. Оба типичные рыцари, хорошие рыцари в добрых дос-

пехах и с хорошими мечами, но я кажусь ему намного опаснее, не дурак. Или просто знает, чего ждать от таких, как Сигизмунд и Зигфрид, оба действуют по четким программам, а я иначе снаряжен, иначе стою, по-другому смотрю...

— И что же мне с вами делать? — сказал он задумчиво. — Я должен блюсти интересы двора и его людей...

Я закинул руку за голову, пусть этот Шваргельд еще раз оценит мой рост, длину рук и ширину плеч, медленно потащил из ножен длинный меч. В глазах Шваргельда интерес вспыхнул ярче, а его соратники возбужденно зашушукались. От меча шел пурпурный свет, и чем больше я вытаскивал, тем сильнее блестал огонь. Я взял меч обеими руками, потом подумал, оставил в одной ладони, с легкостью повертел, чтобы видели мою чудовищную мощь, хотя на самом деле этот меч так легок.

— Тех было шестеро, — напомнил я как можно равнодушнее.

— То были простые конюхи с оружием, — сказал Шваргельд пренебрежительно. — Но я вижу, у вас не простой меч.

— Мы сами не простые, — ответил я. — Ни единой царапины, верно? Никто даже пальца не прищемил. Я думаю, что в той канаве, куда сбросили ваших соратников, найдется место еще для пятерых.

Он смотрел изучающее, в лице нет страха, старый профи, к жизни и смерти относится философски, и когда снова заговорил, мы все трое поняли, что им движет вовсе не страх.

— А вообще куда путь держите?

— Да так, — ответил я, подпустив неопределенности в голосе, — дальше на юг.

— Зачем?

— Да посмотреть на богатые места, — ответил я. — Может быть, что-то да отыщется и для нас. Надоело спать на земле и укрываться небом.

Он бросил взгляд на Сигизмунда и Зигфрида, снова уставился на меня.

— Мне надоело, понятно. Но вы так молоды, а дурь так быстро не проходит.

Зигфрид довольно улыбнулся, его тоже зачислили в такие же молодые, как и нас с Сигизмундом, звучно крякнул и расправил плечи.

— Молодость дается лишь раз, — согласился я. — Потом для глупостей надо искать другие оправдания. Я молод сердцем, немного старше в остальных местах. Я имею в виду, в голове старше. Вот тот, в блестящих доспехах, хоть и молод, но старые книжки читал, а вон тот... ну, молодость прекрасна в любом возрасте. Потому мы ищем хлебные и теплые места. На севере холодно и бедно.

Я задержал дыхание, но Шваргельд, подумав, ответил почти слово в слово, как и я подсказывал ему мысленно:

— Похоже, я могу вам предложить что-то лучше. Вы уже на юге, мы здесь в самом деле живем богато. Во всяком случае, намного богаче, чем там, на севере. Наш хозяин, барон Галантлар, великий и щедрый господин. Его страшатся все соседи... Нет-нет, воевать не приходится, соседи — люди мирные. Стали мирными, как только сэр Галантлар захватил замок и... словом, показал, что он — воин. Замок потерял шестерых... но вы трое стоите их вместе взятых. Что, если я договорюсь с хозяином, что плата этой шестерки будет вашей? Это немало!.. К тому же кров над головой, еда и одежда за счет замка, оружие, доспехи. Даже кони за счет замка...

— У нас свои кони, — ответил я. — И свои доспехи.

Он кивнул, ободренный, я не отказался, сказал убеждающее:

— Прекрасно!.. А за доспехи, оружие и коней, что вам не понадобятся, получите деньгами. Разве плохо?

Я подумал, сказал медленно:

— Звучит заманчиво. Но это сказал ты, а ты — не хозяин.

Он воскликнул весело:

— Так о чем разговор? Мы сейчас поедем в замок, господин Галантлар подтвердит.

— Подтвердит ли?

— Подтвердит, — заверил он. — Я постараюсь убедить! Ты догадываешься, что я на вашей стороне и буду его уговаривать как следует.

Сигизмунд и Зигфрид помалкивали, это я сеньор, мне решать, а я сделал вид, что поколебался, хотя понятно же, этот говорит искренне, к тому же ему двойная выгода: ослабил конюшеннего — раз, приобретает для замка троих крепких воинов, что явно ему обязаны, будут на его стороне, — два...

— Добро, — сказал я. — Мы готовы...

— Ура, — сказал Шваргельд.

Я вскинул руку.

— Погоди. Я сказал, что готовы отправиться с вами в замок и услышать хозяина. Не обижайся, но он может сказать иначе. Или плату положить меньше.

Он кивнул.

— Добро. Так и сделаем.

Все пятеро расслабились, переговаривались уже без враждебности, хотя никто не поворачивался к нам спиной, смотрели, как мы отвязали мешки с зерном от лошадиных морд, садились. Всем нам благодарные селяне наложили на седла еды, у Сигизмунда от толчка упала на землю баклажка с вином. Нагнуться он уже не мог, знаком попросил мальчишку по-

дойти и подать, но Зигфрид, что как раз готовился сесть, поднял сам, подал со словами:

— Это ты сказал «Кар»?

— Вы сами, сэр, ворона, — огрызнулся Сигизмунд. — Весь не честь — можно и уронить!

— Честь не кошелек — уронишь, никто не поднимет, — отпарировал Зигфрид. — Так что береги честь смолоду, коли рожа крива.

Мы взобрались в седла, Шваргельд оглядел нас, похоже, остался доволен, сказал доброжелательно:

— Езжайте следом.

Они развернули коней, мы выждали и двинулись следом. Сигизмунд довольно громко сказал Зигфриду, метя явно в меня:

— Честь, в отличие от ума, можно продать лишь однажды.

— Да, — ответил Зигфрид с сожалением в голосе, — скоропортящийся товар. Эх, если бы, как молот сэра Ричарда, возвращалась обратно!

Мы ехали за этой пятеркой, они даже не оглядывались, а Сигизмунд и Зигфрид все посматривали на меня, то ли ожидая, когда я выхвачу меч и начну рубить, то ли еще таких же умных действий.

Справа скала уплыла в сторону, у нас троих отвалились челюсти. Вид замка ударили, как молотом в лоб. Кони под нами послушно остановились, я в благоговении смотрел на могучие четырехугольные башни со скругленными краями, каждая из них — крепость, а между ними еще и куртина, или, проще говоря, стена чуть ли не до неба, хотя башни, конечно же, выше. Отсюда видно только две башни и одну стену, но у замка должна быть по крайней мере еще одна такая же и две стены, чтобы получился хотя бы треугольник.

Шваргельд оглянулся, тоже придержал коня.

— Ну что? — спросил он горделиво. — Хороша?

— Да, — произнес наконец Зигфрид на правах старшего по возрасту и опыту, — это действительно... Я подобного еще не видел...

Сигизмунд спросил наивно:

— Но... зачем? Зачем такая несокрушимая крепость в этой бедной стране?..

— Она не всегда была такой, — наставительно ответил Шваргельд. — Ну что, ребята, если не передумали...

Мой конь, услышав не слышный другим приказ, пошел вперед. Скалы и горы отодвинулись, остались за спиной. Мы ехали по ровному плато, подковы звонко стучат по камню, только мой конь ступает бесшумно. Все не отрывали глаз от замка, теперь видно, что не просто на горе, а словно вырастает из горы, продолжает, а сложенные из камня стены переходят в просто стены горы, что опускаются в бездны...

Сигизмунд охнулся, впереди возникла и начала разрастаться черная трещина. Мы продолжали подниматься снизу, из долины, размеров трещины не ощущали, пока не приблизились вплотную. От копыт вниз отвесная пропасть, далеко внизу то ли туман, то ли облака, мороз по спине, пропасть выглядит уходящей в бездны ада.

В сумерках угадывается мост. Мороз захолодил поясницу и начал со спины пробираться к сердцу. Каменный мост, достаточный для двух всадников, выглядел узенькой ниточкой, а трещина, через которую перекинут, бездонная и бескрайняя. Дивное дело, от моста вниз уходят три опоры, что показались вязальными спицами, да и те исчезают в тумане. Истончаясь, мост упирался другим концом в главные ворота замка. Отсюда выглядели просто воротами, но когда сравнил с размерами моста, что на той стороне почти с ниточку, холод охватил и сердце.

Всадники поехали гуськом по мосту, их кони шли

ровно, без страха, не впервые, Шваргельд проехал весь длиннейший мост и ждет на той стороне перед воротами, наблюдает за нами. Кони Сига и Зигфрида заупрямились, едва идут, прядая ушами, холки подрагивают, мой топает спокойно, словно всю жизнь тут пробыл.

Шваргельд следил за нами с интересом. Его люди остановились там же, ворота оставались закрытыми.

— Ну, — сказал я, чуть не добавил привычное в этом мире «... с Богом!», но удержался, не люблю высокопарности, — поглядим, что нас ждет.

— Да уж знаем, — пробормотал Зигфрид. — Бабы, пряники...

Он пытался пропустить меня вперед, из почтительности, понятно, но первым на мост вступил Сигизмунд, и Зигфрид тут же пустил коня следом, поехал рядом, не позволяя юнцу оказаться впереди хоть на конскую ноздрю. Мне казалось, что мост раскачивается. Я не боюсь высоты, спокойно выходил на балкон своей высотки и рассматривал народ внизу, в то время как многие друзья страшились переступить порог, но сейчас я чувствовал, как черный страх заползает в мою душу, как мост ходит справа налево все сильнее и сильнее, а потом еще и начал подпрыгивать...

Я зажмурился, сжал зубы, все затихло. Зигфрид и Сигизмунд едут вроде бы без страха, переговариваются вполголоса, хотя вижу, как напряжены, как готовы метнуть ладони к рукоятям мечей. По обе стороны моста каменный бортик, высотой всего до колена, неизвестно зачем: даже пеший, если споткнется, кувыркнется с легкостью, а всаднику хоть есть такой бортик, хоть нет... с высоты седла я вроде бы проплыла по самому краю пропасти.

Барьерчики же не просто барьерчики, а выполненные с огромным искусством фигурки драконов,

грифонов, приземистых рептилий, которых мой отравленный образованием мозг тут же классифицировал на плотоядных и травоядных, разносил по видам и подвидам, одних называл игуанодонами, других диплодоками, не было только ихтиозавров, а может, и были, меня начало трясти, и помутилось в глазах еще на середине моста, а ему нет конца и краю.

Главные ворота приближались, приближались, все время разрастаясь в размерах. Даже если из замка выезжают на слонах, все равно нелепо делать их еще вдвое выше, разве что здесь когда-то жили великаны гор, тогда им ворота в самый раз.

Я уже начал беспокоиться, откроются ли для нас, Зигфрид указал Сигизмунду на дверцу, что рядом с воротами показалась дверцей в собачью будку. При нашем приближении там отворилось, все пятеро выехали один за другим, я сообразил, что через эту дверцу легко проедут и оба рыцаря, не склоняя голов, а крохотной она выглядит только в сравнении с исполнинскими вратами.

Зигфрид и Сигизмунд даже не оглянулись, поехали, настолько велика вера в мое паладинство. Я подобрался, в черепе стучат молоточки, вся затея показалась нелепой, абсурдной, жутко захотелось назад. Под ложечкой тоскливо засосало. Над головой проплыл широчайший каменный свод, настолько широкий, что я некоторое время ехал как в туннеле, глядя на далекий свет впереди.

Еще не выехал во внутренний двор, а за спиной зловеще лязгнуло, ворота закрыли, задвигались толстые металлические засовы. Я быстро огляделся, двор огромный, посреди гигантское мрачное здание, из каменных стен выступают драконы, грифы и всякие чудовища, сделанные настолько умело, что, несмотря на их каменность, страшновато. Из дверей этого

основного и единственного здания, то есть донжона, навстречу вышли трое крупных мужчин в легких доспехах, с непокрытыми головами. Они остановились там же, нас рассматривали с некоторым торжеством.

Тот, что стоял посередине, сказал громко:

— Я, Гайл Гудмен, управляю этим замком по воле великого Галантлара, хозяина этого замка. Шваргельд, кто эти люди?

Четверо слезли с коней, животных подхватили под уздцы и увели, а Шваргельд, оставшись в седле, сказал громко:

— Это те трое, что порубили в капусту людей Цеппера, а сейчас они приняли мое предложение служить господину Галантлару. Я берусь их доставить к господину...

Гудмен нахмурился, сказал резко:

— Во внутренние покой?.. С ума сошел!

— Тогда господин, может быть, изволит выйти...

Гудмен произнес еще резче:

— Он занят высокими делами. А такие пустяки решают я.

Шваргельд сказал с явной неприязнью:

— Тогда решай. Но так, чтобы господин остался доволен. Учи, тех порубленных уже не вернешь, пусть Цеппер в другой раз подбирает либо воинов получше, либо таких, что не бесчинствуют так... явно.

Гудмен рассматривал нас придирчиво. Щупающий взгляд скользнул по моим мышцам, потрогал молот, прополз по доспехам.

— Слезайте, — велел он. — Коней ваших поставят в конюшню.

Сигизмунд было дернулся слезть, но взглянул на неподвижного Зигфрида, засопел и выпрямился в седле, глядя прямо перед собой.

— Мы еще не на службе, — ответил я.

— Так будете же, — рявкнул он.

— Я в этом не уверен.

— Что?

Он побагровел, с ним явно никто не смел говорить таким тоном, а Гудмен выкрикнул быстро:

— Погодите! Давайте внесу ясность. Нам нужны такие отважные и могучие воины, что сумели шестерых, и... Гайл, заметь!.. ни единой царапины, но и вы, парни, смотрите, как оно есть. Вам будут платить хорошо, обещаю. Вы были вольными искателями приключений, а теперь — на службе. Подчиняться придется Гайлу, мне и еще Цепперу. Ну, естественно, и господину Галантлару. Это не так уж и много, поверьте!

Гудмен слушал с неохотой, но остыл, хотя морда оставалась кислой, бросил грубо, не глядя в нашу сторону:

— Ладно, приняты. А теперь оставьте оружие и коней...

Я перебил с заносчивостью бывалого наемника:

— Мы даже спать ложимся при оружии!

Все захохотали, а Гудмен добавил весело:

— И с конями?.. Я ж говорю, нам такие молодцы подойдут. А то у сэра Артура кобыла все еще не покрыта, ни один жеребец на нее не смотрит. Ребята, оружие и коней придется оставить. Если наши оружейники сочтут, что у вас доспехи в порядке, вам его оставят. Если нет — выдадут лучше...

— Но... — сказал я вроде бы нерешительно, Гудмен оборвал, в голосе прозвучали гнев и нетерпение:

— Парни, вы пришли служить или пререкаться?.. К тому же вы здесь, скажем так, в меньшинстве.

Я покосился по сторонам, в то же время стараясь не выпускать из поля зрения всех местных. От ворот подошли шестеро с алебардами, ими очень легко сдерживать рыцарей с коней, а уж на земле добить проще,

из дома вышли и встали в цепочку человек семь, все крепкие, уверенные, в самом деле вооруженные неплохо, сытые, мордатые.

— Что делать, — сказал я со вздохом и сделал вид, что начинаю слезать с коня, — мы ж хотели по-доброму...

Молот вылетел из моей руки, как засидевшийся под колпаком сокол. Воздух не просто залопотал, а взвыл ураганом, послышался мгновенный треск, короткий и сухой, Гайла и двоих с ним рядом швырнуло в стороны. Сигизмунд и Зигфрид, повинувшись моему взгляду, ринулись в пролом, стоптали ползающего на четвереньках Гайла, ибо молот ударил туда, куда я и бросал: в ворота донжона, внутренней крепости-дома, а этих троих разве что оглушил и поцарапал щепками.

Ухватив на лету, я швырнул почти без размаха в алебардщиков, их смело почти всех, свободной рукой выхватил меч, конь со звериным ржанием ворвался в зияющий пролом. Молот дергался, просился в бой. Мы ворвались в зал, где Сигизмунд уже рубился с двумя, а опытный Зигфрид направил коня по лестнице вверх, поднялся на второй этаж и там гремел железом, сыпал бранью, рубил, колол, и все это не слезая в седла, я видел только, как исчез зад его коня, а потом и помахивающий хвост, явно его хозяин теснил своих противников, гнал в глубь коридора.

— Сиг, — прокричал я, — сможешь задержать их здесь, на лестнице? Место узкое!

— Да, сэр, — крикнул он, не поворачиваясь, даже не видя, что за лестница и какая она. — Не сомневайтесь!

— Держись!

Сверху донесся крик Зигфрида:

— Сэр Ричард, куда теперь?

— Задержи здесь, — крикнул я. — Попробую пробиться к хозяину! Что-то непонятное с ним...

— Смотри под ноги!

Рослый детина с перекошенным лицом свирепо взмахнул топором, меня достать не мог, понимает, сверкающее лезвие обрушилось на голову моего коня. Я заорал, мой меч со свистом распорол воздух, холодная сталь рассекла кожаный доспех на плече и почти отделила руку. Я был готов соскочить с падающего коня, однако топор отпрыгнул, как если бы угодил по тугу накаченному колесу КамАЗа. Конь тряхнулся головой, я сомкнул колени, прыжок вперед, детина с криком упал навзничь, в глазах безмерное удивление.

— Ричард! — слышались крики. — Ричард!.. Победа!.. Ричард!

Я наконец сообразил, что это не крики о помощи, а Сигизмунд и Зигфрид выкрикивают мое имя как боевой клич, но стесняться и протестовать некогда, я ломился вдоль караульного помещения, рубил всех, кто попадался, главное здание поворачивалось, пока не показались массивные двери. Плотно закрытые, украшенные гербами и монограммами владельца, с накладками из умело выкованной бронзы.

Навстречу метнулись два гиганта, оба в железе, выше меня, хотя я на коне. Меч мой легко прошел через шею правого здоровенного бугая, кровь из артерии плеснула горячей дымящейся струей. Я словно ощущал прилив адреналина, хотя должен бы в ужасе упасть в обморок, я все еще продукт гуманизма... щит содрогнулся от мощного толчка. Я откинулся всем корпусом назад, новым ударом срубил руку с топором и рассек грудь другого двуногого. Что-то неладно с общечеловеческими ценностями, я лью кровь легко и даже с ликованием, а ведь на каждом шагу твердили

о ценности всякой человеческой жизни, но, несмотря на все, я твердо знаю, что жизни преступника и пра-ведника имеют разную цену, что жизнь раба не равна жизни Цезаря, что я вправе убивать всех, кто на пути, что мой меч быстр, а врагов надо убивать, если не успели сдаться... со сдавшимися потом, потом...

Дорогу загородили не то тролли, не то гоблины, но я не Карл Линней, пусть разбирается в них по форме костей, их будет много, я рубил, рассекал, стены раз-двинулись, я наконец соскочил с коня, впереди про-сторный зал, дальше на той стороне видна богато ук-рашенная дверь.

Огромный тролль, даже огр, загораживал ее сво-им телом, массивная голова размером с телевизор, нижняя челюсть опускается и поднимается, как у ша-гающего экскаватора. Я сорвал молот с пояса и швыр-нул одним движением.

В глаза ударило волной огня. Огра расплескало по стенам, я на миг зажмурился, глаза жгло, ошелело мигал, стараясь поскорее согнать слезу с глаз, и пер-вое, что увидел, зияющий пролом на месте роскош-ной двери.

Там дальше богато украшенный зал, кресло в глу-бине, в нем человек, совершенно седой, с коричне-вым старческим лицом, подушки выглядывают из-под боков и плеч, ноги укрыты теплым одеялом. Пе-ред старцем стоит на коленях обнаженная девушка с подносом в руках.

Он смотрел на меня остановившимися глазами, девушка тряслась, но поднос не уронила, поспешно поставила на маленький столик слева. Я шагнул в зал через обломки, огромный, забрызганный кровью, грудь вздымается, в голове грохот от пропущенного удара в лоб, но меч острием вперед, взгляд уперся, как длинное копье, в напряженное лица хозяина.

— Галантлар? — спросил я неверяще. — Неужели доблестный Галантлар?

Он смотрел с ненавистью. Девушка завизжала, исчезла. Галантлар выпрямился, даже в сидячём положении огромен, голова как котел, высохшие плечи сохранили стать и ширину, лицо в глубоких морщинах, суровое, изможденное, подбородок — как выдвинутая вперед каменная ступенька.

— Паладин... — выговорил он сильным, хотя и старческим голосом. — Так вот почему...

Он умолк, я договорил хрипло:

— ...почему колдовство не подействовало? Угадал?

— Что ж, — прошептал он, — я прожил долгую жизнь... Я убивал, грабил, насиловал, я жил... как того желал... Но я служу другому господину, и твой бог надо мной не властен.

Я подошел вплотную, меч наготове, острие поднялось к его дряблому горлу.

— Но этот — властен, — сказал я.

Он растянул бесцветные губы в ехидной усмешке.

— Этот бог над всеми властен. Но не надо мной...

Тело мое внезапно охватил холод. Я видел, как стекла на окнах внезапно покрылись морозными узорами, темными комочками попадали на подоконник замерзшие мухи. Поднос покрылся изморозью, а жидкость в кубке превратилась в лед, затрещало, керамический сосуд рассыпался, оставив фигурку из красного льда.

Сердце мое билось все медленнее. Я заставил мышцы груди сделать вздох, легкие ухватили холодный воздух, горло обожгло, но сразу же горячая кровь побежала по жилам.

— Так вот ты кто, благородный рыцарь Галантлар? — спросил я. — Черная магия, проклятая Церковью магия?

Он отшатнулся, на испещренном морщинами лице проступил явственный страх.

— Ты...

— Да, — ответил я, — да!.. Заклятие даже для паладина, верно?.. На все случаи жизни застраховался?.. Так не бывает.

Лицо его застыло, глаза быстро пробежали взглядом по моему лицу.

— Опусти меч! — прошептал он. — Здесь богатства, которые ты не поймешь... Ты получишь все, о чем мечтаешь...

— Вряд ли, — сказал я.

Он со страхом смотрел в мое лицо, дряблые веки с яркими красными прожилками часто вздрагивали.

— Но кто... ты? — прохрипел он.

— Думаю, — ответил я честно, — новый хозяин замка.

Глава 2

Галантлар на миг опустил взгляд на лезвие, потом взглянул мне в лицо, в этот миг я сделал движение вперед. Острый, как бритва, меч Арианта должен был пройти через худую морщинистую шею с той же легкостью, как если бы протыкал струю пара, ну пусть как если бы резал гуся, после чего воткнулся бы в спинку кресла... но я ощущал сопротивление, мифриловая сталь остановилась, едва поцарапав кожу, я нажал сильнее, потом в страхе ударил, как копьем. Острие с трудом пробило горло и осталось там, как будто засадил в ствол старого матерого дуба.

По всему помещению пронесся стон, зазвенели люстры, затрепыхались шторы на окнах. Воздух сгустился, появились огромные призрачные тени монахов с надвинутыми на лица остроконечными капюшонами. Лицо Галантлара исказилось, он силился

что-то сказать, рука поднялась в бессильном жесте, пальцы ударились о бритвенной остроты лезвие. Я ждал, что пальцы упадут, как срезанные морковки, однако они уцепились за железо.

— Калдовство?.. — вскричал я. — Но все в руке Творца!

И навалился на рукоять всем телом. Лезвие медленно, туго, нехотя продвинулось, я услышал легкий хруст, рукоять в ладони дрогнула, острые сталь перебурила позвоночный столб, глаза погасли, лицо застыло. Узкое острие вышло с той стороны и уперлось в спинку. Люстры все еще раскачивались, но звон оборвался, монахи исчезли, а шторы замерли.

Со стороны коридора раздался шум, в помещение ворвались двое воинов, у одного в руке топор, у другого длинный изогнутый меч. Оба как ударились о стену, завидев, как я уперся ногой в грудь их хозяина и вытаскиваю из его горла длинный узкий меч. Голова Галантлара сразу упала набок, держась на одной коже, я повернулся к ним, спросил резко:

— Как зовут?

Они молчали, чуть разошлись в стороны, готовые подступиться так, чтобы я не мог драться сразу с обоими. Один с красной рожей, среднего роста, выбрит чисто, до синевы, усы торчат в стороны, кончики закручены и кажутся острыми, как шильца. Глаза темные, как спелые маслины. Кроме лица ничего не разглядеть, весь в доспехе, что хоть и не рыцарском, из наползающих друг на друга пластин, наподобие крупной чешуи и на шарнирах, а в прекрасной пластинчатой броне поверх плотного камзола. И шлем без всяких гербов и вензелей, удобный конический шлем, меч и сабля соскользнут, надо топором или молотом. Кольчужная сетка укрывает от удара шею, под нею платок, но угадывается мощная жилистая шея, да и

под пластинчатым доспехом чувствуется широкая, мощная грудь.

Хорошие кожаные штаны, добротные сапоги, сильно изношенные, но вполне, вполне. На поясе широкий нож, ручка из оленьего рога, меч справа на бедре.

Второй на голову выше, настоящий гигант, массивный, глаза настолько водянисто-голубые, что почти бесцветные. Я поймал себя на том, что смотрю в его глаза с некоторой дрожью, как бы проверяя, человек ли это или двуногая рыба. Этот одет проще, поверх вязаной рубашки крупноячеистая кольчуга, пара пластин на плечах, напоминающих погоны, и металлический щит на груди, добавочная защита от стрел и копий. Из оружия массивный топор, но, судя по толстым жилистым рукам, орудует им с легкостью.

Выглядели они опасными, я сказал торопливо:

— Ребята, если хотите драться, то посмотрите на своего хозяина!.. Он был покрепче вас.

Первый, который с усами, смотрел на меня с ненавистью, быстро обвел злым взглядом забрызганное кровью помещение. Красное, обожженное солнцем, морозами и ветром лицо сурово, глаза не мигают, смотрят люто, прицельно. Лицо и шея такого же цвета, как кисти рук, суровый воитель, вечный часовой.

Он первый перевел дыхание, не расслабился, но я ощущил, что он не бросится прямо сейчас. Я услышал хриплый голос человека, привыкшего холодные ночи проводить на посту:

— Он... погиб?

— Если может жить без головы, — ответил я, — то живее всех живых. Вот что, ребята, можете броситься на меня и красиво погибнуть. Глупо и бесцельно. Но можно продолжать жить. Вы как служили, так и будете служить дальше, разве что жалованье будет выше... тебя как зовут?

Я нарочито обратился ко второму, что помоложе, он хоть и гигант, но не гигант мысли. Спросил быстро и резко, тот вздрогнул, вытянулся с неприличной для такого огромного тела поспешностью, голос едва не дал петуха от великой усердливости:

— Ульман, господин!

— Хорошо, Ульман. Тебе первому прибавлю жалованье. А ты, как зовут тебя?

Старший, все еще колеблясь, хмуро взглянул на Ульмана, что уже дал трещину, буркнул с неприязнью:

— Меня зовут Гунтер, я начальник стражи стены и башен.

— Им и останешься, — сказал я. — Или даже займешь место Цеппера, а то и этого, как его... А сейчас не делайте глупостей. Даже рыцари с их дурацкой верностью до гроба и после гроба уже отказались бы от драки. А вы же поумнее благородных?

Они смотрели исподлобья, Гунтер пробормотал:

— Всегда говорили, что господин Галантлар бессмертен...

— Бессмертна только душа, — ответил я строго, — да и ту я пинком отправил в ад. Вот что, парни... Отныне я — хозяин этого свинарника. Зовут меня — Ричард Длинные Руки. Я — паладин, это значит, вижу вас насквозь! Будете плутовать, и на дне моря обоих... ясно? А сейчас идите и успокойте всех. Жизнь топает дальше, я не собираюсь рушить экономику, в которой ни уха ни рыла. Вы оба раз уж пришли первыми и принесли присягу служить верно и преданно... принесли же, да? Ну вот, за быстрое решение получаете повышения в чине... И плату тоже. Ненамного, но все же... выполняйте!

Слишком обалденые, чтобы понимать что-то, они послушно вышли за дверь, наконец-то ощущив знакомый тон и властную руку хозяина.

Я перевел дыхание, душа тряется, руки трясутся, со стен смотрят из массивных рам лица суровых и властных мужчин, женщин, в нишах статуи рыцарей в полный рост, сделанные чересчур искусно, пальцы дергаются к молоту.

Оглядевшись, я потащился обратно, меч в ножны не вкладывал, страшно, даже от каменных стен веет опасностью. На лестнице убитые, еще двое явно скатались по ступеням, неужели это я их так, будто баранов на бойне...

Внизу в зале всего трое убитых, я миновал их по дуге и вышел во двор. Огляделся, замок, что и говорить, прост: всего лишь высокая башня-донжон, окруженнная со всех четырех сторон стенами. Но донжон только в первые века был собственно башней, потом превратился в массивный дом. Правда, все так же стремится ввысь, дабы из окон видно, что вдали, какие армии подступают.

Но любой замок окружен толстой и высокой каменной стеной с зубцами, запасами камней и даже с котлами со смолой, по углам обязательно башни, где могут укрыться небольшие отряды, также обязательно защитные валы, рвы и подъемные мосты. Этот же замок с трех сторон защищают горы, с четвертой — пропасть, на мосту я уже надрожался, спасибо.

Замок выстроен с размахом: от стен до самого дома в центре места предостаточно, и хотя во дворе еще куча домиков, где челядь, где пекут хлеб, работает кузница, оружейники, вот там конюшня, а там правее... ни фига себе, настоящая церковь! Правда, маленькая, так называемая замковая, больше похожая на часовню, заброшенная, но, значит, христианские миссионеры забредали дальше, чем герой-крестоносцы...

Прямо над входом в донжон огромный щит, та-

кой не поднять и великану, я сообразил, что это и есть гербовый: синее поле, разделенное на четыре части, на одной вздыбленный золотой лев, на другой дракон, на третьей дуб с оголенными корнями и надпись латиницей, которую я перевел как «Иван идет». Это что-то смутно напомнило, на четвертом просто россыпь золотых звезд.

Я осматривался, держась настороже, ладонь на рукояти меча, глаза быстро пробежали по пристройкам, затем осторожно вошел в обширную прихожую, она же нижний зал, здесь явно вечерами собираются слуги на посиделки, латают одежду, женщины вышивают и сплетничают, вон у той стены виден очаг... да и у противоположной такой же, настоящий камин, а по размерам так вообще жуть, в нем шпалы будут выглядеть спичками.

Под ногами звонко цокало, будто шел конь, пол из тщательно подогнанных каменных плит, серый гранит благородного цвета, сдержанный, не броский, стены тоже из камня, но на высоту человеческого роста облицованы деревом, выструганным и покрытым лаком. Лак потемнел, то ли этому замку тысячи лет, то ли такой подбирали по цвету. Хотя, правда, за тысячу лет любой лак бы осыпался...

На стенах прапора, яркие, цветастые, с оскalenными мордами зверей, нигде я не заметил неизменного креста на стене с распятым пророком новой веры, а здесь должен быть в два человеческих роста, если мне не изменяет присущее мне чувство вкуеа, нет прочих христианских атрибутов, как-то: множества икон... Хотя нет, иконы только в православии, а здесь левославие... Левославие, или католицизм, ограничивается распятием. А иконы — это тот же набор деревянных идолов, только не резные столбы, а раскрашенные доски.

В левую дверь вошел, пошатываясь, Зигфрид. Лицо, как у покойника, желтое, зато грудь и плечи, не говоря уже о руках, щедро забрызганы кровью. Он улыбался, в глазах медленно угасал блеск голодного волка.

— Это был пир, — проговорил он слабеющим голосом. — Это был пир...

Я бросился навстречу, голова рыцаря упала на грудь. Я подхватил под мышки и заставил опустить зад на лавку. Искать раны и возлагать ладони не пришлось, да еще читать молитвы: я ощутил слабость, голова на мгновение закружилась, в ушах раздался звон. Зигфрид с некоторым усилием поднял голову.

— Сэр Ричард... Я вам уже принес присягу?

— Принес, принес, — уверил я. — Посиди так, наберись сил.

— Тогда приношу еще раз, — сказал он хриплым голосом. — А что могу принести, если у меня ничего больше нет?.. Сэр Ричард, я вам обязан... как даже не знаю что!.. Нет, сидеть и ровно дышать — глупо, я потерял много крови, а восполнить может только хорошее красное вино. Пойду искать, ведь не может такого быть, чтобы у такого могучего властителя было слабое вино?

Он поднялся достаточно бодро, хоть и пошатнулся, но, опираясь на меч, двинулся к зияющему проему на месте ворот. Я поворачивался на месте, нехорошее чувство опасности не оставляет, это не Зорр, где при всей суровости и жестокости нравов знаешь, что тебя ждет.

Раздались звучные шаги, я обернулся с обнаженным мечом в руке. Из другой двери вышел Сигизмунд, без шлема, золотые волосы покраснели, слиплись и торчат кверху, как гребень рассерженного дикобраза. Доспехи страшно порублены, посечены, с правого плеча сорваны не только металлические пла-

стини, но и рассечена кольчуга вместе с вязаной рубашкой. Там потемнело, стало багровым. Он сильно прихрамывал, но красиво, хоть и с усилием отсалютовал мне настолько пощербленным мечом, что тот стал похож на затупленную пилу.

— Садись, — велел я со вздохом. — Время процедур...

— Чего, сэр Ричард?

— Ты мне больше нужен живым и здоровым, — ответил я. — Или ты тот дурацкий берсерк, что ран не замечает?

— Что раны, — ответил он мужественно, — была бы цела честь!

Я усадил и его, а пока прислонял к стене и готовился затянуть раны, сам едва не упал от головокружения. Ноги подкосились, перед глазами стало темно. Как из другого мира донесся встревоженный голос молодого рыцаря:

— Сэр Ричард, вы так побледнели...

— Это я от гнева, — ответил я. Поправился: — От ярости. А ты чуть отдохни, а то... вдруг где-то еще сидит нечто большое и злое? Хорошо, что у нас передышка.

— Мы его найдем! — пообещал он.

— Только бы не оно нас, — сказал я.

Сигизмунд все же поднялся, бледный, с по-прежнему торчащими волосами, на лице сочувствие и тревога, проговорил обеспокоенно:

— Сэр Ричард, это счастье, когда в отряде есть паладин... Он лечит всех, и как жаль, что не может лечить себя!

Хрен тебе, подумал я. Я такой особенный паладин, что себя-то лечу в первую очередь. Своя рубашка ближе к телу и все такое. Да ладно, свои раны замечаешь сразу, я же не берсерк какой, что вообще их в упор не видит, а сражается и сражается, пока не рух-

нет и не задвигает в предсмертной судороге левой задней ногой.

В проеме возникла приземистая фигура, Сигизмунд обнажил меч и с подозрением смотрел, как вслед за Гунтером в помещение робко вошли еще двое воинов. Они остановились поодаль, жадно рассматривая меня во все глаза. Сигизмунд грозно засопел, они поспешно поклонились. Гунтер, демонстрируя близость ко мне, хозяину замка, подошел быстро, поклонился и протянул связку огромных тяжелых ключей. Этой связкой можно бы в бою глушить рыцарей, как чеканом.

Я взял, взвесил на ладони, протянул обратно.

— Проверишь, все ли в порядке. Смотри, чтобы не растащили, пользуясь неразберихой. Я не хочу, чтобы народ здесь начал голодать...

Сигизмунд выдвинулся вправо, чтобы мог защитить сюзерена, добавил с подозрением в голосе:

— Хуже того, чтобы не разграбили винные подвалы!

Гунтер сказал бодро, сверкнув глазами-маслинами:

— Не извольте беспокоиться!.. Все воры и разбойники не только сам замок, но земли господина Галантлара обходили стороной. А уж теперь так и вовсе... Человек, сразивший самого Галантлара, гораздо ужаснее.

Усы его воинственно торчали, как у изготовленвшегося к брачной схватке таракана. Я нахмурился, подтвердил:

— Да-да, я ужасен в гневе. Рву и мечу, а потом еще и метаю. А теперь собери челядь здесь, в нижнем зале. Я изволю им сказать, кто есть ху.

Сигизмунд посмотрел им вслед вопросительно, я кивнул, мол, присматривай здесь, сам пошел вверх по лестнице. Ступеньки не скрипят, каменные, массивные, посередине уступами спускается до самого

низа толстый красный ковер, настолько чистый, что я поневоле пошел сбоку, ступая на незастеленное.

На втором этаже лестница вывела в просторный холл, по обе стороны уходят залы и зальчики, а в самом холле зияют три довольно широких окна. Не окна-бойницы, а обычные проемы, разве что без рам и, конечно, без стекол. Я выглянул, при желании можно даже вылезти или залезть, никакой решетки. Отсюда с высоты неплохой вид на долину, что по ту сторону пропасти. Домики, стадо коров, цветущие сады, вспомнилось: «...как молоком облитые, стоят сады вишневые», и в самом деле — не видно даже листвиков, только сугробы, сугробы, сугробы — настолько много цветов на деревьях.

На днях надо съездить, показаться, объявить, что власть переменилась, однако налоги платить все равно придется. Или послать Сигизмунда с Зигфридом, они ж мои вассалы, а это значит, что не только мои друзья, но работать тоже надо. Я хоть и без титула, но уже владелец замка, так что мой ранг выше, в то же время такие орлы, как я, то есть беститульные, хоть сто замков у них во владении, обычно являются вассалами баронов, но и бароны вовсе не удельные князья, а вассалы виконтов, виконты — вассалы графов, графы — вассалы герцогов, герцог — вассал князя, а то и напрямую — короля... Это раньше мне казалось, что вассалитет — что-то почти позорное, унижающее, но на самом деле при вассалитете подчинения меньше, чем у солдата командиру, у ученика учителю, у служащего боссу, а у водителя автомобиля — автоинспектору. В тех случаях просто стоять навытяжку и не спорить, а при вассалитете это обоюдный договор, когда на присягу верности тот, кому присягают, дает встречную присягу защищать, оберегать и бдить все интересы вассала. Так что если ученик приносит при-

сягу учителю или солдат офицеру поневоле, то здесь — дело добровольное. Не хочешь, не присягай, но и защищайся сам.

В то же время здесь, скорее всего, либо упадок рыцарства, либо переход к товарно-денежным отношениям, иначе почему так просто забыли о присяге верности своему сюзерену? Впрочем, это я сам, похоже, заехал не в ту степь: присягали на верность только рыцари, а народ попроще просто служил. От них никто присяги и не требовал, ибо их и так передают один другому вместе с землями и замками.

Впереди из темной ниши, оказавшейся полураскрытоей дверью, выглянула женская головка. Оглянулась по сторонам, меня не заметила, я стою неподвижно, а женщины, как и змеи, не замечают неподвижные объекты, за головой выдвинулась и молодая девушка, с изумительной фигурой, но бледным испуганным лицом и расширенными в страхе глазами. Она перебежала зал и хотела исчезнуть на другой стороне, как я сказал грозно:

— Стоять!.. Застынь на месте и стой там, иди сюда!

Она замерла, смотрела на меня расширенными в ужасе глазами. Молодая женщина, почти девочка, но из тех, которые рождены, чтобы стать матерью, растить и квохтать возле своих цыплятков, оберегать от злого коршуна, переживать, если кто-то плохо клюет зернышки. Она смотрела снизу вверх, как я приближаюсь, подбородок начал подрагивать, лицо побелело, вся сгорбилась, стала похожа на старушонку.

— Не бойся, — сказал я. — Ты слышала внизу вошли, потому и прячешься?.. Так вот, теперь хозяин замка — я... Господи, сколько мне это повторять? Вот что, пробеги по замку, собери челядь. Лучше там внизу, место просторное. Запомнила? А я сразу всем и скажу, что власть переменилась. Ты вообще-то кто?

Она вздрагивала, обхватила себя руками за плечи. Рыжие с красным волосы укрыты платком, две пряди выскоцили и легли на грудь, что ходит ходуном от страха. Огромные карие глаза испуганно смотрят мне в лицо, пушистые ресницы хлопают непрерывно, кажется, вот-вот заревет.

— Кто ты есть, существо? — повторил я.

Она с трудом перевела дыхание, губы трясутся, я уже ожидал, что попросит не есть ее, но кое-как совладала, страшась разгневать нового господина, ответила, запинаясь:

— Я... Фрида... просто швея... В комнатах убираю...

— Фрида, — повторил я, нахмутившись. — Что-то имя знакомое... Ты ребенка не душила?

Она ахнула:

— Я? Ребенка?

— Ну да, что-то вспоминаю, да не могу вспомнить... Платочком?

— Каким платочком?

— С голубой каемочкой. Родила тайно от мельника, задушила платочком и закопала в лесу...

Она воскликнула в ужасе:

— Милорд, я еще девственница!

Я кивнул:

— Извини, перепутал. Ну уж очень похожа. Беги, собирай народ. Новая власть — это не всегда плохо. Будут послабления. Жалованье обещаю выше... Не сразу, конечно. И не всем. Беги!

Она исчезла со скоростью ухоженной сытой мыши, завидевшей худого дворового кота. Я прошелся по анфиладе, но это оказались не залы, а всего лишь коридор с альковами или будуарами, как их там правильно. Попадались двери, я одну решился открыть, присвистнул и закрыл. Взору открылся на миг роскошный, хоть и мрачноватый зал неизвестного на-

значения, серые каменные стены из хорошо подогнанных глыб, кое-где закрытых гобеленами, в нишах фигуры рыцарей, дорогие вазы в половину моего роста, с виду очень хрупкие...

— Отнюдь, — сказал я. — Отнюдь.

Словцо какое-то непонятное, но почему-то показалось подходящим. Я прошелся еще чуть; в самом конце этого нехилого коридора еще лестница, ведущая вверх. Разумно, чтобы враг сразу не сумел взбежать на крышу. Пока будет носиться по всем коридорам, его из каждого алькова из зала в спину, а то и с тыла зайдут...

На втором этаже я у каждой двери прислушивался и осторожно приоткрывал, заглядывал. Четвертая от лестницы дверь скрывала сравнительно небольшую комнату, впятеро меньше тех танцклассов, что попадались раньше. Большой дубовый стол, три кресла, широкая лавка, два окованных медью сундука, на обоих висячие замки. Еще на стене старинные полки, на одной толстая книга, остальные полки покрыты пылью. Я обошел вокруг стола, подвигал кресла, достаточно легкие, посмотрел на лавку. Если ее подвинуть, там вполне поместится ложе. А если и ложа не отыщется в этом замке, прескокойно посплю и на лавке...

Комната начала нравиться, но расслабляться не стал, на расслаблении мы все и ловимся, с суровым и решительным видом прошелся взад-вперед, спина прямая и грудь колесом, в старых замках все на дырах, тайных ходах, где правители подсматривают за подданными, так что не исключено, что если начну копаться в носу или чесать, перекосив рожу, между большими пальцами ног, то у наблюдающих за мной начнется падение моего авторитета.

Наконец я в открытую ощупал и осмотрел стены,

попробовал передвинуть полки, чтобы прикрыть наиболее уязвимые, с моей точки зрения, места. Не хочу, чтобы какой-то белый рояль отодвинулся, а из тайного хода выскочили дяди с ножами, в то время как я буду осуществлять свое законное право первой брачной ночи.

За сдвинутыми полками обнаружил старую дверь, паутина оплела так, что едва сумел оторвать край, а затем уже отделял ^{*}чуть ли не с крошками камня. К счастью, за столетия паутина высохла, потеряла не только липкость, но и прочность. Тонко звенело, это рвались толстые паутины струны, тонкие рвались в недоступных мне октавианах.

Дверь подалась со скрипом, посыпалась каменная пыль, открылся вход в темноте помещение. Я взял светильник из подставки, согнулся в низком проеме, здесь народец не готов к взрыву акселерации..

Просторный каменный чулан, но насколько просторный, взгляд не достигал, оранжевого колеблющегося света хватило только на несколько шагов. Вообще это даже не чулан, а скорее малый зал, только зачем-то забит старыми вещами так, что я застыл в проеме, согнутый в три погибели, не находя, куда поставить ногу. Груды старых толстых книг, как каменные глыбы в стене замка, на ближайшей стопке в неустойчивом равновесии, на самом краю древняя медная лампа, мне сразу захотелось схватить и потереть старинные чайники, два человеческих черепа, один украшен серебром, несколько медных чаш, одна показалась не то серебряной, не то вовсе из платины, на широком подоконнике стопка медных подносов, кувшинов, металлических блюд, шкатулки, ларцы...

В глубину уходят сундуки, почти полностью скрытые под сваленными сверху вещами. Я не увидел тряпок, даже самых драгоценных. Либо их сюда не таска-

ли, либо все истлело за долгие годы. Если не столетия. Шагах в пяти на красивой табуретке с резными ножками прозрачный сосуд, то ли из толстого стекла, то из хрусталя. Внутри что-то шевелится, на миг почутилось злобное оскаленное лицо, но дорогу загораживает целая гора предметов, из которой торчат песочные часы в массивной медной оправе, всякого рода волшебные палки, похожие на нунчаки, множество то ли астролябий, то ли секстантов, все вроде бы смутно знакомо, все сделано тщательно, с любовью, с барельефами, исписано мелкими значками...

Глава 3

Издали вроде бы донесся слабый крик. Ухо ухватило почти что звон железа, я поспешил ступить назад, закрыл дверь и задвинул ее полками. Они встали на место легко и привычно, словно передвигались на шарнирах. Прислушавшись, я вышел в коридор, вернулся к лестнице. Внизу с обнаженным мечом бродил по залу Зигфрид, озирался, время от времени вскрикивал:

— Сэр Ричард!.. Ричард, да где же вы, черти бы вас побрали!

Очень вежливо, подумал я, наклонился над перилами, прокричал:

— Сэр Зигфрид, здесь не двумерный мир!.. есть и третье измерение!

Он поднял голову, лицо уже побагровело, глазки масленые, громко удивился:

— А, вот вы где!.. А чего вы туда забрались?

— Потому что не хочу, — ответил я сварливо, — чтобы ночью что-то вышло из-за портьеры и перегрызло мне горло. Вам пусть, если вас это не тревожит, а мне свое горло как-то жалко.

Рука Зигфрида поднялась, он пощупал горло, взгляд стал задумчивым. Нерешительно спросил:

— А перегрызенное горло... как насчет залечить?

— А вот это уже мимо, — ответил я со злорадством. — Так и будете жить с перегрызенным!

Он подумал, пальцы некоторое время гладили ка-
дык, сказал со вздохом:

— Тогда мне это не нравится. Чужое бы ладно, а
то свое... Какие будут указания, милорд?

Я подумал, теперь я председатель колхоза, пред-
ложил:

— Знаешь, ты человек бывалый, осмотри замок
снаружи. Ну, чтоб нас вот так же не захватили сонны-
ми, как мы этих... Я хочу, чтобы мы здесь хоть ночь да
переночевали живыми.

Он оскалил зубы в широчайшей улыбке:

— Тут все созрело, чтобы их захватили. А мы не та-
кие куры. Но я все сделаю, не беспокойтесь, ваша ми-
лость!

Я смотрел ему вслед, нахмурив брови, я же теперь
феодал, старался сообразить, что в этом мире значит
перемена обращения с «сэр Ричард» на «ваша ми-
лость». Уже в который раз называют так, это ж не
случайно, я спешно перебрал в памяти все слышан-
ное, ибо между обращением к простолюдину просто
по имени и к Шарлегайлу — «Ваше Величество» —
глубочайшая пропасть, заполненная всякими там ва-
шими благородиями, высокоблагородиями, превос-
ходительствами, светостями и прочими преосвящен-
ствами. Я вообще-то месье, а Сигизмунд и Зигфрид,
как мои однощитовые вассалы, должны обращаться
ко мне как к сюзерену, «монмесье» или «монсеньо-
ру», а «ваша милость» — это уже перебор, то ли аванс,
то ли намек. «Ваша милость» — это к виконту или ба-
рону. Надо будет им напомнить, что я просто владе-

лец замка, просто владелец, хозяин, а не эстрадный певец, что добивается дворянского титула.

Меч мой остался в ножнах, я вернулся по коридору, отворил дверь в ту же комнатку, что в планах уже приспособил под спальню, однако здесь оказалась большая сумрачная кладовая, узкая, как вагон, с полками под потолок по обе стороны. Я захлопнул дверь, заглянул в соседнюю, уверенный, что просто ошибся, отворил дверь с другой стороны; там вообще пусто, темно, стены поросли серым мхом, уже мертвым.

По спине пробежали крупные мурashки. Я не мог ошибиться настолько, хотя, конечно, проверить надо, поспешил по коридору, отворяя все двери, заглядывая и отшатываясь, а мурашки по спине бегали все более крупные, потом бегали уже не мурашки, а жуки, превращались в тяжелых холодных ящериц:

Наконец появилась в поле зрения лестница на верх, уже не каменная, ступени из добротного дерева, потемневшие от старости, но прочные, даже не заскрипели под моим весом, а я в этом мире совсем не дюймовчик. Я поднимался медленно, прислушиваясь, ладонь сама легла на рукоять меча. Желание вытащить сверкающую полосу острой стали и двигаться дальше, выставив острие перед собой, было таким сильным, что я остановился, сделал несколько глубоких вдохов.

Наверху мертвая тишина, затем послышался тонкий чистый звон, словно на каменный пол упал и разбился хрустальный бокал. Я постоял с сильно бьющимся сердцем, был соблазн вернуться, но напомнил себе, что здесь я должен чувствовать свое полное превосходство, ведь это ж я, а все прочие просто они, и ступни снова начали подниматься на ступеньки выше и выше.

Слева от меня в двух шагах шла толчками стена,

грубый камень задрапирован благородным деревом, справа перила, удивительно изящные, резные, с мраморными статуэтками через каждые три шага. Я настороженно посматривал по сторонам, наконец поднялся наверх, постоял, прислушиваясь.

Этаж в самом деле для благородных: отделан богато, красиво, со старанием. Каменные стены упрятаны целиком, а поверх деревянной облицовки навешаны картины в массивных дорогих рамках из темного дерева. В неглубоких нишах застыли, сильно выступая наружу, неизменные рыцари из железа, вазы и мраморные статуи. Правда, не все мраморные, часть из металла, то ли старой меди, то ли бронзы или вообще неведомых мне сплавов.

Я шел вдоль стены, косился на отделку, статуи, барельефы. В одной нише женщина изумительной красоты, выкована из темной меди настолько умело, словно живая, на миг задумалась... держа в одной руке дивный меч с извилистым узким лезвием, а в другой — треугольный щит. Лезвие меча уперла в каменный пол, как и щит. Я остановился, засмотревшись, уже и не знал, на что больше таращить глаза, на восхитительную женщину или же на ни на что не похожие меч и щит.

Меч походил на сосульку, постепенно сужаясь к кончику, лезвие слегка просвечивало, как просвечивает тонкая льдинка. Крестовина рукояти очень искусно выкована в виде растопыренных крыльев, а сама рукоять в накладках из золота. Там, где крестовина соединена с рукоятью, ярко горит крупный, мастерски ограненный камень. Я туповат в искусстве, не знаю течений, никогда не собирал альбомов с Дега, но когда искусство, во мне что-то откликается само по себе и тихонько тинькает. Сейчас внутренний голос твердил настойчиво, что этот меч — бесценен, в

нем изящества больше, чем во всем Кельнском соборе с Биг-Беном в придачу и яйцами Фаберже.

Я наконец перевел взгляд на щит, дыхание остановилось. Цельнометаллический, выпуклый, дивной стилизованной формы, как если бы средневековый щит делали современные дизайнеры с учетом достижений высоких технологий. В середину вделан огромный, но почти плоский драгоценный камень, опправа из золота, эдакий выпуклый бортик в мизинец толщиной, а края щита украшены великолепным, но сдержаным барельефом из листьев. От золотой опправы вокруг камня отходят стилизованные лучи, тоже из чистого золота.

Однако мои пальцы задрожали от желания взять в руки меч, потрогать, ощутить рифленую поверхность рукояти в моей ладони. Потрогал пальцем лезвие, очень осторожно коснулся ногтем острия, на ногте сразу появилась полоска.

Совершенно непроизвольно я попробовал взять меч из женской руки, взял, повертел в руке, любуясь... обомлел и обернулся. Женщина в прежней позе, пальцы правой руки... разогнуты!..

Волосы зашевелились, и, вместо того чтобы взять и щит, я торопливо сунул меч рукоятью в ее пальцы. Она не пошевелилась, не повела бровью, но пальцы сомкнулись на рукояти. Я отчетливо видел, что тонкие женские пальцы стали с металлом меча одним целым.

Я отступил, сердце колотится, как если бы долго мчался через лес от стаи волков, перепрыгивая через ямы и упавшие деревья. Снизу вроде бы опят орут, поглядеть не дают, я прислушался, заорал в ответ. Крик повторился, уже ближе, я со своим мечом Арианта поспешил навстречу, сбежал по лестнице, на втором этаже встретил встревоженного Сигизмунда.

— Сэр Ричард, — сказал он, запыхавшись, — мы уже волноваться начали...

— Что случилось?

— Внизу собирались, ждут, а вы исчезли: Когда Гунтер сказал, что вы ушли наверх, среди челяди начались перешептывания. Я тряхнул одного, он признался, что наверху неладно, там нечистая сила. Даже не от дьявола, а вообще нечистая, изначально... туда многие поднимались еще при старом хозяине, но никто не спустился. Вы там никого не встречали?

Он вглядывался беспокойством, я покачал головой.

— Я шел медленно, — признался с неохотой. — Такой из меня ценитель прекрасного, понимаешь?.. Чем больше колени дрожат, тем охотнее рассматриваю картины на стенах. Хотел даже вернуться, чтобы вам с Зигфридом рассказать, как ценю искусство...

— Вот и хорошо, — с убеждением сказал он. — Не рискуйте зазря!

Мы спускались к нижнему залу, я прислушивался к говору голосов внизу, сказал с еще большей неохотой:

— Что делать, придется все пересмотреть еще сегодня. Хоть и маловероятно, но вдруг где что прячется?

— Там много тайн, — предостерег он.

— Тайны разгадаем позже, — сообщил я.

К моему удивлению, в нижнем зале собралось человек сорок. Из них челяди около трети, остальные — воины. Во время нашего вторжения сидели высоко в башнях, а пока спустились по длинной винтовой лестнице, их уже встретил Гунтер и сообщил, что власть поменялась, теперь они служат не Злу, а Добру, но обещана прибавка к жалованью, а с прибавкой можно служить, оказывается, и Добру.

Я держался как можно более надменно, властно, смотрел свысока, иначе нельзя, здесь либо властству-

ешь, либо тебя властвуют, а равным можешь чувствовать только в среде рыцарей, где все равны хотя бы в поведении. Встал перед ними в надменнейшей позе, смотрел поверх склоненных в поклоне голов, нижнюю челюсть выпятил, как у бульдога с неправильным прикусом, заговорил медленно, веско, вколачивая каждое слово, словно толстый гвоздь в мягкое дерево:

— Вы все знаете, что сегодня ваш прежний хозяин отошел в мир иной, сейчас летит в сверкающей трубе... в звезды врезываясь. Впереди — звезды белые, позади — красные... вроде бы так, если эффект Доплера не перепутал. Перед смертью он передал мне этот замок со всеми его землями, фауной и флорой, а также всей экологией. Править буду жестко, но справедливо. Вы все знаете, что девиз паладинов «За справедливость!», а я самый что ни есть паладин, и кто усомнится, того велю выпороть, а потом повесить. Есть вопросы?

Последнее, пожалуй, было лишним, я же феодал, не прораб, но все равно никто не пикнул, быстро растяли по углам, вообще исчезали. Подошел Гунтер, все такой же хмурый, аж усы повисли, в лице неприязнь, но, похоже, это у него вообще морда лица такая, я ни при чем.

— Ваша милость, — сказал он хмуро, — можете проверить, но нам в самом деле уже полгода не платили жалованья. И кормят так, что солдатам приходится уходить тайком в деревню, чтобы украсть что-нибудь...

Он кривился, морщился, понимает, мне слушать такое, что вилами в бок, потому я подавил понятное раздражение, ответил ровным голосом отца народа, а возможно, и нации:

— Ты прав, слушать это никто не любит, потому спасибо, что все-таки сказал. За всех. К счастью, у

меня есть с собой кое-какие монетки... Так что я расплачусь сегодня же, а потом что-то придумаем еще.

Он послушно пошел за мной, я свистом подозвал коня, тот бродил по двору и грыз, к ужасу конюхов, камни. Я вытащил из седла несколько монет. Глаза Гунтера жадно прикипели к золоту. Кадык задвигался, я с сочувствием подумал, что хозяин зря уж держал воинов в черном теле. Кто не кормит свою армию, кормит чужую. Набрал бы людей больше, глядишь, мы не прорвали бы оборону...

— Сколько у тебя человек? — спросил я. — За шесть месяцев это сколько?.. Тебе доверяют, так что я выдам все тебе, а ты уж распределай.

Он сосредоточенно следил за моими пальцами, с крестьянской деловитостью проверил золото на зуб, посветил лицом, сказал с чувством:

— Здесь на полгода вперед!.. Люди за вас будут молиться!

Я отмахнулся.

— Не очень-то они здесь молятся, как погляжу. Ни одного распятия...

Он запнулся, снова уставился на меня с прежней настороженностью. Я отмахнулся.

— Ладно-ладно. Паладины признают молитву делом, а языком молоть каждый может. Сбрешет, дорого не возьмет. Охраняйте замок, чтобы комар не пролетел, это и есть ваша молитва.

Он молча поклонился, как мне показалось, вполне искренне, удалился. Я смотрел вслед, плечи расправились шире, а нижняя челюсть выдвинулась сама по себе, я даже не старался выглядеть феодалом, я им себя чувствовал с большой охотой. Нет, хорошо все-таки быть этим самовластным божком... Помню, один друг мне как-то признался: мол, хотя по убеждению я — демократ, но есть у меня заветная мечта... Хочу, чтобы

однажды кто-нибудь тихо вошел ко мне в комнату и ласково сказал: «Кушать подано, барин!» И вот я этот самый барин. Да что там всего лишь барин — феодал! Все любят Средневековье, все в мечтах хоть иногда да оказывались в этом мире. А почему, собственно, такая любовь к Средневековью? Да потому, что в этом мире нет юристов. И нет законов. Все по понятиям, все по неписанным канонам добра и зла. И что бы ты ни сделал, прекрасно знаешь; сделал добро или зло. И все знают. Здесь нет юридических штучек, нет зачитывания прав человека, в которых, если собьешься хоть на букву, уже надо выпускать убийцу и насильника. Здесь прав не тот, у кого круче адвокат, а тот... кто прав! И паладины в самом деле берут на себя обязанности судьи, прокурора, адвоката и палача. Здесь не пройдет распространенная в моем мире дурь, что жизнь подонка и человека достойного — равноценны. У нас за убийство пьяного бомжа и великого ученого-подвижника, открывшего средство против рака, дадут одинаковые сроки, а здесь всякую рвань я могу без суда и следствия запросто развесивать на деревьях или на крепостной стене. Просто по определению. Или для очищения рода людского, помогая эволюции совершенствовать наше разношерстное племя.

Сигизмунд и Зигфрид смотрели с ожиданием. Я не нашелся, что сказать умное, предложил:

— Давайте отыщем mestечко, где перекусить... что-то есть восхотелось, причуды у моего желудка, видите ли! За столом и пообщаемся.

Зигфрид повернулся, звучно заорал:

— Леция!.. Леция!

Сухо стучала башмаками на деревянной подошве, прибежала молодая девушка, смазливенькая, расторопная, немного полненькая, в меру пугливая, в меру бойкая, страшилась нас, троих здоровых мужчин, но

бессознательно старалась делать вырез платья пониже, сиськи повыше, облизывала и без того влажные полные сочные губы розовым и быстрым, как огонек, язычком, смотрела черными, блестящими глазами.

— Лечия, — прорычал Зигфрид, — троє мужчин проголодались, а ти чем занимаешься? Сейчас же накорми, а то съедим тебя!

Она съежилась, но тут же улыбнулась, показывая, что понимает шутку. Зигфрид повел нас за широкий стол в углу. Я сообразил, что это стол для челяди, но указывать не стал, зато ближе к кухне, расселись, прибежала еще одна, бледная и пугливая тень, присланная Лесицей, расставила по столу глиняные чаши. Двое челядинов принесли бочонок, в котором булькало и хлюпало целое море. Зигфрид сам выбил пробку, поднял бочонок, выказывая силенку, и наполнил всем чаши, не расплескав ни капли.

Вино скверное, обыкновенный перебродивший виноградный сок. К счастью, перебродил не досуха, сохранилась сладость, в то же время крепости совсем мало, Сигизмунд и Зигфрид выпили уже по две или три чаши, я пока трудился над первой. Подоспело жареное мясо, подали в глубоких мисках похлебку из гречки и ржи, невкусно, без соли. Я ел через силу, напоминал себе, что соль — белый враг, так что к лучшему.

Заканчивая обед, я сказал:

— Осмотрите двор замка, все постройки, караульные, укрепления. Я буду наверху. Да не останется нигде тех, кто ночью придет и сунет нам ножи в спины.

— Таких уже не осталось! — заверил Сигизмунд горячо.

— Уверен?

— Но не станут же они трусливо...

— Почему трусливо? — удивился я. — Обыкновенный тактический ход.

Зигфрид допил, со стуком опустил кружку на столешницу.

— Сэр Ричард, мы все перевернули вверх дном. И заглянули в каждую щель. Есть еще пара мест, но и там сейчас пороемся... Это же какая удача, что мы с сэром Сигизмундом за вами последовали! Хоть и пролили немало своей благородной крови, а она с каждым днем все благороднее, но масса народу и народцу проливает кровь просто за так! А то и вовсе отдает жизни... Здесь же целый замок с челядью, половиной уцелевшей стражи, запасами продовольствия, винными подвалами... А пролитая кровь быстро, оказывается, восстанавливается, особенно если посидеть в винном подвале с большой кружкой возле бочки... Но это я так, мечтаю. Можно еще опустошить запасы готовой еды на кухне, как сделал Сигизмунд, к ужасу и восхищению обомлевших кухарок... видите, как вяло ковыряется в миске?

— Это я вяло ковыряюсь? — возмутился Сигизмунд. — Это сэр Ричард ковыряется, его явно накормили там, на этажах...

— Он привык к другой еде, — сказал Зигфрид подразнивающе. — Верно, сэр Ричард?

— Верно, — ответил я. — Ладно, обед закончен, за дело!

Мы разошлись, громыхая доспехами и лязгая мечами, челядины шмыгали из помещения в помещение все заметнее, испуга все меньше. То ли прошлого хозяина не очень-то любили, как и взявших власть в свои руки Цеппера, Шваргельда и Гудмена, то ли простолюдины мудро полагали, что служат власти, а не человеку. В замке же произошла смена не власти, а всего лишь человека, так чего ждать перемен?

Пока я поднимался по лестнице и поглядывал вниз через перила, заметил, что жизнь возобновилась, по-

выползали даже те, кто не решился явиться на общее собрание трудового коллектива. Со двора слышно робкое постукивание молота по железу, это кузнец выказывает лояльность, работаю, мол, из ветхого сарайчика потек запах свежего хлеба, а в дальнем углу на высоких кольях появились развешенные для просушки свежевыделанные шкуры.

Я сразу поднялся на третий этаж, хотя на втором был сильнейший соблазн поискать ту странно исчезнувшую комнату, что малыми размерами и уютностью так приглянулась для спальни. Металлическая женщина с мечом и щитом, Афина Паллада этого мира, стоит в той же позе, даже опорную ногу не переменила, острие меча упирается в ту же точку, щит в той же позиции, я даже усомнился в случившемся, но на всякий случай обошел ее по широкой дуге.

Вдоль стены, наполовину выступая из ниш, застыли рыцари, собранные из частей доспехов, а также цельнолитые фигуры то ли героев, то ли мудрецов, ибо даже не все в доспехах или с оружием, двое вообщем с негероическими фигурами, в балахонах с ниспадающими до пола чугунными складками. Я шел с сильно стучашим сердцем, вздрагивал и подпрыгивал при каждом звуке. Замок отличался от всех увиденных, как если бы здесь время оказалось на два-три века впереди. Тоже вроде бы доспехи, тоже рыцарские, но видим разницу между доспехами времен короля Артура и доспехами рыцарей Жанны Д'Арк, дистанция не меньше, чем между Царь-пушкой и баллистической ракетой.

Замок, мелькнуло у меня в голове, рыцарский... но как будто бы рыцарский век растянулся здесь на тысячелетия. Или прошлые века остались на первом этаже, а здесь век уже упадка рыцарства, когда суро-вая простота окончательно уступила место изыскан-

ности, куртуазности, хорошим манерам и умению подавать даме оброненный платочек.

По коридору прошел свежий ветерок, опахнул лицо. Я инстинктивно оглянулся, ветви дерева за окном не шелохнулись. Даже листья не трепещут, полный штиль. Вдоль стены через неравные промежутки идут двери, тоже странноватые: одни отделаны ценными породами дерева. Другие цельнометаллические, похожие на банковские, третьи выглядят достаточно легкомысленно, словно ведут на летнюю веранду, никакого общего плана, хотя весь этаж выстроен явно одним человеком и за достаточно короткое время, во всяком случае, вкусы измениться не успели.

Я приоткрыл ближайшую, в лицо пахнуло холodom, словно отворил дверь в зимнюю ночь где-то за Полярным кругом. Сперва видел только тьму, затем простили белесые точки, из жуткой дали донесся тосклиwyй вой. Мороз прошел по коже, так воют разве что грешники, но грешники должны плескаться в котлах с кипящей смолой, здесь жуткий замерзающий мир...

Дверь захлопнулась, я прижал поплотнее, чтобы не дуло, с той стороны что-то вроде начало царапаться, я поспешил отошел, следующую дверь пропустил, не хватило духу заглянуть, но третью приоткрыл, заглянул... оцепенел.

Прямо от двери выжженная, потрескавшаяся земля. Воздух сухой, горячий, будто стою рядом с распахнутой топкой огромной печи. Небо нависает красное, пугающе низкое, плоское, а земля уходит вдаль, вдаль, и нет ей конца, нет привычной округлости горизонта. То ли земля здесь размером с Юпитер, то ли все плоская. Взор уходит в бесконечность, в горле запершило, я смотрел на сухую землю, трещины неширокие, можно переступать, даже не перепрыгивая, но вглубь уходят, кажется, на километры.

Голова закружилась, я поспешил закрыть дверь, прислонился спиной и постоял так с закрытыми глазами, стараясь унять бешено стучавшее сердце. Во рту пересохло, а язык царапает небо и десны. Я на третьем этаже, а потолки здесь дай боже, это почти пятый, но земля за дверью начиналась на уровне порога... Как это?

Дверей всего семь, прямо передо мной стена с узкими окнами, я выглянул, убедился, что до земли пока долетишь, можно и крылья отрастить, снова закрыл глаза, подышал чаще, произнес вслух:

— Перестань трусить!.. Перестань. Какая на фиг магия, просто остатки позабытой технологии... Всеrationально, только все перепутано. Возьми себя в руки, хоть и противно брать такое трусливое, но никто ж не видит...

Сделав несколько глубоких вдохов, я провентилировал легкие, в черепе прояснилось, оттолкнулся от стены и пошел, пошел, пошел. Следующая дверь выглядит солидно: дорогой сорт дерева, умелая отделка, инкрустация, золотые накладки по углам, странный герб на двери, изображающий коней, копья, шпоры и хвостатые звезды, толстая ручка из золота или же покрытая золотом в виде двух сцепившихся в драке драконов. Я потянул дверь на себя, не подалась, толкнул, тоже не подалась, что удивило, предыдущие двери открывались легко, как на шарнирах, хотя весят, как бандковские, налог со всей силы, даже не дрогнула.

Глава 4

Некоторое время бросался со всей дури, дергал и тянул, упираясь ногами в стену, наконец запоздало сообразил, что дверь могли просто запереть. Ну и что, если остальные не заперты, а эту могли запереть. Не

позволяли же любопытным женам Синий Бороды заглядывать в одну-единственную комнатку, хотя во все остальные девяносто девять — пожалуйста!

Еще несколько дверей заперты, а последняя дверь открыла комнату, что показалась по размерам почти такой же, как та, что для спальни. Разница, что в комнате одно-единственное кресло. Остальное — голые стены, голый пол и даже потолок голый, без украшений, лепки, летящих баб и прочих излишеств.

Я вошел осторожненько, такие пустые комнаты пугают больше, чем захламленные сундуками, шкафами, ящиками, узлами со старой одеждой, клетками для птиц, всякой дребеденью непонятного назначения. Кресло ко мне высокой спинкой, сиденье закрыто. Показалось вдруг, что там нечто черное, я схватился за меч, обнажил, свист покидаемой ножны полосы стали укрепил отвагу, на цыпочках зашел сбоку...

Фу-у, никого. Обычное сиденье, деревянное, без обивки или подкладки, блестящее, явно кто-то протирал его штанами частенько. Подлокотники тоже блестят, я осторожно потрогал пальцем, отполировано локтями. Если старался краснодеревщик, то полировал бы целиком, а то лишь места, где наши руки ложатся вот такмякотью...

Меч, чтобы не мешал, я снял и прямо в ножнах прислонил стоймия к подлокотнику так, что касался теплой прогретой кожей моей руки, всегда успею схватить... надеюсь на это.

Я осторожно опустился на сиденье, положил руки на подлокотники. Ничего, сидеть удобно, чувствуется работа умельца. Либо гений, что сумел учесть расположение всех мышц и костей человека, либо конструкцию этого кресла рассчитывали на мощном компе, крутили в трехмерной проекции...

Усмехнувшись горько, я вздохнул и откинулся на

спинку. В поясницу предупредительно подперло волной из дерева, лопатки удобно устроились во впадинах, даже для каждого позвонка, казалось, нашлась собственная ниша, я чувствовал себя легко и покойно.

В двух шагах на полу появился освещенный круг. Сперва слабый, как будто светила луна, да еще через хилые тучи, затем свет усиливался, я даже рассмотрел, откуда он начинается: в полутора метрах над полом словно бы повисла незримая матовая лампа размером с тарелку. Свет шел расширяющимся конусом, упирался в пол. Очень медленно прямо передо мной начало проступать лицо. Я затаил дыхание, всматривался, сердце застучало, как молот, кровь бросилась в лицо. Я услышал строгий, но приятный женский голос:

— Так вы все-таки решились, сэр Галантлар?

Лицо наливалось светом, красками, появилась резкость, ушла дымка. На меня строго смотрела молодая женщина, таких я уже встречал, но никогда не любил и побаивался: глаза доминируют, подчиняют себе на лице все, чуть ли не икона, все слишком правильное, безукоризненное, огромные дуги бровей вразлет, черные, красиво выгнутые, тонкие, но не слишком, большие глаза с длинными ресницами и огромными коричневыми сетчатками. Нос тонкий и прямой, губы не узкие, не пухлые, не капризные, а именно такие, какие должны быть у женщины, что руководит огромным концерном или индустриальной империей по производству крупнотоннажных автомобилей, запчастей к ним и содержит сеть бензозаправочных станций.

Вокруг ее лица дрожал и подрагивал воздух, очертания размазывались. Я долго не мог рассмотреть ее волосы, только строгие блистающие глаза, наконец углядел диадему на лбу, над самыми бровями, скулы

красиво и надменно приподнятые, волосы вроде бы черные, изображение ширилось, стал виден легкий темно-лиловый платок, что скрывает волосы и опускается свободно на плечи. Горло закрыло платье, такого же цвета, единственным светлым пятном оставалось чистое, безукоризненно правильное лицо.

Наши взгляды встретились, я увидел изумление и гнев в ее глазах.

— Кто посмел? — спросила она низким грудным голосом, очень женственным и вместе с тем исполненным силы. — Где сэр Галантлар?

— Летит, — ответил я.

Она переспросила:

— Летит? Что значит летит?

— Но, может быть, — ответил я как можно небрежнее, хотя каждая жилка во мне тряслась, — уже долетел... Кто знает, какой длины у него труба.

— Кто вы такой? — спросила она резко и с неприязнью. — Как вы оказались там?

— Да так мне восхотелось, — ответил я. — Изволилось. Даже возжелалось, можно сказать... Ехал мимо, дай, думаю, зайду. Ну, зашел, побил кой-какую посуду, хозяин мне все и уступил... Меня зовут Ричард Длинные Руки. Теперь я здесь караю и раздаю пряники. А кто вы, красотка?.. Подруга? Любовница?.. Пассионария... тьфу, пассия?

Она задохнулась от гнева, глаза заблистили как молнии. Я выдвинул нижнюю челюсть, постарался смотреть с тупой надменностью рыцаря, у которого хвост предков длиннее, чем у динозавра. Какого черта, чего я трясусь, это же обыкновенная голограмма, а взглядом пока еще не убивают. Даже красавица Медуза вряд ли могла бы убить, недаром же не могла навредить парню с зеркальным щитом, а здесь целая система зеркал.

— Ничтожный, — произнесла она с гневом и высокомерием. — Ты с кем разговариваешь, раб?.. На колени!..

Я быстро зыркнул по сторонам. После тех ручьев крови, что мы пролили здесь, такой наезд что-то совсем несерьезное. Хоть и раздражает. Правда, на моем месте даже самый храбрый рыцарь может пасть на колени... нет, не перед нею, а перед распятием, и слезно просить Творца защитить от этого суккуба. А кто потрусливее и если не рыцарь — то и перед нею, тут она права, права.

Значит, эта комната что-то вроде пункта связи. Магической связи, хотя весьма смутно напоминает что-то из мира науки, до которой я еще не дожил, но близко, близко... А еще бы и тактильные ощущения научились передавать, чтобы можно было не только видеть друг друга, но и пожать руки, да и не только руки.

— Да ладно, — сказал я устало, — у меня был тяжелый день... давай не ссориться?.. Как насчет ночи?.. Ладно-ладно, это я пошутил, извини... Вот и хорошо, что не поняла, по глазам вижу. Гениальные мысли приходят неожиданно и часто в неожиданное место...

Ее лицо начало размываться, исчезать. Я уже решил было, что сейчас там у себя вскочит на крылатого коня или на дракона, примчится разбираться со мною прямо здесь, в реале, но свет снова вернулся, лицо стало ярким, глаза вспыхнули, как звезды.

— Ничтожный, — сказала она свистящим шепотом. — Ты безумен!.. Ты не понимаешь, что и так обречен! И ты торопишь свою гибель?

— Да лучше, чтобы все в один день, — ответил я нагло. — Чтоб всех разом, как тараканов. А то гоняйся за вами поодиночке!

— Ничтожный, — повторила она. — Ты обречен.
Но я могу уменьшить твои муки...

Она остановилась, глаза чуть померкли, а голос дрогнул. Я мгновенно все понял, улыбнулся, гора на плечах накренилась, начали сыпаться камни, падать скалы. С каждым мгновением все легче держать эту тяжесть. Волшебница начинает торговаться, а это моя стихия, стихия человека рыночных отношений.

— Ну-ну, — ответил я. — Давай обещай. И что же тебе нужно взамен?

Я повернулся, сделал вид, что внимательно осматриваюсь, а сам украдкой следил за нею. Ее взгляд сразу же простодушно метнулся через мое плечо к двери.

— Мне от тебя ничего не нужно, — ответила она. — разве что... на колени, червь, и смиленно проси меня оставить тебе жизнь. А я...

— Ну-ну?

— Подумаю, — пообещала она. — Подумаю. Может быть, еще и оставлю тебе жизнь, наглец.

— В мире существует слишком много причин для смерти, — ответил я нагло, — чтобы умирать еще и от скромности. Но насчет оставления мне жизни и всех этих «на колени», пальцы веером и чиста серьезно я подумаю. Правда. Такая мысль не укладывается в голове, так что я попробую расположить ее вдоль спинного мозга, лапочка.

Ее глаза были строгими и серьезными, она переспросила холодным голосом:

— Лапочка? Что это?

— Это что-то вроде «Ваше сиятельство», — объяснил я. — Или «Ваше преосвященство», а также «Господин градоначальник» или «премьер балета»... тыфу, правительства. Мне здесь довольно одиноко, честно. Посидим, выпьем, в картишки, о бабах, можно в бань-

ку... если есть, конечно, еще не смотрел. Вы как на счет баньки? Все решается в банях да на охоте.

Она ответила надменно:

— Я предпочитаю на охоте. В банях, это, наверное, дальше на юге.

— На охоте надо зверей бить, — заметил я. — Я не то чтобы уж совсем озеленел, но лесные звери — невкусные. Может, все-таки встретимся за столом? Чтоб ужин, переходящий в завтрак?

Она смотрела исподлобья, недоверчиво. Я увидел по ее простодушному средневековому лицу, что колеблется, как колеблется, какие мысли пробегают под этим чистым лобиком. Все-таки гады мы в своем веке, даже не замечаем, какие подлые и изворотливые гады. Чтобы понять, какие мы гады, достаточно посмотреть на этого ребенка, что считает себя... да и другие ее наверняка считают, исчадием подлости, хитрости, коварства.

— Я полагаю, — произнесла она осторожно, — вас бесполезно приглашать в мои... апартаменты?

Я развел руками.

— Абсолютно! Во-первых, это вам надо что-то от меня, а не мне от вас. Во-вторых, признаюсь честно, я не маг. Я не могу перемещаться в пространстве, используя всякие ваши штучки.

Она сказала осторожно:

— Это я чувствую. Но в то же время вы как-то вторглись во владения сэра Галантлара, убили, захватили...

— Я рыцарь, — объяснил как можно любезнее. — Христианский рыцарь!.. Это нескромно, но скажу сразу, я — паладин. Правда, в отличие от сэра Галахада совсем не девственник, хотя из-за моего коня чего только не наслушался... И, как настоящий паладин, сейчас буду заниматься этим хозяйством, что зна-

чит — жечь все колдовские штучки, что отыщу... вы понимаете?

— Понимаю, — ответила она поспешно. Бедолага едва не вскрикнула при словах, что буду жечь магические раритеты, ни фига еще не умеет притворяться, тоже мне — женщина. — Тогда... если вы, самозванец и узурпатор, поклянетесь не причинять мне вреда...

— Да я сразу, — ответил я с готовностью, пропустив самозванца и узурпатора, ибо брань на вороту не виснет, а главное в переговорах — успех, а не прыжки в сторону и бег на квадратные метры. — Когда ждать?

Она подумала, глаза ее все еще в сомнении изучали мое лицо, ответила с осторожностью:

— Я сообщу о своем решении.

— Тогда я пока не буду жечь и ломать, — пообещал я.

Моя спина все еще прижималась к спинке, так что отключиться не должно, однако ее лицо потеряло краски, диафрагма видимого сокращалась, исчезла накидка и волосы, потом лицо, в неподвижном воздухе завис ее чеширский взгляд. Когда и он исчез, я осторожно шевельнулся, ничего не случилось, стальные зажимы не ухватили за бока и руки, не заставили смотреть курс лекций о правах человека и необходимости реформ.

Пока пальцы застегивали перевязь, еще раз осмотрелся в пустом помещении. Там позади в коридоре еще двери, где не побывал, не говоря уже о том, что некоторые ведут неведомо куда, а это нравится не очень. Вернее, очень не нравится. Туда кто-то мог улизнуть, когда сопротивление стало безнадежным. Но кто убежал, тот может и вернуться. Если, конечно, из тех мест можно, больно места страшноватые...

Ноги потихоньку понесли обратно по коридору,

взгляд зацепился за скобу на уровне моей головы. Под цвет темного дерева, облицовывающего все стены до потолка, выступает из стены не больше чем на ладонь, а над ней еще одна, и еще, и еще. Наверх уходит темная труба, малозаметная на общем фоне, а я на его дне. Скобы при всей ювелирной изящности уж очень напоминают о своем простонародном происхождении от простой пожарной лестницы. Или от тех скоб, что ведут в глубины канализационных труб.

Я подпрыгнул и ухватился повыше, скобы не дрогнули, никто их не расшатал, будто и не пользовались. Подтянулся кое-как, дальше зацепился ногами, все рассчитано, чтобы не слишком выпирало, но и легко наступать самыми кончиками сапог. Все как будто выверено, отработано тысячелетиями, как дверные ручки или форма водопровода, сработанного, если верить классику, еще рабами Рима.

Скобы проходили перед моим лицом сверху вниз, я сперва поглядывал вверх, но там полная тьма, наконец просто сосредоточился на скобах, все-таки не ступеньки, если сорвется нога, то не покачусь по бархатному ковру и даже на него не шмякнусь...

Когда тело разогрелось от усталости, а руки и ноги налились горячей тяжестью, мелькнула мысль, что хорошо бы перевести дух, но на таких ступеньках хрен переведешь, еще больше устанешь висеть, изображая муху на стене. Я заставил свое тело карабкаться выше, вскоре голова уперлась в преграду. Я ощупал, похоже на металл. Я бы вообще назвал крышкой канализационного люка, и на миг представилось, что приподнимаю, отодвигаю в сторону и вылезаю где-нибудь в районе Садового кольца.

Крышка не подавалась, я постучал, попробовал поднять, тяжело, снова постучал, заорал, наконец решил было уже спускаться, всего лишь одной загадкой

больше, как вдруг наверху послышался шум, торопливые шаркающие шаги. Звякнуло, крышка начала приподниматься, в лицо хлынул свет, а вместе с ним запахи запустения и чего-то напоминающего живой уголок.

Я не двигался, крышка исчезла, в светлом проеме появилась длинная седая борода, розовое лицо со снежно-белыми бровями. Больше я, щурясь, не разглядел, все заслоняла борода, не больно длинная, но и пышная. Старческий голос проблеял:

— Кто здесь?..

Я ощутил в нем глубокое потрясение, словно очень давно никто не пользовался этим лазом и вообще не тревожил уединение этого старика.

— Ричард, — ответил я. — Ричард Длинные Руки. Я могу подняться?..

— Да, — донесся торопливый голос, — да, конечно... что уж теперь делать...

Я одолел еще одну ступеньку, голова поднялась над уровнем пола, и хотя я мало что увидел, сразу ощущил, куда я попал. Животными пахнет потому, что на поперечных балках висят эти спящие существа со свернутыми крыльями, похожие на пыльные тряпки. Висят, держась коготками задних лап, даже на стенах, зацепившись за все неровности, висят вниз головами, что всегда удивляет простака... Справа и слева от меня все заставлено, захламлено, я поднялся еще на ступеньку и увидел груды сундуков, а на рядах полок множество реторт, тиглей, слесарные тиски, груды непонятных приборов и инструментов.

Старик отступал по мере того, как я вылезал, на конец замер, глядя на меня снизу вверх, когда я выбрался и выпрямился во весь рост. Одна из страдающих бессонницей мышей металась по комнате, ее занесло мне навстречу, я отстранился, чтобы сдуру не

плюхнулись на голову: есть мнение, что их ультразвуковые локаторы не распознают волосы как препятствие. Остальные, что на балке, еще не проснулись, но многие уже шевелятся, потягиваются, смешно топыря карликовые драконы крыльшки. На меня удивленно посматривали сонные мордочки. Одна широко и сладко зевнула, показав крохотный красный ротик. Блеснули сахарно-белые зубки.

Старик, одетый в длинную мантию с простыми и хвостатыми звездами, в теплой войлочной шляпе с широкими полями, смотрел на меня полными ужаса глазами. По-моему, на моем туповатом лице прочел свой приговор. Вернее, приговор своему делу, ибо я молод, силен, такому не нужен ни эликсир молодости, ни философский камень для превращения свинца в золота, ибо на пьянки накопленного золата хватит, а женщины с молодым и статным властелином замка и так в постель пойдут не просто охотно, а даже очень охотно...

— Ну и что? — спросил я холодно. — Своей нечестивой алхимией помогал злобному Галантлару удерживать замок в повиновении?

Я медленно подходил ближе, ноги едва находили место, куда опустить ступню. Поперечная балка проходит на ладонь над головой, можно бы не пригибаться даже с моим ростом, но на балке висит вниз головой, зацепившись задними лапами, такой толстенький шерстяной мешочек, стыдливо закрыв нежное пузико перепончатыми крыльышками. Разбуженный моим нездешним голосом, приоткрыл один глаз, посмотрел на меня удивленно. Интересно, как я выгляжу в его восприятии вверх ногами, я рассеянно, не сводя глаз с колдуна, почесал пальцем мохнатую спинку. Кажан зашипел и от удовольствия начал выпускать крылья.

Глаза колдуна расширились. Он жалко пролепетал:

— Я всего лишь исследую свойства камня... Я служил Кестлеру Большому Мечу, служил Френлиру Синезубу, потом уже лорд Галантлар захватил этот замок, и я служил ему... Но я никого не убивал, не обижал, я все время сидел здесь, жил здесь...

— А кровь невинных младенцев? — спросил я строго.

Кажан балдел, глаза закатил, пасть распахнулась, зубы острые, как иголки, мышцы крыльев все расслаблялись, пока не растопырились вовсе и бессильно повисли. Я продолжал чесать ему спинку, все звери это обожают, самую злую собаку можно поймать на том, что почешешь ей спину, особенно поближе к хвосту, туда никто из них не достает зубами или лапами, страдает от бессилия и смотрит на каждого влажными от благодарности глазами, кто хотя бы разок там проведет ногтем.

Колдун проблеял жалко:

— Господин, какая кровь?.. Какие младенцы?.. Я не выхожу, у меня здесь свои исследования...

— Это что же, — спросил я подозрительно, — этих милых мышек душишь?..

Он открыл и закрыл рот. Мой палец скреб кажана, тот тихонько повизгивал от счастья. Мышцы на задних лапах от балдежа все слабели, я видел, как коготки вот-вот расцепятся на балке, чуть отодвинулся. Кажан рухнул, не успел распрострять крылья, как орел, позорно ударился об пол. А летучая мышь на полу вообще позорное зрелище. Рядом с нею ковыляющий, как утка, орел — воплощение грации.

Пока он барабанил, я поднял его и подбросил в воздух. Кажан растопырил крылья, сделал красивый пирамиду, запоздало оправдываясь, вылетел в окно.

Я проводил его взглядом, подошел к окну, выглянул. Замок внизу как игрушечный, я свесил голову за подоконник, мороз пошел по коже уже в который раз за день. Я в башне, что расположена на длинном тонком шпиле, но что-то ни я, ни Сигизмунд, ни Зигфрид не заметили такой уж бросающейся в глаза особенности.

Голова закружилась, мне показалось, что внизу постройки дрогнули и подвинулись, поспешно отпрянул. Старик смотрел отчаянными глазами. На лице страх и безнадежность, все пропало, сейчас этот мордоворот начнет все бить и крошить. На него не подействовало защитное заклинание, нашел-таки, сволочь, тайный вход в башню, теперь все научные труды под хвост летучим мышам, а грузчиком на старости лет как-то в лом, да и коллеги засмеют...

Еще пара мышей сорвались с балки, пометались по комнате, бесшумно и ловко вылетели в окно, едва не задев мое лицо кожистыми крыльями. Колдун видел, что гнева на моем лице не отразилось, сам проводил летучих мышей ошарашенным взглядом, потом посмотрел еще больше остолбенело на меня. В глазах затеплилась слабая надежда.

— Ваша милость, — проблеял он, — вы не... вы не...

— Что? — прервал я его.

— Эти... создания...

— Мыши? — переспросил я. Отмахнулся: — Мне по фигу твои хобби. Частная жизнь — одно, работа — другое. Я знал одного, что вообще муравьев в квартире держал!.. Кто-то рыбок заводит, кто-то жаб или ящериц... А что касается летучих мышей... Не знаю, стоит ли к ним относиться хуже лишь потому, что их создал не сам Творец, а один из его пророков — Христос? Наша церковь вообще называет Христа аватарой Творца, если такой фильтр ушами можешь себе вообразить или представить. Прям индии какие-то! Так

что можно считать, что и этих очаровательных зверюшек создал сам Творец.

Я говорил с трудом, физически трудно обращаться к человеку намного старше себя на «ты», но я же феодал, благородная кость, а ученые в то время на уровне шутов, их за людей не считали, их кратковременный взлет начался только в восемнадцатом, продлился в девятнадцатом и закончился в двадцатом. В мое время снова шуты, а королями стали поп-звезды, тележурналисты и дизайнеры прокладок с крылышками.

Он сказал все еще пугливо, но уже с жадной торопливостью професионала, что даже с петлей на шее пополняет свои знания:

— Я об этом не слыхал! Сам Христос в такой роли?.. Как это было? Я расскажу другим. Может, челядь не так бы шарагалась от этих безобидных созданий...

— Христос сорок дней, — сказал я нравоучительно, как говорил бы отец Совнарол, — и сорок ночей просидел в пещере над Иерихоном, когда продумывал в деталях концепцию нового учения. Только его пещера оказалась под обрывом, что закрывал западную часть неба, и он не знал, когда молиться на заходе солнца. А это, как догадываешься, крайне важно для ритуалов... Вот-вот, я тоже думаю, ну прям жизненно важно. Однажды поднялся на вершину горы, дождался, когда солнце скрылось за краем земли, начертил в пыли эти вот линии, довольно изящные, верно?.. И вдохнул жизнь, и сказал нашим крыланчикам: «Каждый вечер на закате солнце вылетайте из расщелины, где отныне будете жить, дабы знал я час молитвы...» Так что ты тоже, как Иисус Христос среди мышей. И тоже молишься. Даже чем-то похожи оба, если вот так, в профиль. Постарше разве что лет на пятьдесят.

Он кивал, соглашался, но, когда сравнил с Иису-

сом, смущаясь, посмотрел с подозрением, сильно ли издаваюсь, проговорил нерешительно:

— Вот только насчет молитв... гм...

Я отмахнулся.

— Ладно, мне, как правителю, другое знать надобно. Что здесь, собственно, творится? Как христианин и гуманист... местами, я не потерплю цедения крови христианских младенцев... да и нехристианских тоже нельзя, запрещаю. И ряд опытов, не совместимых с моралью, запрещаю. Хотя опыты по клонированию моим указом разрешены, даже поощряются, как и эвтаназия, но только с разрешения эвтаназируемого. А если без разрешения, то с моего согласия. Я потом составлю список, что нельзя и что можно...

Глава 5

Он смотрел с испугом, красные от бессонницы и переутомления веки жалко подрагивали. Вряд ли понял хоть половину моих слов, явно считает их военным жаргоном, глаза испуганные, я обращаюсь к нему вежливо, а такое со стороны владельца замка можно счесть только изощренным издевательством перед казнью, я это понимал, но не могу, не могу строже и наглее, и так уже будто выплевываю через губу это на глое «ты»...

— Хорошо, господин, — пролепетал он. — Как скажете, господин...

— Но какие-то успехи уже есть? Что-нибудь полезное для народного хозяйства? Ну там повысить урожайность зерновых, надои крупного рогатого или яйценосность... Как насчет яйценосности?

Он виновато развел руками.

— Да я как-то больше занимался трансмутацией

металлов... Это многообещающее направление, многие прилагают усилия...

— Ученье — свет, — пробормотал я, — а неученье, понятно, армия... Я вообще-то знаю один важный химический закон: если смешивать одно дермо с другим, то общая ценность полученного продукта не изменится. Хотя философский камень может получиться... И как дела с этой трансмутацией?

Он снова развел руками.

— Все свои достижения держат в тайне...

Я покачал головой.

— Да, не пришло еще время больших творческих коллективов, не пришло. Еще не знаете, что это значит — трудиться бок о бок, чувствовать острый локоть соседа, слышать, как за спиной говорят, что опять эта бездарь получает больше всех, а работает спустя рукава... А с трансмутацией застряли на каком уровне? Не пора ли с благородной алхимии перейти на простую приземленную химию?

Он суетливо указал на стол, весь в коричневых пятнах, в ямках и коррозии, что могут оставлять только сильные кислоты и щелочи. Там в середке сиротливо горбятся перевернутые глиняные чашки. Шесть чаш, одна другой меньше, последняя едва ли больше наперстка.

— Неудачи преследуют, господин, — признался он отчаянным голосом. — Удается превращать только наоборот... Ну, от ценного к менее ценному, от тяжелого к легкому. Сколько ни пытаюсь обратить свинец в золото, но добился лишь, что по цепочке превращений обратил его в пар, в ничто, в эфир...

Я поинтересовался с понятным скептицизмом:

— А свинец в простое железо... это как?

Он сказал уныло:

— О, это просто. Вот смотрите...

Он перевернул одну из чашек, под нею тускло блескивали толсто нарезанные пластинки свинца. Я взял одну, помял, посгибал, бросил обратно. Маг сдвинул брови, сказал одно длинное слово, и блеск металла разом изменился. Я, не веря глазам, взял ту же пластинку, попробовал согнуть, хренушки, напрягся, с огромным трудом чуть-чуть согнул, проще гнуть толстый гвоздь. Железо, настоящее железо!.. Не сталь, но железо.

— Получилось? — спросил я пораженно.

Он не понял интонации, сказал жалобно:

— Примесей много, потому такое... Настоящее железо — это серый такой порошок, его вообще нельзя ковать. А это... гм...

— А во что еще можешь?

Он сказал печально:

— Могу в олово...

— Делай, — сказал я твердо.

Он снова сдвинул брови, посмотрел на бруски железа, сказал словцо покороче, и пластинки снова изменили цвет, побелели. Я ухватил, помял, попробовал даже на зуб, сердце стучит, это же хоть и магия, но все-таки и наука каким-то боком, поинтересовался:

— А что ты говорил насчет эфира?

Он развел руками, брови сдвинулись, полоска олова в моих руках превратилась в кремниевую полоску, сразу же хрустнула. Я помял, рассыпалась в мелкие камешки.

— Получилось, — произнес я, с трудом скрывая волнение. — А в дерево можешь?

Он испугался:

— Как можно?.. Дерево — живое!

— Что, устав запрещает?

— Какой устав, какой устав?.. Любой кусок дере-

вяшки — неимоверная сложность!.. Это под силу было только Творцу.

— А в воду?

Он покачал головой.

— И вода намного сложнее любого металла и любого камня, пусть даже трижды драгоценного. Вода тоже в чем-то живое, господин.

Полоска в моих пальцах внезапно посветлела, истончилась и пропала. На ладони осталось ощущение, как будто только что держал маленькую хрупкую полоску льда.

Он смотрел виновато, заискивающе, мне стало неловко, вот так ученые,двигающие цивилизацию, всегда заискивают перед сильными мира сего, что создают богатства на усовершенствованных тампаках или даже на рекламе и установке тампаксов.

— Да, — проговорил я медленно, — это впечатляет... наверное, это уровень внутриядерных взаимодействий... Но, наверное, надо начинать с вещей по-проще. К примеру, что Земля — шар, что не на трех слонах, а крутится вокруг Солнца... Что, невероятно? Атомную решетку менять — запросто, а что Земля — шар, поверить трудно?

Он слабо улыбнулся.

— Шутить изволите... Я ж подумал, вы всерьез! Надо же такое, Земля — шар...

— Да, — сказал я с жалостью, — как все запущено... Ладно, в споре не всегда побеждает истина, чаще это делают более тяжелые аргументы, что и случилось в споре за этот замок. Займемся лучше текущими вопросами. Ко мне вот-вот заявится одна дама, я сам ее сдуру пригласил, кто ж думал, что она такая податливая? Я думал, она тургеневская, а она прямо перестроечная. Теперь жалею... странно, правда?.. Обычно жалеют позже, а я вот сразу. Заранее. Дама

появилась в магическом зеркале, что прямо в покоях бывшего владыки, а теперь, ессно, моих. Мне нужно развернутое досье или хотя бы дайджест на эту персону. Нет, не степень податливости, а уровень угрозы, характер, чем может... наградить общение с нею, как защититься?

Он сперва вытаращил глаза, потом, с трудом про-дираясь сквозь частокол странных слов, сказал осторожно:

— Это леди Клаудия... Я мало что о ней знаю, мой господин... Но она весьма сведуща в магии.

Я спросил нетерпеливо:

— Сильнее вас или слабее?

Он болезненно поморщился:

— Мой господин, мы шли по разным дорогам...

Я овладевал тайнами, грыз гранит мудрости, а она занималась только укреплением своей моци. Тайны звезд и мироздания ее не интересовали...

— Настоящая женщина, — согласился я. — Это мы, мужчины, вышли из пещеры и сразу в соседний лес, а женщина обустраивала свою пещеру, занималась ногтями, зубами, шейпингом, деръмолифтингом и прочими подтяжками. Понятно, такая сильнее. Не отвлекалась на какие-то звезды. Значит, тогда тебе лучше сидеть здесь и не высовыватьсь, а то сочтет противником и... обидит. Женщина всегда старается это... с двойного разворота ногой в челюсть, заранее мстя за все обиды.

Он спросил с неподдельным беспокойством:

— А как же вы, мой господин?

Я развел руками.

— Не знаю. Догадываюсь, что любая женщина пострашнее этого Галантлара, но что делать? С другой стороны, когда женщину зовут Клавдией, то мне как-то легче, домашнее, теплее... Нет-нет, понимаю,

что когда женщину зовут Клавой, это еще не повод пошлить, я со всей серьезностью, но вражды не чувствую, это главное, ведь женщины все ухватывают сразу...

Он проговорил жалко, борясь с желанием помочь и в то же время опасаясь, что я вспылю, ибо вспыльчивость и заносчивость — признаки благородной породы:

— Мой господин, она ни разу... ни разу!.. не бывала здесь. Маги не доверяют друг другу. Если бы явилась к прежнему владельцу, он сразу бы ее убил, а потом постарался бы завладеть ее замком, что наверняка защищен магией, амулетами, талисманами. Я не знаю, как будете общаться с нею, но будьте осторожны.

Я повернулся, сказал покровительственно:

— Ладно, научничай дальше. Не унывай, если что сразу не приспособишь в дело, — бывает, годы проходят. Или другое применение находится. Вот в моей стране один такой алхимик по имени Фаренгейт изобрел ртутный термометр, слыхал о таком?.. Однако использовать для измерения температуры тела начал позже, когда докладывал в Академии магических наук о пользе своего прибора, а там сказали, что пусть лучше свое изобретение себе в задницу засунет...

— Спасибо, мой господин!

— Не за что. А, кстати, почему к тебе такая странная лестница? Как спускаешься к обеду?.. Или еду прямо в кабинет, дабы не отрывать от научной работы?

Он сказал застенчиво:

— О, в этом нет никакой надобности!..

Я насторожился:

— Ты что же, святым духом питаешься? На аскета не сильно похож!

— О господин, пропитание такое важное дело, что всякий маг овладевает его добыванием в первую очередь. Я творю еду прямо здесь... Зачем беспокоить

моего господина по таким пустякам, что дал мне защиту от врагов, крышу и кормил меня первые годы?

Я чувствовал сильнейшую обалделость, наконец уловил несостыковку, поинтересовался ядовито:

— А как творишь пищу, там же структура куда сложнее камней или металла?

Он посмотрел на меня с уважением:

— Вы очень умны, мой господин. Из вас бы получился маг первой величины! Конечно, я не творю еду из ничего или из камней. Сперва я постыдно таскал заклинаниями из кухонь сильных мира сего, а потом, когда набрался моци, промышлял по лесам и полям. А превратить живую дичь в мертвую может даже и не маг... Хотя, если жарить с помощью магии, то не бывает пригорелостей...

Он запнулся, посмотрел с испугом, не заставлю ли работать на кухне, но я сделал вид, что не заметил промаха, да и не к лицу феодалу есть хорошо приготовленную пищу, пусть ее едят слонята со слабыми зубами, а мы, сильные и грубые... словом, еду можно готовить только на вертеле, проклятие неженкам, что пытаются ввести в обиход дурацкие сковородки!

— Как-нибудь покажешь, — разрешил я. — А из озер можешь?.. Я рыбу люблю, в ней много фосфора. И раков люблю. Раков драть можешь?.. Про кальмаров уже молчу, туда руки коротки.

Он выглядел смущенным.

— Мой господин... но кальмары, как я слышал, ужасные создания. Корабли топят, бури насылают... Их мощь неизмерима, кальмары... гм...

— Кальмары всю жизнь растут, — подтвердил я, — ибо у них нет скелета. Но вообще-то редкий кальмар успевает долететь до середины Днепра... э-э... что я заговариваюсь, устал уже, редкий кальмар вырастает крупняком. Мы их тысячами ловили — и на сково-

родку, на сковородку!.. Стыдно признаться, но в тех краях готовят только на сковородках, изнеженный больно народ, так что кальмаров ели жареных, варенных, печеных, маринованных...

У него даже уши побелели от такого наглого вранья, я опомнился, сказал другим тоном:

— Ладно, в другой раз приду, когда будет больше времени. А пока занимайся своей... мутацией. Га-га-га! Или чем-то еще, не важно... Только насчет крови невинно убиенных младенцев запомнил?.. Или если увижу мертвый труп утопшего человека, я... ух! А насчет того, что в этом замке вера переменилась, можешь не дрожать. Ты — верный сын Церкви, свидетельствую. Молишься делом, так сказать. Эти молитвы первыми доходят до Творца, а уж потом те, языкомолотильные, выпрашивающие. Так что я причисляю тебя к христианам, знаешь ты молитвы или нет, но сиши крест или нет, есть у тебя среди книг Библия или нет. Ты еще опыты с горохом не проводил?.. Да нет, это не приказ, просто спросил. Вспомнил одного... монаха. Словом, экспериментируй и твори дальше. Только не взорви все на фиг и пожар не устрой.

Он провожал меня до люка, даже пытался поддерживать под локоток, искрился от счастья, едва не визжал и не вилял хвостом. Хвост у нас в процессе эволюции хоть и отпал, но потребность вилять осталась, и последнее, что я видел, опускаясь по канализационной трубе нового типа, собачью преданность в глазах этого наивного ученого.

Вниз спускаться, вопреки расхожему мнению, все-таки намного легче, задница тянет вниз, а не вверх, я спускался резво, без передышек, с последней ступеньки соскочил, загремев мечом. Вдоль стены снова заскользил мимо меня ряд дверей, одни хранили горделивое молчание и нового хозяина не замечали, дру-

гие загадочно подмигивали искорками на металлической поверхности.

Сходя на первый этаж, я грозно спросил у первого же попавшего челядина:

— Кузнец у нас добрый?

Челядин испугался, его затрясло, перекрестился, вот-вот упадет на колени, взмолился:

— Нет, господин, очень злой человек!

Я поморщился, слово изреченное — всегда ложь, отмахнулся:

— Да по мне хоть либерал, лишь бы работал хорошо. А как работает?

— Работает хорошо, — протянул челядин, — да с ним никто в подмастерьях не держится. Чуть что не так — в рожу! А то и вовсе в рыло. А рука у него, как топор бревна.

— Ага, — сказал я. — Значит, замок, скорее всего, вскроет... Ладно, иди, гомо.

Он поспешил уйти, я остановился, опершись на жуткую горгону, отлитую из металла. У нас по перилам лестницы обычно расставляют шары, здесь же искусно отлитая из темного незнакомого металла эта страшила. Размером с обезьянку, смотрит на мир жуткими красными глазами, скульптор не пожалел два крупных рубина.

Я щелкнул ее по носу, зашиб ноготь о холодный металл. Зверюка отлита мастером, во всей фигуре чувствуется злоба, ярость, жуткий динамизм. Так и кажется, что вот-вот прыгнет. Чувствуется техника повыше, чем та, что в Средневековье. Что-то непонятное...

В дверях со стороны двора появился полный человека, средних лет, лицо приказчика, поклонился, сделал два шага вперед, поклонился снова и, глядя на меня преданными глазами, спросил самым что ни есть почтительным голосом:

— Куда прикажете подавать обед... хозяин?

— Обед? — переспросил я. — А куда его можно подать?

— Ну, — ответил он и снова поклонился, следя мудрости, что спина от поклонов не переломится, а гимнастика суставам нужна, — можно, к примеру, в главный зал...

Я оглядел его с головы до ног. Он выпрямился и постарался смотреть честными глазами. Да вообще-то и был честным, если судить по моим меркам, меркам человека, который жил в мое время, видел политиков, профи пиара, прожженных хитрецов, что умеют рядиться не только в любые одежки, но и в любые шкуры. Вообще я уже начал свыкаться с ощущением, что самый хитрый, подлый и прожженный в этом мире я, а все остальные просто дети, и хитрости их детские видны такому, как я, насквозь, за километры.

— Ты кто?

— Марк Форстер к вашим услугам, господин. Сенешаль замка, господин.

— А что в главном, Марк? — спросил я. — Стол на сколько персон?

— Ваш, — ответил Форстер, — на двенадцать. И еще шесть столов для гостей.

— А за тем, — спросил яsarкастически, — где двенадцать, я должен все сожрать один?

Он поклонился, ответил с некоторой запинкой:

— За ваш стол... только избранные... однако, про-
стите, в самом деле вам лучше в Золотой зал.

— А там сколько столов? — спросил я подозри-
тельно.

— Один, — ответил он твердо.

Я пошел за ним, выпрямившись и держа руку на рукояти меча, ведь наблюдают же со всех сторон, оце-
нивают нового хозяина. Золотой зал располагался на

втором этаже, что и понятно: первый отдан челяди, кухне и прочей черновой работе, благородность начинается со второго, а на третьем, значит, самое что ни есть...

Мы поднялись по лестнице, Форстер провел мимо двух массивных дверей, распахнул богато украшенную золотом третью, оттуда сразу пошел радостный свет, поклонился, пропуская меня. Пока я стоял, озираясь, сзади послышались торопливые шаги. Оттерев нас обоих, вперед вдвинулся Сигизмунд, огляделся с подозрением, готовый защищать меня животом и грудью. Комната в пятнадцать меньше первой по размерам, блещет роскошью, на стенах неизбежные гобелены со сценами сражений, немаленький камин, огромный стол и обещанные двенадцать кресел. Стол заставлен фамильным серебром, золотыми кубками, посредине высокий подсвечник.

— Хорошо, — одобрил я. — Со мной будут обедать мои спутники сэр Сигизмунд и сэр Зигфрид, а также позови Гунтера. За столом заодно и поговорим.

Зигфрид явился, к моему удивлению, в доспехах, хоть и с непокрытой головой. Меч снял, но поставил рядом с креслом, прислонив так, чтобы рукоять была под рукой.

— Что-то неладно, — сообщил он коротко. — Больно пахнет магией. Да и непрост сам замок, непрост.

Сигизмунд только кивнул, лицо молодого рыцаря оставалось очень серьезным. Гунтер вошел, остановился у порога. Я махнул ему рукой.

— Давай заходи!.. Как у тебя зубы? Нет, бить не буду, это на случай, если твердое мясо не сможешь... Садись, ты ведь теперь на повышении? Поздравляю. Какие-нибудь новости?

Гунтер осторожно опустился по другую сторону

стола, лицо настороженное, видать, за столом с Галантларом не сидел, ответил несколько скованно:

— Для вас, возможно, это уже не новость, но вы являетесь не просто человеком, захватившим этот замок и объявившим себя хозяином. Вам отныне принадлежат три деревни и два села, общим числом почти триста человек. В одном вы, как я слышал, уже побывали...

— В двух, — сказал я. — Кстати, надо будет побывать еще разок. Думаю, обрадуются смене режима.

— Лучше я пошлю нарочного, — предложил Гунтер. — Налоги все равно платить надо, а то так обращаются...

Он не закончил, я кивнул.

— Ты прав. А то достали эти дурацкие праздники. Что еще?

— Ваши земли граничат с владениями Вервольфа, Кабана, сэра Одноглазого и Тудора Глинянный Берег. Границы, правда, условные: по реке, по широкой полосе леса, по каменной насыпи, что занимает милю в ширину и где ничего не растет. Есть еще владения леди Клаудии...

— Знаю, — сказал я, — уже общался. Милая такая женщина.

Он вскинул брови, в голосе прозвучало удивление:

— Вообще-то это злая волшебница. У нее ни сел, ни деревень, а свой небольшой замок защитила колдовством. Ее никто не осмеливается побеспокоить, да и она в наши дела не вмешивается, у нее свои интересы.

Сенешаль стоял у распахнутых дверей, слуги быстро начали заносить широкие медные подносы. Сильно и зовуще запахло только что испеченым гусем. Ароматы поплыли по комнате, как сто тысяч ангелов, сорвавшихся с иглы. Мы нетерпеливо ждали, когда все перекочует на стол, слуги подали еду на ук-

рашенных чеканкой серебряных блюдах, на середину взгромоздили что-то вообще невообразимое, похожее на огромный паштет из гусиной печени, это же сколько надо гусей перевести, зеленых на них нет... к счастью.

Справа от меня Зигфрид с недоверием смотрит на серебряное блюдо изысканной чеканки. Коричневые тушки мелких птиц, обжаренные, запах обалденный, зеленые листочки трав. С одной стороны этой гигантской тарелки нож, а с другой... вилка. Огромная, двузубая, грубоат сделанная, но все-таки вилка. А вилка — это революция, это переворот, это переход на другой уровень цивилизации: от хватания еды руками к бесконтактному способу!

Сенешаль наблюдал за мной искоса, наслаждаясь смятением дикаря. Я осторожно взял вилку, неудобная, тяжелая, еще вёка дизайнеры будут приспособливать, изощряться, но все-таки шаг сделан, осталось придет...

Я орудовал ножом и этой вилкой, больше похожей на второй нож, резал мясо, накалывал и отправлял в пасть, жевал с наслаждением, глаза сенешаля становились все шире.

Уловив его интерес, я поинтересовался с набитым ртом:

— Что-то не так?

— Все так, — поспешил он заверить. — Просто эти столовые приборы привезли с юга. Наш хозяин так и не смог с ними освоиться... Зато вы...

Я отмахнулся.

— Ерунда. Я с детства привык.

Оsekся, для него это равно признанию, что я сам- того что ни есть юга, южнее уже не бывает, а я молча ел, птички тушки просто бросал в рот, грыз, а мелкие косточки выплевывал. Нежно обжаренная корочка и

мясо таяли во рту, я наедался, скоро отяжелею, надо будет распускать пояс.

Гунтер взглянул, как я держу серебряную ложку, во взгляде что-то промелькнуло, но смолчал. Я кивком указал на роскошное блюдо с парющим мясом перед ним.

— Не давай остыть.

Гунтер осторожно взял ложку, с подозрением посмотрел на вилку.

— Что-то не так? — спросил я.

Он скромно усмехнулся уголком рта.

— Да нет, все так. Просто здесь давно серебро не подавали на стол. А на кухню перестали привозить чеснок.

Я сообразил не сразу, при чем здесь серебро и чеснок в одной упряжке, а когда сообразил, вдоль хребта пробежала холодная ящерица.

— Даже так?..

— Да, — ответил он ровным голосом. — В последние годы начали появляться гости, что не могли пользоваться серебряными приборами. И от одного вида чеснока их начинало корежить. Сперва серебро убрали со столов, раньше все было из чистого серебра, подсвечники, чаши, ножи с серебряными ручками... Потом сняли серебряные украшения с входной двери.

Я кивнул:

— Да, я заметил. А как отнесся к этому священник?..

— Убит, — ответил Гунтер лаконично.

— Жаль, но что делать, профессиональный риск.

— Да, — согласился Гунтер, — он мог бежать, мог вообще уйти, все начиналось постепенно. На его место пришел другой, из села, но тоже был убит. Уже не людьми... Его просто выпотрошили. И крест не помог. А третий священник даже не сумел войти, на

мосту швырял обратно свирепый ветер. Сейчас он, священник, не ветер, проповедует в селах, что принадлежат ныне вам, сэр Ричард. Но даже там ему приходилось скрываться...

Я пожал плечами.

— Церковь вроде бы уцелела?.. Если это церковь, с западной стороны. Пусть приводит в порядок, начинает спасать души. Ты прости, что я о церкви без должного уважения, но она в моих краях так проворовалась и обгадилась, что люди вообще начали обходиться без нее.

Он отшатнулся, воскликнул в ужасе:

— Сэр, но как... можно?

— Можно-можно, — успокоил я. — Бог — одно, церковь — другое. У нас говорят: тот, кто познал себя, познал своего Господа. Или: ищите Бога в собственном сердце, не найдете больше нигде. А то и вовсе: церковь не из бревен, а из ребер, что вовсе отрицание необходимости церкви. Да и зачем она, если в самом деле душа — это Бог, нашедший приют в теле человека? Один из наших мудрецов сказал: знаю, что душа бессмертна, не знаю как, но в церкви спрашивать поостерегусь. Как видишь, это не безбожие, ибо само безбожие — тонкий слой льда, по которому один человек может пройти, а целый народ ухнет в бездну. Настоящие безбожники — не те, которые отрицают Бога, а те, которые начинают говорить от его имени... Ладно, не морщи лоб, для меня самого это чересчур сложно, давай лучше ешь, а если что вспомнишь о самом замке — рассказывай.

Он разохотился, ел все раскованнее, сказал с некоторым смущением:

— Уж простите, что жру, как свинья... но как же хорошо снова поесть соленого!.. То, что ел из глиняных тарелок, меня не задело, чеснок исчез — ладно, но отказаться от соли...

— Так что же не ушел?

Он сдвинул плечами.

— Да как сказать... Когда неприятности приходят постепенно, привыкаешь. А плата хорошая, служба спокойная, кто осмелится напасть на такого человека? Это в последние пару лет он начал тревожиться... Годы подошли к тому, что скоро отправляться в последнее путешествие, но ведь по дороге перехватит дьявол... Вот и начал вроде бы юлить, пытаться расторгнуть договор, а дьявол, в свою очередь, перестал помогать, вот и платить стало нечем...

Глава 6

Со двора раздался крик, забряцало оружие. Сигизмунд во мгновение ока, подхватив меч, оказался у окна. Я видел только его широкие плечи и узкий зад, сам почти свесился на ту сторону, окна здесь вовсе не узкие бойницы.

— Что там? — спросил я.

В груди тревожно заныло, я тоже отодвинул стул и подошел к окну. Внизу перед донжоном гарцевал на коне всадник в кожаных латах, его окружили стражники, он размахивал руками, Ульман ухватил коня за повод. Всадник жестикулировал, указывал в сторону долины. Я отстранил Сигизмунда, высунулся из окна.

— Что случилось?

Всадник вскинул голову, я узнал одного из моих теперь стражников. Он прокричал:

— Ваша милость, в селе Большие Таганцы бесчинствуют какие-то люди!

— Черт бы их побрал, — вырвалось у меня. — Мало мне радостей с заколдованными дверями...

— Что делать будем? — крикнул всадник.

— Принимать меры, — огрызнулся я.

— Какие?

— Тоталитарные, — ответил я зло. — Без всяких там прав человека и политкорректности! Готовь отряд, поедем посмотрим!..

Внизу на мгновение стало тихо, что меня озадачило, но додумывал уже по дороге, ступеньки дробно стучали, а стена рядом мигала, словно я находился в вагоне метрополитена, по крайней мере, так же темно, наконец выбежал во двор, заполненный людьми, свистнул. Из распахнутых ворот конюшни, откуда выводили коней, выметнулся, пугая всех, мой черный зверь с горящими глазами, остановился передо мной, сразу превратившись в великолепную статую рослого коня, выполненную из блестящей эпоксидной смолы.

Сигизмунд, запыхавшийся, но с готовностью на лице, примчался, держа в руках мои доспехи. Это, конечно, не дело, одеваться на глазах челяди, прямо во дворе, но это лучше, чем в одной легкой рубашке на голое тело да штанах из тончайшего полотна.

— Кто мог напасть? — крикнул я.

Из дверей выскочили Зигфрид и Гунтер, Зигфрид на ходу грыз гусиную лапу, в глазах был укор Господу: дадут ли когда-либо закончить обед. Гунтер ответил сдержанно:

— Да кто угодно...

— Кто-нибудь из наших?

— Нет, — сказал он быстро. — Это соседи.

— А я слышал, что имя Галантлара удерживает соседей!

— Удерживало, — отрубил он коротко, лицо потемнело. — Но недавно соседи поняли, что господину Галантлару уже все равно...

Через несколько минут наш отряд вылетел на рисах через боковой ход. Ворота остались заперты, Зигфрид, к его огорчению, был оставлен мною в замке, я

подсластил пилюлю, велев ему с остальными воинами бдить и охранять. Со мной выехали Сигизмунд и Гунтер с Ульманом. Гунтер с моего разрешения кликнул еще двоих, сам на правах проводника понесся впереди. Я собрал глаза в кучку и пустил коня следом.

Справа несся Сигизмунд, слева гигант Ульман, я ему уже доверял, хотя вид у мужика страшноватый, но так же самые добре́йшие в мире собаки — боксеры для несобачников выглядят прямо собаками-убийцами, людоедами и чикатилами. Ульман не самый добре́йший, но из тех чудаков, что не ударит ни в спину, ни ниже пояса, не будет бить ногами лежачего, непонятное и немыслимое существо для моего мира, но привычное в этом. Сзади еще двое, типичные наемники, мне не очень нравилось, что за спиной, но правильно считать, что не они сзади, а я впереди, как и положено предводителю. Впереди меня только Гунтер, однако он в роли проводника...

Долина открылась сразу вся, едва миновали мост, там внизу с десяток домиков, все в один ряд, с одной стороны — широкая протоптанная дорога, с другой — огороды. Над одним домом густой черный дым, пятеро всадников носятся между домами. Из одного дома выволакивали женщину, она кричала и отбивалась, ее пытались завалить наземь, задирали подол, наконец одному надоело, ударом кулака сшиб на землю.

Все это я заметил и рассмотрел, пока вихрем несся вслед за Гунтером. Мой конь шел легко, словно летел, а потом, ощущив мое невысказанное желание, прибавил в беге, легко обошел коня Гунтера. Я ощутил дрожь во всем теле, зубы стучали, а пальцы сами сорвали с пояса молот. Гунтер осадил коня на окопице, а я пронесся вперед, молот выплеснулся, как легкий камешек.

Впереди был удар, я выставил ладонь, хлопок,

конь подо мной остановился и сразу же замер, страшный в своей неподвижности. С грохотом железа подскакали Сигизмунд и Ульман, медленно подъехал Гунтер. Человек, который уже начал спускать штаны над лежащей женщиной, ударился о стену сарай в трех шагах, сполз на землю, как тряпка, с проломленной грудью, кровь страшно выбрызнулась изо рта, ноздрей и даже ушей. Он был мертв, а его друзья замерли и смотрели на меня ошелело.

Один из них, высокий и красивый, опомнился первым, указал на меня красивой холеной рукой:

— Что это за тролль?.. Взять его и повесить!

Сигизмунд обнажил меч и бросился первым. Гунтер и Ульман тоже обнажили мечи, но посматривали на меня нерешительно. Я крикнул в бешенстве:

— Убивайте всех!..

Молот остался на поясе, но меч в моей руке встретил натиск, рассекая, как пустые картонки из-под обуви. Кровь брызгала веером, конь хватал пастью за плечи, слышался хруст, несчастный падал от болевого шока, ибо в конской пасти исчезали руки и плечи, словно превратились в сочную молодую траву.

— Давай, конячка, — процидил я сквозь зубы. — Натренирован ты... или создан... пусть даже выкован, мне по фигу!.. Ты мне нравишься.

Сбоку лязг, Гунтер и Ульман, потеснив ошелелых противников, наконец повергли и стоптали,бросились к домам. Из одного как раз слышались отчаянные крики, женский плач. Двое гогочущих молодцев, еще не зная о нас, выволакивали вторую молодую женщину. Платье разорвали до пояса, она с плачем закрывала грудь руками, один намотал косу на кулак и тащил жертву, пятясь, второй подгонял ее пинками.

Я не успел повернуть коня, как Гунтер оказался рядом, его меч взлетел с такой скоростью, что я мог

бы позавидовать. Блеснуло, короткий звон стальной полосы о кольчугу, треск рассекаемой плоти, плечо с уцепившейся за косу рукой отвалилось от тела. Второй вытаращил глаза, заорал, начал торопливо вытаскивать меч, запутался, один из наших стражников подъехал сбоку и вонзил ему острие меча в шею.

Женщина с плачем бросилась к Гунтеру. Он наклонился с коня и что-то успокаивающе говорил ей, гладил по голове. Она со слезами целовала стремя его сапог.

Я отвлекся на поединок между Ульманом и двумя крепкими ребятами в добротных пластинчатых доспехах, легких и удобных, даже более удобных, как мне кажется, чем рыцарские доспехи, и в этот момент кто-то налетел сбоку, я ощутил острейшую боль в левой руке чуть выше бицепса. Заорав от боли и неожиданности, я развернулся, увидел перекошенное лицо с выпученными глазами, человек заносил для второго удара короткое копье, похожее на казацкую пику.

— Ах ты ж гад...

Острие моего меча достало его в переносицу. Он завалился навзничь, копье выпало из рук. Я сцепил зубы, мужчине почему-то полагается переносить боль с каменным лицом, то-то штатовские командос воют и ревут при каждой царапине, промелькнул с поднятым мечом Сигизмунд, я перехватил оценивающий взгляд на мою залитую кровью руку, тут же глаза его стали почти равнодушными, мол, не оклеет, и с рычанием рубил, крушил, сбивал с ног и втыкал острие меча в горло.

Сбоку от меня звон, грохот. Рыцарь, который велел меня повесить, рухнул с коня, сбитый Сигизмундом. Возможно, он просто растерялся или засмотрелся, как молниеносно уничтожили всю его банду, во всяком случае, на земле перевернулся дважды, под-

хватился уже с мечом в руке. Сигизмунд вместо того, чтобы рубануть его сверху, рыцарское благородство, тоже спрыгнул с коня, начал приближаться с мечом в руке. В другую руку взял было кинжал, но у противника кинжала не оказалось, и он сунул свой в ножны.

Я перехватил вопросительный взгляд второго стражника, наклонил голову. Тот подъехал сзади и с силой ударил кулаком в толстой кожаной рукавице по шлему. Рыцарь пошатнулся, выронил меч и рухнул на колени. Стражник мигом соскочил на землю, в руках уже веревка, пинком повалил лицом вниз, завернул руки за спину и быстро скрутил, жестоко и умело, что говорило о большой практике.

Едва не подывая от резкой обжигающей боли, я сцепил зубы и наложил ладонь на рану. Между пальцами сразу же потекла кровь, но боль стихла. Я наслаждался таким счастьем, это же рай — когда нет боли, что мы за скоты — не ценим такое состояние наших тел, сбоку послышалось удивленное восклицание Сигизмунда. Между пальцами у меня уже не кровь, даже не густеющая кашица, а сухие струпья, корочки, похожие на перелинявшие коконы бабочки.

Отнял руку, теперь уже вскрикнули не только Сигизмунд, но и Гунтер с Ульманом. На месте кровавой раны разлегся безобразный багровый шрам, пульсирующий, вздутый, с узловатыми краями, но всего лишь шрам.

— Как? — прошептал Гунтер. — Как?.. Ваша милость, вы же паладин!

— А я справедливый паладин, — ответил я. Поднял руку, подвигал, в плечо еще отдает при резких движениях, но терпеть можно. — Я даже к себе справедливый, ибо свою жизнь тоже ценить надо. Я что, не человек?

— Человек! — заверили все в один голос, а скру-

тивший рыцаря стражник добавил уважительно: — Еще какой!

— Ну вот, так что имею право полечить и себя.

Сигизмунд смотрел с великим изумлением, но молчал. Взятый в плен рыцарь уже пришел в себя, с трудом поднялся, шатаясь, связанные руки мешали, оттягивая плечи назад. Глаза с гневом и ненавистью уставились на меня.

— Что за дьявол?.. Откуда вы?..

Я указал на огромное дерево посреди деревни, ветви раскинулись широко, густая тень, пара бревен внизу, здесь летними вечерами любят посидеть старые и молодые, поперемывать кости, попеть, посплетничать.

— Повесить!

Короткое слово упало, как топор палача. Рыцарь даже не понял, не поверил, Гунтер и Ульман тоже замешкались, а жители деревни были заняты тушением пожара. Сигизмунд один осмелился переспросить:

— Повесить?.. Его?

— Да, — отрубил я. Бешенство еще бурлило и клокотало, я видел, как приподнялась та женщина, которую выволокли первой, торопливо оправляет задранnyй подол, на правой щеке громадный кровоподтек, как в страхе и со слезами вторая пытается отцепить мертвую руку, пальцы окоченели на косе, из дома выбежал зареванный мальчишка и бросился помочь. — На террор — антитеррором на самой заметной ветке!

Все еще нерешительно пленника подняли, поволокли к дереву. Стражник встал на седло, умело привязал веревку, сделал петлю. Рыцаря подтащили ближе, он смотрел выпученными глазами, поверил наконец, завопил:

— Вы с ума сошли!.. Я — Генрих Гунландский!..

Стражник покосился на меня, я сделал рукой движение вверх. Он понял правильно, вопросительно посмотрел на Гунтера, его непосредственного начальника, и второго стражника. Тот уже с седла своего коня ухватил пленника за волосы, другой рукой за плечо, Гунтер поддержал снизу. Так приподняли на коня, стражник с ветки дотянулся вниз и набросил петлю на шею этого Генриха да еще и Гунландского. Тот задергался, завопил еще громче:

— Выкуп!.. Мой отец любой выкуп...

Подбежал толстый священник, похожий на шарпейя. В глазах плескалось целое море ужаса, отвращения. Толстая морда в складках волновалась, складки наползали одна на другую, громоздились валиками. Он воздел крест, завопил, задыхаясь, еще издали:

— Милосердие!.. Милосердие!

Я спросил зло:

— Милосердие?.. А как же справедливость?

Он прокричал исступленно, визгливо:

— Милосердие выше справедливости!..

— Ерунда, — отрезал я. — Вместо того, святой отец, чтобы защищать насильников, вы лучше занялись бы своим прямым делом: ведьм жгли бы и топили в озерах, еретиков изобличали, дыбу апгрэйдили бы, а то стыд какой, а не дыба...

Я кивнул Гунтеру, он, похоже, как и все остальные, все еще не верил, что это всерьез, но увидел мое злое лицо, толкнул коня. Конь пошел боком, тело пленника соскользнуло и тяжело закачалось в воздухе. Он хрюпал, дергался, ветка раскачивалась и трещала, я опасался, что переломится, тогда придется пощадить, таковы обычай, но ветка покачалась и застыла, по мере того как повешенный перестал держаться и тоже застыл.

Я посмотрел по сторонам. Пожар загасили, во-

круг нас на отдалении встревоженные жители. Смотрят исподлобья, настороженно, как будто мы, разгромив насильников, сами бросимся тут же насиливать сами. Правда, Гунтера здесь как будто знают... Растрепанных женщин увели в дом, из оконных проемов высовываются лохматые, как у сенбернаров, головы детишек.

Сердце мое все еще стучало громко и сильно. Не скажу, что такое уж большое преступление, что женщину потрахают, как будто для нее это впервые; я пришел из мира, где это плевое дело, но сейчас сердце стучит зло, я готов убивать всех насильников... черт, это что, навязанная мне паладинность шевелится?

Моя рука указала на дерево, я сказал громко:

— Правосудие свершилось!.. Эта деревня под моим покровительством. И все люди — тоже. Если у вас жалобы, просьбы, то не ждите, когда я или мои люди появимся здесь. Вы знаете дорогу к моему замку. Я, Ричард Длинные Руки, овладел замком Галантлара, а его самого... смешил. Отныне я здесь хозяин. Судья, прокурор, адвокат и палач. Ну, работу палача могу уступить, но все остальное — решаю я! Запомнили?.. А теперь, если есть какие-то жалобы, выкладывайте, мы едем обратно.

Все молчали, ошеломленные, стражник слез с дерева, приблизился, ведя коня в поводу, что меня удивило, а потом понял, что так больше годится для просителя.

— Ваша милость, — сказал он с поклоном, — если вы так добры, то примете во внимание в своей непонятной милости, что мужа этой женщины серьезно ранили. Он не сможет пару недель не то что выходить на работы, но даже не встанет с постели...

В наступившей тишине я посмотрел в его открытое хмурое лицо, скользнул взглядом по лицам за-

стывших крестьян. Да, все верно, в этом мире юристов нет. Все по всем понятным законам Добра и Зла. Никакого тебе формального зачитывания прав, я — судья, прокурор, адвокат и палач.

Пальцы нащупали мешочек с золотыми монетами. Я выгудил одну и швырнул по высокой дуге. Стражник поймал, но смотрел на меня с ожиданием.

— Возмещение, — объяснил я. — Позабочься, чтобы лекарь сделал все, понял? И чтоб семья не нуждалась, пока он не приступит к работе.

Стражник поклонился, на лице промелькнуло удивление, но тут же согнал, и, когда распрямился, лицо было бесстрастным.

— Будет сделано, ваша милость, — сказал он. Наконец-то посмотрел на монету, брови полезли на лоб, он проговорил, запинаясь: — Похоже, ваша милость не знает вообще других монет, помимо золотых... да и вообще... Тут и другой был ущерб, здесь хватит на возмещение... еще как хватит... На всю деревню хватит.

Я кивнул Сигизмунду:

— У тебя все в порядке?

Он наклонил голову, глаза сердито и возмущенно блестали.

— У меня да, монсеньор!

— Тогда возвращаемся, — решил я. — Мне еще надо замок осмотреть, черт знает что с ним... Все время кажется, что внутри он больше, чем снаружи.

Сигизмунд пожал плечами, мол, причуды, а Гунтер, напротив, посмотрел удивленно, спросил густым сиплым шепотом:

— Ваша милость, а вы... не знали?

— О чём? — спросил я, чувствуя нехороший холодок вдоль спинного хребта.

— Ну, что внутри замок больше...

Я стиснул челюсти. Геометр из меня хреновый, всегда полагал по дури, что в меньшем не может поместиться большее. Дикарь.

Я повернул коня, тут только люди зашевелились, задвигались, женщины падали на колени, начался плач, ко мне протягивали руки. Кто-то называл спасителем, кто-то просил помощи. Я указал на Гунтера, конь подо мной проснулся и бодрой рысью потрусили обратно к замку. Сигизмунд догнал, молодое лицо полыхало жаром, поехал рядом.

Гунтер задержался с крестьянами, Ульман и оба стражника держатся сзади, Сигизмунд сказал с легким укором:

— Вы зря так, монсеньор...

— Ты о чем?

— Да обо всем, — сказал он на правах рыцаря, ибо все рыцари — братья по рыцарской клятве, — и повесили рыцаря зря, он всего лишь поразвлекся с простолюдинами... и золотую монету простолюдинам зря... Им и одной серебряной хватило бы.

— Мне достаются легко, — напомнил я. — Да и не осталось уже серебряных.

— Это верно, — возразил он, — но нельзя, чтобы легко доставались простому люду. Иначе работать не заставишь! Когда пропьют, явятся просить еще. Увидели, что вы щедрый...

Я буркнул раздраженно:

— А мне плевать на права человека и веселье пить. Начну по суду шариата сперва пороть, а потом вешать за пьянство. А того красноморденького не зря! Ладно, простолюдины — не люди или пока что еще не люди, но все равно покусился на этих моих нелюдей, а это оскорбление мне лично.

Сигизмунд возразил:

— Но вы же взяли его в плен!.. Что еще? Теперь надо за выкуп...

— А он явится снова! И снова устроит то, что устроил!

За спинами сдержанно хохотнул один из стражников:

— А его снова в плен — и выкуп побольше, побольше! На этом можно заработать: ловить и выпускать. А потом увидит, что удовольствие дорогостоящее, и перестанет.

Я ехал молча, раздраженный уже на себя. Вообще-то они правы, так здесь и принято. Я со своими правами человека влез, как слон к оперу. Сам же не считаю простолюдинов равными людям благородного сословия, хотя эту разницу понимаю чуть иначе: для меня пьяный бомж не равен чистенькому студенту или девушке-скрипачке, тем более — крупному изобретателю или ученому. Какую бы ахинею о равенстве ни вешали мне на уши юристы, но я бросился защищать не простолюдинку, а женщину. А любая женщина выше любых сословий, ибо даже самая простая в состоянии родить как простолюдина, так и королевского сына. Причем справится с этим, вполне возможно, гораздо лучше, чем королева... И королевский сын от простолюдинки будет здоровее, умнее и вообще лучше, чем сын от анемичной, больной и сварливой королевы...

— Что сделано, то сделано, — отрубил я. — Если вор вломился в мою квартирку и начинает там ломать и грабить, я вправе... да-да, вправе!.. Причем была опасность и для моей жизни, верно?.. Даже наш кученький закон предусматривает право на самооборону. А теперь эти деревни — тоже моя квартира. У меня, можно сказать, апартаменты! Так что, ребята, вы там подумайте хорошенъко, как обезопасить их, а я

пока займусь самим замком. Не нравится мне, что в нем какие-то тайны. Тайны могут оказаться и ловушками, а я не хотел бы поскользнуться на ровном месте и сломать... хотя бы палец.

Сигизмунд сказал тревожно:

— Придется ночную стражу удвоить. Ведь этот рыцарь, которого так вот... на дерево, сын одного из соседей. Я что-то слышал...

— Расскажи, если коротко.

Сигизмунд оглянулся и крикнул:

— Ульман, расскажи подробнее!

Он придержал коня, подъехал тот гигант с водянисто-голубыми глазами, они поехали вместе, Ульман с жаром что-то рассказывал, но приотстали и разговаривали почти шепотом, чтобы не отвлекать меня от нелегких дум. Когда мы проехали в туннеле стены, а потом слезали с коней, я увидел лицо Сигизмунда и удивился, насколько оно вытянулось и побледнело, а в глазах смятение, даже непогода. Я совершил преступление, поднял руку на собрата. Будучи рыцарем, я убил, позорно казнил другого рыцаря. Ведь рыцари уже превратились в особую наднациональную, как теперь сказали бы, корпорацию, и для них гораздо важнее корпоративный дух, чем те мелкие законы и постановления, что существуют на территориях всяких там стран.

Да и что за несерьезные страны, если границы все время меняются, огромные территории переходят от одного короля к другому, даже целые страны переходят, зато замки остаются на тех же местах, и вот вдруг начинать враждовать с соседом лишь на том основании, что очереднаяссора королей провела границу между ними, — глупо. Рыцари чувствуют себя одной наднацией, своеобразным обществом, убивать в боях собрата неприлично, непристойно. Другое дело —

рыцарская сшибка с целью проверить, кто круче, кто сидит на коне устойчивее, у кого доспехи крепче, кто лучше владеет оружием... А побежденный с церемониями поклонами передает доспехи и коня победителю.

Возможно, подумал я раздраженно, именно сейчас и появилось это дурацкое «проиграть поединок», «выиграть поединок», а затем и еще хуже: «проиграть бой», «выиграть бой», от которого рукой подать вообще до кощунственного: «выиграть войну», «проиграть войну», как будто войны — забава, игра, спорт, пари!

Глава 7

Гунтер догнал уже у ворот, глаза-маслины блестят, усы залихватски торчат в стороны. По возвращении я остановился у ворот, велел сойти вниз стражникам, осмотрел их луки. Если ожидать ответный рейд родственников повешенного, то надо остановить еще на мосту. А для этого луки — идеальное оружие. Гунтер посматривает ревниво, он прав, добротные большие луки, такие принесли победу над прекрасно вооруженными и защищенными доспехами рыцарями при Креси и Пуатье, когда простые лучники легко и без потерь перебили массу доблестных рыцарей — небывалое дело, если учесть, что как раз рыцарей в сражениях гибли единицы. Луки из тиса, естественно, ибо народ давно заметил, что именно тис лучше всего запасает мускульную энергию. И хотя тис обильно растет и в Англии, однако англичане делали луки не из своего тиса, а из привозного, испанского. По закону испанские купцы к каждой бочке ввозимого в Англию вина должны были прилагать три бруска тисовых заготовок для луков.

Но я хмурился, натягивал лук, щелкал пальцем по тугой тетиве, Гунтер не выдержал, спросил:

— Что-то не так, ваша милость?.. Лучше этих луков разве что у Кабана! Да и то не уверен.

— Кто такой Кабан?

— Один из наших соседей. Его лучники всегда побеждают на состязаниях!

— Стреляющий Кабан... гм... круто, но все-таки луки амуров получше.

— Амуров? Кто это?

— Так французы назвали башкирских воинов, — объяснил я, — что вторглись за Наполеоном во Францию. Они были вооружены такими луками, чьи стрелы пробивали даже кирасы... Французы — это такие выродившиеся франки, Наполеон... гм... полководец, Франция — осколок империи франков, а кирасы — это стальные панцири без рукавов... Все, теперь о луках. Я не большой спец в этом деле, но надо срочно наладить производство композитных луков. Бывают втрое дальше, вчетверо сильнее. Конечно, делать их намного труднее, но я буду хорошо платить за каждый лук. Когда дело касается собственной шкуры, то о цене как-то говорить непристойно... Хорошо бы наладить и производство арбалетов, а то те три, что я видел, производят жалкое впечатление. Надо не меньше трех десятков. Лучше больше, но хотя бы пока три-четыре десятка...

Лицо его посерезнело.

— Ожидаете нападения? Вы правы, господин. Отец обязательно отомстит. Хоть он сам с ним не ладил, даже дрались, но все же принято... У него еще четверо сыновей, и две дочери замужем за знатными лордами. Если сумеет собрать хотя бы половину, то мы не выдержим... Колдовство, что защищало замок, сейчас не действует, да?

Он смотрел честными глазами, но я помнил, с ка-

кой легкостью он начал служить мне, захватившему замок силой.

— Не стоит на это полагаться, — ответил я туманно. — Если я сумел захватить такой хорошо укрепленный замок, то, вполне возможно, могу и удержать, как думаешь?

Он ощущил мою настороженность, вытянулся, сказал поспешно:

— Да, конечно!.. Если еще и магия, то да, конечно!

— Но, — сказал я, — магия магией, однако надо быть готовыми побить врага и без магии. Знаешь, магия сегодня есть, завтра нет, ты ее не видишь, а хорошие доспехи, острый меч — надежно и зримо. А луки — лучше всего.

В его глазах поблескивало удивление, странные речи для рыцаря, который должен презирать оружие простолюдинов, но смолчал, поклонился.

— Я слышал про такие луки, — сказал он осторожно, — но, говорят, дело это очень хлопотное...

— Стрелять из них трудно?

— Стрелять одно удовольствие, а вот изготавливать... говорят, очень дорогое удовольствие.

— Придется, — ответил я хмуро. — Надеюсь, экономика поскрипит, но выдержит. Все для фронта! Поля мои просторные не будет враг топтать... Если знаешь умельцев, давай сюда поскорее. Платить сумеем, так и скажи.

Мы въехали во двор, из донжона выбежал маршал, угодливо ухватил коня под уздцы. Вообще-то пора привыкнуть, что здесь маршал — это слуга, что смотрит за лошадьми, а сенешаль — это всего лишь старший слуга. Капитан здесь намного старше их всех, ибо capitaneus — это военачальник по-латыни, а не хрен собачий, что домен совсем не то, что я думал раньше, и даже астрология ни при чем, здесь домен —

это мои деревни, луга, леса и пашни. Словом, мое хозяйство. Опять же не в том смысле, как почему-то думается каждому, а в смысле мест, где я использую труд зависимых крестьян. Тыфу, опять эти ассоциации...

Увы, маршалы и сенешали намного ближе к властелину, чем капитаны, ибо капитаны прежде всего — начальники воинских гарнизонов, так и получилось, что маршалы да всякие там сенешали со временем стали вообще генералиссимусами.

Наступал вечер, я подумал, сколько успели за такой день, с ума сойти. Правда, летом ночи короткие, все остальное — день, но все-таки утром я еще не думал, что замок удастся вообще захватить и что придется его захватывать.

А сейчас солнце еще не успело закатиться, а на мне уже клубок проблем и задач, сам же я феодал, так сказать. Мечта почти каждого жителя моего времени. Всякий видит себя вот такими баронами, хозяевами замков, феодалами, хотя, казалось бы, лучше бы президентом страны... Да любой, хоть России, хоть Уганды... Нет, здесь все на виду, все вроде бы понятно. Всех видишь нас kvозь, это тебе не смотреть, как баран, хоть и президент, на докладную записку министра финансов, в которой тот витиевато обосновывает необходимость повысить налог с прибавочной на надбавочную с полпроцента на три четверти процента. Да и делиться властью здесь не надо ни с парламентом, ни с Конституционным судом. Я здесь и судья, и прокурор, и вообще отец народа.

Порыскав по второму этажу, все-таки приглядев каморку, что можно приспособить под мои апартаменты. По крайней мере, поставить туда ложе. Конечно, недостает компа, Инета и даже безопасной бритвы, но уже свыкся, сейчас же на втором этаже то преимущество, что я как бы посредине замка, могу

быстро и к челяди, и наверх, в завтрашний век Средневековья. А завтра с утра снова пересмотрю все, составлю план замка, а то до сих пор что-то сумбурное: издали видел одно, а как прошел через ворота, то и замок втрое крупнее, и помещений больше.

Тroe услужливых челядинов отыскали подходящее ложе, я проследил, как устанавливают, проверил зарешеченные окна, осмотрел стены. Сигизмунд выразил удивление, почему я даже не пытаюсь занять покой Галантлара, пришлось сделать многозначительную морду лица и прошептать насчет потайных ходов, двигающихся статуй, ловушек и прочих капканов на чужака. А здесь никто их неставил, кому нужна простая комнатка.

Сигизмунд раскрыл рот, а Зигфрид окинул меня внимательным взглядом, сказал задумчиво:

— А ведь вы не были простым рыцарем, сэр Ричард, не были... За что вас разжаловали?

Я засмеялся:

— Сэр Зигфрид, я мог бы напыжиться и важно кивнуть, сбрехать что-нибудь, дабы снискать ваше уважение еще больше, но примите во внимание мой возраст! Разве в мои годы уже водят войска?

Он покачал головой.

— В странах, где спят на ходу, не водят. Там все подается как награда за преклонные годы. А вот в молодых землях, где все бурлит... Александр Македонский в девятнадцать лет покорил весь мир!..

Я развел руками.

— Стыдно признаться, но я как раз из того мира, где войска начинают водить, когда внуки уже бегают, на коней садятся. Правда, можно учиться, глядя на других.

Он кивнул, посмотрел на Сигизмунда многозначительно. Мол, я же говорил, что сэр Ричард если не

сам генералиссимус, то из генералиссимусьей семьи, в детстве сиживал на коленях генералиссимусов и слушал тайны побед и способы защиты замков.

Я развел руками, их не переделаешь, отправился наверх в прямом и переносном смысле: чем выше, тем замок благороднее, дальше от простолюдинства, грубости, даже выше по эпохам — на первом этаже словно бы раннее Средневековье, на среднем — среднее, а на третьем то ли позднее, переходящее в рыночные отношения, то ли вообще в магию, будь она неладна, эта магия — это недонаука или наука в шелухе, а я до сих пор не знаю, откуда ток берется, почему вода мокрая и как телеграммы из Америки в Европу идут по морскому кабелю, но остаются сухими...

На втором этаже я снова попробовал заглядывать в комнаты, ощутил отчаяние. То ли с памятью моей что-то стало, то ли за время моего отсутствия произошли изменения. Одно успокаивает: я отчетливо видел помещения целиком, даже самые громадные, не то, что сейчас увижу на третьем, самом жутком этаже...

Весь третий этаж освещен намного лучше, чем нижние. Я бы сказал, почти как мощными электрическими лампами. Массивные светильники из зеленоватой меди дают хороший устойчивый свет, я не услышал привычный запах горелого масла, пусть даже душистого, просторный холл производит достойное впечатление, и я, тяжело вздохнув, заставил себя направиться к покоям Галантлара. Вот за этой дверью он спал, здесь отдыхал, здесь у него должно храниться самое ценное. Не случайно же эта дверь не поддается никаким уговорам. Завтра с утра пусть попробует кузнец, если и он не сможет, то дверь выставим целиком. Либо один хороший удар молотом, либо просто продолбить стену около двери, только и делов...

Неожиданная мысль пришла в голову: что это я

prusь все наверх, как люмпен, аристократы как раз в погоне за парижскими тайнами опускались на самое дно, ведь и там человек звучит гордо, пусть и трагически, хотя, если честно, «обезьяна» — звучит объективнее.

У выхода в донжон возле дверей сидели двое, красновато блестели под закатным солнцем доспехи. Донесся хриплый голос Ульмана:

— Не удавалось Коклеру взять Нант ни штурмом, ни осадой, а долго воевать у него терпения не хватало, вот и уехал в Шарлейль на ежегодное ристалище. Он был единственным в их роду, кто не только брался за копье и меч, но и как будто силу всех предков и родственников собрал в себе! Он в полном вооружении брал коня на плечи и бегал с ним, даже прыгал, а когда доходило до поединков, ему не было равных. Он дальше всех бросал наковальню, попадал стрелой в самую середку мишени, будь ею даже кольцо королевы, подведенное на шелковой нити, а всех противников выбивал из седла с первого же удара...

— Нет, — возразил Гунтер, — тебя он выбить не смог!

— Но у меня лопнула подпруга, а это засчитали за поражение...

Я остановился, незамеченный, прислушиваясь. Гунтер сказал с непривычной для него горячностью:

— Несправедливо засчитали!

— Ну, — донесся философский ответ Ульмана, — правила не мы установили. Думаю, что, если бы подпруга лопнула у него, ты бы громче всех орал, что победу я получил незаслуженно?

Гунтер сказал с издевкой:

— Ты бы точно, как дурак, позволил бы противнику переиграть бой.

— Ну, теперь говорить об этом поздно. В про-

шлый раз он выбил из седла всех, а прекрасная Гильда была объявлена королевой турнира. Надменная, белолицая. Глазом не поведет, но когда он подъехал к ней за наградой, когда его конь преклонил перед ней колени, она покраснела, как маленькая девочка. И руки дрожали, когда надевала ему на голову венок победителя. Именно тогда и вспыхнула между ними страстная любовь, о которой потом даже песню сложили...

Гунтер сказал ехидно:

— Смотри не зареви! А то уже голосок дрожит, как лист перед травой...

Я нарочито затопал громче, пошел в их сторону, позывая ножами. Оба подхватились, смотрели с ожиданием и готовностью выполнять приказы. В спокойной стойке Гунтера я угадал профессионализм бывалого воина, хотя и непонятно, как это он мог кого-то выбить на турнире, ведь к участию допускают только дворян не ниже чем в третьем поколении.

— Гунтер, — обратился я к нему. — Насколько я знаю, такие замки не бывают без подземных тюрем, подвалов, пыточных камер. Я угадал? Возьми факел, будешь меня сопровождать. Заодно и покажешь, где они здесь. А ты, как тебя...

— Ульман, ваша милость!

— Ты, Ульман, пока побудь один. Не испугаешься?

— Обижаете, ваша милость!.. После того как вы захватили такой замок, кто сунется?

— А этот повешенный? — напомнил я. — Может, в самом деле не стоило его вешать, но что сделано, то сделано. Так что бди!

— Не беспокойтесь, ваша милость! Муха не пролетит.

Я кивнул, одновременно ему и Гунтеру, каждый понял свое: Ульман бросил ладонь на рукоять меча и

принял молодцеватый вид, а Гунтер вытащил из держака пылающий факел. Вопросительно взглянул, я указал идти впереди, он пошел вдоль стены, так мы миновали почти всю северную стену, впереди каменный бортик, за ним еще один, а между ними вниз пошли выщербленные и стертые посредине каменные ступени. Внизу выступила из полутьмы массивная деревянная дверь, окованная крест-накрест широкими железными полосами.

Мои пальцы привычно лапнули рукоять молота, Гунтер покачал головой, я отдернул руку. Глупо, в самом деле, разносить мебель в собственном доме.

— У кого ключ?

— У сэра Галантлара, — ответил Гунтер. Он снял с пояса связку с ключами. — Я с вашего позволения... этот последний ключик снял с шеи господина Галантлара. Ему на том свете не понадобится, ведь замок с собой взять не сумел?

— Открывай, — велел я.

Дверь отворилась на удивление легко, послушно. В лицо не просто пахнуло сыростью, я ощутил, что внизу располагается огромное бесконечное болото с ядовитыми испарениями, по которому шел Данко с пылающим сердцем в руке. Гунтер взглядом попросил у меня позволения пойти впереди, дерзость, конечно, но обстоятельства, я кивнул, не такой уж дурак, чтобы ради престижа ломать ноги в кромешной тьме.

Гунтер спускался на пару шагов впереди, факел бросал зловещий трепещущий свет, тени возникали из ниоткуда, прыгали, метались, угрожающе выставив рога, лапы с острыми когтями, клыки. Ступени вели вниз, вниз, справа и слева скользили мимо и пропадали за спиной блоки серых гранитных стен. Мы опускались, окруженные тьмой, наконец Гунтер приблизился к стене, где торчит чаша светильника,

поднес факел. Вспыхнуло, поднялся небольшой, но яркий оранжевый язычок пламени. Он не трепетал, не колыхался, как огонь от факела, тени сразу легли длинные, черные, метнулись по стене и легли впереди нас, в то время как еще две тени, от факела, метались, прыгали, сшибались, жили своей жизнью, от нас почти не зависели.

Я все ожидал, когда же наконец услышу стенания узников, где же казематы, но впереди выросла еще одна дверь, массивная, металлическая. Гунтер долго копался с ключами, сопел и кряхтел, замок поддаваться не хотел, наконец сказал с досадой:

— Ваша милость, ключ подходит, но...

— Что, еще какой-то секрет?

— Да, — ответил он раздраженно. — Похоже, зря спускались. Еще и заклятие наложено. А я с заклятиями не дружу.

Дверь выглядела массивной, очень массивной. Время сверхпрочных сплавов еще не пришло, пока что берут толщиной, эта дверь выглядит пугающе, я еще не видел ее подлинную толщину, но всем телом ощущал массу.

— Дай-ка мне, — сказал я. — Какой ключ?

Удивило, что здесь замок врезной, ведь амбарные замки просуществовали до моего времени, видоизменяясь, превращаясь в изящнейшие создания механики, но врезные появились все-таки намного позже амбарных. Ключ легко вошел в отверстие, я пошуровал, попробовал так, эдак, продвигал ключ то глубже, то засовывал лишь головку с причудливыми бороздками. Уже хотел бросить безнадежное дело, как вдруг щелкнуло, я ощутил, что ключ в моих пальцах сделал поворот, утаскивая невидимый засов. Гунтер тоже услышал, придвинулся, сопя и облегченно вздыхая,

от него сильно пахло луком, пережаренным мясом и совсем чуть-чуть вином.

Щелкнуло еще раз, а на третий — дверь чуть дрогнула, освобождаясь от запора. Я толкнул, она не сдвинулась, уперся ногой и пихнул, начала отодвигаться с той величавостью, с которой на Неве разводят мосты.

Багровый свет факела вырвал из тьмы уходящие вниз каменные ступени. Посреди ступени снова так же истерты, один и тот же человек ходил по ним из века в век. Или не тот же, но один, всегда один, рядом края острые, нестоптаные, будто их вытесали сегодня утром.

Я перевел дыхание, отступил в сторону, Гунтер медленно и осторожно двинулся вниз. Шел он чуть сбоку, давая мне возможность идти по протоптанному. Значит, хозяин этого замка сюда спускался всегда один. Судья, прокурор, адвокат, палач и факелоносец в одном лице. Сзади кромешная тьма, багровый свет с трудом отодвигает тяжелую тьму всего на пару шагов. А впереди, где Гунтер, ступеньки видны тоже на два-три шага. Тьма отчаянно сопротивляется, даже стены прячет, хотя едва не tremся по камню локтями. Строители вырубили не узенький ход, как я ожидал, все-таки непростая работа вгрызаться в камень, здесь вход как будто в подземный театр.

Впереди проступило белесое, полупрозрачное, со стоном втянулось в стену. Гунтер забормотал, но я услышал не слова молитв, а старинные заклинания.

— Я слышал, — сказал я, — что молитва отгоняет лучше.

Он вздрогнул, втянул голову в плечи. Удара с моей стороны не последовало, он сказал извиняющимся тоном:

— Да, но... это относится только к созданиям Тьмы. Созданным самим Христом или его отцом, которые

потом отвергли своих создателей и даже восстали. А в наших краях по большей части те твари, что о Христе и не слыхивали, потому и не боятся ни креста, ни молитв.

— Эльфы да гномы? — спросил я с видом знатока.

— Что вы, ваша милость, — ответил он, не оборачиваясь. — Гномы, говорят, это дети Адама, которых Ева не показала Господу. А то и вовсе дети Ноя... А здесь те, которые были раньше, намного раньше. У них своя жизнь, на нас не обращают внимания. Мол, пришли ну и пришли, уйдут так же быстро, как и другие... Конечно, если им наступить на хвост, толкнуть или плюнуть в их сторону, то лучше сразу выкопать могилку и лечь... Везде достанут!.. А как вы, ваша милость, сумели открыть эту дверь? Заклятия знаете?

Я сказал громко, бодрым голосом отца народа:

— А я, как и эти древние, не обращаю внимания на эти заклятия. Для меня их нет. Они это видят и пропадают...

Он на ходу достал из ножен меч, так и двигался с предельной осторожностью: в левой факел, в правой перед собой острое лезвие. Тьма все плотнее, словно опускаемся под воду. Сердце сжалось, хрен знает, что там, свободной рукой я начал придерживаться за стену. Чудилось, что веду пальцами по внутренней стене холодильника, причем — морозильной камеры. Пальцы задубели, будто уже час несу в руке застывшую соусльку.

Гунтер тихонько охнул, багровый свет выхватил впереди нечто блестящее, стрельнувшее в глаз короткой молнией. Мы с мечами наготове приблизились, Гунтер ахнул снова, громче. В красном свете факела из стены торчит железный стержень толщиной с обломок рельса. На толстой цепи, почти якорной, висит, слегка покачиваясь и поворачиваясь из стороны

в сторону без всякого ветра, исполинский топор. Я побежился, постарался окинуть его одним взглядом, для этого пришлось отступить на шагок: в человеческий рост, рукоять не обхватить и двумя ладонями, а стальной клинок размером с крышку люка городской канализации.

Такой топор должен весить по меньшей мере полтонны, просто не представляю, что им рубить, тем более — замахиваться для удара.

— Это, — спросил я дрогнувшим голосом, — действующая модель?

Гунтер спросил с недопониманием:

— Что вы имеете в виду, ваша милость?

— Ну, Царь-пушку, что ни разу не стреляла, Царь-колокол, что не звонил, «Пятьсот дней», что не сработали...

Гунтер полными изумления глазами всматривался в чудо-топор.

— Я его никогда не видел, но легенд о нем немало... Если я не ошибся, то это боевой топор, которым в свое время убили великана Фримана, смертельно ранили бессмертного мага Менку... Менку не умер, но и не оправился от раны, этим топором прорубили врата в Сумеречный мир, разбили цепи Аднера и пустили на дно Нафальгар...

— Это трофеи?

Он покачал головой.

— Нет, этим топором орудовал, как ножом для колки лучины, один из хозяев этого замка. Правда, тогда замок был побольше и пошире, но народ за эти две тысячи лет, говорят, сильно измельчал...

Я осторожно прикоснулся пальцем, ладонью, на конец толкнул топор всем весом, однако он поворачивался на цепи, не замечая моих усилий, словно ве- сит с горный хребет или с планету.

— Почему здесь?

Гунтер ответил почтительно:

— Я не маг.

— Ладно, — сказал я, — пойдем дальше. Но висит здесь неспроста... Любой повесил бы в своей спальне или в главном зале, где принимает гостей. А здесь... не понимаю.

Гунтер сделал еще пару шагов, вздохнул с великим облегчением:

— Слава всем богам, старым и новым, Иисусу и древним!.. Я уж думал, дорога прямо в ад.

Глава 8

Ступени кончились, пол наконец-то ровный, впереди стена, а направо и налево широкий проход. Свод достаточно высокий, чтобы я мог двигаться с рыцарским копьем в руке, держа острием вверх. А если учесть, что никто не будет долбить камень просто так, то можно задуматься, какого роста люди... если это были люди, здесь ходили.

Факел выхватил деревянную дверь на металлических штырях. Я осмотрелся, справа и слева такие же двери, это и есть каземат, уходят в темноту. Гунтер прошелся чуть, показывая, что такие двери и дальше, вернулся, начал подбирать ключи.

Темница оказалась не больше чулана, свет факела вырвал массивные плиты стен, такой же пол, а в углу... Копна золотых волос, длинных, нерасчесанных, острые колени и голые ноги, все это зашевелилось, багровый свет озарил лицо молодой женщины. Ослепленная, хлопала глазами, стараясь что-то разглядеть, Гунтер поднял факел над головой, чтобы видела меня, нового господина.

Я понял, что женщина сидит на каменном полу,

обе руки прикованы железными цепями. Настолько толстыми, что ими бы слонов приковывать, пышные золотые волосы почти скрыли ее до пят. Я успел только увидеть, что платье на ней из лохмотьев, тоже несоответствие, ибо даже если женщина из простолюдинок, то таких быстро забирают из сел, породу видит каждый, а у нее прекрасное гордое лицо аристократки, крупные строгие глаза, точеный нос, пухлые губы изумительной формы, высокомерно приподнятые скулы, чистый высокий лоб, даже копна волос не может превратить его в узенький лобик красивой дурочки.

— Что за хрень? — сказал я. — Ни фига себе... наследство. Гунтер!

— Да, ваша милость, — отозвался старый воин густым пропитым голосом.

— Гунтер, — сказал я, — немедленно приведи сюда кузнеца. Пусть собыет с нее цепи.

Гунтер попробовал на вес цепь, погремел желе-
зом, сообщил:

— Щас кликну. Но вы бы, ваша милость, сперва разобрались, за что ее... Не ровен час, опасная ведьма? Она ж нас всех тут скрутит в барабан рог...

— Выполняй, — сказал я строго.

Он передал мне факел, исчез, слышно было, как звенит на нем, быстро затихая, железо да слышатся проклятия, когда спотыкается в потемках на ступеньках.

Я сказал женщине успокаивающе:

— Погоди самую малость. Сейчас приведет умельца... А ты бы встала, а то на этих холодных плитах сидеть рискованно. Особенно молодой женщине... Тебе те места пригодятся здоровые.

Она смотрела исподлобья, глаза красные, воспаленные, спросила тихо:

— Кто вы?

— Новый хозяин замка.

— А где старый?

— Наверное, в аду.

Она подумала, спросила с неуверенностью:

— Как он там оказался?

— Споткнулся с разбегу, — ответил я любезно, — когда бежал ко мне с распластанными объятиями.

— И что?

— Упал на острие моего меча. Не стоит жалеть, дорогая. Он был довольно неприятным человеком. По непроверенным, но заслуживающим доверия источникам.

Она зябко передернула плечами.

— Да уж... Вы хотите получить за меня выкуп?

— Я даже не знаю, кто вы, — ответил я искренне. — Может быть, за вас можно хапнуть целое состояние, даже валютой, но в таком получении прибыли есть что-то мерзкое, рыночное, верно? Как будто киднепингую. Или завершаю киднепинг, начатый предшественником. Нет, я, как коммунисты, великие стройки царского правительства продолжать не намерен. Свои начну. Я хоть и кривой, но паладин. С вас снимут цепи, считайте себя уже щас свободной, как птица. Или как дельфин в море, хотя, говорят, у дельфинов нашли зачатки разума... Конечно, я, как правопреемник Галантлара, частично признаю и все долги с обязательствами предыдущей власти, так что вас снабдят всем необходимым в лагере беженцев... то бишь покормят и по возможности дадут коня, если найдется лишний. Словом, что-нибудь придумаем.

Она молчала, посматривала настороженно. Я вышел в коридор, оставив дверь открытой, факел чадит, сыплет искрами, за два шага дальше еще дверь, низкая, придется заходить, сильно пригнувшись, словно там в заточении гномы. На другой стороне тоже дверь,

я погремел связкой ключей, начал поочередно тыкать в дырочку, ни один ключ не подходил, наконец, озлившись, ударил в дверь ногой, она охотно распахнулась.

Я зло посмотрел в пустую, выдолбленную в камне нору, сунул на вытянутой руке факел, поводил из стороны в сторону, нет ли дальше нор или ниш, пусто, вышел разозленный. В ожидании Гунтера с кузнецом прошел вдоль дверей, их оказалось ровно восемь, каждую пинал, еще две открылись, пусто, а из-за остальных раздались стоны, крики, стенания, просьбы о милосердии.

— Граждане, — прокричал я, — сохраняйте спокойствие!.. Час свободы близок. Сейчас придет кузнец, оковы тяжкие падут. В связи с кончиной старого властелина объявляется амнистия для совершивших не самые тяжкие преступления!.. А, ладно, хрен с вами. В связи со вступлением в законные права нового узурпатора объявляется всеобщее обязательное ликование и амнистия для остальных тоже! Словом, всеобщая!

За дверями наступило молчание, потом пошел гул, голоса стали громче. Насчет амнистии вряд ли поняли, но что старый властелин умер, дошло, теперь орали и спорили, но тут появилось приближающееся пятно света, послышался топот, в казематы спустились Гунтер с кузнецом.

Я передал Гунтеру ключи.

— Открывай всех. Выпускай, а я пока посвечу этому умельцу клещей и зубила.

Кузнец, сильно робея в присутствии нового хозяина, от которого неизвестно чего ждать, торопливо бил молотком по шляпке зубила. Толстые цепи подавались нехотя, зубило соскальзывало, оставляя лишь мелкие зарубки. Наконец, измучившись, он переру-

был цепь, что прикрепляла пленницу к штырю в стене, предложил:

— Ваша милость, теперь ее можно вывести на верх, а там мои подручные мигом сбьют с нее эти кольца на руках.

— Годится, — одобрил я. — Давай посмотри, что там еще в этой сигуранце. Амнистия для всех, понял?

Гунтер уже возился у дальней двери, пыхтел, ругался, но уже две из ранее запертых были распахнуты, оттуда боязливо выглядывали лохматые изможденные люди, закрывались ладонями от ослепляющего света, почти все голые или полуоголые, голоса звучали теперь робко, просяще, сердце мое сжималось от жалости.

— Освобождайте всех, — повторил я. — Какая мерзость... Террористы есть?.. Этих героев освободить в первую очередь. А потом отправить куда-нибудь подальше.

Воздух становился чище, свежее, звездное небо показалось в окошке размером с форточку, я ускорил шаг по ступенькам, вот и светильник, зажженный Гунтером, пламя даже не колыхнулось, хотя почти задел его плечом, форточка превратилась в окно, воздух все чище, в какой же вони и нечистотах я пробыл, сейчас почти опьянял, наконец последние ступени позади, я постоял, дыша широко раскрытым ртом, как астматик в момент приступа.

Купол темного неба кажется подбитым темным бархатом, а масса звезд — серебряные гвоздики, их сперва прибивали для дела, а остальные заколотили не то чтобы уж по дури, вон как хаотично: где много, где совсем пусто, потом уже повколачивали просто так, для красоты. А красота неописуемая, я таращил глаза, тем временем выдыхая остатки миазмов, заполняясь кислородом так, что голова закружилась.

От ворот в мою сторону двинулась темная фигура. Я насторожился, но это оказался сенешаль, посмотрел снизу вверх с некоторым испугом и почтением.

— Ваша милость, только что с башни видели Черного Пса! Плохое предзнаменование.

— Чем?

— Ну, в деревнях скот пропадает... Вообще без следов. Даже костей не остается. Даже копыт! И люди пропадают.

Я буркнул недовольно:

— Так собирались бы всем селом да отловили бы!.. Только и делов. Он где обитает, на кладбище?.. Или на перекрестке дорог, что обязательно покрыт туманом?

Он посмотрел на меня с уважением.

— Видать, ваша милость с ними уже встречались? Ну, паладину они, видать, ничо... А вот простым людям только увидеть их — уже смерть. Только наш Пес живет на холмах, всякий раз уже видели в другом месте. И вой то с одной стороны, то с другой.

Я прервал:

— И видели, и слышали, но остались живы?

— Так издали же! Это если встретиться, взглянуть в его горящие адским пламенем глаза, вот тогда и смерть!.. А вот за Бартеком Пес шел от самого Кумангана по дороге, дышал ему в спину, затылок весь покрылся льдом, довел до околицы и только тогда исчез! А Бартек поболел, но выжил. Сейчас такой здоровый, что подковы гнет.

Он смотрел на меня с ожиданием, я хотел было отмахнуться, но вовремя прикусил язык. Быть феодалом — это не только сладкая вседозволенность, но и забота о своих крестьянах, обо всех, на кого распространяется моя власть. Так что на самом деле это моя прямая обязанность идти и ловить в лесу или на

холмах этого шелудивого Пса, ибо люди, отдавая мне свою свободу, в обмен требуют защиту и процветание.

— Ладно, — пообещал я. — Изловим и Пса. У меня там освободились цепи...

У этого сенешаля хорошее крестьянское лицо, явно родом из этой деревни, хоть уже и подпорчен легкой жизнью при Галантларе, явно попользовался кой-какими запретными свободами.

— Где мои друзья рыцари?

Сенешаль ответил с глубоким поклоном:

— Они все еще не легли, ваша милость. Сэр Зигфрид проверяет стражу на стенах, а сэр Сигизмунд снова осматривает ваши покой и все прилегающие к ним помещения.

— Увидишь, — распорядился я, — скажи, пусть идут спать. Ночь на дворе!.. Так скоро никто не нападет, а утром они оба мне нужны бодренькие.

Челядины старались не попадаться мне на глаза, отчего замок показался еще враждебнее. Помню, довелось переночевать в трехкомнатной квартире друга, что срочно уехал, а квартиру не мог оставить: дверь перекосилась, не мог закрыть, так мне было не по себе, пока не включил везде свет, даже в ванной, врубил телевизор, комп, на кухне загудел кондишен, и нервы сразу заснули в полном покое.

Озлившись, я направился прямо в покой Галантлара, поставил меч стоймя возле роскошного ложа, снял панцирь и лег. Подумал, снял сапоги и снова лег, даже укрылся до подбородка довольно уютным одеялом.

Злость и напряжение уходят медленно, я лежал на спине, закинув руки за голову, тело наливалось тяжестью, я чувствовал, что уже понадобятся усилия, чтобы сдвинуть тяжелую, как бревно, и такую же неподвижную ногу. Перед глазами начали появляться смутные

образы, я видел бегающих людей, корабль с выпуклыми, как женские ягодицы, парусами, но в то же время еще зрю и стены, гобелен на стене, темный прямогульник окна, понимаю, что уже сплю, но на той тонкой грани, когда могу вернуться в этот мир одним усилием воли, одной только мыслью, что подо мной на самом деле жесткое ложе, а вовсе не стою на залистой солнцем поляне...

Рядом послышался тихий понимающий смешок. Из стены вышла молодая женщина в белом длинном платье, широкий вырез открывает пышные груди почти целиком, глаза смеются на добром ласковом лице:

— Наслаждаешься?.. В самом деле, дивное ощущение...

— Саня, — проговорил я не тихо, не громко, как раз так, чтобы оставаться на этой грани, когда уже сплю, но знаю, что сплю и что подо мной жесткая кровать. — Для тебя не существует расстояний?..

— Нет, милый, — ответила она нежно. — Если сумеешь удержаться в этом состоянии полусна, я покажу тебе твой замок.

Я вспомнил, что когда-то умел во сне летать, даже убил брата знаменитого Улафа, а потом наяву отыскал его доспехи.

— Буду пытаться.

Она сказала ласково:

— А я постараюсь тебя не пугать, дорогой... Я так тебе обязана, что хотела бы хоть чем-то отблагодарить.

— Чем обязана? — спросил я.

Она легонько засмеялась.

— Не сейчас... А то проснешься с перепугу. Пойдем.

Она прошла к двери, оглянулась, в глазах смех и приглашение, прошла сквозь дверь. Я попытался

пройти тоже, но дверь не пропустила. Нет, я не уда-
рился, просто уперся лбом, пришлось отворить, Саня
ждала в трех шагах.

В коридоре сильно пахло сиренью. Запах обвола-
кивал, забивал ноздри, покрывал кожу тонкой плен-
кой. Сперва понравился, организму каких-то вита-
минов явно не хватает, но насытился быстро, и даль-
ше я шел, не понимая, откуда такой запах, вроде бы
сирень уже отцвела, я же отправился в путь по весне,
а приехал сюда в начале лета... К тому же здесь на-
много южнее.

Саня вела по длинному нескончаемому коридору, затем пошли ступеньки, взбираться пришлось долго, у меня ноги почему-то передвигались короткими та-
кими шажками, словно колени упирались в невиди-
мую юбку, я напрасно пытался заставить себя сделать шаг по-мужски, широкий и решительный, так под-
нялись еще на этаж, и оцепенение прошло так же внезапно, как и появилось.

Третий этаж просторен, намного просторнее вто-
рого, я не понимал, как это получается, но не удивил-
ся, и когда вдали показались светящиеся стран-
ным голубым светом огромные двери, пошел за Саней послушно, однако страх начал морозить душу, впереди неземной огонь, как будто через него вход не в рай или в ад, а вовсе в другой мир...

Створки бесшумно расступились. Мы вступили в зал, огромный и залитый холодным светом. Страх сильнее сковывал душу, Саня оглянулась, ее лицо выглядело бледным и похудевшим.

— Тебе страшно, — прошептала она с сочувстви-
ем. — Это потому, что ты понимаешь...

— Ничего не понимаю, — огрызнулся я.

— Тогда чувствуешь...

Мы прошли зал, у него был высокий свод, я видел

через прозрачный купол мириады звезд, огромные, сбитые в звездные рои, как пчелы, что собираются улететь от родного дупла, как стада овец, и этих звездных роев столько, что заполнено небо, я с ужасом понимал, что не наше небо, а ноги все несли за Саней, в стенах по-прежнему рыцарские доспехи, но теперь я чувствовал, что это не те доспехи, эти новые, другие, сделаны иначе, титановое покрытие, не пробить даже бронебойным снарядом, герметичны, это даже не доспехи, ...

— Сюда, — шепнула Саня, — здесь проход.

Я шагнул, тело охватил холод, тут же прошло, новый зал, в стене тонкостенные вазы, расписанные дивными красками, сказочные рыбы, драконы, летающие люди, обезьяны.

Замерев, смотрел на ближайшую стену. Сперва показалось, что смотрю в распахнутое окно: небо багровое с нехорошей оранжевостью, затянуто пыльными тучами, огромное солнце светит сквозь пылевое облако тускло, только и видно, что огромный раскаленный шар плазмы. Вспомнил из школьной программы, что если на Землю упадет кусочек Солнца размером с головку булавки, то выжжет дыру размером с Францию, и вот мощь этого Солнца даже за пыльным облаком передана с такой ужасающей силой, что меня бросило в жар, будто Солнце уже приблизилось.

А под этим жутким небом раскинулся огромный город. А может, и не город, но в нем явно жили, великое множество разных зданий то в воде, то на камнях, есть башни из странного металла, высокие, как вязальные иглы, я различил множество мельчайших освещенных окон, есть приземистые, как мечети, купола, есть похожие на церкви, однако из странных материалов, отражающих недобрый свет. Подножия зданий почти все в воде, такой же багровой с оранжевы-

ми бликами, как и небо. Несмотря на чудовищную мощь, мир выглядит умирающим, доживающим последние дни...

Я протянул руку, кончики пальцев коснулись твердой поверхности. Объемное изображение осталось утоплено в глубине камня, если это камень.

— Что это? — прошептал я.

Она ответила грустно:

— Этот кусок стены выломали из развалин древнейшего храма... Теперь даже развалин тех нет. Везли сюда, я помню, двадцать лет... Это был самый мирный период, тогда могли такое себе позволить...

Я вышел за неё в коридор, узнал, вчера шел здесь, вот тут висела паутина, каждая нить толщиной с бельевую веревку, да еще пыль нацеплялась, делая ее лохматой, ужасающей, здесь груды костей, ноги утопали в пыли по щиколотку, она вздыхала при каждом шаге, забивала дыхание, а в горле сразу стало сухо и царапало, словно глотал живых мышей.

Сейчас же здесь чисто, все блестит, светильники горят ярко. Медные головы статуй, украшения и дверные ручки выглядят так, будто только что вытащили из литья, почистили, надраили и вделали в стену. Сания оглянулась, глаза блеснули как звезды, голос прошелестел тихо, успокаивающе:

— Ты прав, это тот же коридор...

— А почему...

Она даже не дослушала, понимая мои мысли в тот момент, когда я готовился выговорить вслух:

— Мы в замке, каким он... был.

— Ого, — вырвалось у меня, — а нельзя заглянуть еще дальше?.. В прошлое?

Я не сказал, насколько далеко, она поняла, покачала головой.

— Не могу провести дальше, чем родилась сама.

Только по своему миру, только... Да, я застала, где магия чудовищной мощи пропитывала все на свете. Ею истекали горы, вспыхивала вода, а глубины океанов хранили упрятанные на дно Звездную Силу, что, говорят, однажды высвободилась... Другие же говорят, что она и сейчас ждет хозяина... Люди становились магами даже случайно! Своей волей творили замки, летающие крепости, дивных зверей и чудовищных птиц, а кто-то уходил в глубь земли и строил свой мир там, перекрывая к нему доступ чужим... Да, потом великая война между магами, горела земля и рушились города, в пустынях поднимались горы, вызванные людским гневом, а моря выходили из берегов...

— Это я понимаю, — прошептал я.

— Да? Тогда поверишь, что та война едва не опустошила землю?.. Но прошли века, снова заселилось побережье теплых морей, возникли большие города... Говорят, удалось овладеть древними заклинаниями, снова поднялись летающие города... Однако вспыхнула Вторая Великая Война магов, море смывало ценные страны, землю трясло, солнце вставало то с востока, то с запада, затем вовсе скрылось в туче пыли на долгие сто лет и один день...

— Сейчас эпоха после Второй Великой Войны? — спросил я.

Она покачала головой.

— После Восьмой.

Удивиться я не мог, во сне чувство удивления отключено, как и цвет, однако черная печаль заполонила душу, а злая тоска сжала сердце.

— Неужели, — прошептал я, — это будет повторяться?.. И будет Девятая?

Она ответила тихо:

— Должно было произойти нечто... и оно про-

изошло. В раздираемом болью мире появилась третья сила.

— Кто? — спросил я жадно.

Она ответила без колебаний, голос был грустный:

— Ты.

— Я?

— Ты, Ричард, ты и твоя вера, что как яркий факел осветила этот мир. И... отбросила тень. Я говорю не о тебе лично, а о... этих... как их... христианах! Люди с крестами в руках не делят магов на своих и чужих, хороших и плохих, полезных и вредных. Они уничтожают всех. Уничтожают магию, уничтожают магов, уничтожают все, что имеет отношение к магии. Так что больше войнам магов не бывать, понимаешь... Однако эта третья сила уничтожает магов лишь по дороге в свое царство небесное, как они говорят, а главные противники у них те, кто...

Она замолчала печально, я договорил невесело:

— Я знаю. Они тоже уничтожают магов, магию и все, что связано с магией. Ибо магия несовместима не только с верой, но и с рационализмом. С рационализмом — еще больше.

Она скорбно усмехнулась.

— Однако те больше используют магию, чем люди с крестами. Они... они практичнее. У них на юге магию исследуют, выявляют, заставляют работать. Там есть маги, что занимаются поиском магических вещей, доставшихся от прошлого.

Я сказал жадно:

— А ты не могла бы меня провести на... юг?

Она покачала головой.

— Могу только повести, но всякий раз будешь просыпаться на своем ложе в этом замке, ибо за сутки не дойдешь. Надо пересекать не только горы, леса и болота, но и пустыни, реки, моря. Придется плыть

от острова к острову... Нет, тебе придется идти во плоти. Но, милый...

Она нерешительно умолкла.

— Что?

— В тебе много странного, однако это не спасет тебя в путешествии, ибо людей с крестами убивают задолго на подступах к югу. И никакие силы их не спасают. Никакие.

Я молчал, не зная, как ей объяснить, что я не человек с крестом, я на все эти суеверия и ритуалы положил, мне что христианство, что пляски обкуренного шамана, у меня один бог — это я. И что если что-то делаю такое, что одобряемо церковью, то лишь потому, что так просто совпадает. Пока что. Но совпадать будет недолго, это ясно дал мне понять один... словом, многое объяснить пока что не могу даже себе.

— А ты? — спросил я.

— Я не помню, — ответила она медленно, — когда я... родилась. Мне кажется, что родилась и осознала себя — это сильно разделено во времени. Родилась и жила так столетия. Или больше, не знаю. Помню смутные образы, могу только догадываться, что раньше я была чем-то вроде сгустка ветра... только это не ветер...

— Понимаю, — прервал я. — Другие... тоже так же?

— Ты о троллях, гномах, эльфах, драконах и обо всем, что не люди?

— Ну, коровы и лошади тоже не люди, но как появились на свет, знаю... По крайней мере, полагаю, что знаю. Но все эти магические силы, что вырвались в мир...

— Изменили многих людей, — закончила она. — Как и многих зверей. Я сама не могу сказать, кто такие гоблины... То ли изменившиеся люди, то ли звери, что изменились... Многие звери вымирали, а другие... другие, наоборот... Но их тоже не осталось. Го-

ворят, их убил гнев. Чей? Никто не знает. Но все говорят, гнев... Иди сюда, взгляни...

Она провела к двери, распахнула. Огромный зал уходил вдаль, квадраты потолка уменьшались, сближались и сливалась в единую линию, как рельсы железнодорожной колеи, опровергая теорию о параллельных прямых. Так же уходили и стены, а пола не увидать, все заполнено диковинными предметами. При желании можно угадать в них все, начиная от BFG и лазерных мечей до зубочисток на нейтронной тяге.

— Кладовая, — объяснила Соня. — Маги... уже маги!... собрали Древние Вещи, в которых магия. При Герконе Долгожителе их было семеро, сюда свозили со всей страны...

— А где сейчас?

— Растищили, — ответила она. — Геркон убит Уннером Коротконогим, замок разграбили, опустошили, вычистили все...

Я хмуро смотрел на все эти богатства.

— Что мне с них? — вырвалось у меня горькое. — Ведь наяву нет...

Она была совсем рядом, я слишком долго сдерживался, но теперь, когда я понял, что все бесполезно, снова ощутил могучее притяжение к ней, горячая волна пошла по телу, я поспешил ухватил ее теплое мягкое тело, прижал к себе ее нежную плоть, толчки известили, что я овладел ею, она обнимала меня, теплая и покорная, над ухом прошелестел голос:

— И все же ты...

Проступили стены моей комнатки, я зажмурился, стараясь удержать ее образ, вытерся краем одеяла и отполз на другую сторону ложа, здесь все проще, даже знатные дамы ходят без трусов, не знают, что это за фигня, а в деликатные дни за ними ходят служанки

со швабрами. Попробовал заснуть, но сердце застучало часто и тревожно. В окно падает узкий солнечный луч, я вздрогнул, вспомнив, где я, что успел натворить и что теперь я — феодал, а это не только право первой брачной ночи, как почему-то думается в первую очередь, но и обязанности, увы.

Глава 9

За окном чирикали птички, а когда я повернулся голову, в светлом проеме колышется зеленая ветка, листики трепещут, а крохотная пичужка, синичка вроде бы, чирикает и размахивает крылышками, то ли утренняя гимнастика, то ли бедолага старается удержаться на качающейся ветке. Нет, синички вроде бы не чирикают...

Растопырив просвечивающиеся крылышки, на ветку спланировал дракончик, толстенький и мохнатенький, похожий на игрушку из замши. Он раскрыл крошечную пасть, сладко зевнул, во рту блеснуло, наверное — зубешки. Крепкие коготки обхватили тонкую ветку. Он втянул голову в плечи, собрался в ком и, похоже, решил вздрогнуть до тех пор, пока с кухни не потянет вкусными запахами.

Могут и синички чирикать, решил я. Если дракон может прыгать по столу и воровать пирожки, то почему синичка не может чирикать? Здесь она вообще может оказаться с тремя головами. Второй день в замке, а как будто целая жизнь прошла!

Сходить бы, мелькнула мысль, да посмотреть сейчас, где ночью с Саней... Хотя бы на ту стену! Увы, там все новое. Ну, сравнительно, сравнительно. Здесь новым иной раз называют такое, что египетские пирамиды кажутся поставленными вчера.

Слуга внес большой медный таз. Я наскоро по-

мылся, со двора доносятся глухие удары, слышатся голоса. Солнце уже освещает косыми утренними лучами двор, суетится народ, со стороны ворот упряжка волов тащит волоком огромную каменную глыбу. Еще одна возле стены церкви, двери распахнуты, там размахивает руками человек в серой сутане, подпоясанной веревкой. Сперва я принял его за странствующего монаха, такие вроде бы давали обед бедности, потом узнал толстяка священника из деревни, где я приказал повесить главаря налетчиков. Похожий на перезимовавший стог сена, неопрятный, очень усердный, настойчивый, настоящий профи своего дела, он суетился вокруг глыбы, что под стеной, указывал на нее пухлым пальчиком, одной рукой прижимал к груди толстенную книгу, явно с иллюстрациями Дорэ на каждой странице, такую и я не прочь поставить на полку, не важно, Библия или «Божественная комедия».

Два бородатых крепкоплечих каменщика, по-местному дикарщики, сидели на глыбе и стучали молотками, врубаясь зубилами в камень. Ближе к замку полыхает большой костер, в языках огня висит огромный закопченный котел. Донеся запах ухи из мелкой рыбы, вокруг костра десятка два оборванных, изможденных людей. Один показался невероятно громадным, широким в плечах, голова значительно крупней, чем у других, но я смотрю сверху, а он на корточках помешивает палкой угли, я решил, что почудилось.

Слуга стоял неподвижно, а когда я, вытершись, швырнул ему полотенце, спросил почтительно:

— Изволите позавтракать?

— Да, — сказал я, — изволю.

Он поклонился.

— Там за дверью господин Гунтер.

Я удивился:

— А чего он там?

— Ждет вашего пробуждения, ваша милость, — ответил слуга с новым учтивым поклоном.

— А-а-а... ну да, еще бы, понятно. Зови!

Гунтер вошел чуть ли не строевым шагом, грудь вперед, плечи назад, в лице твердость, а в глазах решительность, даже решимость. Я сделал лицо тоже решительным, но посматривал с опаской. Гунтеру лет под сорок, что вообще-то расцвет, но здесь уже чуть не дряхлость, хотя все еще силен, широкий в плечах, массивный, объемистый живот скрыт пластинчатым доспехом, намного более дешевым, чем рыцарский, но по мне так более функциональным. Голова как котел, на коричневой от солнца коже ярко поблескивают черные и безмыслящие, как маслины, глаза, чуть раскосые, массивная челюсть, торчащие в стороны усы. На лице мучительное раздумье: правильно ли поступил, что дал себя обвести вокруг пальца, принес присягу.

— Доброго утра, ваша милость! — сказал он громко.

— Доброе, — ответил я. — Раз еще целы, то уже доброе, верно?

Он улыбнулся самым краешком рта, показывая, что заметил и оценил шутку юмора хозяина замка. Мол, хорошо смеется тот, кто смеется после хозяина. А то, что последний смеюн приобретает репутацию дурака, не важно. Поклонился чуть, не как слуга, а как подчиненный, строго дозируя поклон, чтобы не слишком низко и не слишком высоко, спросил осторожно:

— Ваша милость, что делать с... узниками? Они во дворе, ждут ваших распоряжений.

Я спросил с недоумением:

— А какие еще распоряжения? Все свободны. Как птицы вольные. Могут идти или даже лететь по до-

мам. Может, ждут компенсацию за причиненный ущерб?.. Ну, в некоторых разумных пределах можно, но не чересчур, не чересчур. Я не принял на себя все обязательства прежнего владельца в полном объеме, ибо он передал замок не совсем добровольно... Впрочем, пойдем поглядим.

Прямо посреди двора разложен костер, в кotle на треноге кипит, булькает, выбрызгивается в огонь. Запах ухи я уловил еще в спальне, сейчас запах наваристой ухи просто сшибает с ног. Гунтер велел сварить то, что подешевле, ведь все равно эти люди сейчас уйдут, неча на них тратиться.

Завидев нас на крыльце, все торопливо поднимались. Я сделал несколько шагов, запнулся, решил остаться на крыльце, так выгляжу значительней. Один из узников возвышался над остальными настолько, что я открыл рот, головы мужчин едва достигали ему до пояса. Помимо громадного роста он сам громаден, широк в плечах, и хотя исхудал до невозможности, кожа обтягивает кости, зато кости толстые, массивные, а сухожилия похожи на канаты. До пояса обнажен, вместо набедренной повязки куски шкур, грудь заросла черными густыми волосами. Волосы покрывают плечи, руки — длинные и толстые, перевитые не столько мышцами, сколько жилами.

Гунтер кивнул ему, он вздрогнул, смиленно поклонился издали, а я смотрел на него снизу вверх, хотя он стоит на земле, а я на ступеньке крыльца. Жутко исхудавший, он выглядит просто долговязым, кости торчат, как палки на пугале, весь кожа да кости, однако в плечах таков, что мне пришлось бы раскинуть руки, хоть и Ричард Длинные Руки, шея даже сейчас как ствол дуба, толстые жилы если и похудели, то самую малость, а грудь торчащими мослами выдается

вперед, хотя под ним сразу же черная впадина присошедшего к спине живота.

Даже одет в дерюги, челядь и одежды пожалела тем, кто сегодня же покинет замок. И понятно почему дали дерюги, у гиганта лицо, хоть исхудало до крайности, осталось лицом ребенка, открытое и бесхитростное, такими помыкают, на кухне дают обедки, а из одежды — тряпье.

Гигант поклонился вновь, я благосклонно наклонил голову, мол, изволю соизволить выслушать. Он, ободренный, сказал густым объемным голосом:

— Ваша милость, я не знаю, куда идти. Если дозволите хоть на какое-то время остаться, я не буду в тягость. Могу сторожить ворота, как делают ваши люди...

— Прекрасно! — оборвал я. — Гунтер, проследи, чтобы его одели как следует. Он уже наш, значит — и кормят пусть как реестрового, а не запорожца. Те сами себе добывают...

Они все смотрели на меня молча, исхудавшие, покорные, изможденные, в лохмотьях. Я переступил с ноги на ногу, выпрямился и сказал голосом руководителя правящей партии:

— Здравствуйте, дорогие товарищи! Вы уже знаете, что Великая революция, о которой мечтало все человечество, свершилась, а прежний владелец отшел. Совсем. В связи с его кончиной мною объявлена всеобщая амнистия. Я не хочу разбираться, кто из вас пострадал безвинно, а кого надо бы сразу на виселицу за душегубство. Надеюсь, будете вести жизнь праведную и безгрешную. Говорят, справедливость — превыше всего, но тут я вчера услышал одну дикую идею... обдумал и решил, что в некоторых отдельно взятых случаях в самом деле бывает нечто и повыше справедливости... Это нечто зовется милосердием. Я ныне отпускаю вас с кроткими и смиренными сло-

весами: идите на... гм... и не грешите. Или хотя бы не попадайтесь. Ибо все мы грешны, но не надо, чтобы об этом знали и брали с нас пример. Если все не будем попадаться, то общество вроде бы совсем безгрешное, верно?.. Если кто болен, наш лекарь вас осмотрит... если у нас есть лекарь, конечно.

Гунтер кашлянул, сказал осторожно:

— Ваша милость, можно мне слово?

— Говори, — сказал я милостиво и посмотрел поверх голов, хотя поверх великаны смотреть было не просто.

— Ваша милость, ваша страшная слава убивателя Галантлара заставила этих людей сейчас втянуть языки в дальнее место, но у костра говорили всякое... Многим просто некуда идти. Хотели бы остьаться, прошли похлопотать за них. А что хлопотать, когда в замке не хватает людей? Дураку видно, что вон тот здоровый еще как понадобится, а ваша милость не последний дурак... наверное, хоть больше дерется молотом, а не благородным мечом. Женщинам тоже найдется работа, ваша милость!

Я смерил его подозрительным взглядом, еще бы не нашел работы для женщин, а вот насчет мужчин прав, мы с Сигизмундом и Зигфридом уменьшили численность гарнизона наполовину, надо восполнить. Да если еще сосед со своей родней вздумает мстить за своего ублюдка, то народу потребуется немало. К тому же эти должны чувствовать ко мне хоть какую-то благодарность.

— Хорошая идея, — признался я. — Мне в голову не пришла. Молодец, Гунтер! Хорошо, менеджментствуи и дальше. Все, кто хочет остьаться, может. Да, может. Всем найдется работа, всем предоставим не только кров и еду, но и жалованье, а также некоторые права, но только из числа общечеловеческих. Я твер-

до стою на принципе товарно-денежных отношений, так жить проще, если что — сами виноваты, так что жалованье будет, обещаю. Гунтер, выясни, кто что умеет лучше... словом, хозяйствуй. А я займусь стратегическим планированием.

На крыльце вышла объемистая молодая женщина, круп — как у коня, волосы заплетены в косу, не замужем, значит, спросила громким голосом:

— Ваша милость, на стол подавать?.. А то все остынет.

В желудке голодно квакнуло, одна из кишок безобразно расталкивала других, протискиваясь поближе к пищеводу. Квакнуло громче, я ощутил пустоту не только в самом желудке, но и в кишечнике, после вчерашней драки много сил и калорий истрачено на заживление ран, своих и чужих.

— Подавай, — сказал я. — Сейчас иду.

— А куда подавать? — спросила она.

Я помедлил, замок для меня все еще загадка, на конец сказал мудро:

— Сама реши. Знаешь, раз проявила инициативу, то давай распоряжайся и дальше...

Она смерила меня оценивающим взглядом, я ощутил себя, как бычок на предпродажной подготовке, сообщила:

— Если вы не один, то лучше в общем зале.

— Хорошо, — ответил я легкомысленно. — Это где?

— Да в левом крыле, внизу.

В левом крыле на первом этаже тоже зал, просторный, непрятный, все грубо и неотесано, будто пещера каменного века, едва-едва приспособленная для жизни. Даже длинный стол, человек двадцать поместится с легкостью, на толстых обрубках, чуть ли не на пеньках, заменяющих ножки.

Я повернулся к Гунтеру, он послушно шел за мной.

— Иди за стол, обсудим, что делать дальше. Позови еще этого, как его...

— Марка? — подсказал Гунтер.

— Да, сенешаля. Он вроде бы неплохо знает замок, да и человек он с виду не самый худший на свете. Ульмана позови, надежный малый.

Гунтер не сдвинул с места, глаза его изучали мое благородное лицо, что временами становилось то во все надменным, как у герцога, то лоховитым, как у пастуха. Кто еще согласился завтракать в нижнем зале за столом, предназначенному для челяди?

— А... священника?

Я задумался, поинтересовался:

— Священника? Ах да, тот толстячок, что распоряжается, как будто хозяин, а я так, пришёл кобыле хвост? Впрочем, вся церковь такова... вселенная для неё — строительная площадка для построения комму... царствия Божьего на земле на руинах старого мира, что, собственно, правильно. Что он вообще здесь делает?

Гунтер развел руками.

— Восстанавливает церковь.

— С нею все в порядке?

Гунтер слегка смущился.

— Церковь очень старинная, ваша милость. Но службы в ней не проводились уже столетия. А этот священник раз уж пришел...

Я поморщился.

— Вижу. Пришел самовольно, распоряжается... Нет чтобы прийти ко мне, представиться, предложить услуги. Он, конечно, не парикмахер, но и я, в конце концов, не просто так зашел по дороге... Пока оставим все как есть. Время покажет. Для священника и то немало, что допустили, не повесили сразу.

Похоже, он выбрал для себя роль оппозиции, очень удобно, признаю! Ни за что не отвечать, всех винить, прямо русский интеллигент. Надо спросить, кто, по его мнению, совесть нации? Но в любом случае пусть оппозиция будет во дворе, а не за столом. Все равно не угодишь, так чего стараться?

Гунтер поклонился, исчез. На стол начали таскать еду, посуда простая, медная, а то и вовсе глиняная. Итак, второй день начинается очень демократично, с общего завтрака с электоратом. Потом, понятно, все завернем на круги своя, буду обедать, как и положено феодалу... еще не знаю, как положено, да и что мне как и кем положено, я имею право на самодурь, я же феодал с правом первой брачной ночи, да что она ко мне так привязалась, эта первая брачная ночь, это мне надо для чего?.. Чтобы поверить, что я взаправдашний феодал?

Я остановился у простого кресла посредине, никакой тебе высокой спинки и герба в виде орла с развернутыми крыльями, кивком подозвал смиренного сенешала.

— Марк?

— Да, ваша милость! Марк, Марк Форстер.

— Слушай, Марк, твоя очередь бегать за новыми гостями. Посчитай, сколько здесь мест, выбери из солдат наиболее достойных сидеть с нами, такими вот замечательными. Это не значит, конечно, что такое действие будет каждый день, но сегодня день особый.

Женщина, ошеломленная обилием народа, тем не менее сразу организовала слуг, потянулись гуськом, на столе появились каравай свежеиспеченного хлеба, с подрумяненной коркой, посыпанные зернами, орешками, тяжелые круги сыра, чаши с вином и водой, солонки и блюдца с растертыми жгучими травами и зернами.

Зигфрид довольно потирал руки, не бедно живем. Перед ним поставили широкое блюдо с речными перловицами, садовыми улитками, но бравый рыцарь не смущился, бывалый, перед солдатами появились глубокие глиняные миски с похлебкой из бобов, пшена, затем только со стороны кухни пахнуло ароматными запахами горячего мяса, принесли целиком зажаренного кабана, на блюдах подавали печеных гусей, уток, фазанов, а мелкие птички, зажаренные в сухарях, вообще подавались в больших котлах, откуда их доставали без счета.

Я понимал, что все это жарилось и так на всю эту ораву, просто ели бы за другим столом, так что могу сказать, кормят здесь совсем не плохо. Если и не платил жалованье скупой хозяин замка, то кормить кормил.

Солдаты ели, сдерживая себя, ведь за одним столом с правителем, робели, только Гунтер, изо всех сил показывая им, что он теперь входит в круг друзей нового повелителя, громко разговаривал то с Зигфридом, то с Сигизмундом, дважды обращался ко мне с пустяковыми вопросами, и солдаты потихоньку смелели, пробовали и диковинные блюда, переговаривались между собой, тянулись через стол к чашам с вином.

В зал влетела, как мне показалось, летучая мышь, зверек сделал круг над нашими головами и плюхнулся на середину стола, торопливо сложил крылья. Я застыл с вилкой у рта, дракончик, совсем крохотный, но не тот, что я видел у леди... как ее там, симпатичная такая, хотя такого же размера, а толстенький, неуклюжий, с мохнатыми крыльями, похожий на упитанную мышь. По-моему, я его уже видел на дереве перед окном моей спальни. Лапки тоже толстенькие, вдвое короче, чем у того, что тогда сидел на бокале.

Мордочка широкая, глаза почти по бокам, но выпуклые, как у лягушки, хитрые и веселые.

Если тот, что у леди, как же ее имя, выглядел изящнейшим произведением искусства, то этот простой и веселый жрун, по морде видно.

Наша главная повариха сказала сердито:

— А ну, кыш, стервец!

— Да пусты, — сказал я небрежно, — много ли соожрет? Не жадничай.

Тут же умолкла, даже вздохнула с облегчением. Судя по тому, как этот летающий хомячок безбоязненно садится на стол, не очень-то гнали, еще как не гнали, а сейчас стряпуха боится, чтобы новый хозяин не зашиб ее любимца.

— Ребята, — сказал я громко, заглушая жующих и бренчащих, — человек я здесь новый, мягкий и добрый. Зазря никого не обижу и не хочу, чтобы у меня так получилось... ну, чтобы кого-то зашиб нечаянно. Потому, чтобы такого не случилось, мне все должны помочь. Просто обязаны, если вы патриоты. Я, хоть и Рюрик или Рарог, не важно, но чтоб за таким столом да не стать патриотом этой новой Ладоги? Вы не просто стая олухов, что выполняет любые приказы, любую дурь, я жду от вас подсказок, поправок... Вон Гунтер уже поправляет меня, и все еще голова на его плечах цела. Верно, Гунтер?

Гунтер потрогал обеими руками голову, словно удивляясь, сказал с сомнением:

— Да пока еще... вроде бы...

Солдаты сдержанно засмеялись, но смотрят настороженно, от старших ласки мало, неприятностей много. Зигфрид ревниво хмурился, даже Сигизмунд взглянул укоризненно: ну кто же опускается до бесед с простыми солдатами? Им и так на всю жизнь хватит

хвастливых рассказов, как сидели за одним столом с великим паладином!

— У меня куча вопросов, — сказал я, — ибо в этом замке слишком много магии, слишком много таинственного, а я паладин простой, наивный и доверчивый. Как все паладины. Или не как все, не важно. Но вы, как я понимаю, вовнутрь захаживали нечасто, девки к вам сами бегали... Но если что знаете, говорите!.. Не потому, что я такой вот замечательный, я за информацию плачу, к тому же смысленых запоминаю, буду продвигать выше. В замке будет пополнение из числа освобожденных, из сел придется нанять, от вас зависит — оставаться простыми солдатами или стать сперва хотя бы десятниками, у которых жалованье больше, кусок мяса слаще, кружка с вином глыбже, а морда ширше!

Начали переговариваться, я уловил нарастающее возбуждение. Ножи и вилки звякали реже, даже вино уже не лилось в раскрытые пасти, каждый ловил шанс, ведь он есть в жизни у каждого, главное — не пропустить, я выждал чуть и добавил:

— Важна любая информация по замку, мосту, окрестным селам, даже по моим соседям... с которыми, признаю, я ухитрился уже испортить отношения. Кто что знает полезного для обороны замка, для нашего процветания — выкладывайте.

Ели быстро, жадно, словно голодающие Поволжья, а не современные беженцы, которым и еда недостаточно экологически чистая, и перины не из Беверли-Хилз. Слышалось чавканье, хлюпанье, народ постепенно смелел, информация полилась сперва тонким ручейком, потом хлынула рекой, а дальше разлилась таким половодьем, что даже я, привыкший к лавине информационного мусора, слегка ошелел. Дома мозг все-таки автоматически отсеивает большую

часть, а здесь все новое, странное, непривычное, обмыслить бы, подобрать ячейку и уложить, но следом валится еще более чудесное, надо хватать, а то сотрет новым файлом...

Я узнал о замке, об обитателях, о близлежащих землях, о чудовищах, что населяли эти земли в старые времена, не все еще ушли, о призраках, расширил представления об истории мира, географии, зоологии, это оказались весьма интересные представления, но так и не понял, был ли у Адама пуп и сколько все-таки ангелов на острие иглы.

Гигант сидел в самом дальнем углу, ел скромно, стесняясь, я встал, обошел стол, гигант поспешно вскочил, я жестом велел сесть, он торопливо сел, понимает, что мужчинам неприятно смотреть на него снизу вверх.

— Ты кто? — спросил я. — И за какие жуткие преступления тебя в цепи?

Он жалко вздохнул, огромное лицо кривилось, прогудел густым голосом, похожим на дальнее громыхание грома:

— Ваша милость, я посидел там, послушал и уже начал стыдиться, что среди настоящих злодеев я какой-то дурак совсем... Зовут меня Вернигора, а как звали в детстве, не упомню... Попал в темницу за самое большое злодейство, какое только может узреть хозяин: ко мне бегала его жена.

Я кивнул:

— Да, это не какие-то там пустяковые грабежи, поджоги, истребление жителей захваченных городов... А что жена?

— Даже ничего не узнала. Меня схватили тайком, забили в колодки, увезли, потом долго пытали в каком-то лесу. А затем долго везли с завязанными глазами. Тряпку сняли только здесь, в этом подземелье.

Я даже не знаю, в какой стороне моя деревня, мой край...

Я смерил его взглядом, он все порывался почти-
тельно встать, тут же его дергало обратно.

— Оставайся пока здесь, — решил я. — Нет, ты сво-
бодный человек, свободный!.. Когда захочешь, тогда
и уйдешь. Но пока будешь здесь, как и другие стражи
охраняй ворота, стены. За это, помимо еды и одежды,
положено жалованье. Я верю в товарно-денежные
отношения, так меньше заботы о вас, олухах! Куда
потратите, ваша забота. Согласен?

Он вскочил, принялся целовать руки. Я отечески
погладил по огромной лохматой голове, как гигант-
ского сенбернара.

— Будя, будя. А то неправильно поймут. Продол-
жайте пир! Ты уже здесь не пленник, не беженец, а
член команды.

Мы с Зигфридом со стены рассматривали сверху
мост, здесь десяток лучников легко перекроет дорогу
целому войску. Если, конечно, луки будут не слабее,
чем те, что при Кресси и Пуатье...

Зигфрид всмотрелся, вскрикнул:

— Что за... адское создание?

На той стороне ущелья заблистало, словно бежал
клоун, обвешанный зеркальцами. Блеск стал ярче, в
глаза кололо острыми лучиками. Я прикрыл глаза ко-
зырьком, не помогло, а блеск покатился уже по мосту.

Моргая веками, я рассмотрел, как по мосту до-
вольно резво ковыляет на шести лапах крупный зверь,
похожий на носорога, но весь покрытый костяной
броней, отражающей блеск солнца, словно металли-
ческая. Размером зверь тоже с носорога, если не круп-
нее, мне показалось, что мост подрагивает под чудо-
вищным весом.

Я смотрел во все глаза, Гунтер и стражники с лу-

ками застыли, лица у всех несчастные. Гунтер вовсе побелел, задышал часто. Зверь пересек мост, я ждал, что он остановится перед закрытыми воротами, однако послышался странный звук, под ногами дрогнула земля. В огромных воротах появилась щель, я оцепенел, створки ворот открывались сами собой. Чудовищный зверь двигался прямо, у ворот оказался в момент, когда створки раскрылись достаточно, чтобы пропустить блещущее тело.

— Что за тварь? — вскрикнул я. — Кто-нибудь знает?

Гунтер ответил быстро:

— Никто не знает. Но раз в месяц, в день полнолуния этот зверь появлялся в замке. Он шел прямо в покой сэра Галантлара, а на другой день хозяин всегда бывал бледен, изможден, а в последние годы так и вовсе по неделе болел, не покидал покоев...

Стражник сказал хмуро:

— Если бы не этот зверь, сэр Галантлар и сейчас был бы силен и здоров.

— И молод, — добавил второй.

Глава 10

Зверь вошел во двор, направился было к донжону, как вдруг движения замедлились, начал поворачивать головой во все стороны, остановился. Голова с трудом задралась, как будто нюхал воздух. Затем начал медленно поворачиваться, у меня застыли все кишки, засосало под ложечкой. Голова чудовища дрогнула и остановилась, словно поймала меня в невидимый прицел. Глаза вспыхнули, как два красных фонаря.

— Он отыскал вас, — сказал Гунтер возбужденно. — Ну, молитесь, сэр Ричард! Желаете, чтобы мы его атаковали?

— Чем? — ответил я. — Это же настоящий бронетранспортер... Впрочем, благодарю за службу.

Зверь с неожиданно кошачьей грацией устремился в нашу сторону. Тело, массивное и защищенное броней плит, выглядело достаточно гибким, чтобы взобраться к нам, и даже достаточно массивным и прочным, чтобы разрушить, как тараном, саму стену.

Я дрожащими пальцами сорвал с пояса молот. Блеснули геммы в рукояти, я замахнулся во всю мощь. Метнул, держа глазами голову. Молот понесся со скоростью ракеты, все набирая и набирая скорость. Мы услышали тяжелый скрежещущий удар, словно столкнулись две металлические массы. Зверь отпрянул, присел на задние лапы. Красные глаза стали на миг багровыми, потускнели, вспыхнули алым, набрали оранжевости. Холод прошел по моим плечам, я выставил ладонь, ухватил молот и метнул снова. Зверь пришел в себя, метнулся быстрее, второй удар пришелся прямо в лоб. Зверя тряхнуло, но лишь остановился на миг, покачался на всех шести и возобновил движение в нашу сторону.

— Он весь железный! — закричал кто-то. — Весь!

Лучники быстро-быстро выпускали стрелы. По металлическому панцирю вспыхивали крохотные искорки от железных клювов, стрелы отскакивали, не оставив царапин. Я снова поймал молот и метнул, держа взглядом красный, исполненный нечеловеческой злобы глаз зверя.

Молот исчез из ладони, я услышал хруст, треск. Молот ринулся ко мне, а на месте красного глаза разлетелись осколки, похожие на разбитые сосульки. Зверь остановился, голова задвигалась, наконец уцелевший глаз поймал меня в прицел, зверь метнулся к лестнице, зачем ее сделали достаточно широкой, прыгнул на первую ступеньку и быстро помчался к нам.

Я прочно зацепился взглядом за второй глаз, всеми усилиями воли усиливал мощь молота. Треск, звон, запахло горелым железом и, если не почудилось, жженой резиной, паленой изоляцией. На месте второго глаза впадина, зверь осел на пару ступеней, Гунтер и его воины орали и осыпали градом стрел, а Гунтер спустился и, стоя прямо перед мордой, исступленно рубил топором тупорылую морду. Это было все равно что рубить массивную наковальню, однако Гунтер рубил, орал, это было красиво... -

Зверь встряхнулся, выпрямился. Лапы напружинились, повел ослепленной мордой из стороны в сторону, заново осматривал двор и всю крепость, затем я с ужасом и отчаянием увидел, как его морда замерла, уставившись темными норами ноздрей прямо на меня.

Гунтер как раз нанес особенно мощный удар, зверь рывком двинулся вперед, чудовищная пасть впервые распахнулась, мы услышали вскрик Гунтера, затем треск и странное сухое щелканье. Гунтер оступился и упал со ступеней, а зверь, продолжая перемалывать топор, быстро двинулся по ступеням к нам. Странное щелканье — это лезвие топора, что сминалось чудовищным давлением, ломалось, как сухая фанера.

Люди разбегались, зверь выскочил наверх, от меня в пяти шагах, безглазая обезображенная морда отыскала меня по запаху или еще как-то, зверь сделал быстрый рывок, пасть широко распахнулась, молот вырвался из моей ладони, я заорал яростно:

— Сдохни, тварь!

Сильный толчок, я ударился о камни спиной и затылком. В глазах потемнело, тут же навалилась немыслимая тяжесть. Я задыхался, прямо перед глазами металлический щиток, я не мог понять, что это, морда, бок или лапа, все дергается, содрогается, я слышал, как внутри скрипят и от конвульсий внутренно-

сти, издали донесся крик, снова удары железа по железу, наконец все перекрыл сиплый крик Зигфрида:

— Хватит, дурни!.. Сэр Ричард убил его. Помогите выбраться, Ульман, тащи вагу!

Я задыхался от тяжести, без доспехов уже задавило бы, а так трещат, сминаются, но первый натиск выдержали. Потом стало легче, это принесли бревна, подложили под них камни и, действуя как рычагами, чуть приподняли металлическую тушу. Цепкие руки ухватили меня за плечи, потащили.

Кто-то принес вина, я машинально хлебнул. Зверь к брюху поджал все шесть лап, все еще вздрагивает, но Зигфрид авторитетно заявил, что зверь мертв, совсем мертв. Потом я обратил внимание, что на поясе пусто, как и в руке.

— Откройте ему пасть, — прохрипел я. — Разожмите челюсти...

Несколько человек сразу засуетилось, я слышал лязг, глухие удары, это вбивали клинья между стиснутых челюстей чудовища. У меня в черепе все еще шумело, перед глазами вспыхивали, постепенно угасая, звездочки. Я кое-как поднялся, меня придерживали с двух сторон. Появился сильно прихрамывающий Гунтер, без шлема, с ободранной в кровь щекой. Ахнул, увидев распластанного зверя.

— Ваша милость! — вскрикнул он высоким голосом. — Вот уж не думал...

— А чего ж тогда бросился бить его по морде?

— Так он же лезет! — ответил он чистосердечно. — Что ж, пропускать?

— Все правильно, — ответил я с теплотой. — Мы всем им покажем, Гунтер!..

Послышался скрежет, мужики заорали радостно, навалились на металлические рычаги. Челюсти начали разжиматься, и тут же звонко щелкнуло. Все наши

приспособления для разжимания зубов вылетели вместе с белыми острыми зубами. Я едва успел растопырить пальцы, в ладонь шмякнулась липкая от слизи рукоять, я заорал и выронил молот. Он послушно упал на пол, я размахивал кистью, по всей ладони быстро вздувалась красная обожженная кожа. В середке даже покернела, в воздухе сильно запахло горелым мясом.

Я стиснул зубы, напрягся, снова слабость, звон, чьи-то руки подхватили справа и слева. Ноги подкашивались, стали ватными, зато боль ушла. Когда зрение вернулось, я поднес ладонь к глазам, от сильнейшего ожога ни следа, зато в теле слабость, будто я вылечил целую армию.

Гунтер смотрел неверяющими глазами то на раскаленный молот, то на меня.

— У этой твари внутри топка?

— Только бы не радиоактивная, — проговорил я. — Зверя надо сташить вниз. Пусть кузнец вскроет, поглядим, что внутри... К сожалению, молот, пытаясь выбраться, все перемолотил внутри, но все же...

Зигфрид сказал торопливо:

— Да-да, у него печень должна быть целебная!.. И рог, если истолочь в порошок, а потом три раза в день в полночь на кладбище, держа палец некрещенного мертвяка...

— У него рогов нет, — оборвал Гунтер. — Другое дело — шкура! Ни единой царапины. Вот если понаделать доспехов...

— Когда вскроете, — сказал я, — меня позовите. Обязательно. Думаю, вас его кишки... удивят, удивят. А откуда могла появиться эта тварь? С юга?..

Зигфрид сказал многозначительно:

— Не сама пришла, не сама.

— Могла и сама, — возразил Гунтер.

— Нет, прислали.

— Откуда? — повторил я. — С юга?

Гунтер взглянул быстро, ответил, слегка колеблясь:

— Уже знаете?.. Да, говорят так. Раньше их было много. Говорят, они даже летали, сквозь скалы ходили, разговаривали, как люди... Теперь одичали, что ли. Тех, кто их создал, не осталось, вот и озверели потихоньку. Правда, к лучшему. Если бы еще и летал, то в один прыжок накрыл бы. Или одним только взглядом превратил в пепел? Говорят, раньше умели. Не только людей, целые горы могли снести, реки превращали в пар, песок плавили в такие стеклянные озера, словно льдом покрытые...

Зигфрид сказал рассудительно:

— А вдруг и сейчас на юге такое проделывают?

Там, говорят, могучие маги... Таких зверей создали!

— Брехня, — отрезал Гунтер. — Будь таких хоть десяток, уже весь мир захватили бы. Нет, звери одичали настолько, что вряд ли слушаются создателей... вернее, потомков создателей, как слушались раньше. Что-то все еще делают, остальное забыли. Правда, и того, что умеют, достаточно...

Он умолк, насупился. Я спросил жадно:

— Чего достаточно?

— Да говорят, что именно эти звери опустошили королевство Фарландию. Оно дальше к югу, но не настолько уж и далеко от нас, чтобы спать спокойно.

Зигфрид сказал сварливым голосом:

— Гунтер, ты от страха заикой станешь!.. Там не эти звери побуянили, а Водяные Оборотни. Зверей там было мало, раз два и обчелся, нам же рассказывали Ульман и Хрурт, они из тех краев, а Водяных Оборотней хлынуло видимо-невидимо. Они хоть и слабее, но зато... ты же знаешь...

— Знаю, — буркнул Гунтер. — Десять лет назад туда ходило войско короля Генриха. Трое вернулись.

Рассказывают, в городах не осталось человека, дома рушатся, крепости мертвые, но на замках все еще реют знамена... Боевые кони уцелели, бродят табунами на тех местах, где раньше были поля, заходят во дворы, заглядывают в окна... Волков Водяные Оборотни перебили...

— И ворон, — добавил один из стражников. Он прислушивался к нашему разговору, вздохнул: — И вообще всех птиц. Если какие прилетают из других краев, сразу падают мертвыми. Но Водяных Оборотней легко остановить железом, они его боятся, а стрелой с серебряным наконечником легко убить любого. Хуже, когда эти, ну, которые люди, но уже не совсем люди. Серебро их не убивает, как и нас, а живучести у них, ой-ой! Говорят, как у кошек, по девять жизней.

Я потрогал молот сапогом, не зашипело, поплевал на палец и пощупал, еще горячий, но ремень не пережжет. Стражники с великим почтением смотрели, как я подвесил его к поясу. Камешки, вделанные в рукоять, озорно блестели. Я уже забыл, какой из них придает силу удару, а какой дальность броска, но теперь вижу, что мне этих камешков не помешала бы целая горсть. Я бы ими истыкал молот сверху донизу.

Зверя попробовали стащить вниз, не получилось, как приkleился, кое-как поддели толстыми и длинными кольями, придвинули к краю стены. Металлическая туша сорвалась с тяжелым грохотом, выломала каменную глыбу с краю. Внизу раздался лязг, звон, вспыхнул короткий колдовский огонь, запахло озоном, как после грозы, я снова ощутил сильный запах горящей изоляции.

Вокруг чудовища собралась челядь, со страхом таращили глаза на дивного зверя. Священник оставил каменщиков и тоже явился с книгой в руках. Побрызгал святой водой, прочел короткую молитву, которая

показалась мне состоящей из одних ругательств, настолько падре читал ее зло и с матерными эмоциями. Потом вернулся к своим каменным плитам, в одной мастеровье уже выдолбили нечто подобное корыту, долго ждал их, заорал наконец, и каменщики с неохотой оторвались от рассматривания побежденного зверя.

Гунтер привел кузнеца, оружейника, двух дюжих молотобойцев. Оглянулся на меня:

— Будете смотреть, ваша милость? Какие-нибудь указания?

Я отмахнулся, чувствуя себя усталым, испуганным и разочарованным.

— Что теперь увидишь... Действуйте. Будет что-то необычное, позовите.

— Премного благодарны, ваша милость! — прокричал Гунтер мне в спину с явным облегчением. — Мы из него наделаем амулетов. А если повезет, то и талисманов.

— Ага, — сказал я. — Ну да, что толку в амулетах, когда можно талисманы?.. Конечно, надо талисманы, а как же, талисманы...

Я еще что-то молол, а Гунтер смотрел терпеливо, но мне почему-то стало стыдно признаться, что не понимаю разницы между амулетами и талисманами. Вернее, уже понимаю, но еще путаю. А это две большие разницы! Амулеты носят в этом мире все, как в христианском, так и в этом, что не совсем, а то и вовсе не совсем, талисманов же намного меньше, они дороже, защищают не пассивно, как амулеты, а направленно. Но и талисманов до фига, я же думал сперва, что талисманы — это обязательно волшебные жезлы или посохи, но потом узнал, что, к примеру, все драгоценные камни — сами по себе талисманы, наделенные волшебной силой от природы.

Вообще-то талисманом можно сделать все, что угодно, если природа, Творец, языческие боги или могучий чародей сумеет изготовить или уже готовую вещь наделить чудесной силой. С этой точки зрения я весь обвешан талисманами, начиная от копалки на шее и кончая доспехами Арианта и молотом моего далекого предка.

Я отправился к донжуону, Гунтер шел рядом, смотрит почтительно, в глазах вопрос. Так дошли до дверей, я молчал, Гунтер наконец решил спросить:

— Что на сегодня прикажете, ваша милость?.. Все-таки мы еще не знаем ваших привычек, пожеланий. А надо, чтобы все были при деле. Иначе народ распустится без работы.

Я развел руками.

— Знаешь, мне не хотелось бы управлять каждым юнитом, хотя это и льстит самолюбию, мол, я — хозяин. Я хочу, чтобы все шло само. Понятно, чтобы работали, но без моего подпинивания. Так что рули сам, ты не просто начальник стражи ворот, а почти управляющий. Или уже управляющий, сенешаль, словом. Хотя нет, сенешаль уже есть... Хорошо, ты будешь констеблем... тыфу, коннетаблем. Как пророк, да, я еще и пророк помимо паладинства, могу сказать, что должность сенешаля будет упразднена, а все функции перейдут к коннетаблю. Так что твоя должность будет гораздо, гораздо выше. Насколько помню, коннетабль будет вообще командовать всеми королевскими рыцарями...

Глаза Гунтера засияли, он спросил жадно, но с некоторым недоверием:

— Спасибо, но... смогу ли я?

— Командовать королевской конницей? — спросил я. — Но это еще не скоро... А пока будешь командовать всеми вооруженными войсками замка.

Он расцвел, я видел, как мечтает, что и сенешаль будет подчиняться, хотя это должно произойти, если не слишком путаю, через пару веков, тогда коннетабль в самом деле будет чуть ли не генералиссимусом, но потом Ришелье вообще упразднит эту должность...

— Смотри, — добавил я, — кто смышен и инициативен. Выдвигай на руководящие должности, на партийную и прочую работу. Вон та красотка, что вышла на крыльце и велела всем за стол, может командовать своим немалым борде... участком, в смысле. Ну там кухня, столовая, кладовки и подвалы с продовольствием. Если припечет, я вмешаюсь.. А я хочу заниматься своим делом...

Он прищурился, кивнул с понимающим видом:

— Охота, пиры, травля оленя, петушиные бои?

Я вздохнул.

— Да, охота, пиры, травля, петушиные... но эти серьезные дела требуют подготовки, так что пока займусь всякой фигней, вроде защиты замка от атаки с воздуха, да еще Черного Пса бы изловить, вниз спустить и осмотреть опоры моста, вдруг какая крокодила их уже грызет?.. Не хотелось бы терять связь с материком, летать пока что не обучен. Сегодня буду знакомиться с замком. За вчера я хрен что рассмотрел, только в общем что-то увидел, но если бы еще и понял! Если что, кричи.

— А где вас искать?

— Для начала зайду к нашему магу. Есть ряд вопросов, которые надо снять...

Гунтер наморщил лоб.

— Это который фон Рихтер? Беглец из Тевтланни? Он еще здесь?.. А то видел лет пять тому, потом куда-то исчез. Я даже не успел понять, маг он или волшебник? Может быть, просто колдун?

— А не один... — сказал я, проглотив в последний момент одно словцо. — Ты их как различаешь?

Он посмотрел с таким укором, словно я не увидел разницы между столяром и плотником или рыцарем-храмовником и рыцарем-тамплиером.

— Волшебник — разве вообще маг? Что-то подсмотрел у других, заучил, что-то сам допер... а маг — это годы изучения! Хороший рыцарь никогда не появится просто так, из деревенского кузнеца. Хороший воин появится, а рыцарь — нет. Так и эти, что колдуют... Волшебник — это тот, кого мама здоровым уродила, а маг — это выученный, я таких больше уважаю. Я вообще человек дисциплины, я в учебу верю.

— Я тоже, — вздохнул я. — Жаль, что учиться приходится заново. С другой стороны, так здорово. Как при склерозе, каждый день что-то новое... Вот что, Гунтер, ты отыскал знатоков по композитным лукам?

Он развел руками.

— Нет, господин. Я опросил всех. Однако наш кузнец и еще Зоммер, это наш оружейник, у него золотые руки, клянутся, что сделают все, что угодно, если будет толковое описание. Или сами увидят такой лук. Если это правда, что такие луки куда удобнее, что стрела идет вдвое дальше, то вы только покажите...

Я достал из мешочка на поясе несколько золотых монет.

— Пока только покажу вот это. И даже дам, но смотри не пропей!.. Я ведь паладин, от меня ничего не укроется. Начинай сегодня же закупать компоненты. Для начала сделаем луков... тридцать. Нет, пятьдесят!.. А там посмотрим. Если хорошо пойдет, сделаем больше.

Он смотрел на золото круглыми глазами, губы шевелились, словно шептал молитву Божьей Матери. А может, и в самом деле шептал. Как я уже заметил,

золото и серебро в этих краях почти не встречается даже в виде монет, что для меня значит прежде всего... ну, удаленность от древних времен, когда любой крупный хозяин выставлял на стол золотые тарелки, подносы, кубки. Достаточно вспомнить хотя бы дружину князя Владимира, что возмутилась, когда на столы поставили тарелки из серебра и подали к ним серебряные ложки. Не хотим есть на серебре, заявили воины, пришлось выставить на все столы золото, а в палатах князя их немерено, да еще и десятки во дворе...

В мое же время золото можно увидеть разве что на обручальных кольцах, да и то в примесях, так что сейчас, когда в моем мешочке золотых монет осталось еще десятка два, я могу считать себя Крезом. За одну золотую монету могу получить сундук серебра, а за одну серебряную монетку — стадо коров в триста голов. Корова здесь самая ходовая монетная единица, все считается в коровах. К примеру, рыцарские доспехи стоят от сорока до восьмидесяти коров, в зависимости от их класса. Так что на замок обычно приходится один-два рыцаря, от силы три-четыре, а остальные люди с оружием — либо вспомогательные кнексты, либо просто челядь, что в минуты опасности обязана бросить лопаты и хвататься за топоры и вилы.

Он наконец опомнился, спина выпрямилась, сказал громко и четко:

— Сейчас же еду закупать все необходимое!

Со стороны ворот донеслись звучные удары молотов по металлу. Кузнецы и оружейник приступили к мародерству, а я вошел в дом, челядь почтительно застахла, кто-то вообще пригнулся за чужими спинами.

Я с выдвинутой вперед челюстью пошел по лестнице, мои пентхаузы там, на верхотуре, да и маг там, еще выше. По стенам развешаны, начиная с лестницы, gobелены, добротно сотканные, везде красочные

сцены, дивные цветы, узоры. Я замедлил шаг, всматривался не столько в батальные сцены, сколько в узоры.

Есть знатоки, что в орнаменте национальных рубах, украинских или русских сорочек, видят Ящера, Перуна, богиню сыру-мати, Леля и Полеля, богиню плодородия и многое еще. Мне вроде бы легче, здесь фигурки намного яснее, тем более что ткачи как раз добивались не символики, а реалистичности. Привычные схватки рыцарей с драконами, батальные сцены, где наряду с обычными воинами в бой идут полуоголые или в шкурах гиганты, некоторые даже в кожаных доспехах, явно сшитых на них людьми, укрывают же люди попонами и латами коней и боевых слонов, все боятся бок о бок, воины защищают ноги гиганта, а он лупит врагов огромной дубиной из цельного ствола дерева, одна команда...

Или вот дерутся невообразимые чудища на одной стороне, в их построении угадывается разумность, а с другой стороны массивные драконы, гиганты, но с ними и немало людей, что не выглядят ни рабами, ни начальниками, а все те же члены единого отряда.

На некоторых gobelenах даже странные горы, которые я не назвал бы горами. Явно ткали еще в то время, когда горы поражали воображение: оплавленные, полуразрушенные, с торчащими металлическими конструкциями, что горели как солома, а основание текло от страшного жара, как воск. Потом, понятно, и эти рукотворные горы разрушались, не до них, да наверняка и погибали от радиации те, кто начинал там копаться, так что не зря появились в обиходе прозвища «Черные Горы», «Проклятые» и тому подобные.

Я шел медленно, всматривался, уже на середине второго этажа остановился в сильнейшем разочаровании. И что мне это даст? Я не ученый, а как тот малограмотный искатель сокровищ, что в поисках золотых

монет перевернет древнюю гробницу и перебьет ценнейшие кувшины с непонятными надписями. Или, вернее, как тот хохол, что должен помацать, пощупать, попробовать монетку на зуб.

Двинулся на третий этаж, по дороге пытался открывать двери, все заперто. На этот раз показалось даже, что заперты и те двери, что вчера открывал. Или кто-то в этом замке живет еще, или же я немножко одурел. Хорошо, если только немножко.

Шипя от стыда сквозь зубы, словно уронил слесарные тиски на ногу, отыскал место со скобой, задрал голову. Так и есть, сразу открылась широкая труба, видны первые пять ступенек, дальше тьма. Маг сказал, что никто не видит, для всех здесь только ровный свод из красного камня, как и везде, только я из-за своей паладинности вижу больше, чем другие, на меня магия не действует. Правда, не действует по другой причине, но пусть думают, что из-за паладинности, святости, моей чистой, как родниковая вода, ангельски беспорочной души.

Руки сами уже привычно перебирали скобы, ноги переступали, и головой уперся так быстро, что сам удивился: что значит идти по знакомой дороге, вчера казалось, что лезу вечность, дважды отдыхал, сердце чуть не выскочило.

Уперся, крышка поднялась, маг сидит в кресле ко мне спиной. Он показался мне еще более похудевшим, бледным, истощенным.

— Приветствую, фон Рихтер, — сказал я. — Значитца, знатный отпрыск?

Он вздрогнул, обернулся, в глазах метнулся испуг, потом слабо улыбнулся.

— Как вы меня напугали... Так давно сюда никто не поднимался...

— Я вчера здесь был, — напомнил я.

— Да, верно... А до этого три года никто. Я уже отвык, извините... Ну и что, если фон Рихтер? Я не хотел обучаться убивать, я хотел познавать тайны бытия...

Я вскинул руки, останавливая поток сознания.

— Я не против, совсем не против. Еще как не против. Больше героических подвигов останется мне. Я ведь паладин, обож-ж-жаю героические подвиги!.. Но что делать, драконы измельчали, превратились в ящериц. Сегодня с утра что-то железное полезло в замок, пришлось прибить. Не знаешь, что это?.. Похожее на ящерицу размером с быка, только вдвое длиннее и с головы до ног в железе?.. Да не покрыто железом, а и внутри тоже...

Он прошептал:

— Нет, в моих книгах такого нет...

Я жадно смотрел на толстые тома, на таблички с письменами, на свитки, рассыпающиеся от ветхости, а когда заговорил, сам ощутил, как голос мой вздрогивает и колеблется, как лист на ветру:

— И что в этих сокровищах мудрости... есть что-нибудь о древних временах?.. Я имею в виду о самых древнейших, когда магия была обыденным делом, а волшебники, как стада гусей, разгуливали по улицам?.. Понимаешь, мне же нужно эта... подвиги!

Маг, он же фон Рихтер, отпрыск знатного рода, хотя на древнего старика странно говорить «отпрыск», поморгал подслеповатыми глазами. Лицо стало виноватым, но, думаю, у него это приобретенная реакция, как защитная окраска хамелеона.

— О таких нет... но в древности в самом деле магии было больше, как и самих волшебников. Возможно, тогда колдовать было легче? Или лучше знали формулы заклинаний?

Я сказал угрюмо:

— В самую точку, дорогой маг. С каждым поколе-

нием больше искажений. Каждый умник что-то добавляет, поправляет, как он считает правильным. Даже в Евангелии сотни противоречий и темных пятен, а ведь записывали чуть ли не вчера! Что уж про древнейшие времена!.. Но ты все-таки расскажи, как если бы я вот сегодня родился. Обо всем, что известно с самых древнейших времен. Об эпохах, свершениях, катаклизмах... Чудесах и деяниях... Словом, обо всем. Ведь чем дальше в глыбы, тем известно меньше.

Он помедлил, взглянул на меня осторожно, предположил:

— Вас, милорд, интересует не... традиционная версия?

Я кивнул, предложил:

— Забудь, что я — паладин. И что я — ревностный слуга церкви. Самое смешное, что так оно и есть, только сами церковники так не думают. Рассказывай, просто рассказывай. Или — рассказывайте, ведь вы — из знатного рода.

Он снова помедлил, вздохнул, собрался, будто бросался в прорубь, выдавил с трудом:

— Если опустить святое Писание... конечно же, единственно истинно верное учение, то наши знания простираются в глубь веков и тысячелетий...

— На сколько?

Он покачал головой.

— Никто не знает. Все сведения только в пересказах, сами понимаете. Их записывали, высекали на каменных стенах и отливали в бронзе, но, увы, через сотни лет при новом катаклизме все вдребезги снова, то есть гибло, если доступным языком... и опять записывали только со слов уцелевших, а те могли сообщить совсем крупицы из крупиц того, что было записано раньше. И так — много раз. Память сохранила только

самые большие катастрофы... Даже самые грандиозные, меняющие мир...

Он умолк, заново переживая трагедию людей, померк, словно ощущал боль через многие тысячелетия, я сказал невесело:

— Да, всемирные потопы, что слились в коллективной памяти в один, падение астероида... то бишь Ахримана, с пылающего неба... поворот земной оси, это я к тому, что в тех странах, где было вечное лето, стала вечная зима, и — наоборот... Продолжайте, дорогой Рихтер. Простите, фон Рихтер.

— Просто Рихтер, — попросил он извиняющимся голосом. — Я же не воин, а всего лишь маг. Я давно потерял все права... Словом, что были и всемирные потопы, и падающие с неба звезды, и солнце исчезало на сто лет, закрытое песчаной бурей, что длилась эти сто лет... Был Голубой Свет, когда день и ночь весь мир был озарен голубым огнем, был Большой Лед, когда стена льда, высотой с горы, пришла с дальних морей и двигалась, затаптывая города, как слон топчет муравьиные домики... Много легенд ходит о всемирной Битве Демонов, она длилась тысячу лет, после нее мир был выжжен, люди все погибли...

— А как же... сейчас? — спросил я. На миг мелькнула безумная надежда, что могли перелететь обратно с Марса или Венеры. — Мир почти заселен...

Он скорбно покачал головой.

— Мой господин, люди в пещерах прятались всегда! А в ожидании катастроф уходили под землю все глубже и глубже. Там такие гигантские, что в одной поместится население трех-четырех королевств!.. Говорят, и сейчас в глубинах целые города. Но люди там привыкли жить без света, здешнее солнце убьет их. Люди ко всему привыкают. После Великой Битвы Демонов были еще Холодные Птицы, два всемирных

потопа, Лиловый Свет, Большая Ночь, но люди все-таки выжили. Говорят, раньше везде была разлита магия, ею был пропитан воздух, земля, камни, все-все на свете, и все люди были магами. Но потом то ли магия истощилась, то ли мы другие...

— Большой запас сил дал нам Господь, — согласился я. — И большую выживаемость. Фигня это насчет тараканов, мы живучее... Спасибо, Рихтер.

— Не за что, мой господин. Мне жаль, что не могу служить вам так, как хотелось бы.

— Ты уже послужил, — утешил я. — Насчет этой разлитой везде магии — хорошо.

— Вы думаете? — спросил он с надеждой.

— Иногда, — ответил я. — Ведь я же рыцарь, а нам думать вредно. Это разлагает стойкий воинский дух. А ты — думай. Конечно, тебе не поможет в твоих думаньях, что Земля, на которой живем, — шар, но прими это как рабочую, хоть и диковинную гипотезу. Это поможет разобраться с некоторыми непонятками в астрономии... то бишь астрологии. А магия, говоришь, совсем перестала действовать?

Он сказал виновато:

— Что вы, господин! Магия все еще чудовищно сильна!.. Просто раньше была во сто крат сильнее. И маги умели ею пользоваться. А теперь даже если вызовешь демона, не знаешь, как заговорить...

Я насторожился:

— Ты умеешь вызывать демонов?

— Одного, — ответил он совсем жалко, — только одного, господин! Будьте снисходительны, многие даже этого не умеют.

Я прервал нетерпеливо:

— Ну так вызови! Я хочу посмотреть. Что для этого надо? Кровь невинных младенцев? Летучих мышь надушить мешок?

Он замахал руками.

— Что вы, мой господин! Это все наговоры, суеверия. Чтобы вызвать демона, надо обладать знаниями многих тайных ритуалов, а также необходимыми ингредиентами. Если вы в самом деле так уж заинтересованы, то... но, надеюсь, демон вам нужен для... для чего он вам нужен?

Старик страшился меня, могучего и нависающего над ним рыцаря, хуже того — паладина, ревнителя идей святой церкви, заискивал и льстил, но в то же время, чувствуется, готов грудью встать на защиту своего дела.

— Как для чего? — удивился я. — А, ты решил, что я сразу же с копьем наперевес или с мечом в моей длинной и мужественной длани ринусь на этого демона? Во славу церкви и Господа нашего? Обижешься, старик... Я что, ношу большую табличку на груди с надписью «Я — дурак»? Нет, демон меня не страшит... хотя надо бы, но я оптимист, а что такое оптимист, как-нибудь расскажу... Демон нужен для подтверждения твоей квалификации. Хотя, может быть, сообща что-нибудь для него и придумаем.

Он вздохнул с облегчением, но сказал нерешительно:

— Я сейчас попробую. Сказать по правде, я уже и сам готовился, две недели подбираю нужные составы. Дело в том, что вызывать демона очень непросто. Две недели надо поститься...

— Ну да, — согласился я, — здесь еще нет таблеток для похудания...

Он суетливо, хоть и с усилием, двигался, что теперь понятно, две недели на хлебе и воде для немолодого организма нелегко, дряблые старческие руки передвигали колбочки и реторты, над тиглями взвивались дымки, оставляя едкие запахи, а сам расска-

зывал, рассказывал, а я дивился, пока не вспомнил, что посты известны и широко применялись еще древними египтянами и всякими греками. Просто церковь умело подобрала, облачив в христианскую символику. Маги всегда подолгу постились, это все от тех древних традиций, так что ведут они на диво правильный образ жизни. А еще помимо очищения постами и молитвами фон Рихтер одевается по-особому, настраивается на деяние, готовит свои хирургические инструменты, и вот сейчас еще и я появился, дополнительная помеха...

Он с трудом опустился на колени, но не закряхтел, пополз, вычерчивая мелом звезду, заодно сдвигая в сторону всякие мешающие предметы.

— Нужна будет пентаграмма... Уф-ф... У меня тут линии еще с первого раза... Не с самого первого, а с первой удачной... Увы, язываю уже в триста двенадцатый раз... у меня все записано... но явился на зов только четырежды...

Я присвистнул:

— Ого!.. Значит, шансов у меня почти нет? Жаль... Впрочем, может быть, я как раз окажусь дополнительным катализатором. Это недолго?.. Ладно, подожду. Я посижу здесь, в уголке, чтобы не мешать.

Старый маг зажег все свечи, пять поставил по углам звезды, другие прикрепил к стенам, свет пошел чистый, яркий, словно от мощной электрической лампочки, только запах восковый, медовый, с некоторыми примесями, я бы сказал, химических реактивов, смутно знакомых с детства.

Я поглубже сел в кресло, чтобы не отвлекать мага, перестал двигаться. Рихтер двигался посолонь вокруг звезды, старческий голос громко и как можно четче произносил заклинания, тонкие руки взлетали в повелительных жестах, широкие рукава соскальзывали

до плеч. Я морщился при виде худых изможденных рук, до чего довел себя постами, хотя, конечно, лишний вес никому не нужен, а здоровье поправил, очистился от шлаков, липоксировался...

Маг призывал, требовал, умолял, показывал пентаграмме инструменты, тигли, повышал и понижал голос...

Лицо его, и без того худое, покрывалось желтизной, на лбу выступили мелкие капельки. Голос начал подрагивать, руки в бессилии опускались. Я хотел подняться, а то старик в своем усердии дозаклинается до обморока, энтузиаст науки, как вдруг в самой середине пентаграммы блеснуло, в потолок ударила широкий столб света, словно прожектор ловил в ночном небе биплан Нестерова. Упершись широкими костищами лапами в каменный пол, возник ярко-красный зверь, высотой с кухонный стол, а в ширину... тоже с этот же стол. Ни запаха серы, ни тепла или холода — демон стоял совершенно неподвижно, круглые глаза устремлены в стену. Казалось, он не замечает ни мага, ни меня, ни вообще этого мира.

Рихтер умолк, опустил руки. Я хотел встать, однако он, не обращая внимания на демона, дотащился до сундука и сел прямо на крышку. В глазах его был триумф пополам со стыдом.

— Вот, — сказал он надтреснутым голосом. — Вот, демон...

Я прошептал со своего места, страшась сдвинуться:

— Поздравляю!.. Честно, не ожидал... А если и ожидал, то чего-нибудь типа здешних драконов. Ну, которые по столу прыгают и норовят утащить серебряную ложку, да сил не хватает... Чего-нибудь, с мизинец. И что он умеет?

Маг помолчал, сказал тоскливо:

— Не знаю.

Я не понял, переспросил:

— Как это? А что делает?

— Ничего.

— Совсем?

— Да. Постоит так, постоит, а потом исчезает.

Я покачал головой. Столько трудов, чтобы подготовиться к контакту, сам контакт удается редко, но и при успешном контакте такой облом? Тут какая-то помеха... Демон уловил сигнал вызова, потому и явился. Но привычных ему команд нет. Стоит и ждет. Если команда так и не поступает, срабатывает таймер выключения. Ну, как у электрочайника, чтобы не кипел... долго. Или как выключается телевизор, едва перестает поступать сигнал и начинается белый шум.

— И никак его к делу не приспособить? — спросил я. — Чтобы хоть с метлой ходил? Я слышал, Голем одного раввина уборкой занимался. Видать, совсем тупой был. А этот вдруг да умеет что-то еще?

Маг развел руками, вид был потерянный.

— Простите, ваша милость, что сижу в вашем высоком присутствии, но я стар, а ноги совсем не держат после двухнедельного поста. Я — ваш покорный слуга, и все, что имею, тоже ваше. Этот демон тоже ваш. Если сумеете его приспособить...

Говорил он очень смиренно, но я наконец-то уловил тщательно скрытую издевку. Все-таки чувствует себя подлинной элитой человечества, чем, без сомнения, и является, а я всего лишь гора мускулов и тупое следование мракобесным идеям церкви.

— Как? — спросил я сердито. — Как приспособить этого красного хомяка?.. Что он умеет?.. Эй, демон!.. Слушай меня внимательно... Пароль с этого момента иной. Старый отменен, отныне буду вызывать вот так...

Не придумав ничего более умного, я довольно

глупо щелкнул пальцами. Демон смотрел ничего не выражающими глазами. Рихтер хмыкнул, я посмотрел на него, на его пентаграммы, свечи, магические предметы, поспешил добавить:

— Но это пароль может варьироваться в широком диапазоне от... такого, до...

Я щелкнул пальцами тихонько, потом как можно громче, сказал торопливо:

— Сила сигнала, частота, тембр и все такое могут колебаться в пределах... в широких пределах. Но принимать отныне будешь только от меня. Запомнил?..

Демон повернул голову, я не видел, когда это произошло, хотя не отрывал от него взгляда. Только что он смотрел мимо меня в стену, я видел дыру на месте ушной раковины, в следующее мгновение его глаза смотрят мне прямо в лицо. Механический голос произнес раздельно:

— Подтвердите пароль.

Маг ахнул громче, впервые демон заговорил, хоть и на своем демонском наречии, я же воспрянул духом и сказал громко:

— Сигнал вызова вот такой... Повторяю. Варьируется в громкости от такого... до такого. Частота, тембр, амплитуда, микширование, громкость — могут колебаться на порядок. Являешься только на мой личный сигнал, все остальные — ложные.

— Подтверждено, — сказал демон.

Я небрежно взмахнул рукой.

— Программа завершена. Отдыхай.

Демон исчез. Маг смотрел на меня вытаращенными глазами. Ахнул, вскочил с несвойственной старому и мудрому человеку прытью, бросился на то место, откуда исчез демон, торопливо обвел цветным мелком круг.

— Это... надо увековечить!

— Зачем? — спросил я. — Мало ли что когда-то кому-то удалось вызвать его именно таким способом? Вряд ли его вызывали в результате именно такого долгого и сложного процесса. Просто один символ совпадал, а все остальные — ложные. Чтобы не выяснить, какие именно ложные, проще сменить код доступа. Дорогой Рихтер, вы маг или какой-нибудь там зачуханный волшебник?

В последнее слово я вложил как можно больше презрения, как только может бахвалиться новичок, что-то узнавший и теперь стремящийся похвастать своими знаниями.

Рихтер застыдился, замахал ручками, сказал виновато:

— Маг, конечно же, маг... Просто это так неожиданно... Но вы уверены...

Он не договорил, глядя опасливо на мои пальцы. Я сказал самоуверенно:

— Щас проверим!

И — щелкнул пальцами. Демон мгновенно возник в трех шагах от меня, уже вне пентаграммы, смотрел на меня с ожиданием.

— Все в порядке, — сказал я. — Проверка связи. Выход из программы. Эскэйп.

Он исчез так же молниеносно, как и появился. Рихтер стоял с распахнутыми, как блюдца, глазами и отвисшей челюстью. Я улыбнулся ему и спустился по трубе, deix ix machine наоборот. Похоже, теперь Рихтер переведет меня из класса тупоголовых героев в разряд удачливых магов.

Часть 3

Глава 1

На кухне пеклось, жарилось варилось, тушилось. Процесс приготовления пищи, так это называется по-умному, длится десять минут, но это там, сейчас это простое деяние занимает ровно три с половиной часа, так утверждают специалисты. Я же, проходя через кухню и поводя носом, могу подтвердить и добавить, что здесь этот процесс не утихает ни на минуту, разве что ночью передышка, но печи не успевают остыть, все начинается сначала: завтрак надо приготовить раньше, чем поднимутся мужчины, хлеб испечь, то да се, все готовят из свежего мяса, несчастные не знают прелестей перемороженного в холодильниках мяса...

Девушка, пышная и крепенькая, как молодой бычок, низко нагнувшись, подкладывала в печь березовые поленьица. Я остановился, застывши, полюбоваться было чем, она как ощутила, разогнулась и повернулась в одно быстрое движение, раскрасневшаяся, с блестящими глазами и ямочками на здоровом румяном лице. Низкий вырез на платье открывал два белоснежных полушария, я не пожалел, что она сменила позу.

— Ваши милости, желаете обед?.. Или что-нибудь еще?

Улыбнулась приглашающее, я подумал, прислушался к себе, вроде бы есть еще не хочется, но, с другой стороны, надо есть, когда дают, а то больше не предложат, согласился:

— Давай. Только не в танцевальном зале. Чтонить попроще. И кликни Гунтера.

Когда на столе появились широкие тарелки с мелко нарезанным мясом, а передо мной поставили жареного гуся, я объявил:

— Зигфрид и Сигизмунд — оставьтесь охранять замок. Гунтер — поедешь со мной. Как проводник, толмач и все остальное. Пора навестить мои села. Массы должны знать своего вождя и отца народа. К тому же выясним, кого взять на службу в замок. И на охрану. Еще надо отыскать умельцев, что будут делать луки.

Зигфрид и Сигизмунд покривились, уже знают, что где я, там и драка, словно драку ношу с собой, а любая драка — это шанс совершить подвиг, с другой стороны не так обидно остаться вдвоем. Гунтер же сказал осторожно:

— Но оружейник уже делает...

— Он в руководстве, — прервал я. — Или на самой завершающей операции. Производство луков надо на конвейерную основу!.. Как думаешь, наберем умельцев?

Он пожал плечами.

— Если у вашей милости есть, чем платить... а у вас есть, то народу свободного много. Отберем самых лучших.

Из конюшни выводили коней, Гунтер на всякий случай взял с собой двух воинов, непристойно-де такому сеньору, как Ричард Длинные Руки, выезжать в сопровождении одного человека. Поморщившись, я все же одобрил, в наше тревожное время совсем не

лишне послать одного вперед, а другого в сторону, либо чтоб приотстал, да не подкрадутся сзади.

У ворот целая толпа окружила тушу металлического зверя, несколько человек лупят молотами, слышится торопливая ругань, заверения, что вот уже поддается, вон там намечается трещина, еще чуть-чуть — и можно будет отдирать первую пластину, из чего же она сделана такая тонкая, но ни одной царапины, как ни лупи...

А на противоположной стороне двора, под стеной церкви, из двух огромных каменных блоков каменщики уже выдолбили по каменному корыту. Из туннельной дыры ворот, поддерживая под руки, двое вывели немолодую женщину. Я всмотрелся в нее внимательнее, сохранившую следы былой красоты и несомненного величия, словно совсем недавно была королевой. Да, и сейчас идет гордо, хотя лицо измождено, сама высохла, как палка, одежда на ней висит, а это ее, не с чужого плеча, видно, однако вместо златого пояса, что по цвету должен бы опоясывать ее стан, там веревка, простая веревка...

Пока я с недоумением смотрел на странную гостью, за спиной раздался треск, грохот копыт прогремел сухо и часто. Послышались испуганные крики. Мой конь выметнулся, как черный вихрь, быстрый, стремительный, словно перетекающий из одного состояния в другое, грива развевается без ветра, словно наэлектризованная, острые уши торчком, в глазницах плещется зловещее багровое пламя. Когда оскалил белые хищные зубы, совсем не лошадьи, даже у меня по коже пробежала дрожь.

Конь уткнулся в мое плечо мордой. Ноздри мягкие, бархатные, я осторожно погладил их, не удержался, обнял умную голову и поцеловал.

— Тебя здесь хорошо кормят?

Конюх сказал торопливо:

— Отборным зерном!.. Правда, потом...

— Что?

— Съел перегородку. Другие кони подняли шум, он ходит по конюшне и высматривает, кого бы обидеть...

Я поцеловал коня в ноздри, сказал укоризненно:

— Зачем же драться с конями? Чую, скоро придется с людьми. Или с драконами...

Гунтер и воины уже вскочили в седла, я потрепал коня по холке, засмотрелся, как женщину, держа под руки, подвели к каменному корыту. Она осторожно переступила через край, ее поддерживают так же бережно, опустилась, села, а потом и легла навзничь. Тут же подали небольшой деревянный крест, скрестила руки на груди, крест зажат в пальцах, что-то произнесла, я видел, как шевельнулись губы.

Дюжие мужики с натугой взяли второе корыто, перевернули и, подняв за четыре угла, начали двигаться, как крабы, бочком. Когда они опустили краями на первое корыто, я наконец сообразил, что это гроб, только не деревянный, а каменный. Темнеют просверленные дырочки, значит — не задохнется. Мужики сходили за цепями, снова зазвенело и загрохотало, этими цепями связывать бы Лаокоона или Святогора, но мужики с самым серьезным видом начали опутывать цепями каменный гроб. Священник сутился, как квочка, вздымал книгу, читал молитву, я слышал его патетический голос, но не разбирал слов, все вокруг крестились и клали поклоны.

Гунтер смотрел с мрачным сочувствием, я хотел спросить, что за дурацкий ритуал, неужели на спор, как Копперфильд, разорвет цепи и разнесет вдребезги каменный гроб, но оборвал себя на полуслове, многое мне кажется дурацким, не фига со своим комсомольским уставом лезть в масонский орден.

— Поехали!

Славно погуляли, как-нибудь расскажу, мы посетили все три моих деревни, одна из них даже село, но я пока не разобрался, какая именно, а спрашивать не решился, это же урон моему имиджу.

Право первой брачной ночи так и не использовал, никак свадьба не подворачивается. Деликатно выяснил у Гунтера, не думает ли народ размножаться, мне солдаты нужны, а он брякнул, что в деревнях и селах свадьбы всегда играют осенью, когда соберут урожай, обмолотят и ссыплют в закрома. Тогда делать уже не фига, вот и женятся от безделья...

Погрустил чуть, зато Гунтер набрал двадцать крепких парней для службы, нанял четырех мастеровых для выделки луков. Пообещали призвать еще и некого Джона Кленовые Руки, знаменитого умельца, чьи луки всегда нарасхват, он-де знает некие секреты, но никому не передаст...

Вернулись поздно, солнце уже село, мы едва успели пересечь мост, как погасли последние облака. Вместо пурпурного великолепия на небе выгнулась темно-синяя роскошь, звезды усыпали темный свод даже ярче, чем вчера, небо стало глубже, вогнутее, я отчетливо видел эту опрокинутую гигантскую чашу, и даже мог представить, как тяжелые края хрустального небосвода лежат на твердой земле, погрузившись в нее на десятки метров.

За ужином Зигфрид и Сигизмунд рассказали, что за время их дежурства ничего не произошло, разве что челядь осмелела, уже никто не прячется, жизнь вошла в свое русло. Зверя все-таки сумели развернуть, оружейник от счастья поет, такого прочного металла никогда не видел, обещает из отодранных пластин сделать не меньше трех-четырех доспехов.

— Отлично, — сказал я с облегчением. — А что у него внутри?

Зигфрид пожал плечами; Сигизмунд перекрестился и сказал с жаром:

— Пока еще не знаем! Там такое, такое под железной шкурой... К внутренностям еще не пробились.

— Ладно, — сказал я вяло, — все одно не зарабатывает... Малышка, как тебя, принеси еще вина! Только хорошего.

Девушка сказала застенчиво:

— Меня зовут Фрида, ваша милость. Сейчас принесу.

Зигфрид, не удержавшись, шлепнул ее по высокому заду, повернулся ко мне.

— Новые луки, признаться, бьют сильнее... Сего дня сделали первый, я испробовал. Клей еще не высох, но все равно уже бьет так бьет! И дальше, и сильнее. Даже по пальцам. Хорошее дело придумали, сэр Ричард! Если это неискушенность в воинском деле, то что тогда искушенность?

Я таинственно улыбнулся, Фрида принесла большой кувшин с вином, я поднялся из-за стола.

— Продолжайте без меня. Устал чего-то... Да и завтра, чувствую, день тоже будет непростой.

В покоях Галантлара я лег на его роскошное ложе, какое, к черту, его, теперь мое, поставив меч с одной стороны, молот прислонил с другой, рукоятью вверх. Тело наливалось тяжестью, я уже начал себе представлять, как придет Саня, я постараюсь сдержаться и не сразу грести под себя, пусть расскажет что-то еще, перед глазами замелькали первые образы, как вдруг за окном раздался неистовый вой, свист, лязг и скрежет. Я встрепенулся, меч моментально оказался в одной руке, молот в другой.

За окном коротко полыхнуло огнем. Свет слабый,

но в полной тьме спичку можно увидеть за километр, мертвенно-голубоватый свет потрепетал на стене напротив, исчез, потом еще раз, уже слабее. Снова грохот, рев, лязг, тоже намного слабее.

Я соскочил с постели, меч и молот в руках, голым подбежал к окну. Во дворе пусто, но здание церкви охвачено голубым огнем. Из окон бьет холодное пламя, церковные врата распахнуты настежь... В груди кольнуло: по двору проскользнуло одно темное тельце, другое, третье, все вбегали в церковь. Не люди, люди не бегают с такой скоростью, да еще на четвереньках...

В коридоре прогремели шаги, дверь распахнулась, с мечом в руке влетел бледный Сигизмунд.

— Сэр Ричард! — выпалил он, запыхавшись. — Демоны напали на святую церковь!

— Свят только Господь, — поправил я наставительно, но в голове сразу же мелькнули длинной ве-реницей связки таких слов, как «святые реликвии», «святые места», «святые речи». — Остальные так себе... Из-за чего?

— Так бой же за ведьму! — прокричал он. — Позвольте я помогу вам облачиться в доспехи!

— Зачем?.. В смысле, идти в церковь? Вот так, ночью, ни свет ни заря?.. Погоди, расскажи подробнее. А то я видел краем глаза, но думал, что это что-то ритуальное...

Он вздрогнул от нового дикого воя, глаза метнули безумный взгляд в распахнутое окно, быстро выпалил:

— Там же ведьма!.. Ведьма из Беркли!.. та самая!

— Ага, — согласился я. — Та самая... Ух ты, та самая?.. да быть того не может... А теперь расскажи с толком и расстановкой, без пономарства, чем она знаменита. Нет, ты сядь, успокойся. Попей воды... Эй, слуги! Не прикидывайтесь, что спите, этот вой мертвого поднимет. Я же встал?.. Ладно, помоги одеть-

ся, а затем мне вина, сэру Сигизмунду... тоже вина, гулять так гулять!

Когда я облачился в подобающие лорду одежды, заспанный слуга внес кувшин и два кубка, а потом по собственной инициативе притащил на серебряном блюде нарезанные ломти холодного мяса, полголовки сыра. Растропный малый, надо имя спросить. Я усадил Сигизмунда за стол, придержал за плечи, чтобы не вскакивал, наконец юный рыцарь, видя мою невозмутимость, перевел дыхание и, все еще округляя глаза при каждом взрыве дьявольского хохота за окном и дикого звериного воя, сказал взволнованно:

— Все знали эту богатую и знатную женщину, ибо была не просто любима всеми, но ей удавалось все, за что бралась. Вела роскошный образ жизни, ибо сколько бы ни тратила, денег меньше не становилось. Я не знаю, сколько лет так длилось, но священник рассказывал, что неделю назад ее ручной ворон, что умел говорить, закричал нечеловеческим голосом... в смысле, невороным, упал и околел. Это был знак, как она призналась священнику, что срок договора с дьяволом истекает. Начали умирать все ее родные и близкие, умерли все сыновья, а их было восьмеро, умерли две дочери, все умирали страшно, все просили ее помочь, спасти их, словно догадывались... а может, им было сказано, что это она заложила их жизни за свою роскошь и долгую молодость...

Свет за окном замигал, вой становился тише, но раздался тонкий звон туго натянутой железной цепи. Не просто звон, а звон лопнувшей цепи. Сигизмунд было вскочил, я усадил его властным жестом.

— И что дальше?

— Она покаялась, в слезах раскаялась во всех своих согрешениях, просила спасти ее душу! И тогда священник, посоветовавшись с мудрыми книгами, по-

велел обернуть ее воловьей кожей, положить в гроб и обернуть тот гроб тремя железными цепями. Вы это видели, как раз тогда садились на коней, когда поехали осматривать свои владения... Черти страшатся железа, потому и железными... Это и проделали сегодня днем, ее уложили в гроб, а гроб поставили стоймя в церкви. Священник обязался читать мессу сорок дней и сорок ночей...

— Сорок суток, значит, — прервал я, — учись говорить короче. И что за шум?.. Вот так ночью? Не могли с разборками подождать до утра?

Он вскочил, взмолился:

— Так черти же явились за ее душой! Осаждают святую церковь!.. Неужели не поможем священнику? Он же один бьется со всей оравой!

Я нахмурился, подумал, покачал головой.

— Это его профессия. Он знал, на что шел.

— А что будем делать мы?

— Ляжем спать, — решил я. — Утро вечера мудренее. Хотя при таком вое заснуть трудно... Правда, уже сталотише. Если бы я знал про эту ведьму, велел бы сжечь прямо там, на месте. Виновата она, а почему мы должны слушать это бесчинство?

Он вскочил, глаза сияли надеждой.

— Так пойдем прекратим?

Я покачал головой.

— Нет. Мы — рыцари, а не духовники. Иди отдохай. Я утром намереваюсь изволить посетить последнюю деревушку, сегодня не успел, далековато, придется выезжать ни свет ни заря. Надо отоспаться.

Сигизмунд спросил с надеждой:

— Меня возьмете, милорд?

— А кто замок беречь будет?

— Зигфрид, — ответил Сигизмунд решительно. — Он очень опытный воин! Да и легче защищаться в

крепости, чем в чистом поле. Если вы, сэр, поедете в свои дальние владения, там могут быть неприятности. К тому же вас могут подстеречь люди Волка. Я не верю, что простили вам смерть своего родственника...

Я подумал, кивнул.

— Я тоже не верю. Ладно, признаю, тогда сглупил. Достаточно было просто выпороть. И хороший выкуп взять, а потом отдать крестьянам, как возмещение. Это был бы неплохой урок... Ладно, я разве говорил, что я везде поступаю верно? Дурак, как и все. Уговорил, поедешь завтра со мной. А теперь иди спи.

Осчастливленный, он убежал, чтобы успеть выспаться и не проспать, я еще раз подошел к окну, выглянулся, но теперь свет едва заметно трепетал из окон, церковные ворота никто не ломал, уже сломаны, а из самой церкви шум и вой доносятся вполне терпимые.

— Это не моя эпархия, — сказал я себе настойчиво. — Не моя. Не моя!.. Там священник, вот пусть и дерется. У него крест и вера, то и другое — побольше, чем у меня.

Сбросил тяжелые одежды, лег и снова примостили меч и молот в прежнем положении. Перед глазами все еще нескончаемым потоком, как стая крыс, несутся эти темные существа через выбитые двери в церковь, кровь шумит в жилах, стучит в виски. Я пытался дышать медленнее, но сердце успокаиваться не желало, бухало, подбрасывало меня на ложе, гоняло кровь по большому кругу, по малому, сталкивала бурлящие потоки, я чувствовал гидравлические удары, наконец озлился, вскочил, сна ни в одном глазу, быстро оделся, лапнул меч...

— Постой, — сказал сам себе, — а что дальше?.. Пойдешь ночью по замку?.. А ты видел большую дурость?

В раздражении походил взад-вперед, прислушал-

ся к затихающим крикам со двора. Да, атака закончилась, идет вялое переругивание, что ли. Неинтересно... А что интересно...

— Как же я забыл, — вырвалось у меня.

Щелкнул пальцами, в комнате вспыхнул зловещий багровый свет, словно прямо здесь заходит огромное солнце. В трех шагах обрисовалась массивная фигура, похожая то ли на огромный рубин, то ли на раскаленный падением с неба гигантский железный болид.

Вся поверхность тела демона струится чуть-чуть, словно по ней пробегает частая рябь, из-за этого не могу рассмотреть мелкие детали, да и вообще он кажется чем-то вроде голограммы, хотя есть ощущение огромной массы, скапсулированной энергии. На миг в груди повеяло холодком: а вдруг взорвется, в нем же побольше, чем в термоядерной, это же реликт чертовой науки или магии, уже погубившей не одну эпоху...

Я на всякий случай не двигался, сам с собой я не такой храбрый, как при маге или Сигизмундре, как зовет его Зигфрид. Да и перед Зигфридом я орел, как и перед другими, они же видят молодого крепкого паладина огромного роста, я должен соответствовать, они не видят, какой я внутри...

Ну вызвал я этого, скажем, демона. Все равно, как если бы мой прадедушка сумел включить мой компьютер. Ну и что?.. Даже более того, как если бы мой комп сумели включить Александр Невский или Иван Сусанин — без разницы. Ну и смотрели бы на скринсэйсер или бэкграунд, не представляя, что делать дальше. Хотя, конечно, они твердо бы знали, что это козни дьявола и надо с молитвой разнести все топором...

Хотя я уже методом интуиции и тыка нашупал функцию управления голосом. Нет, пока не управления, а вызова. Во всяком случае, простейшие опера-

ции мог бы и мой прадедушка, начиная собственно с запуска программ, игр, смены слайдов, наговаривания текста, сменившего остоцертеvшее набивание.... Так что Иван Сусанин, повозившись достаточно долго и не сломав своими крестьянскими лапищами, мог бы включить функцию распознавания голоса, а потом пошло бы легче, ибо наверняка что-нибудь бормотал бы под нос, матерился, призывал бы Богоматерь или посыпал бы ее туды в качель, и мой комп иногда что-то да делал бы...

— Хорошо, — сказал я со вздохом. — Надеюсь, в тебя встроена защита от дурака?.. В смысле, если что-то брякну не то, ты не начнешь крушить все подряд?.. А то теперь понимаю, почему так популярны эти ужастики о големах... Не я первый, увы... Ты можешь быть чем угодно, начиная от уборщика мусора... а мусор при любом обществе будет, и чем оно круче, тем и мусорные кучи выше... и кончая суперпуперчемто... Так что давай слушай, выполняй...

В течение двух часов я велел ему убирать мусор, готовить обед, выдать мне тайны вселенной, нарисовать карты Зенера, упасть и отжаться, спеть, почесать мне спину, полевитировать, прокопать туннель от Лондона до Бомбей, поменять цвет, сказать «А», смотреть мне в глаза, скотина, назвать фирму-изготовителя, распечатать мне инструкцию по управлению...

Все это время он стоял неподвижно и следил за мной немигающими глазами. Возможно, это просто детская игрушка, а то и вовсе нечто созданное ребенком, что вообще ничего не умеет, возможно, это очень специализированный дивайс, который может сделать или даже создать чурц-пенкч, но не может уже чурц-пенкц. Я свой комп тоже настроил на команды: «Мыло», «Аська», «Алдейт» и еще с полсотни подобных, кричу их с порога, и пока меняю обувь в прихожей, комп уже проверит почтовые ящики, получит

новости, скачет или докачает нужные проги, а пока быстро поглощаю белки и калории на кухне, этот проц даже пропатчит баги в софте. Моим пнем даже мама не может пользоваться, слов таких не знает, а что уж говорить обо мне и этом «демоне»?

— Ладно, — сказал я наконец, — отпускаю... выход из программы, эскэйп!

В комнате наступила тьма, не сразу глаза привыкли к слабому лунному свету. Для тех, кто смотрел со двора, в окнах моей спальни в самом деле бушевало адское пламя.

Краем глаза ухватил изображение в зеркале. Мой двойник остановился и наблюдал за мной, наклонив голову. Лицо оставалось в тени, в таком ракурсе казалось то ли в черной маске, то ли вовсе вымазано сажей, зато белки глаз поблескивают неистовой белизной, словно у опереточного Отелло.

— Что за... — пробормотал я.

Сердце застучало громче. Я зажег свечи по обе стороны перед зеркалом, отражение сразу изменилось, стало вовсе чужим, недобрым. Я точно видел, что это уже не мое лицо, хотя не смог бы сказать, почему не мое. Чтобы стряхнуть наваждение, я взял свечу, поднял над головой. При таком привычном освещении отражение в зеркале снова стало моим, привычным. Даже когда держу свечу сбоку, узнаю себя — что значит солнечный свет или лунный, но он всегда сверху, только утром и вечером какое-то время освещает сбоку, но и к этому привыкли, тем более что освещает не совсем уж сбоку, а чуточку сверху и сбоку... но освещение снизу мое восприятие уже перестает принимать.

Я поставил свечу на стол, заставил всмотреться в свое отражение. Лицо не просто недоброе, в нем нечто высокомерное, жестокое. Я бы сказал даже — негуманное.

За спиной раздался тихий шорох. Я торопливо обнажил меч, развернулся. У окна колыхалась штора. И хотя ничто крупнее воробья не пролезет в зарешеченное окно на уровне пятого этажа, у меня задергалась щека. Я приложил к ней ладонь, тик прекратился, зато сердце начало бухать так, что во дворе вот-вот проснутся стражи.

Краем глаза уловил движение. Развернулся, уже выставив перед собой меч. Мой двойник в зеркале спрятал торжествующий оскал и нагло посмотрел в ответ. Я отчетливо видел, что он до этого улыбался, а я точно знаю, что мне было не до улыбок.

Рассерженный и перепуганный, я повернулся, осмотрел помещение, меч выставил перед собой, как если бы защищался от чего-то страшного, что бросится на меня из темноты. Выждав немного, повернулся к зеркалу. Я ожидал увидеть там поворачивающуюся фигуру, но двойник стоял, не шевелясь, смотрел на меня с презрительной усмешкой. Лицо стало еще более злым и жестоким. Тяжелые складки у губ, подсвеченные желтым пламенем свечей, просто безобразны, подчеркивают его бесчеловечность.

— Ну хорошо, — проговорил я угрожающе, — говори. Меня такими харями не напугать, Джеккил хренов.

Двойник зловеще улыбнулся. Зубы ровные и белые, но клыки явно длиннее, чем у меня. У меня, как и у всякого моего возраста, уже заметно сточенные, это у бобров всю жизнь растут и самозатачиваются.

— Что, — сказал я саркастически, — немой, значит?.. Ладно, я на языке жестов такое могу сказать, что вот прямо там от злости кончишься... Если хочешь сказать что-то умное, напиши. Возьми бумагу и напиши. Нет бумаги — пиши на стене, как в сортире, это называется граффити... Что, и писать не можешь? Так ты просто неграмотный, да?..

Он посмотрел с той же недоброй усмешкой, от-

ступил на шаг, его лицо и вся фигура начали расплываться. Шагнул еще, там колыхнулось, будто медленно погрузился в спокойную воду озера, вставшего вертикально, как будто стена оказалась из воды. Сердце колотилось часто, кровь бросилась в лицо, я зыркал по сторонам, в ладони горячо, я поднес кулак к глазам, разжал. Маленький серебряный крестик, в самом начале моего пути подаренный бедным сельским священником, разогрелся, но не от моей ладони, я же не раскаленная печь, но этот жар странным образом жег и придавал мне силы.

Я перевел дыхание, выпустил крестик, он скользнул на цепочке обратно на грудь, устроившись под таким же скромным с виду медальоном, так я его называл, а на самом деле достаточно могучим талисманом.

— Да, — пробормотал я, чтобы услышать свой голос, — это был не Нескафе... Говорят, что старость — это когда в зеркале отворачивается собственное отражение... Не принял ли он меня за Галантлара?

В зеркале было пусто. Не совсем, конечно, смутно виднеются стены, ложе, gobelenы на стене, только себя не вижу, словно стал человеком-невидимкой.

— Если ничего не отражается, — проговорил я дрожащим голосом, — значит, я неотразим. А раз неотразим, то пошли вы все...

Я не знал, кого посылаю, но голос стал крепче, а сам я ощущал себя круче. Когда посылаешь, тем самым себя приподнимаешь, я, мол, сильнее. Подумаешь, фигня какая-то с зеркалом. Ничего необычного, колдуны всегда с ними вынашиваются. Даже у нас масса примет с зеркалом, то завешивать надо, когда в доме покойник, то нельзя смотреть в зеркало, когда ешь, — счастье проешь. И пить перед зеркалом нельзя — пропьешь. А в туалете зеркало лучше вообще не вешать.

Глава 2

Ложиться как-то страшновато, но и стоять вот так голым с мечом и молотом глупо. Я оделся, чуть было не набросил на зеркало одеяло или хотя бы рубашку. Опомнился в последний момент: а кто у нас покойник? Не накличу ли беду на самого себя?

Плюнул, вышел в коридор. Лучше посплю где-то еще, а утром скажу, чтобы зеркало убрали. Далеко впереди что-то мелькнуло, я затаился, перебежал от тени к тени. Светильник дает слабый свет лишь в самом конце коридора; у меня глаза вылезали, как у рака, в попытках рассмотреть, кто же идет впереди, так я на половину сократил расстояние, на полу толстый ковер, да и некоторый шум со двора скрадывает мое тяжелое дыхание или сопение.

Наконец фигура достигла светильника, я рассмотрел, что это женщина, она тут же исчезла в тени, но я уже увереннее перешел на бег, женщин мы, самцы, почему-то не боимся, хотя самые красивые змеи — самые ядовитые, из полумрака донесся слабый вскрик. Я на ходу выдернул из металлического держака факел; другой рукой ухватился за меч, потом подумал, как-то стыдно на женщину с мечом, не по-мужски, цапнул крестик на шее.

Женщина исчезала, возникала в слабом свете, я ускорил бег, догнал, с крестом в руке и факелом в другой подошел ближе. Женщина отступала, уперлась в стену. Я сделал еще два шага. Крест в моей ладони начал нагреваться. Женщина издала слабый стон, отвернулась, не в силах выдержать вид крестика с распятым на нем человеком, прижалась лицом к стене. Я видел только коротко остриженный затылок, просто чудо в мире женщин с великолепными волосами: золотыми, черными как смоль, каштановыми, пепельными — все в крупных локонах, длинных, бле-

стящих... А у этой волосы не длиннее, чем у мальчишки-подростка, обнаженная до пояса, ниже темнеет бесформенная юбка до колен, спина худая, аристократическая, с изысканными линиями. Такие я видел только в фильмах о великосветских приемах, где молодые львицы щеголяют в платьях, обнажающих спину до самых ягодиц. У этой самая изысканная脊椎, какую только видел, а человек моего века видел не только спины всех кинозвезд и топ-моделей, но и ягодицы...

Она так и замерла, прижавшись лицом и ладонями к каменной стене. Я приподнял факел выше, крест благоразумно держал между нами. Она словно ждала, что последует удар меча между лопатками или же по голове, не двигалась, но я тоже не двигался, и тогда она медленно и осторожно повернула голову. Чуть-чуть, по-прежнему прижимаясь грудью к стене, а на меня посмотрела недоверчиво, искоса. В темных глазах проступило удивление. Лицо у нее тоже аристократические, чему я не удивился. Удивился бы больше, если бы простое крестьянское, широкое и с веснушками. Вот уж такие лица не вяжутся с обликом вампиров, это точно. Возможно, что-то у аристократов нарушилось в генном коде из-за близкородственных браков, возможно, чересчур нервная организация привела к срывам психики, хрен их разберет, этих аристократов...

— Вампирша, — сказал я строго, — нехорошо... Я — Ричард Длинные Руки, властелин этого замка и окрестных земель.

Она молчала, только смотрела на меня искоса. У нее очень красивое лицо, утонченное, изысканное, удлиненное, глаза не по-женски мудрые, в них видна, как и во всем облике, глубокая горечь и тоска. Ей пришлось полуобернуться, чтобы видеть меня, угло-

ватые плечи и тонкие руки не закрывали ее грудь, снежно белую, не знавшую солнца, с непривычно темным широким кружком на вершине.

Я опустил крест, пусть аристократка переведет дух. У нее от вида креста, похоже, начинают не то дикие головные боли, не то вообще корчи.

— Что же с тобой делать? — сказал я. — Понимаешь, я не лекарь... Как твою болезнь лечить, кто его знает. Да и никто, наверное, не знает. Знали бы, вылечили жену канцлера Алемании... это король соседней от моей страны. А так ей пришлось покончить жизнь самоубийством.

Она прошептала:

— Что делать?.. Просто убей.

— Ну да, — сказал я саркастически. — Просто — это мечом?.. А ты завтра снова пойдешь резать людей, как кур?.. Думаешь, я не знаю насчет осинового кола?..

Она сказала тихо:

— Да, осиновый кол... это наверняка. Сделай это.

Я подумал, поколебался, меч будто чуял, задвигался на поясе, напоминая, что мне стоит только опустить пальцы к рукояти.

— Нет, — сказал я, — у нас даже гомосеков не убивают, мы ж демократы! Нет, с тобой проще. Я забыл только, как это называется. Ну, в организме перестает вырабатываться гемоглобин, и человеку требуется пить живую кровь... Тебя убить, тогда надо и всех слепых, глухих, немых... У нас так не поступают, гуманизм зовется... гм... Что же придумать... Ага, вот что!.. Крестьяне соседней с Горелыми Пнями деревни... это теперь моя эпархия и под моей защитой! — жалуются, что жители земель Волка повадились отнимать у них скот, бьют их, даже похищают женщин... Обнаглели! У меня пока руки не доходят, чтобы заняться, но могу отпустить туда тебя. Понимаешь?

Она смотрела на меня с великим удивлением. Взгляд ее медленно сполз к моей опущенной руке с крестом, лицо исказила короткая судорога, она поспешно подняла взгляд на мое лицо. Ей это очень шло — взгляд искоса, с полуоборота.

— Нет.

— Ты пойдешь в их деревню, — объяснил я терпеливо. — Конечно, там не воины, но врага надо ущербить везде, где ущербится. Воинов можно загрызть еще до того, как их посвятят в это дурное дело!.. Пока они еще просто здоровенные деревенские парняги, в которых дурь играет. Мне почему-то кажется, что ты таких особенно не любишь...

Она не сводила с меня пристального взгляда. Удивление в ее глазах стало безмерным.

— Сэр Ричард, — сказала она тихо, — вы это всерьез?

— Абсолютно, — ответил я. — Ведь я властелин этих земель, а это значит, что властелин и всех тех, кто их населяет. Ты тоже населяешь, поняла?.. В электорате я не нуждаюсь, но население тратить зазря... я что, хожу с табличкой на груди; где написано, что я дурак? Ах, это уже говорил, повторяюсь... Свое население я берегу. Чужое пусть горит ясным пламенем! Вот такие у меня простые и честные двойные стандарты. Так что вот тебе мое повеление, поняла?.. Иди и подрывай мощь моих противников с тыла, аки партизанен. А к утру возвращайся. Кстати, тебя как зовут?

— Ангелина, мой лорд. Анджела.

Я покачал головой.

— Да, имечко... У твоих родителей чуйство юмора, да...

— Они же не знали, — прошептала она.

— Да, конечно, — спохватился я. — Ты была, наверное, таким же красивым ребенком, как сейчас

красивая женщина. Ладно, Анджела, в другой раз бы я с тобой пообщался дольше... конечно, приняв кое-какие меры, я ж не совсем круглый, я с выступами, но сейчас мне надо побыстрее войти... нет-нет, ты не так поняла, опусти подол! Войти и овладеть... Да опусти же, говорю! Хозяйством своим овладеть. Да не тем хозяйством, для которого придумано хозяйственное мыло... Мне надо все посмотреть, пощупать... я немножко хохол, понимаешь?

Она слабо улыбнулась.

— Понимаю. Я могла бы предложить начать щупать ваше хозяйство с меня, но, боюсь, вы не так поймете, сэр Ричард. Спасибо! Я в самом деле чувствую себя вашей подданной. Странное ощущение... Никогда никому не принадлежала.

— Не попади под солнечный свет! — сказал я ей вдогонку. — И учти, право первой брачной ночи я сегодня же аннулирую!

Она крикнула уже с нижней ступеньки:

— Я постараюсь вернуться до того, как объявят указ...

Я постоял, сожалея, что не уточнил, где прячется днем, приказал бы своим орлам там не шарить, а то сразу зарежут и с торжеством приволокут голову. Или она их обескровит, тоже убыток в живой силе.

Глаза привыкли к полутьме, я в довольно просторном зале, светильник горит над лестницей, широкими ступенями уходит вниз, на второй этаж. Под самым светильником на краю массивных перин тускло поблескивает отполированным боком неясная фигурка. У нас это обычно шары, их ставят то ли для украшения, то ли чтобы гости не съезжали по перилам, а здесь... я приблизился и рассмотрел жуткую горгону. Ах да, я же видел уже, но днем не такие жуткие, их три, одна здесь вторая на втором этаже, и одна посре-

дине. Зубы блестят, вообще не столько горгона, сколько химера с собора Парижской Богоматери...

Чуть было не пошел прямό, хотя чугунная горгона смотрит злыми глазами, но сейчас ночь, урону моей рыцарской чести не будет, если обойду по дуге и буду спускаться на второй этаж, прижимаясь к стене. Внезапно из тьмы метнулось черное, жуткое. Я инстинктивно отшатнулся, прямо перед лицом ощущил горячее дыхание. Светильник равнодушно освещал горгону, блестел на ее металлическом теле, что вытянулось в струну, не в состоянии покинуть столбик. В ладони от моего лица распахнулась пасть, огромные изогнутые зубы громко клацнули, щерились, я услышал грозное рычание и даже ощущил жар дыхания.

Я вжался в стену, горгона глухо рычала и пытаясь дотянуться, но все четыре лапы оставались вросшими в металлический постамент. Я сдвинулся по стене, привыкшие к темноте глаза рассмотрели, что горгона все еще на металлическом постаменте. Стارаясь даже не дышать, я продвинулся еще на пару шагов. Горгона осталась на месте, злобно тянула в мою сторону голову. Ноги мои уже не дрожали, тряслись так, что стучали кости, челюсть прыгала, в голове метались злые и отчаянные мысли, что за дурацкие шуточки у прежних хозяев, что за тупое чувство юмора, так же усраться можно, вот уж богатство и могущество никак не обязательно идут рука об руку с развитием интеллекта...

А может, подумал злобно, интеллект у них был в порядке, а вот чувство вкуса... Того и гляди, невидимая рука силового поля швырнет торт в морду или подбросит банановую кожуру. А потом еще и запустит подсказывающий гогот за сценой, что за дебилы, мать вашу...

Я спустился вниз, на первый этаж. Из полумрака

медленно выступала статуя. На широком постаменте высотой в половину моего роста застыла конная статуя в натуральную величину. Вообще-то я видел ее днем, но не обращал внимание, насмотрелся на многочисленные памятники конкистадорам, кондотьерам и прочим юриям долгоруким, но сейчас, в ночной тишине, когда только со двора иногда доносится сиплый вой, она чем-то привлекла устрашенное внимание. На крупном боевом коне сидит широкий в плечах рыцарь в шлеме с опущенным забралом. От левого плеча и до конского брюха опускается треугольный щит, защищая с этой стороны, в правой руке всадник в предостерегающем жесте вскинул боевой топор с хищно загнутым лезвием.

Я не мог оторвать взор, ноги мои превратились в деревянные колоды, а потом разом ослабели. Я ощущал, что еще чуть — и упаду. Этот всадник встречался мне в Галли, нет, в Алемандрии... Или в городах Скарляндров, не помню точно. Щит хорошо знаком, вот тот черный орел, что показался мне тогда гербом Чехии. Вот вмятина от моего молота, как раз между крылом и головой!.. Я хорошо запомнил тот удар...

Лунный свет озарил окружный шлем, заиграл на широких плечах, спине. Ярко засиял широкий конский круп. Вся конная статуя выкована из меди, старой добной меди, кое-где изъедена временем, это заметно, хотя явно в сплав для прочности добавлены редкоземельные элементы.

— Что за ночка, — пробормотал я. — Спит Зигфрид, спит Сиг... Или я такой умный? Только умный может вляпаться в такое, что дураку и не снилось. Нет, на фиг...

На дрожащих ногах потихоньку и полегоньку убрался из зала подальше, шел по каким-то коридорам,

пальцы стиснулись на рукояти меча так, что превратились в белые кости.

Мимо проплыла дверь, а потом еще одна. Почутилось, что за одной слабый свет, я подкрался на цыпочках, заглянул в щель. Спиной ко мне на коленях стояла девушка перед распятием на стене, что-то шептала, крестилась, отбивала земные поклоны.

Я перевел дыхание, сразу ушел страх. Девушка в испуге повернулась в мою сторону, прислушалась. Я застыл, меня не видно, я в темном коридоре, а сам залюбовался, просто молча залюбовался ее чистой девственной красотой невинности. Золотые волосы заплетены в длинную косу, что перекинута на грудь и опускается ниже пояса. Девушка одета в сарафан, с тонкими лямками и поясом под грудью, а под сарафаном на ней кофточка из белой однотонной ткани, рукава закатаны до локтей. Сарафан широкими волнами стелется по полу, я успел увидеть выступающие босые пальцы.

Она в испуге всматривалась в темноту, я не шевелился, она могла видеть только смутные очертания. Волосы не просто золотые, а чистейшего радостного цвета.

Всего одна свеча горит на подоконнике в широком медном подсвечнике. Круг света неширок, я видел только глиняные кувшины, глиняные кружки, пару деревянных ложек, большой медный черпак с длинной деревянной ручкой, медный чайник... еще видна груда краснобоких яблок в плетеной корзине, множество бересты и сухих щепок для растопки.

Она вздохнула с облегчением, никого не обнаружив, нагнулась, взявшись руками за край подола, потянула вверх, задирая платье, на мгновение скрыла голову, высвободилась, аккуратно повесила на спинку кровати. Замерев, я смотрел на ее тело. Не то что

не успел отвернуться, хотя мысль такая была, слишком уж чиста и невинна, это наши герлы довольны, когда за ними подсматривают, а эти сгорят со стыда... теперь я уже не мог оторвать взора.

У нее шесть грудей. Три пары: первая, на привычном месте, две крупные такие дыньки, с широкими розовыми сосками, еще две ниже, помельче, соски коричневые, а кончики острые, а последняя пара размером с яблочки, соски темные, почти черные, а черные кончики торчат, как ниппели. Девушка расплела косу, комната озарилась чистым ровным светом, бережно задула свечу. Теперь свет шел от волос, нежный, ласковый, теплый.

Она вздохнула, я слышал, как ее хорошенъкий ротик произнес начальные слова молитвы, потом раздался легкий зевок, тонкая нежная рука натянула одеяло повыше, до подбородка, веки опустились, и почти сразу я услышал тихое спокойное дыхание спящего ребенка.

С колотящимся сердцем я выждал еще несколько минут, потихоньку отодвинулся на цыпочках, побрел не спеша, прислушиваясь к звукам снаружи, где священник в одиночестве сражается с демонами за душу этой ведьмы из Беркли..

Прямо из стены выплыл полуупрозрачный призрак. Моя рука дернулась к крестику, но я заставил пальцы остановиться на полдороге, а затем повел руку вниз и оставил там, зацепив большим пальцем за пояс.

Призрак, что было заколебался в самом прямом смысле, словно полотнище флага под легким ленивым ветерком или отражение в озере, подплыл ближе. Он выглядел слепленным из плотного тумана, я рассмотрел грузного человека в кирасе, подобной тем, в которых конкистадоры завоевывали материки за океаном, пышные плечи, материал мягкий, рукава

широкие с узкими манжетами, а ладони широкие с толстыми пальцами. Кираса упирается в добротный пояс с множеством блях, на поясе крючки, кольца, накладные кармашки, дальше материя опускается до середины бедер, что ниже — рассмотреть не мог, там истончалось, колыхаясь, как легкий дымок, как пар над тарелкой горячего супа, да я и не всматривался, не отрывал взгляд от лица призрака.

Да, если это один из прошлых хозяев замка, то когда-то замком владели сильные и жестокие люди. Я даже теперь чувствовал на себе пронизывающий взгляд. По всему телу пахнуло холодом, глаза смотрят с давящей силой, тяжелые челюсти плотно сжаты, лицо породистое, все-таки мы недалеко ушли от общих законов природы, и люди так же, как и собаки, рождаются одни мелкими и слабыми, другие крупными и сильными, а крупные и сильные обычно становятся вожаками стай, хоть у собак, хоть у людей.

— Мое почтение, — сказал я негромко, вспомнив, что призраки не могут заговорить первыми. — Надеюсь, мой предшественник не был вашим прямым потомком?.. Если да, то я очень сожалею, но жисть есть жисть...

Призрак слегка колыхнулся, как от ветра, хотя здесь абсолютный штиль, раскрыл и закрыл рот, я видел, как он произносит слова, но ни звука не доносилось. Я развел руками, показал на уши. На лице призрака отразилась легкая досада. Не злость, не отчаяние, а лишь мимолетная досада, словно он ничего иного и не ожидал, но все-таки не мог не попытаться с новым человеком.

— Сожалею, — сказал я искренне. — Но, может быть, есть другие способы коммуникации?.. Система Брейгеля, язык жестов, а то и сильба гомеро, хореографический... в просторечии — танец пчел? Можно

феромонами, как муравьи, у них есть еще система махания сяжками, плюс тактильный язык... Да мало ли что могут общего отыскать двое мужчин... прошу понять меня правильно, по-старинному. Я имею в виду умных мужчин.

Призрак вслушивался, в лице напряжение, на туманном челе собирались морщины, а косматые брови, похожие на сосульки, сдвинулись. Глаза поблескивают настороженно.

Я развел руками.

— Сожалею, но ничего не слышу. Я не отказываюсь от контакта, будем искать новые каналы связи. Просто сейчас эскейпнемся, я пойду знакомиться с замком. Днем, знаете ли, заботы, заботы... Но над проблемой повышения порога слышимости будем работать. Может быть, дело в тональности?.. Я слышу в очень узком диапазоне, увы. Даже прекрасное, так говорят, пение кузнечика для меня всего лишь скрип, ибо две трети звуков выпадает из моей зоны слышимости...

Призрак внимательно слушал, я поклонился учтиво, обошел, хотя был соблазн пройти нас kvозь, но призрак мог расценить это как неуважение, а правило уживаемости в обществе гласит, что к любому человеку нужно относиться так, будто он хороший человек, и так поступать до тех пор, пока эта сволочь не докажет обратное. Понятно, такое правило не распространяется на гомосеков, любителей кошек и фанатов футбола, но призраки в их число не входят по определению.

Я прошел немного, преодолел соблазн оглянуться, в этот момент мимо промелькнула туманная тень, призрак легко поплыл впереди, оглянулся, сделал мне знак следовать за ним. Я замедлил шаг, сказал с осторожностью:

— Не хочу обидеть вас, благородный сэр, но благоразумие заставляет меня действовать с осмотрительностью. О привидениях ходят разные слухи, и почти все... не совсем лестные. Точнее, совсем не лестные. А если уж говорить правду, с солдатской прямотой... то лучше я смолчу.

Призрак покачал головой, на лице отразилось раздражение. Я всматривался как мог, нет нужной четкости, по которой угадываешь, когда человек врет, а когда говорит правду, в этом простом и бесхитростном обществе я любую брехню вижу за милю, нет еще нашей депутатской изощренности, но призрак, похоже, в самом деле не замышляет меня вот так пинком сбросить с высокой стены.

— Ладно, — сказал я нерешительно, — я пройду за вами малость... Но я все-таки вам не доверяю уж слишком... Показывайте, где ваш родной брат влил в ухо яд, пока вы спали в цветущем саду под соловьиное пенье... Нет? Ну и хорошо, а то я не очень одобряю кровную месть, что тянется тыщи лет, хотя, конечно, что-то в кровной мести есть, есть. Потому я, как датский интеллигент, тоже колеблюсь: бить или не бить...

Призрак прислушивался, плыл вдоль коридора, мне казалось, что он меня не только слышит, но и хрен что понимает, я же боязливо обходил по широкой дуге не только горгон, но и статуи рыцарей, даже вазы и портреты в тяжелых рамках, откуда царственные особы провожали меня недобрными взглядами.

Там мы опустились в такие дупы, что я уже начал оглядываться, трусить начал уже давно, да какого хрена изображаю героя, не спится, видите ли, юному ковбою, разлука с девкой парня мучит... и как там дальше, бесамемучка... щас тебе будет бесамемучка по полной программе...

Слабые светильники освещали только часть стены,

где прикреплены, даже не столько освещали, сколько служили ориентирами в длинном темном коридоре. Призрак внезапно остановился, быстро повернул ко мне бледное колышущееся, как в поверхности воды, лицо, что-то быстро показал рукой.

— Что? — переспросил я довольно глупо.

Из темноты прыгнуло мне на спину. Я упал, не удержавшись, но в падении захватил за мягкое, повернулся и грохнулся на него всем телом. Снизу раздался слабый стон. Привыкшие к полутьме глаза различили подо мной женщину, маленькую, ладно сложенную. Она хватала ртом воздух, я всем весом придавил ее, как асфальтовый каток прижимает бродячего котенка.

— Кто такая? — прорычал я, сердясь за свой испуг, коленки все еще дрожат, а сердце едва не выскочит.

Призрак что-то показывал руками. Я приподнялся, ухватил ее и подтащил к стене, поближе к светильнику. Она сидела, опершись спиной, смотрела на меня расширенными от ужаса глазами.

— Что? — спросил я хрипло и потрогал кончиками пальцев горло. — Не получилось?.. А хватка у тебя... нехилая.

Она прошептала:

— Убей меня, господин, быстро... Не истязай!

— Убью, убью, — пообещал я. — Ну и жилье выбрала... И как жила все эти годы? Или недавняя?

— Нет, господин, я здесь уже триста лет...

Я присвистнул.

— Нехило!.. А чем же питалась, если тут людей не было? Или заражают всякие?

Она покосилась на призрака, слегка пожала плечами.

— Хватает домовых...

— Но как ты всех не истребила?

Призрак что-то показал мне знаками, вдвинулся в

стену, исчез. Мне стало страшно, как найду дорогу обратно. Женщина снова пожала плечами.

— От этого не умирают. Поскулят малость, снова все заживает. Так и жили, гонялись друг за другом. То они меня ловят, то я на них охочусь... Убей меня, господин! Я в полной твоей власти.

А смотрит задумчивым бараньим взглядом мыслителя, белое тело выглядит безукоризненным. И сколько бы ни твердил себе, что ей триста лет, что эта как будто моя бабушка после подтяжек и пластических операций, но все равно выглядит почти прекрасной. А то, что не пытается изгибаться эротически... что здесь понимают в эротике!.. только добавляет ей прелести и симпатии.

Из стены выдвинулось нечто колышущееся, что показалось облачком пара над закипающим чайником, но это спиной вперед выдвинулся призрак. Мне показалось, что он тащит что-то, но это не пролезло через стену.

Я кивнул с великим облегчением призраку, а женщине сказал уже решительнее:

— Вот что, не мое дело вмешиваться в устоявшийся экологический баланс этого замка! Могут быть самые необратимые последствия, как говорят депутаты... Ну, это такие маги... якобы. Прибью тебя, а вдруг домовые так расплодятся, что на голову полезут?.. Нет уж, быть тебе прежним санитаром леса... тыфу, замка.

Она ничего не поняла, но когда я, кивнув призраку, сделал к нему шаг, она вскрикнула пораженно:

— Господин?

Я обернулся:

— Чего тебе, дщерь?

— Господин... ты меня не убьешь?

— Да ведь пост сегодня, — ответил я. — До первой

звезды нельзя. Я имею в виду, до первой упавшей мне на грудь.

Она сказала тихо:

— Тогда скажи, когда мне умереть.

Произнесла так просто, что я сразу поверил, у меня теперь власть над ней, раз уж сумел одолеть.

— Постарайся не помереть, — ответил я строго. — Ты отныне отвечаешь, чтобы в подземельях все было в порядке!.. Понял? Исполняй.

Открывая дверь, услышал сзади потрясенный полуускрик-полушепот:

— Господин... кто вы?

Я улыбнулся ей с самым заговорщицким видом, подмигнул и закрыл за собой. Самое умное, кстати, что мог сделать, ибо ответить на такой вопрос, ответил бы и на все жгучие вопросы мироздания. А то все эти мыслящие тростники, петухи без перьев и белковые формы мыслящей материи — ни в дыру, ни в Красную армию.

Глава 3

Воздух становился плотнее, я чуть ли не плыл в нем, как в теплой воде, я уже начал было подумывать, что хрен с ним, призраком, старость, конечно, уважать надо, но не чересчур, мой дед очень хотел, чтобы я стал плотником, а потом смог бы выучиться на столяра, так что ж, из уважения к его старости бросить на фиг свою аспиранторию?

— Дорогой сэр, — сказал я как можно почтительнее, — наше путешествие затянулось. На хрен мне... ох, что-то я чересчур часто говорю это слово, это я так нервничаю, вы же знаете, когда мужчины трусят, они, как рыбы и ящерицы, вздыбливают все перья, чтобы других пугануть... Человек без перьев прямо как жаба, потому он вот так дыбится словами...

Я начал замедлять шаг, давая призраку понять, что вот-вот повернусь и пойду, но он не оглядывался, ускорял полет, я видел далеко впереди светящийся силуэт, что уменьшался, потом застыл, поджидая.

— Щас я тебе все скажу, — пообещал я мрачно. — Хотя, конечно, сам дурак, но кто из нас признается в своей дурости?

Призрак висел в воздухе напротив двери. Это первая и единственная дверь, что я увидел здесь внизу, но не ожил, сердце, напротив, упало. Еще куда-то идти?

Призрак настойчиво показал мне на массивную рукоять в виде изогнутой дугой змеи. Вздохнув, я взялся, холод ожег пальцы. Дверь отворилась неожиданно легко и без скрипа. Я застыл, за дверью расстилается бесконечная равнина, ночь, льется мягкий лунный свет. Звезд немного, абсолютная тишина, бесконечность, а в полулиле от нас небольшой холм, на холме высится на черном коне всадник. Тоже весь в черном. Я бы не вычленил его из черной ночи, если бы лунный свет не высвечивал его беспощадно ярко, с той интенсивностью, что голова и плечи словно горят в огне. Он сидит сгорбившись, смотрит в нашу сторону. Ничего не делает, не двигается, только смотрит. Лишь однажды конь взмахнул хвостом, отгоняя слепней, но всадник не пошевелился. В его позе обреченность, покорность судьбе, но в то же время мощь, внутренняя сила.

Я зябко передернул плечами.

— И что?

Призрак указал на всадника. Я настолько отупел от всего пережитого, что бездумно шагнул в этот новый мир... и меня мягко отпихнуло обратно. Впечатление было такое, будто наткнулся на стену из плотной резины. Чуть воспрянув духом, я сделал вторую

попытку, третью, вздохнул с облегчением и с чувством выполненного долга повернулся к призраку.

Он смотрел с отчаянием, лицо непрерывно менялось, руки двигались, как у преподавателя школы для глухонемых. Я смотрел тупенько, шаркал ножкой и разводил руками. Ноу андастенд, них фэрштейн, ни фига не врубаюсь, давай, дядя, выводи обратно, я сделал все, что смог, а сделал, признай, немало...

Призрак наконец перестал двигать руками, лицо омрачилось, но вместе с тем снова стало волевым, собранным. Я видел, как он смотрит прицельно, это не понравилось, так смотрел на меня тренер, прикидывая, что можно выжать еще из этой паршивой овцы.

— Домой, — сказал я, — обратно!.. Я ж не призрак, мне спать и есть надо. И так уже спрашивают, почему у меня глаза красные и спина поцарапанная... Только веди не как Моисей, что сорок лет водил по подземельям, Иван Сусанин со своими евреями за пару дней управился...

Утром, понятно, сэр Зигфрид первым бесцеремонно осведомился, почему у меня глаза красные и спина наверняка поцарапанная, потом сэр Сигизмунд посмотрел пристально, но не спросил, почему у меня глаза красные и спина, наверное, поцарапанная, а когда я вышел к завтраку, за столом молча присматривался Гунтер, на лбу его я видел крупные пиктограммы в виде морщин: а почему у вас, сэр Ричард, глаза красные и спина поцарапанная?

Я пробурчал:

— Гунтер, хочешь, чтобы тебя всегда правильно понимали ... ничего не говори. Или ответь, что такое — недоперепил?

Он вытаращил глаза, сказал нерешительно:

— С этим... лучше к сэру Зигфриду...

Зигфрид вытаращил глаза:

— Это чтоб я да недоперепил? Ты мне смотри! Слово не воробей, так просто не отмоешься. Сэр Ричард, надо бы послать человека по соседним замкам, сообщить, что хозяин сменился.

— Зачем?

— А кто его знает... Но так делается. Принято.

Я прожевал хлеб с сыром, за это время продумал что и как, ответил:

— Кому не надо, тот уже знает. Пусть оружейники поторопятся с луками. Но ты прав, я сам нанесу визит одному... одной соседке.

Они переглянулись, лица вытянулись, Сигизмунд взорвал первым:

— Это волшебница? Сэр Ричард, она вас в лягушку!

— Лишь бы не в кабана, — ответил я. — Уллису кабаном не понравилось... почему-то. Заканчивайте завтрак без меня, я пойду проверю одну мысль, пока решимость не пропала.

Взбежал на третий этаж, в комнате, которую обозвал пунктом связи, все то же резное кресло, красиво изогнутые подлокотники, высокая спинка, созданная высокооплачиваемыми дизайнерами. Зашел с осторожностью, сел, посидел так, стараясь привыкнуть к абсурдности ситуации. В прошлый раз не особенно присматривался, чересчур прибаханный необычностью, но сейчас вижу, что-то здесь не так, что-то сильно нарушено, смешено, сдвинуто. Нам привычно, что на старинных пищалих фигуры единорогов, львов и прочих чудовищ, на щитах — замки, а доспехи вообще украшены уже на стадии литья затейливыми барельефами с мордами медведей, львов и драконов, ни одного клочка свободного пространства, чтобы без затейливого барельефа, но дико такое представить на стволе современной пушки, на броне танка

или бронетранспортера, на современном шлеме десантника.

Здесь же ощущение, что высокотехничное оборудование попало в руки рыцарей короля Артура, что на самом деле были далеко не рыцарями, они так и пишутся везде: *knights*, что нам знакомо по слову «кнехт», а это всего лишь дядя с оружием, но никак не рыцарь, так вот эти дяди почти всю высокую технологию просто изломали, остальное сожгли, а что каким-то чудом уцелело и даже продолжает как-то работать, то восхищенные мастеровые украсили этими самыми единорогами, мордами львов и гарпий. Видать, чтобы еще лучше работало.

Я огляделся, даже принюхался в поисках пятен засохшей крови. Вполне могли приносить перед каждым сеансом связи в жертву девственницу, недаром же у Галантлара такая мрачная слава, но помещение на диво чистое, на гвоздях не висят бубны шаманов, пучки засушенных лягушек, обязательные ветви омелы, как же без нее...

Со вздохом откинулся на спинку. Ничего не произошло, но я всеми фибрами существа из мира высоких технологий ощутил, как где-то замкнулись не видимые мне контакты, заработал квантовый суперкомп, а через добрые секунд двадцать в трех шагах впереди на том же месте выступил столб света. В диаметре не больше чем метр, уходит к потолку и рассеивается там, не достигая самую малость.

Долгое время ничего не происходило, я терпеливо ждал. Если у волшебницы не наладонник, то ей идти к месту вызова, а кто знает, сколько в ее замке этажей. С другой стороны, кто знает, насколько еще хватит батарей, вдруг да сядут в таком вот бесполезном ожидании...

В столбе света появилась тень, уже напряг мыш-

цы, готовясь оторваться от высокой спинки и тем самым разомкнуть контакт. Волшебница возникла бледная и полупрозрачная, как призрак, я вздохнул и стал ждать, когда развертка сигнала закончится. На этот раз в глаза бросилась черная пышная копна волос, крупные локоны падают на лоб, на плечи, скользят за спину, и вся черная ночь кажется продолжением ее волос. Краски исчезли, оставив только лиловость, губы казались темно-лиловыми, а кожа светлой, зато глаза выглядели чернее ночи.

Огонь подсвечивал ее снизу, глубокие черные тени легли под глазами, и мне казалось, что они сверху и снизу окрашены черными, как сажа, широкими дугами. Но губы ее чуть раздвинуты в улыбке.

Наконец она заблистала в true color, яркая, почти объемная. Лицо почти кукольное, с безукоризненно чистой гладкой кожей, словно покрыто толстым слоем крема, глаза загадочно мерцают, высоко подвешенные брови придают лицу глуповато-удивленное выражение, которое так нравится мужчинам и позволяет чувствовать свою значительность. Я улыбнулся ей как можно дружелюбнее, развел руками.

— Вы не поверите, но вы мне даже снились!

Она пожала плечами, во взгляде появилась брезгливость.

— Почему нет?.. Представляю, что вытворяли.

Я нагло улыбнулся.

— Пересказать?

Она произнесла холодновато:

— Меня не интересуют ваши мужские... словом, ваши. Вряд ли вы сумеете придумать что-то еще, что уже есть в очень бедном мужском арсенале. Меня интересуют области, в чем мужчины добились чуть больше успехов, чем, скажем, их кони.

Я наморщил лоб.

— Это игра в кости?.. Нет?.. Ладно, не буду гадать. Вы уже собрались в гости, леди Клава?

— Леди Клаудия, — поправила она. — Я вижу, вы времени зря не теряли.

— Да, — ответил я. — Винные погреба здесь отличные, я все проверил...

Она покачала головой.

— Не лгите. Винные погреба у Галантлара дрянные. Либо вы скверный знаток вин, либо врете. Я вообще-то полагаю...

— Что? — спросил я с интересом.

— И то, — сказала она хладнокровно, — и другое. Лучшее вино, что вы пробовали, это в солдатских бараках, винный бурдюк за медную монету. А врете потому, что всегда врете. Мужчины всегда врут.

Я развел руками.

— Вы меня опередили. То же самое хотел брякнуть о женщинах. Правда, не добавил бы, что все мужчины — подлецы. Я ведь — просто золото, уникум, почти ангел. Конечно, у меня есть что сказать о женщинах... Но если у нас такое единодушие, то, может быть, захватите свою бутылочку винца? Это будет здорово! Ко мне еще никогда женщины со своей бутылкой...

— Бутылкой? — переспросила она с недоумением.

— Простите, — спохватился я, — это такая форма кувшина.

Она проговорила медленно:

— Люди моего ранга не являются без эскорта...

Я покачал головой, уже чувствуя, что победил, надо дождаться на своих условиях.

— Какой эсорт?.. Мужчина будет лишним, я же не бисексуал, хотя признаю, у бисексуала шансы провести удачно вечер увеличиваются вдвое... Красивых девушек вы не захватите, это не в женской природе, а

старая гарпия зачем людям, которые сами давно утирают нос другим? Ваш визит останется в тайне, обещаю.

Она слушала, колебалась, но у меня создалось впечатление, что все-таки ведет игру она, а я только говорю то, что запланировала услышать. И то, что придет одна, — ясно, самой свидетели не нужны, но должно создаться впечатление, что именно я обезоружил, заставил явиться без вооруженной охраны, и теперь она полностью в моей власти. Тут-то лохи и раскалываются до тех половинок мозга, которые прикрывают штанами.

— Если в тайне, — проговорила она медленно, — и если обещаете...

— Да что обещаю, — сказал я горячо, — клянусь!

— Я приду, — пообещала она. — Но мне нужно подготовиться. Лучше завтра или послезавтра. Скажем так, на заходе солнца. Только вы должны встретить меня за пределами моста. Вы знаете почему.

— Знамо дело, — ответил я самоуверенно, а сам мысленно завязал узелок, чтобы спросить у старого мага, что за магия связана с мостом. — Я встречу с цветами. Если найду их в этом замке.

Она кисло улыбнулась.

— Не найдете. Да и зачем для очень серьезного делового разговора?.. Ладно, прощайте, сэр Ричард. На будущее хочу предупредить, мне очень не понравилась ваша развязность и несерьезность. Вы разговариваете не с хорошенькой служаночкой, на которую стараетесь произвести впечатление... вы поняли?

Я поклонился.

— Постараюсь об этом напоминать себе чаще. Но до послезавтра могу и забыть.

— Вы настаиваете, чтобы я навестила вас прямо сегодня?

— Почему настаиваю? — удивился я. — Умоляю!

Она задумалась, наморшив лобик и слегка закусив губу. После короткого размышления сообщила:

— Ждите на восходе солнца. На этой стороне моста.

Во взгляде читалось — у мужчины две головы: одной думает, другая на плечах. И одна извилина, да и та ниже пояса со стороны спины.

Свет померк, я видел, как волшебница отвернулась, уже забыв обо мне, еще до того, как связь оборвалась полностью. Но отвернулась чересчур поспешно. Так, чтобы я это обязательно заметил.

— Ладно, — пробормотал я, — еще не вечер, а только утро... стрелецкой казни? Варфоломеевская ночь уже была, утро сейчас, а что будет днем?

Стыдно сказать, но и сейчас, уже третий день в замке, представляю расположение всех помещений достаточно смутно. Упрощенно говоря, этот донжон, слово-то какое, а?.. один огромный дом в три этажа. Первый этаж можно назвать еще цокольным, под ним еще один, полувырытый в землю. Подземный гараж, так сказать, только вместо автомашин там винные бочки в три ряда, в других помещениях — окорока, зерно, мешки с мукой и прочее продовольствие, а также оружейная для наемной стражи и челяди. Мое собственное оружие хранится в личной оружейной, это комната на втором этаже, там мечей, щитов, доспехов и прочего хватит, чтобы вооружить небольшую армию.

Третий этаж — это на две трети загадки, двери по-заперты, а вышибать молотом еще не решаюсь, сперва хочу перепробовать по-доброму. Да и опасно молотом, вдруг да по капсюлю...

Я спускался по лестнице, меня окликнули, из левого крыла заспешил Марк Форстер, сенешаль. Окинул меня быстрым взглядом, сразу оценивая, в каком

я расположении духа, что говорить, а о чем умолчать, полагаю, что потому-то и надели вельможи на морды непроницаемые рожи, чтобы для них не сортировали новости, а выкладывали все.

— Да, Марк?

— Сэр Ричард, — заговорил сенешаль крайне почтительно, — я понимаю, что затрагиваю очень непростой вопрос, деликатный даже...

— Выкладывайте, — ответил я жизнерадостно. — Ничто нельзя назвать плохой новостью, пока нас не касается, верно?

Он вздохнул:

— Верно. Но на этот раз касается. Сэр Ричард, никто не сомневается, что вы — знатнейший из рыцарей, что у вас благороднейшее происхождение, но...

— Ага, — сказал я, — вот оно проклятое «но». И что же? Смелее!

— Если вы по каким-то причинам скрываете свой герб, — сказал он, — надо создать иной, хотя бы временный!.. Рыцарю без герба нельзя. Как вас опознают издали? Рыцаря по гербу встречают, а... словом, я сам, как знаток геральдики, могу помочь, но могу и порекомендовать старые книги с описаниями всех существующих гербов, а также с описаниями древних, ныне исчезнувших... Большой герб надо вывесить над входом в донjon взамен уже несколько устаревшего, вы не находите?

Я подумал, не по мне это дело, когда-то сносили церкви да двуглавых уродов, дабы заменить звездами, потом сносили звезды и дзержинских, чтобы опять менять на двухголовых мутантов, но с другой стороны — революция свершилась, узурпатор свергнут, а я новый... нет, я освободитель на белом коне... а вот издам указ, чтобы мой конь считался белым!.. и потому надо сбросить старье с парохода современности.

Сенешаль по моему лицу усек, что я почти согласен, продолжил с нажимом:

— Малые гербы потребно изготовить для залов, один во двор, где обучаются молодые воины... а также нанести герб на щит, на панцирь, на шлем...

— Только не на сиденье стульев, — прервал я. — Это так уж необходимо?

— Сэр Ричард, — проговорил он с укором. — Вы в самом деле как будто через Врата прошли... Хотя не могу себе представить страну, где к гербам с таким, не побоюсь этого слова, пренебрежением! Человек издали должен видеть, с кем имеет дело! Это помогает избегнуть взаимной неловкости в будущем... Человека встречают по гербу, а провожают...

— Ладно, — сказал я нетерпеливо, — разрабатывайте!

Он сказал нерешительно:

— Это очень деликатный процесс... Вы не хотели бы внести что-нибудь... какие-то элементы... в память о своих родителях?

Я подумал, сказал хмуро:

— Даже не знаю. Двухголового орла, что ли? Или вообще трехголового? Одна голова — хорошо, две — просто удобно, а три — уже чудо-юдо.

Сенешаль удивился:

— Зачем такой урод? Такие рождаются, но долго не живут. Обычно мрут еще в птенчестве.

— Мой жил долго, — заверил я. — Хотя, может быть, он был одноголовым, а две на старом нашем гербе потому, что пока рисовали, головой крутил?.. Две вообще-то удобно: каждая голова уверена, что думает другая. Хотя, конечно, две или даже три хорошо, а безопасный атом лучше... Кстати, можно его нарисовать. Да не орла, а этот безопасный, вот кто-то прикололся с прилагательным... Это вот так...

Мы подошли к очагу, я взял уголек и поставил тут

же на стене жирную точку. Сенешаль и пара челядинов почтительно смотрели, как я быстрыми движениями нарисовал вокруг нее шесть эллипсов, как если бы вокруг Солнца носятся шесть планет по сильно вытянутым орбитам. Так древние демокриты представляли атом, и хотя он совсем не таков, но для тех, кто в танке, вполне, вполне.

Сенешаль смотрел долго, а когда поднял голову, лицо стало очень серьезным. Глаза показались застывшими, темными, а что в них пряталось, разглядеть не мог.

— Вы в самом деле хотите, — сказал он ровным голосом, — чтобы я поместил это... это на герб?..

— Валяйте, — сказал я, хотя на душе вдруг заскребли кошки. — Это всего лишь значок моего старого-старого рода, здесь его никто не знает и не помнит, так что на меня никто не кинется с выставленным копьем, будто я претендую на его бабу.

Он кивнул, сказал негромко:

— Я все сделаю. Только вы зря рассчитываете, что этот герб никто не знает и не помнит.

Я насторожился.

— А кто помнит?

— Я видел в детстве нечто подобное, — проговорил он колеблющимся голосом, — на одной вещице. Ее доставили с дальнего юга. Говорят, таков герб древнейшего ордена Темных Паладинов. Этот орден возник очень давно, никто не знает когда, но по уцелевшим летописям известно, что о нем упоминали в Третью Войну, в Пятую, в Шестую он активно участвовал, но его уничтожили как будто бы полностью, однако между Седьмой и Восьмой снова были замечены его темные воины... вы уверены, что хотите этот герб?

На лице его было сильнейшее желание, чтобы я

отказался, но я же рыцарь, как могу, я напыжился и сказал высокомерно:

— Да, пусть будет. Но без наглости, не стоит выпячивать в самую середку. В уголочке, а в середку что-нибудь скромное... Звездное небо, к примеру.

Я хлопнул его по плечу и пошел дальше. Впереди гремело железо, слышались раздраженные вззволнованные голоса. Я заторопился в ту сторону, навстречу торопился Гунтер, за ним еще двое, оба с мечами наголо. Гунтер вскрикнул издали:

— Ваша милость! Наконец-то...

— Что случилось?

— Там в трапезной маг сидит!

— Наш?

— Да. Как он спустился, никто не видел.

— Есть, наверное, захотел, — предположил я, хотя от дурного предчувствия стало холодно. — Что говорит?

— Хочет срочно говорить с вами. Я бы повел его искать вас, но не знал, где искать.

— Верно, — сказал я, — пойдем послушаем.

Рихтер сидел в общем зале за столом для челяди, не снимая шляпы, но кто знает, что у него за обычай, или же он просто лысый и все еще стесняется розовой плеши, нас увидел с порога, вскочил, вскрикнул сразу же патетически:

— Ваша милость, над замком беда!..

— Реет?

— Нависла!

— Крылья черные? — спросил я деловито. Махнул рукой: — Да ладно, это я так. Шутю от дрожания фиброн. Сам, как собака, землетрясение чую со вчерашнего вечера. Но что именно? Да ты садись, интеллигенция!

Глава 4

Он рухнул за стол, лицо серое, усталое, веки покраснели. Возможно, даже спина исцарапанная. Гунтер рявкнул пару слов, воины исчезли, а вместо них пришли испуганные слуги, начали расставлять по столу блюда с холодным мясом, сыром, принесли вина. Я сел, кивнул Гунтеру, чтобы присоединялся. Рихтер положил на стол руки, худые, жилистые, но, судя по костям и сухожилиям, когда-то это был крепкий мужик, мог бы отличиться и среди воинов. Я ощущал некоторое уважение, ведь принято считать, что в умные идут слабые да хилые, еще туда попадают калеки, которые уже воевать не могут, а силы пока что есть, этот же сразу пошел в умные, преодолев немалое сопротивление друзей, родни, невесты и всех баб, мол, для мужчины нет ничего лучше, чем в доспехе и при мече.

— Я не знаю точно, — ответил он с напряжением в голосе. — Но это может случиться уже сегодня... Я чувствую, как магические силы сгущаются и сгущаются. Уже достигли такой плотности, что даже слабый маг может... очень многое.

— Атака магов?

Он покачал головой.

— Боюсь, хуже. Маги только прорвут занавес, что установил прежний владелец замка. Или который был здесь издавна. Может быть, изначально.

— А ты можешь оценить толщину этих защитных стен из магии?

Брякнул и сам ощутил, что брякнул, но от растерянности за что только не хваташься. Рихтер ответил серьезно:

— Велика, но не менялась сотни лет. Даже если не слабела, то и противники не спали. Сейчас готовы проломить, да, проломить. У меня мыши уже кричат,

предупреждают. Думаю, кто-то копил силы не одно столетие... Так что направлено не против вас лично. Просто вы успели нажить смертельных врагов среди соседей, маги их используют для...

Он умолк, подбирая слово, я сказал:

— Для десанта. Это и понятно, пушечное мясо. Маги придут подобрать трофеи. Но как собираются пройти по такому узкому мосту? Перебить их будет легко... Или прикроют магическим щитом? Сделают невидимыми или неуязвимыми?

Рихтер после паузы признался с явной неохотой:

— На беду, ничего этого не знаю. Могу сказать только, что защитные силы слабеют к ночи. Наиболее слабые — в момент полнолуния... В полночь. Если кто-то и попытается проникнуть, то это случится не при солнечном свете.

Я скривился.

— Предпочел бы, чтоб наоборот. Ладно, и то какая-то определенность. Ночью стражу удваивать!

Тяжелое молчание воцарилось за столом. Гунтер вдруг сказал в пространство:

— А если откроют Ворота Бальда?

Я молчал, слышу впервые, Рихтер задвигался, проскрипел недовольным голосом:

— Это все легенды.

— Но я слышал... — заикнулся Гунтер, Рихтер оборвал хмуро:

— Слухи, слухи, слухи... Никто никогда ничего не видел, а пересказывают, пересказывают! Это мечта человека о быстрых перемещениях. Идет караван из одной страны в другую, идет день, неделю, месяц, а пройдена едва ли треть пути, по дороге приходится терпеть лишения, отбиваться от разбойников, нечисти, голодать и страдать от жажды... Вот тут и рожда-

ются рассказы про какие-нибудь двери или даже ворота. Мол, караван пройдет р-р-раз и — на месте!

Гунтер буркнул все так же неприязненно:

— А как же Блаженный Олаф?.. Он когда-то жил здесь, при замке. И другие очевидцы, которых занесло в другие дали...

Рихтер отмахнулся.

— Бред. Ложь. Никто из них не перенесся из соседнего королевства, как же — проверить можно! Все почему-то из таких, о которых у нас и не слыхали.

— Но ведь рассказывают же, — возразил Гунтер. — Они ж все описывают, не сбиваются!

— Мало какой мир я могу придумать, — буркнул маг.

Лицо его на миг посветлело, потом омрачилось, словно вспомнил, где находится. Я подумал с удивлением, неужели и в таком возрасте люди могут о чем-то мечтать, грезить, создавать свои миры.

— Я б такое не придумал, — твердо сказал Гунтер. — А люди эти, что попадали в наше королевство, вовсе не маги, а простые охотники, бродяги, лесорубы. Такие даже не придумают, как отвертеться, когда жена застанет с соседкой в сарае!

Маг покачал головой.

— Когда человек страстно мечтает о другой жизни, он такое напридумывает! Тот Олаф, возможно, из соседней деревни, что за рекой, а здесь плел, что из неведомого мира под двумя солнцами и где люди летают на больших птицах!

Я сказал напряженно:

— Да, это, скорее всего, легенды, мечты... но как они звучат? Эти ворота открываются сами по себе? В пустыне, в горах или находятся в замках?

Рихтер сказал брезгливым голосом:

— Нет, до пустынь еще дурии головы не додума-

лись. Пока что помещают в замки, в развалины старинных крепостей. Мол, когда-то древние такие Двери имели в своих дворцах. Потом все разрушилось, Двери тоже под обломками, но счастливцам удается их отыскать. Некоторые сами даже не знают, что отыскали, но, пройдя через такие двери, вдруг оказывались за тридевять земель среди чудных народов, где и солнце либо зеленое или синее, либо три луны вместо солнца... Я же говорю, бред.

Один из стражников задвигался, сказал нерешительно:

— А я слышал про Ворота, что стоят прямо в пустыне. Даже не Ворота, а только столбы от них, но стоит пройти между ними, как человек сразу пропадает.

Рихтер сказал победно:

— Вот видите! Уже и до пустыни договорились. Пройдет еще пара сот лет, про Ворота тоже забудут, начнут рассказывать, что раньше передвигались совсем просто: щелкнул языком — и пжалста, в любой город, в любое село, в любое место на свете!

Я напряженно думал над своим, сказал настойчиво:

— Если это сооружение... эти Ворота древних, в самом деле когда-то существовали, то где могли расположаться? Вряд ли на башне или на стенах, там очень уязвимы. От стрел, камней из катапульт, ракеты из гранатомета, крылатых ракет... Я бы такие Ворота прятал не только от дождя, но даже от метеоритов, что падают раз в тысячу лет. И чтоб туда никто не мог попасть без позволения хозяина... то есть где-нибудь в глубинах замка, на самых нижних этажах. Скажем, прямо под спальней. С полной герметизацией, чтобы никакой радиации ни туда, ни оттуда. Это я к тому, что надо сейчас несколько человек послать на нижние этажи. По крайней мере, поднимут тревогу, если начнется что-то нехорошее...

Гунтер поднялся, на лице плохо скрываемое удовлетворение, переумничал самого мага, рявкнул:

— Ульман!.. Возьмешь Рассела и Вонегарта, втроем спуститесь в подвал. Там три двери, Рассела и Вонегарта пошлешь в разные стороны, а сам оставайся там. Если услышишь что, то не лезь драться, понял?.. Сразу беги наверх, поднимай тревогу.

Ульман сверкнул водянисто-голубыми глазами, проворчал глухо:

— А мои ребята пусть дерутся одни?

— Хуже, если всех нас возьмут в постельках, — отрезал Гунтер. — Иди! Да, еще возьми четвертого, пусть ходит взад-вперед. А сам прислушивайся!

Слуга опустил на стол поднос с хлебом, сырром, рыбой, волосы падали на лоб, закрывая лицо. Мне показалось, что раньше я его не видел, хотел спросить Гунтера, но отвлекся, а когда вспомнил, слуга уже исчез.

— Через эти двери попадали только люди? — спросил я. — Или чудовища тоже?

Рихтер смолчал, считал ниже своего достоинства говорить о том, чего нет и не может быть никогда, Гунтер ответил осторожно:

— Говорят, что и чудовища, но все-таки больше людей. И все они... гм, другие. Одеты по-другому, оружие совсем не наше... Был в старые времена дивный герой Кокацтель, он пришел из чужого мира, у него оказались настолько дивные доспехи, что, как говорят легенды, опускался и на дно рек, а когда выходил, то внутри было сухо.

Я спросил скептически:

— А дышал как?

— Доспехи заботились обо всем, — ответил Гунтер очень серьезно. — Говорят, когда весь отряд накрыла снежная лавина, все погибли, а Кокацтель,

пролежав неделю, выбрался сам. Он рассказывал, что в доспехах было тепло, а когда затем шел через жаркую пустыню, то в доспехах, как в прохладное майское утро!.. Да что там тепло или холодно, а как он уцелел в битве под Брно?.. Их корабль потопили, все погибли, Кокацетля придавило упавшей мачтой, выбраться не мог, так и ушел на дно с затонувшим кораблем. Мачта там сдвинулась, доспеху хоть бы хны, Кокацетль вылез сперва из-под мачты, осмотрелся, а что на дне увидишь? Это если неглубоко, то все видно... В темноте, будто ночью, пошел по дну!.. Да только не разобрался, в какой стороне берег, там до него рукой подать... если не пешком по морю, конечно... Вышел через два месяца наискось в Щербатой бухте!.. На нем уже ракушки прилепились, жить начали, водоросли приклеились. На берегу такой переполох был, когда зеленое, облепленное водорослями чудище вылезло на берег!.. Потом он рассказывал, какие чудеса видел, какие затонувшие корабли с сокровищами, в доказательство показывал старинные монеты, перстни, что снял с пальцев скелетов, даже кинжал немыслимой красоты взял с какого-то корабля, а этот кинжал оказался не то волшебным, не то кинжалом мага, не то вовсе чародейским...

Мне было грустно, уже понял, что речь о простом космическом скафандре с автономной регенерацией. Если в чужой атмосфере еще надо потрудиться, то на морском дне раз плюнуть разлагать воду на кислород и водород, потом лишь добавлять в кислород чуть отработанного воздуха, чтобы гомо не опьяняло, вот тебе и свежесть дыхания. Да и покрепче такой скафандр даже лучшего из рыцарских доспехов.

Рихтер сказал упрямо:

— Все равно выдают желаемое за действительное.

Сколько раз чудеса оказывались на проверку всего лишь наивной придумкой крестьян!

Гунтер указал глазами на меня:

— Вы уверены, что... никогда не встречались с людьми, прошедшими через врата?

Маг сказал раздраженно:

— Уверен. Я бы их сразу...

Он умолк и тоже посмотрел на меня очень внимательно. Я пожал плечами.

— Что вы на меня смотрите? Я уж точно ни в какие ворота не проходил. Даже в этот замок — через калитку.

Гунтер сказал спешно:

— Да, конечно. Просто то, что о вас восторженно рассказал сэр Сигизмунд, он в вас влюблен, говорит о многих странностях. Даже то, что вы явились в таких доспехах, у вас такие мечи...

— Ха, — сказал я. — Эти мечи предлагались всем проходящим! Не где-нибудь за тридевять земель, а за несколько миль отсюда. Ну, за несколько десятков миль. Сигизмунд как раз это видел! Так что нечего легендарить мое житие. Никто не рискнул взять, а я взял. Если дают, то надо брать, халава у нас в крови... В смысле, когда дают задурно.

Все смотрели молча, маг завозился, крекотнул, как просыпающаяся лягушка, заметил осторожно:

— Ну, задурно в нашем мире ничего не бывает... но я не стал бы объяснять некоторые странности сэра Ричарда его иноземностью. Скорее всего...

Он замялся, подыскивая нужное слово, я сказал раздраженно:

— Ага, теперь объясните еще мутацией! Где у меня две головы?.. Знаете что, мы должны обсудить, как лучше укрепить замок, а вместо этого с легкостью сползли на более приятную тему перемывания кос-

тей. Конечно, мужчины любят сплетничать больше, чем женщины, это факт, но не стоит этим злоупотреблять.

Некоторое время тянули вино молча, Зигфрид время от времени еще и, как говорится, закусывал, отправляя в пасть по ломтию мяса, но не будь мяса, он восполнил бы его вином.

Рихтер поинтересовался словно бы невзначай:

— А когда шли через мост, вы... в самом деле ничего не ощутили?

— Страшновато было, — признался я. — На балкон выходить не боюсь, но когда шел по такому мосту... А что надо было ощутить?

— Ну, — сказал он в некотором затруднении, — все-таки это ж Чертов Мост...

— А, — сказал я достаточно легкомысленно, — только и всего?

Он смотрел с ужасом, даже как будто бы слегка побледнел. Нет, скорее, чуточку посерел. Я ощущил некоторое раздражение, все-таки народ чересчур все принимает буквально. Эти Чертовы Мосты на каждом шагу по всей Англии, Франции, Германии, Испании, Италии, Португалии, Дании... Суворов вел свои войска через Чертов Мост в Альпах, Кутузов преодолевал их трижды, наши солдаты по дороге к Берлину прошли их сотни. И все потому, что сами люди, тупенькие и ленивенькие, привыкшие на халяву, чуть что просили дьявола помочь, а он не отказывался: находил металлы, учил плавить, варить сталь, в массовом порядке строил мосты... Мосты перебрасывал через реки, ущелья, пропасти, болота, зыбучие пески, делал их каменными и деревянными, висячими и на опорах...

— За это Господь скостит ему малость грехов, — предположил я. — Во всяком случае, мост теперь по-

служит благой... или благостной?.. цели. А зачем этот мост понадобился дьяволу?

Они переглядывались, Рихтер отвел взор, то ли не знает, то ли кастовость не позволяет обращать внимание на всякие новомодные штучки вроде христианства. Гунтер кашлянул, сказал негромко:

— Я знаю. Мост дьявол построил, как ни странно, для простой крестьянской девушки... Потом выяснилось, что она была подкинутой дочерью короля, и за нею уже ехали из дворца посланцы. Дьявол знал, что если она явится во дворец и примет корону, то его власти в этих краях конец, вот и усердствовал... Девушка пасла корову неподалеку, рвала цветы, бросала палку собачонке, что увязалась за нею, любовалась стрекозами, здесь удивительно крупные, заметили?.. Если наловить много, то можно пожарить, как кузнецов... Так вот игралась с собачонкой, ловила бабочек, как вдруг обнаружила, что корова каким-то образом забрела на другую сторону ущелья. А здесь ущелье — сами видите!

— Да, — сказал я с интересом. — И как разрешилось дело?

— А дьявол тут как тут, — пояснил он. — Он все устроил, он же сразу же явился: вроде шел мимо, видит, девушка в слезах, убивается, говорит: я добрый волшебник, хочешь, построю мост на ту сторону?.. Она, понятно, говорит, хочу!.. Он ей отвечает, что платой будет душа первого же существа, что пройдет по мосту. Она отвечает, не задумываясь: согласна, конечно же, согласна!.. Тут он и построил этот мост, по которому вы так горделиво...

— И что дальше? Кинулась она к своей корове?

Он покачал головой.

— Как бы не так! Здесь крестьяне хитрые, так просто в лапы дьявола не попадаются. Девушка швырну-

ла палку на ту сторону моста, собака помчалась за палкой.

Я кивнул:

— Да, находчивая, ничего не скажешь. Но это не все, верно?

Он грустно развел руками.

— Видишь, ваша милость уже сталкивалась с дьяволом, понимает, что обхитрить трудно. Думаешь, что обхитрил, а глядь — сам угодил в его ловушку. Он собаку не взял, так как была предана своей хозяйкой, а ее все-таки ухватил и утащил в ад, ибо предавать нельзя даже собаку, не только человека.

Я подумал, снова кивнул.

— Собаку — тем более. Собака верит искренне, чисто, беззаботно. Человек и сам иной раз предаст так, что и дьявол не додумается, а собака — никогда. Стань ты из богатого последним нищим, больным и слабым — собака все равно будет тебя любить преданно и чисто. И никогда не оставит. Так что дьявол в конечном итоге все же работает, сам того не подозревая, на Творца.

Но настроение испортилось. Я говорю правильные слова, но это относится к простым ипостасям дьявола. Когда он забирал эту красотку, предавшую собаку, он просто выполнял функции чистильщика. Так сказать, чтобы не марать руки, Господь создал дьявола. Но, похоже, Творец дал ему слишком много силы и власти. А сам дьявол взял ее себе еще больше, пользуясь излишним демократизмом или чем там еще Господа. Со мной встречался не этот деревенский монстр с рогами, со мной говорил Талейран высшего класса, умнейший стратег, который пальцем не шевельнет, чтобы самому тащить душу в ад, будь это душа короля или самого Папы Римского...

Я взглянул на опускающееся багровое солнце, от-

ряхнулся, посмотрелся в зеркало. Двойник добросовестно копировал все мои движения. Я попробовал делать резкие рывки, отворачивался, пытаясь застать его врасплох, но отражение не глючило. Довольный, пригладил волосы, выгляжу ничего, ведь если мужчина чуть красивше обезьяны — уже красавец, то я вполне, чуть ли не мистер Вселенная.

У ворот, в позах римских патрициев в турецких банях, стражи лениво бросают кости. Завидев меня, поднялись, изобразили рвение, крепкие мужички средних лет, еще не поддатые, но, судя по продувным мордам, к утру их можно будет вязать, как веники. Надо сказать Зигфриду, чтобы перекрыл канал поставки этой наркоты. Я не мусульманин, но часовых, что пьют; надо казнить сразу. Вешать прямо на воротах, чтобы все видели.

Я еще издали сделал знак, чтобы отворили дверцу. Они заколебались, но послушались, только один спросил, запинаясь:

— Ваша милость, вы... наружу?

— Да, — ответил я. — Что-то восхотелось прогуляться по мосту. Настроение такое, я поэт в глубине души... наверное. Талантливый. Самородок.

Тот же стражник спросил еще нерешительнее:

— Вас сопровождать?

— Не стоит, — ответил я, сразу услышал вздох великого облегчения, видно, шла карта. — Я же не в бой, где свистят стрелы и поют мечи в бранной... да, в бранной. Не в смысле мата, хотя, конечно, брань она и есть брань... В небе луна такая молодая, что ее без спутника и выпускать рискованно, перед такими, как вы, морды... Но вернусь скоро, так что если придется долго биться головой в ворота...

— Что вы, ваша милость! — заверили уже оба в

один голос. — Глаз не сомкнем! Но панцирь для прогулки на вас больно легкий...

На мне даже не панцирь, а кираса, только они такого слова еще не знают. Панцирь и панцирь, именной панцирь, самого Арианта, того самого. Из какого металла, не знаю, но легок так, что я перестал замечать, одеваю, как жилетку. Зато в спину не дует.

Я ступил было через туннель, передумал, вернулся и пальцем подозвал ближайшего стражника. Тот сорвался с места, я поразился, с какой легкостью и небрежностью это проделал, а ведь он постарше меня вдвое, видать, я вошел в роль феодала, отца своей маленькой нации. Хотя нет, я с самого начала чувствовал полное превосходство над всем и всеми, ибо старше их всех, здесь у меня ощущение, что именно я прожил тысячи лет, знаю все наперед, хотя на самом деле что я знал наперед? — но эти ощущения позволяют мне держаться с поистине феодальными замашками, говорить авторитарным голосом, раздавать приказания.

Стражник подбежал, придерживая рукой болтающийся на бедре меч, на лице готовность выполнять все, что бы я ни приказал. В этом обществе верность сюзерену — все. Это воспевается, это пиарится, этим хващаются и гордятся.

— Да, господин?

— Что там внизу? Туман всегда закрывает дно ущелья?

Он покачал головой.

— Нет, господин. Сейчас такой сезон. Но если спуститься ниже, то можно увидеть все внизу. Только делать этого не следует.

— Почему?

Он пугливо бросил взгляд в сторону, снова посмотрел на меня, уже с нерешительностью во взоре.

— Нехорошее место. Мы не зря так высоко. А внизу всякая дрянь...

— Монстры?

— Там река, господин. Мелкая, злая, горная река. Камни, пороги, водопады. Но среди них живут всякие... В тихом озере, где всего вдосталь, меньше всякой живности, чем там, где все ревет и клокочет. Ума не приложу, почему.

Я подумал, милостиво отпустил его взмахом феодальной дланi.

— Ладно, возвращайся на вверенный тебе пост.

Прошел через каменный туннель, ветер сразу попытался сдунуть с моста. Я понимаю, что такого здоровенного и тяжелого, да еще в панцире, даже не покачнет, но страх сразу заполз под кожу и распустил поганые лапки. Ноги ступают по камню, но я слишком ясно представил, что эти камни хоть и скреплены как-то, но на них действует гравитация, а пропасть бездонная, в буквальном смысле бездонная, туман на закате еще гуще, темнее, там внизу уже ночь, я буду падать туда, как в космос...

Потом мост начал раскачиваться, я решил, что это я сам раскачал его, как раскачивает рота солдат, шагающая в ногу, недаром же перед мостом подается команда: «Сбить шаг!», и хотя это выглядело глупо, я пару раз останавливался, делал вид, что любуюсь заходящим солнцем, затем шагал снова, уверяя себя, что мост уже успокоился.

Внизу все так же мрачно и мощно ревет скрытый туманом невидимый поток. Иногда взгляд вроде бы что-то выхватывал, вычленял, фигуры выступали пугающие огромные, я видел лоснящиеся мокрые спины, но туман сдвигался, спины расплывались на клочья или полосы, все брехня, однако ухо в самом деле пару раз уловило мощное полукваканье-полурык.

Глава 5

Всадника, вернее, всадницу, я увидел издали: легкая, почти мультишная лошадка цвета закатного солнца несется в мою сторону настолько легко и красиво, почти не касаясь земли копытами, что в черепе защевелились мысли насчет колдовства и прочем мракобесии. За всадницей все разевалось: с головы тянеться по ветру длинная голубая лента, с шеи — голубой шарф, тоже легкий, воздушный, ветер треплет длинные рукава голубого платья. Даже у коня развеваются грива и хвост, трепещут уши.

Я раскинул руки, выражая восторг, всадница перевела коня на шаг, подъехала ближе. Поводья держит уверенно, легкая тонконогая кобылка производит впечатление пылающей печи, я только взглянул в горящие огнем глаза, пламень заполняет глазницы, кивнул, понятно, дама явилась на бронетранспортере, взялся за стремя и преклонил колено, выставив другое, как ступеньку.

Волшебница, ничуть не удивившись, благосклонно сступила, легко коснувшись пальцами моей головы. В темени возникло сладостное ощущение, восхотелось, чтобы эти пальчики почесали, перебрали волосы, покопались в ушах, но волшебница уже на земле, я поднялся, возвышаясь над нею почти на голову, посмотрел сверху вниз...

Голубое платье под цвет глаз, орнамент золотыми нитями, и глубокий вырез на платье, настолько глубокий, что если пожмет плечами, эти две опрокинутые чаши, довольно крупные, из нежнейшего белого фарфора, увижу полностью. Я промычал нечто нечленораздельное, сказал хриплым голосом:

— Леди... вы очаровательны...

Она усмехнулась, наморщив нос.

— Когда я увиделась впервые с прежним владельцем

цем замка, он точно так же восторгался моей лошадкой.

Я в удивлении бросил взгляд на ее конячку, что застыла, как будто вылеплена из темно-красной эпоксидки. Блестящая такая, тонконогая, созданная руками очень умелого дизайнера с отменным вкусом.

— Лошадкой? — удивился я. — Что в ней такого?.. У меня таких табуны... А вот вы, леди Клаудия, меня повергли к вашим... ага... повергли. Но в прошлый раз у вас, мне кажется, были зеленые глаза?

Она дерзко усмехнулась.

— Женщины любят меняться. Якобы чтобы нравиться мужчинам, но это брехня. Мне самой это нравится.

Я взял ее под руку, коня в повод и повел через мост. Кажется, угадал, на мосту явно заклятие, чужой волшебник не пройдет и не проедет, надо мое прикоснение.

Леди Клаудия шла рядом притихшая, как примерная школьница. На каблучках, слышу по стуку, но все равно ей приходится смотреть на меня, как я смотрю на вершину дерева, и уже от злости начинает накаляться втихую.

— Вы видите, — сказал я светски, — как мудро построен мост? Поперек ущелья!

Она не сразу врубилась, что это шутка юмора, даже удивилась, посмотрела на меня так, словно я еще в состоянии сказать и умное.

— Вы бы построили вдоль, верно? — спросила она, улыбаясь так любезно, что у меня пальцы зашевелились схватить ее прямо здесь на мосту.

— Я бы засыпал ущелье; — сказал я гордо. — Трупами врагов! И всяких там драконов! Вас драконы не одолевают?

С высоты моего роста так хорошо смотреть в вы-

рез ее платья, что я даже забыл, что мост раскачивается, как на аттракционе воздушная лодка.

— Драконы? — спросила она удивленно. — А вас?

— Еще как, — ответил я.. — Стоит на столе появиться сладкому пирогу, как тут же... Один вообще обнаглел: толстый, как шмель, а все жрет, жрет... Скоро летать не сможет, носить его придется!

Она засмеялась, красиво запрокидывая голову, горло создано для поцелуев, да и ваще я вспомнил, что совсем уж оподвижничился, только о Родине и Родине, да еще об Отечестве, ничего о себе, родимом, пора пусть не оторваться, то хотя бы расслабиться...

Я сказал:

— Не скажу, что в этом замке нечем заняться, но все же так хочется, чтобы проснулся, а мне прекрасные женские руки завтрак прямо в постель...

Она вскинула высокие брови.

— В постель? Может быть, все же лучше в тарелку?

— Простите, я хотел сказать, что... гм... просыпаюсь, а вы сразу подаете на тарелке что-нибудь вкусненькое...

Она кивнула, ничуть не удивившись.

— Понятно. Я согласна. Вы, значит, будете спать у меня на кухне, где вам, собственно, и место.

Когда прошли туннель и оказались во дворе, она легко, но настойчиво высвободила локоть из моих пальцев. В ее красивых глазах на миг успел увидеть глубоко запрятанный триумф. Провела как лоха, сейчас даже поколебалась на миг, не стоит ли сразу показать этому высоченному болвану, кто хозяин положения, но явно решила поиграть, кошка, значитца, улыбнулась и посмотрела вопросительно, а это так здорово, когда очаровательная женщина смотрит снизу вверх большими синими глазами, такими чистыми

и невинными, что самому сразу хочется все отдать ей и попросить позволить служить ей до гроба.

Стражи смотрели на нее во все глаза. Я видел, как опасливо попятались, многие крестились, сплевывали, отводили глаза. Я спросил любезно:

— Отобедаем в главном зале? Или в малом?

— Лучше в малом, — ответила она. — Мы ведь поговорим наедине.

— Отлично, — согласился я. — Ничего, если вашу кобылку поставят с моим конем? Она как будто с ним одной породы!

— Ставьте, — согласилась она. — Однако породы... разные.

— Вы о безрогости? — догадался я. — Так олениха или лосиха и не носят рога! Это наша привилегия, мужчин.

Она хитренько улыбнулась, я сообразил, где сам себя наколол, выругался молча, поклонился, она не сдвинулась с места, я с запозданием сообразил, что моя гостья здесь не бывала, сам пошел сбоку, указывая, куда двигаться, где поворачивать, но не притрагиваясь к ней.

Перед входом в донjon я остановился и сделал приглашающий жест, пропуская ее вперед. Она не поняла, остановилась, брови удивленно приподнялись:

— Что-то случилось?

— Я галантен, — объяснил я, — пропускаю даму вперед.

— Зачем? — удивилась она. — Чтобы рассмотреть, какая я сзади?

— Настоящий рыцарь, — объяснил я, — всегда пропустит даму вперед! А вдруг впереди собака?

В донжоне она с любопытством осматривалась, я сам постарался взглянуть ее глазами, но получалось плохо. Я кое-как мог взглянуть глазами, скажем, Си-

гизмунда, на его взгляд, здесь превосходно, пахнет властью и богатством, но кто знает, как оценивает волшебница эти поскрипывающие ступеньки, эти неуютные каменные стены из громадных глыб, где в нишах стоят полные рыцарские доспехи, где светильники огромные, из позеленевшей меди, пахнет дорогим маслом, не горелым рыбьим жиром, как в бедных лачугах, на втором этаже вместо рыцарей в нишах дорогие расписные вазы, мне почему-то хочется назвать их китайскими, стены завешаны гобеленами с изображением драконов, рыцарей на вздыбленных конях, а когда вошли в зал, там на стенах уже настоящие ковры, толстые, на коврах мечи, топоры, кинжалы, алебарды.

Она взглянула на меня вопросительно, я спросил:

— Можем отобедать здесь... но если хотите... в моих личных покоях...

По ее пухлым сочным губам пробежала едва заметная улыбка.

— В ваших покоях, — ответила она легко. — Конечно же, в ваших.

Я указал путь, она переступила порог, на мгновение застыла, осматриваясь. А смотреть есть на что: комнатка как раз такая, что годится для спальни, в углу обычное ложе без спинки, посреди комнаты стол и два легких кресла. На полу гигантская шкура, я слаб в зоологии, по мне, эта просто медвежья.

— Да, — протянула она, — устроили вы... гм...

— Что, — спросил я, — все страньше и страньше? Вы, кстати, животных любите?

Она удивилась.

— Это как понимать, вы мне предложение делаете?

— Я бы не осмелился, вот так сразу... без пробных испытаний...

— Тогда не волнуйтесь, я ем все.

Я с самым довольным видом развел руками.

— Вы меня поняли правильно. Насчет вина все понятно, я столько выпью, просто интересовался на-счет вегетарианства.

— Я ем все, — повторила она, — но здесь я, как вы понимаете, не возьму в рот ни крошки.

— Ни... чего не понимаю, — признался я честно. — Почему ничего не возьмете? Вот прямо так ничего-ничего? А я уж размечтался... Фантазии у меня, знаете ли! Делайте скидку, я же не маг, всех ритуалов не знаю, с бубном не пляшу, мухоморы не ем. Я пала-дин, у меня честное вино, обычная еда, простой хлеб. Если хотите, могу прочесть молитву, а молитва убивает на корню всю магию, как пятновыводитель в Виллебаджио.

Я отодвинул ей кресло, она села, лишь потом я сел напротив. Слуга появился тихо и бесшумно, расставил по столу серебряные тарелки, которые точнее бы называть мисками. В воздухе потекли ароматы хорошо и умело прожаренного мяса, запахло возбуждающими аппетит травами. Клаудия поглядывала на меня искоса, что-то быстро просчитывала, видно по ее нахмуренному лобику.

— Если хотите правду, — сказала она, — то вы угадали. Вы очень странный человек, сэр Ричард.

— Да? — спросил я с интересом. — Где же я про-коловся?

Она покачала головой.

— Слова какие странные... Но я улавливаю их смысл. Вы даже не обратили внимание на то, что я верхом. Ладно, в вашей стране женщины тоже ездят... может быть, не только в повозках, но вы не обратили внимание, я специально наблюдала за вами, на мою посадку!.. А так ездят только мужчины. Вы провели меня через мост, охраняемый заклятиями, вы прове-

ли меня в самое уязвимое место замка... Что случилось, сэр Ричард?

Я широко улыбнулся.

— Ну не могу поверить, что вы, такая очаровательная, вот так просто возьмете меня и удавите!

— Сэр Ричард, внешность женщины — тоже оружие.

Я сказал легкомысленно:

— Я готов... эта... быть сраженным вами. Уже раздеваться?

Она сказала серьезно:

— Даже не мечтайте. Я прибыла с очень серьезным делом. Когда-то Галантлар сумел перехватить у меня одну вещь. Я ее долго искала, нашла, оставалось только добыть... я почти преуспела, но он явился на готовенько и успел выхватить у меня из-под носа. Я полагаю, что она должна принадлежать мне.

— Скажите, что это, — предложил я. — Обдумаю, возможно, и... я ведь человек где-то глубоко внутри очень добрый и отзывчивый. Если мне не нужно, всегда отдаю. Недорого. За смешную цену. Дешевле только даром.

Она внимательно рассматривала меня.

— Сэр Ричард, — повторила она, — кто вы?..

— Сэр Ричард, — ответил я твердо. — Если хотите, произведен в рыцари не после бдений и молений в часовне, а на поле брани, чем горжусь. И нисколько не стыжусь своего простолюдинства.

Она не спускала с меня изумительных голубых глаз.

— Я заметила, что не знаете многих тонкостей рыцарского обхождения с дамами. В то же время такая изумительная галантность... врожденная, что ли?

— В школе был урок этикета, — ответил я. — За-

долбали, лучше бы на права сдал. Так что за штука понадобилась для хозяйства?

— Пока не могу ответить, — произнесла она медленно. — Все-таки я человек осторожный...

Я раздвинул губы в усмешке.

— Настолько, что не пытаешься вот сейчас превратить меня в лягушку?

Она смотрела на меня прямо и серьезно.

— А я уже попыталась. Только вы даже не заметили моей попытки. Кто вы? Даже самый могучий чародей ощущил бы...

— Как вам это вино? — спросил я. — Терпковато, на мой вкус. Не по-мужски, признаю, но люблю сладкие вина. Хотя «люблю» не то слово, скорее — предпочитаю... Все мужчины говорят, что любят сухое вино, классическую музыку и худых женщин, на самом же деле эти брехуны предпочитают, ну, вы знаете... Ладно, отвечу. Я не чародей, не маг, не колдун, если вас интересует именно этот аспект. Я — паладин, а мы, паладины, к чарам восприимчивы только к женским... хотя нет, к чарам — всего лишь рыцари, они за бабами куда угодно, а я только за истину, вещь ценная, недаром еще Пилат ее искал. А против чар, даже женских, мы иммунны. Наша святость нам защищкой.

Я орудовал ножом и двузубой вилкой, великое облегчение, на севере до вилок еще не додумались, она присматривалась, как я с ними обращаюсь, в глазах удивление переросло в изумление. Когда подняла на меня взгляд, на ее лице было уже настоящее смятение.

— Паладин, — повторила она, — вот уж... никогда в жизни не встречала паладина!.. Рыцарей — множество, но не паладинов...

Голос ее погрустнел, стал задумчивым, но я видел по ее глазам, что она судорожно ищет другие вариан-

ты. Пока покусывала розовые губки в задумчивости, я тихонько любовался ею. Такие женщины никогда не сдаются, редкий экземпляр, сильная и волевая. Мужчин, естественно, ненавидит, потому что все видят в ней только смазливую бабенку, это оскорбляет до слез, особенно когда уже знает себе цену.

— Попробуйте птичку, — приговаривал я. — Хрен ее знает, что это, но мне понравилось. Дрозды, на-верное. Или скворцы?.. Никогда не думал, что их тоже едят. Крабов ел, осьминогов ел, креветок и лангустов всяких, но чтоб бедных скворцов...

Она посматривала исподлобья, в глазах возник вопрос, но быстро опустила взгляд, я буквально видел, как она смахнула все вопросы, помимо главного: как заставить меня покориться, как вынудить сдать ей замок со всеми старыми сокровищами, подвалами, подземельями.

— Умная женщина, — сказал я искренне, — это как дирижабль...

— Что? — переспросила она подозрительно. — Никогда не видела никакого... как вы говорите?

— А я видел только на рисунках, — вздохнул я. — Но ведь был же!

— Мало ли что было, — отрезала она. — Мы имеем дело лишь с тем, что есть.

— Да, вы правы, — согласился я. — Мужчины слишком залетают в мечтах, а женщины — практики. Вы практик, да?.. А я вот романтик. И как романтик практику говорю с надеждой, что вот вы одна, я один...

— А почему один? — спросила она чисто по-женски.

Я вздохнул.

— Не знаю. На женщин у меня аллергия, друзья, как вы знаете, бывают близкие, далекие и недалекие, и хотя человек человеку гусь, свинья и товарищ, но я

так никого и не успел... В смысле, подружиться не успел. Но почему-то уверен, что вот с вами...

Она сказала суховато:

— От уверенности до самоуверенности всего один кубок вина. Я прекрасно помню, как хорошо начинал сэр Галантлар! Он был храбрым и отважным рыцарем, а, захватив замок и прочитав кучу умных книг, стал еще и умным, захотел изменить мир. Потом стал мудрым и вместо того, чтобы менять его, изменил себя. Так в мире стало одной сквачью больше.

Я хотел что-то сострить, у нас на все есть готовые шуточки и приколы, но она говорила очень серьезно, и вот так брякнуть что-то стебовое показалось неуместно, что ли. Хотя в моем прошлом обществе как раз любая умная мысль выглядела неуместной, а вот стеб — круто, клево, рулез...

— Да, — сказал я и вздохнул: — Да...

— Что да?

— Да, говорю, человек слаб. Даже, когда силен, слаб. Может быть, еще слабее, когда сильнее... Я не слишком умно выражаюсь? А то я сам не понял.

— А я поняла, — сказала она. Поправилась: — Вернее, почувствовала. Вы очень сложный человек, сэр Ричард... Я бы хотела с вами, ну, не дружить, вы все сразу понимаете как-то однобоко, а... заключить союз, что ли? Я могла бы вам чем-то помочь. К примеру, у вас, теперь уже у вас, целый склад Древних Вещей, что достались еще прежним владельцам замка. Галантлар не успел просмотреть и десятой части. Я могла бы вам помочь разобрать их, распределить, отделить полезные от бесполезных...

Я покачал головой.

— Нет.

Ее щеки окрасил румянец, глаза сердито заблескли.

— Почему?

— Я кое-что наслышан о нравах волшебников и волшебниц. Правда ли, что вы никогда не встречаетесь друг с другом, а если такое случится нечаянно, даже не подаете друг другу руки?

— Ничего странного, — огрызнулась она. — Подать руку — передать часть силы. Вам могу подать, да и то с опаской, вы тоже, хоть и клянетесь, что не маг, но можете повампирить... Однако я же к вам пришла? Напрасно так уж страшитесь допустить меня в свои нижние этажи.

Я хмыкнул.

— В свои я бы допустил. Даже с удовольствием. Но в нижние этажи своего замка... зачем? Вы все еще не принесли мне присягу верности.

Она зло оскалила мелкие ровные зубки, надо признаться, великолепные, блестящие и ровные.

— Это у вас такие шуточки? Ладно, сделаем вид, что это у вас не страх, вы все так чувствительны к сомнениям в вашей доблести... Это у вас предосторожность, верно? Мудрая предосторожность?

Интонацией и каждым словом она била польному месту, как полагала, но я-то из мира, где к женщинам относятся всерьез, и я не чувствовал стыда за предосторожности. Она уловила непонятки, вздохнула, в голосе прозвучала искренняя безнадега:

— Так что же, не покажете?

Я подумал, сказал осторожно:

— Знаете ли, все-таки надо сперва лучше узнать друг друга...

Она вздохнула, огляделась по сторонам.

— Это у вас спальня, да?

— Можете раздеваться, — пригласил я. — Только что это изменит? Я христианин, а христианство впервые разделило человека на две половинки. Духовную

и телесную, если не слышали о такой новости. Как бы телесная ни балдела на вашем, безусловно, роскошном теле, но у христиан плоть... словом, несколько ниже головы и сердца. Решения принимает голова.

Она смотрела исподлобья, буркнула:

— Сердце.

— Что? — переспросил я.

— Сердце, говорю, принимает.

— А-а-а... ну, я такой паладин, у меня несколько иной устав. Сердце, так сказать, вырабатывает общую линию, генеральную, а голова уже прет по ней с барабанным боем. Голова мне говорит, мол, что вы мне можете предложить на наших с вами общих нижних этажах, я могу получить от любой служанки... как и вы от любого вашего конюха.

Ее щечки вспыхнули алым, удивительно, она все еще не утратила способность краснеть, глаза засверкали неподдельной яростью, уже набрала воздуха в грудь для вопля, я тут же засмотрелся на ее грудь, вдруг да выскользнет из выреза, она перехватила мой заинтересованный взгляд, открыла рот... неожиданно засмеялась.

— Вы откровенны. Вы чересчур откровенны!

— Это я такой честный, — скромно признался я. — Сердце на рукаве, душа нараспашку, все выболтала без всякого психоаналитика и сыворотки правды, только правильно спрашивайте.

Она смотрела пристально, я чувствовал, как в ней нарастает напряжение, словно у борца, что нагнетает в мышцы кровь, переполняет адреналином, чтобы мощным рывком ошеломить противника, сбить с ног, одержать чистую победу.

Сердце тревожно тукнуло, я поспешно щелкнул пальцами. На миг до затылка пронзило ознобом: вдруг не получится, но полыхнул пурпурный свет, комната

озарилась радостным огнем, словно прямо за окном разгорелась заря. В трех шагах возник, как раскаленная глыба железа, красный демон. Тело по-прежнему словно бы струится, но в то же время есть ощущение, что этот голем весит целую гору.

Я сказал строго:

— Стань невидимым и присматривай за моей госпостью. Чтобы никто ее здесь не обидел, понял?.. Ни суккубы, ни инкубы, ни отморозки. Но если она хоть словом или жестом вздумает мне нанести вред, то... словом, сам знаешь, я тебе уже говорил. А теперь иди.

Я щелкнул безымянным, голем исчез. Леди Клаудия расширенными глазами смотрела на то место, куда он провалился, потом перевела взгляд огромных испуганных глазищ на меня.

— Вы... вы...

— Да, — сказал я любезно, — это я.

— Но вы же... паладин!

Я расправил плечи, посмотрел на одно, на другое, выворачивая шею, как скрипач, согласился очень довольный:

— Еще какой! Я вам нравлюсь, да?

Она смотрела с прежним испугом.

— Паладины должны бороться со всеми проявлениями... словом, со всеми!

Я кивнул, сказал размеженно:

— Паладины, как сказано в уставе, не сражаются на стороне Добра или Зла, они боятся за истину, за справедливость. Можно даже с прописных букв. Вы грамотная? Как насчет читать-писать?.. Извините, я думал, что вы только красивая... Но тогда знаете значение прописных букв. Я вот именно за Справедливость с большой буквы.

Она покачала головой, я засмотрелся на бледное взволнованное лицо, слишком чистое, чтобы истолковать как растерянность, как и то, что все-таки пы-

тается собрать свои деморализованные и разбегающиеся войска.

— Но все паладины понимают...

— Однозначно?.. Не совсем так. В каждом ордене свой устав. Я не считаю, что поступаю неправильно или несправедливо, пользуясь услугами големов, драконов, эльфов, троллей, подземных рудокопов, проникателей и...

Она откинулась на спинку кресла, краска медленно покидала ее лицо. Я, конечно, загнул насчет всего этого зверинца, вон даже голем только и умеет, что появляться по сигналу и пропадать, но умный игрок сумеет воспользоваться и такой картой, как Миклухо-Маклай пользовался затмением солнца, уверив туземцев, что это он его гасит.

— А кто такие проникатели?

Ее голос был слабенький, и, пожалуй, я ее придавил, как сапогом жабу. Ладно, как красивую молодую лягушечку.

— А, — сказал я небрежно, — есть такие, что проходят сквозь любые каменные стены, любые магические защиты... Толку от них мало, драться не могут. Разве что шпионят... Кстати, вы подсказали хорошую мысль. Где, вы говорите, ваш замок?

Она резко вскочила.

— Вы не посмеете!

Я удивился.

— Почему!

— Вы... вы же паладин!

Я покачал головой, плечи мои раздвинулись, я сказал хвастливо:

— Да, паладин, а не какой-то задрипанный рыцарь, что слагает сонеты в честь бабс. Паладин верно служит Истине, как я уже сказал, Справедливости, а бабы... это так, мелочи. Бабам пусть служат, как вы верно сказали, простые и простейшие рыцари. Бабам

служить — ума не надо... Но вы правы, что-то нехорошее в том, чтобы посыпать проникателей в ваш замок. Мы же не враги, верно?.. Если проникнут случайно в вашу спальню, то это еще ничего, посмотрю с удовольствием... Вот видите, какой я честный, во всем признаюсь! Но если застанут вас в отхожем месте, когда вы, с выпученными глазами и покрасневшим лицом...

Она вскрикнула негодующе:

— Прекратите!.. Вы... вы даже не паладин! Хорошо, вы доказали, что вы — сильнее. Что хотите теперь? Да, я ваша пленница. Что вы хотите?

Я сказал галантно:

— Что вы, что вы! Это я ваш пленник. Ну-ну, не всерьез, конечно, а чтоб приятно для ушей. Льстивое слово даже мужчинам приятно, а уж вам...

Она смотрела с восхитительной ненавистью. Мои глаза, надеюсь, смотрят в ответ чисто и честно. Галантность галантностью, я еще и не то скажу, все умеем бабам говорить приятное, чтобы шибче раздевались, но это только говорить, а наяву я хрен кому дам сесть себе на шею и свесить лапки. Бабы — тоже люди, а людю могу по сопатке, если увижу, что он собирается замахнуться.

— Значит, — спросила она с дерзостью отчаяния, — вы по крайней мере меня... выпустите обратно?

— О чем разговор! — воскликнул я. — И даже не надругаюсь над вашей невинностью! Я ж паладин, а это накладает моральные обязательства. Как рыцарь, я вас считал бы слабой бабой и слагал бы вам... словом, слагал. Как паладин, я вас чтю и считаю за человека, хоть и при вторичных половых признаках. Человека я могу и меж ушей, не то что бабу, которую нельзя и пальчиком, чтоб потом не было мучительно стыдно.

Глава 6

На ее открытом лбу пыталась проявиться морщинка, результат мучительнейших раздумий, не лучше ли прикинуться просто бабой, ведь красивая же, неужели этот лох не клюнет, не развесит уши, не потечет слюной, тогда его можно и расколоть до самого места, которым думает... но это ж так противно — прикидываться бабой, терпеть щупающие руки и даже хихикать, жеманничать и улыбаться, как будто млеешь, как будто это нравится, когда этот дурак сопит и никак не может распутать шнурковку на груди...

— Поздравляю, — сказал я.

— С чем? — спросила она испуганно.

— С решением.

— Да? А какое решение я приняла?

— Правильное, — одобрил я. — На фиг мне еще одна баба? Вон их сколько бегает на кухне...

Она взвилась, глаза свернули зелеными молниями:

— Я не ровня кухарке!

Я выставил перед собой ладони.

— Я разве такое сказал? Конечно же — нет. Но ваше тело не... не в такой мере отличается от кухаркиного, как содержимое вашей черепной коробки от кухаркиного... содержимого. Говорят, что с умной женщиной днем — тяжело, а ночью — просто невозможно, но это для конюхов и тяжело, и невозможно. Мы же могли бы пообщаться на любом уровне.

Она спросила подозрительно:

— Вы имеете в виду уровни магии?

— Нет, я скорее об общечеловеческих ценностях.

Сейчас все рухнулись на общечеловеческих, а они... Не слыхали? Да это все просто: один пророк заявил, что все ценное, что нас объединяет, оттуда, сказал и указал пальчиком в небо. Второй чуть опустил ладонь и похлопал себя по лбу: нет, отсюда. Пришел третий

пророк, который и создал христианство, опустил ладонь еще ниже, к сердцу. Мол, любовь нас объединяет и все такое. Четвертый мудрец опустил ладонь еще ниже...

Она смотрела с недоверием, следила за моей ладонью.

— Это что же, нас объединяет желудок?

— Да, — ответил я, — как общечеловеческая ценность. Но пришел пятый мудрец и опустил еще ниже...

Она сказала поспешно:

— Не опускайте! Нас это никогда не объединит.

— Нас, — уточнил я, — это человечество или нас с вами?

Она посмотрела с отвращением.

— Ни человечество, ни нас с вами. Если вы в самом деле не собираетесь меня держать в качестве пленницы, то я хотела бы отсюда убраться.

— Я понимаю вас, — ответил я. — Но, леди Клаудия, мне нужна полная инфа, что вы хотели добыть в этом замке? Что именно вас сюда привлекает? Тянет? Ради чего все-таки пошли на риск, ведь риск был, вы его чувствовали... и все-таки рискнули?

В ее глазах вспыхнуло изумление.

— Так вы... даже не знали?

Я молча полюбовался ее смятением, на ее бледных щеках расцвел ярчайший румянец, глаза заблестили, а дыхание стало прерывистым.

— Нет, — ответил я откровенно.

— Какая же я... — прошептала она в отчаянии. — А я решила... я пришла либо взять, либо выторговать... Вы просто дьявол! Если бы я знала, что вы даже не знаете, что именно искать...

— Так скажите, — предложил я. — Все равно не знаю где. Это не замок, а какой-то таможенный терминал с конфискованной контрафактной продукцией!

Всю жизнь можно рыться, и хрен что найдешь. Хрен — это такой овощ.

— Магический? — уточнила она.

— Да, — ответил я, — в определенных случаях.*

Ее глаза стали острыми, лицо же, напротив, застыло, окаменело.

— Почему вы решили, что я вам вот так все и выложу?.. Может быть, я пока еще и сама не знаю, что я хочу?

— Ого, — сказал я, — настоящий мужчина — тот, кто хочет все, а настоящая женщина — та, которая не знает, чего хочет. Так?

Она просияла.

— Точно! Какой вы умный, сэр Ричард!

— Когда мужчине говорят, что он умный, это значит, что другого такого идиота найти трудно. Леди Клаудия... видите, как уважительно произношу ваше трудновыговариваемое имя? Так во мне и норовит Клавой назвать, но я с первого раза запомнил! Это значит, что вы хоть и блондинка, но... либо крашеная, либо мутант. Потому я к вам со всей серьезностью, прошу и вас так же ко мне. Я понимаю, в рыцари принимают здоровых, а с таких нечего спрашивать, как с умных, но я тоже немножко двухголовый... в смысле, мутант. Так вот как мутант мутанту и говорю: леди Клаудия...

Я замолчал, посмотрел ей в глаза. Она слушала зачарованно, словно я прямо на глазах творил колдовское заклинание.

Я покачал головой.

— Леди Клаудия... Вы признаете, что мы — враги, по крайней мере — противники. Или хотя бы соперники. Вы шли сюда с явной целью завладеть реликтом, а для этого вы, не задумываясь, раздавили бы меня, как таракана. Ну что для вас еще один мужлан

в железе?.. Несмотря на это, я восхищаюсь вами и готов вас проводить до ворот. И даже за мост. Вы понимаете, что даже для рыцаря бывает чересчур... а я не простой рыцарь, а паладин, что уважает женщин не только как красивых дур, но и как людей. А это значит, что и спрос будет, как с людей. Вы догадываетесь, что это значит, верно?

Наши взгляды встретились, мой — прямой и жесткий, а ее — трепещущий, избегающий прямого контакта.

Она спросила враждебно, но в голосе звучало отчаяние:

— То есть вы готовы относиться ко мне как к мужчине?

— Как к человеку, — уточнил я. — Не делая никаких различий. Не унижая вас снисхождением, якобы необходимым для слабого пола. Относясь к вам со всей жесткостью, как... как вы готовы были поступить в отношении вашего покорного слуги... Это я о себе. Ну это такой речевой оборот, не принимайте всерьез! Это я галантность выказываю. Нет, я вовсе не намекиваю на пыточные подвалы, это было бы свинство и оскорбление для человека вашего высокого ранга волшебницы. Но вот позвать голема...

Она вскрикнула испуганно:

— Нет! Не надо. От вас, продавшего душу дьяволу, можно ожидать любого свинства.

Я поклонился, скрывая улыбочку. Пусть обвиняет, обзываются, обличает, надо позволить ей хоть в чем-то иллюзию победы. Конечно же, не ей говорить о дьяволе и вообще о новой религии Христа.

— Я слушаю, — напомнил я.

Она вздохнула, нервно облизала губы. Взгляд ее затравленно метнулся по сторонам, вдруг да в послед-

ний миг придет спасение, но тут же погас, словно опасаясь наткнуться на ужасного демона.

— В древних летописях, — сказала она поникшим голосом, — есть упоминание о кольце богов...

Она умолкла, вновь облизывая разом пересохшие губы. Я сказал, стараясь поддержать и направить разговор:

— Кольцо богов? Почему богов? Боги, как вы знаете, почти не вмешиваются в жизнь людей. И почти не появляются. Так что если и есть кольцо богов, то для людей оно, скорее всего, бесполезно.

Это была провокация, довольно грубая, но этот мир еще не дорос до Талейрана или нашего президента, ее хорошенъкий ротик открылся в искреннем возмущении:

— Бесполезно? Да трое или четверо героев сумели завладеть этим кольцом! Завладеть и воспользоваться!

— Как? — спросил я в лоб.

Она пожала плечиками.

— Я же сказала, до нашего времени дошли только обрывки, да и то не подлинников, а пересказы пересказов... И все изложено тем языком, как любят изъясняться и наши знатоки: умно, заумно, возвыщенно и очень туманно, чтобы звучало значительнее. Так что толкования самые разные, в том числе и самые бредовые.

— Какие?

Она снова пожала плечами.

— Что это кольцо дает власть, богатство, силу, долгую жизнь... Ну, все зависит от того, кто толкует. Молодые уверяют, что кольцо дает власть, а старики утверждают, что кольцо обеспечивает владельца бессмертием, уроды говорят, что кольцо способно преобразить человека в красавца... и вообще трансформировать в любое существо по его желанию. Каждый

толкующий древние откровения толкует их по-своему. У меня они переписаны все в том виде, в каком дошли до нас...

Пауза ее была говорящей, я кивнул, сказал:

— Если пригласите, то как-нибудь воспользуюсь вашей любезностью и посмотрю подлинники. По крайней мере те, что дошли из глубин веков. Но кольцо, как я понимаю, даже если оно ковалось вовсе не на палец человека, все-таки не с мельничий жернов?.. Я имею в виду, что отыскать его непросто даже в одной комнатке, а в этом замке я до сих пор еще не знаю, сколько их!

Она скрупульно улыбнулась, но в ее глазах мелькнул триумф.

— У вас есть еще множество подвалов. Я слыхала о них... многое.

— Что?

— Многое, — повторила она. — Что туда стаскивалась вся рухлядь, которую удавалось добыть или захватить в течение веков. Там завалены огромные подземные залы.

Я покачал головой.

— И как вы сами намеревались найти?

Она скрупульно усмехнулась.

— Не знаю. Но я человек везучий. Надеялась, что если у меня нет чутья на оружие, доспехи и коней, то, есть на хорошие украшения. А кольцо все-таки украшение. Оно должно быть очень красивым! Я просто почувствовала бы, где оно затаилось.

Она поглядывала с беспокойством, на лице все больше отражалась покорность судьбе, у самых губ появилась скорбная складка, она даже окинула меня тем женским взглядом, когда прикидывают, что ждать в постели, будет ли партнер груб и напорист или же

впадет в другую крайность и начнет изо всех сил демонстрировать знания из брошюрок по петтингу.

Мне стало неловко, я торопливо поднялся.

— Я вижу, что вы беспокоитесь, не сбежало ли у вас молоко. Если вы еще не надумали со мной порезвиться в койке....

— Спасибо, — ответила она осторожно, — я очень ценю ваше предложение, но...

— Понятно, — ответил я, — у вас не те дни. Но как-нибудь в другой раз, верно? Для цвета лица, типа?

Она поднялась, на лице отвращение, а в глазах вообще омерзение и минус двести семьдесят три по Цельсию. Я поспешил вскочил, мы же, паладины, вежливые, поклонился, подал ей руку калачиком. Она поколебалась, наконец осторожно сунула узкую ладошку в кольцо, стараясь не прикоснуться, словно со всех сторон торчат острые, как бритва, ножи. Я сделал шаг, ей все-таки пришлось опустить пальцы на мой локоть, это оказалось нежнейшим прикосновением, я даже смутно ощутил очарование, что-то колыхнулось в моей мохнатой душе, идет рядом притихшая, смирененькая, маленькая, хотя не такая уж и маленькая, если брать вообще, но я со своей акселерацией здесь типа гиганта, плюс витамины и полноценное питание, так что если там я был чуть ли не хиляк, то здесь еще тот мордоворот, загодя дорогу уступают, едва только увидят меня впереди, мою благородную осанку и надменно выдвинутую челюсть.

Мы красиво спускались по лестнице, внизу Сигизмунд и Зигфрид, Сигизмунд в восторге распахнул глаза, я видел, как по губам леди Клаудии скользнула довольная улыбка, а Зигфрид чуть подпортил, громко икнув от удивления и присвистнув. Леди Клаудия нахмурилась, он понял и виновато пожал плечами, мол, всего лишь хороший воин, галантности не обучен,

хотя ради такого дела обучился бы и на задних лапах ходить. Я покачал головой, показывая, что зря поздравляет, никакого дела не было, даже не пошупал, он сделал большие глаза и недоверчиво сощурился.

Так же в молчании вышли во двор, конюх вывел лошадку леди волшебницы. Лошадка выглядела взлохмаченной, дышала часто. Клаудия встревоженно вскинула брови, я сказал поспешно:

— Это с моей конячкой резвилась... Не волнуйтесь, он ее не обижал. Ну, разве что... она у тебя моло-денькая или тоже волшебная?

Она сердито сверкнула глазами, но предпочла не ответить, молча встала на мое подставленное колено, легко вспорхнула в седло. Я взял за повод и повел через калитку. В темном туннеле судорожно вздохнула, я громко заговорил, нес какую-то чушь, наконец вышли на мост, копытца стучали звонко, красиво, мелодично.

Огромный купол неба стал лиловым, нечеловеческим, далекие горы тоже полиловели, тени легли иначе, обрели странные очертания. Даже кровавый закат почти ушел, от великолепия багрового неба с горящими громадами облачных гор остались только гаснущие полосы.

За спиной звонкий стук, словно веду не коня, а олененка с серебряными копытцами, с обеих сторон моста снизу тянет холодом и влагой, доносится глухой однообразный рев.

Звонкий стук оборвался, мы сошли с моста, я щелкнул пальцами. Вспыхнуло пурпуром, демон возник на строго отмеренном от меня расстоянии, все те же три метра, прямо передо мной.

Я сказал предостерегающе:

— Что-то заметил?.. Ого!.. Ладно, стань невиди-

мым и бди в оба. Чуть что, сам знаешь... Сразу же, как я и предупреждал...

Снова щелкнул пальцами, демон исчез. У леди Клаудии лицо стало пепельным, только ее красивая лошадка не повела глазом, словно насмотрелась в детстве на этих големов до самого не хочу.

— Нужны ли, — проговорила она с усилием, — эти предосторожности?.. Слуги, они, знаете ли, бывают чересчур усердны. Могут не так понять, не так истолковать, захотят выслужиться... Ладно-ладно, я вижу, что не отмените. Вы, мужчины, бываете слишком уж...

Предусмотрительны, подумал я мстительно. Признайся, голубушка, собиралась же, едва минуем мост и моя власть якобы ослабеет или вовсе исчезнет, шарахнуть меня, как толстого кроля, между ушей. Так что демонстрация моих мускулов весьма кстати.

— У меня бдительные слуги, — сказал я, словно извиняясь. — Уж простите... Он мог бы и сразу со всей дури, тогда бы от здешних мест осталась бы только глубокая огнедышащая яма с оплавленными краями. Но все-таки спросил!

Ее лицо из пепельного стало серым, побледнело, но румянец так и не появился. Она глубоко вздохнула, смиряясь с неудачей, но ведь и то хорошо, что выскользнула целой, обвела лоха вокруг пальца, ведь мог бы оставить у себя и глумиться, гад, мужчины все такие, так что все еще удачно, спина выпрямилась, вздохнула снова, уже не так тяжело, спросила странно напряженным голосом:

— Сэр Ричард, взгляните на горы...

Я вздрогнул и замер, ибо далекие вершины исчезли, там исполинские фигуры мужчин, женщин, видны вскинутые крылья, женщина показывает красивой рукой вдаль, двое мужчин смотрят в ту сторону, я засмотрелся на дивную форму руки, в меня вошла ее

безукоризненность, как входит в душу прекраснейшая и редкая по силе музыка, и в голове промелькнуло, что архитектура — это застывшая музыка, сердце начало стучать чаще...

За спиной прозвучал голос:

— Видите?.. Да, по вас заметно...

Я спросил хриплым, осевшим от волнения голосом:

— Что это?.. Откуда?

— Смотрите, — велела она, — смотрите, сэр...

Я смотрел, и вдруг все исчезло, лиловые горы медленно темнели, покрывались ночной тьмой. Я судорожно вздохнул, голос с лошади прозвучал тихо и печально:

— Это длится недолго... а видеть можно только отсюда. Что это? Я думала, вдруг сумеете...

— Что? Пообщаться?

Она ответила с неприязнью:

— Мужская реакция. Я имела в виду просто ответить.

В ее голосе звучала тоска, безнадежность и даже некоторая ревность, что прекрасная женщина, указывающая мужчинам вдаль, сохранит свои тайны, свою красоту.

— Сейчас не сумею, — признался я. — Но мы, мужчины, стремимся ответить на все вопросы. И для этого можем забраться в пасть самому дьяволу.

— Успеете ли? — спросила она безнадежным голосом. — Говорят, в мире появился Антихрист. А это должно случиться только перед близким концом света.

Я покачал головой.

— Не верьте. Богу самому интересно, чем это все закончится. Кстати, не знаете, что у меня там под мостом? Этот чертов туман раздражает, хотя я и не ежик. Надо бы выбрать время и спуститься, проверить опо-

ры. Если нужен ремонт, то подсуетиться вовремя, не рухнуло бы...

Она подъехала к самому краю, бесстрашная, у меня уже по всему телу холодные мурашки, повела рукой и сказала длинную фразу на певучем щебечущем языке. Я осторожно приблизился, там, в ущелье, не просто туман, а уже и темно, вечер, однако сам туман начал таять, истончаться, испаряться, словно под жаркими лучами солнца, одновременно светлело, будто в ущелье светит полная луна.

Стена напротив обнажалась все больше, туман оседает, оседает, вверх ползут выступы, каверны, трещины, я как будто опускался взглядом, в груди все теснее, это же настоящее Дарьяльское ущелье, нет, намного глубже... обнажились блестящие от воды валуны, показались пенистые струи.

Широкий ручей, от стены от стены, прыгает по камням, взбивает пену, останавливает течение бешеными водоворотами. Под самой стеной на большом камне я рассмотрел далекую фигурку женщины.

Женщина сидит спокойно, рука ее время от времени взвивается в знакомом жесте, но я сообразил не сразу, что она попросту кормит рыб, бросая им то ли хлеб, то ли мотыля. Позабыв о леди Клаудии, я не мог оторвать глаз от этой женщины. Вся из быстрых водяных струй, брызг, а тело ее, покрытое крепким солнечным загаром, такого же цвета, как и светло-коричневые камни, по которым бежит и прыгает эта резвая вода. У ее ног крохотная радуга, я таких крохотных не видел, даже не думал, что такие возможны, но я и драконов размером с толстую мышь не видел, многое не видел, так что лишь стоял с открытым ртом, смотрел, щелкал хлебалом, любовался.

Над головой раздался насмешливый голос:

— Сэр Ричард, что вы за паладин, что ни разу не перекрестились?

— Может, еще и молитву? — огрызнулся я.

— А почему нет?

— А вдруг она исчезнет? — сказал я сердито. — Леди, не провоцируйте меня!.. Людей я всяких видел, а вот такую женщину...

Из груди моей вырвался глубокий вздох. Рядом переступили по камню копыта.

— До свидания, сэр Ричард, — прозвучало сверху ледяное. — Встреча с вами была... весьма поучительной и полезной.

Кобылка сорвалась с места, простучала дробь копыт, красное с голубым стремительно уменьшилось, исчезло. Когда я вернул взгляд к женщине в ущелье, там снова был туман, а темнота грызла даже перила моста.

Глава 7

Я сидел, задумавшись, за столом, по стене замелькал, как мне показалось, солнечный зайчик. Потом я сообразил, что сейчас ночь, леди Клаудию я проводил часа два тому, светильник у стены едва горит, какой там солнечный зайчик, повернул голову, но светлое пятнышко уже исчезло. Я придинул карту и попробовал снова нанести хотя бы примерные очертания известных мне королевств. Получалось плохо, географ из меня хреновый, тогда просто нарисовал круги и написал на них: «Галли», «Алемандрия», «Сакрант», но эти королевства расположены даже чуть севернее, чем Зорр, а вот южнее окажутся Скарлянды, Варт Генц, Бриггия, Горланд, Гиксия, Готия... Все равно у меня географический идиотизм, если карту повернуть в другую сторону, тут же заблужусь...

Светлое пятнышко мелькнуло снова. Посышал-

ся едва слышный тоненький-тоненький голосок. Он показался мне детским. Я замер, а потом резко повернулся в другую сторону.

Прямо в воздухе висел, перебирая прозрачными крылышками, крохотный человечек. Этакий мальчик-с-пальчик, весь полупрозрачный, словно из ту-мана. Засмеялся, я услышал тоненький вскрик:

— Поймал, поймал!

— Поймал, — согласился я. — А раз я тебя поймал, то давай рассказывай, кто ты. И откуда взялся?

Ребенок, а это ребенок, словно бы даже сконфузился, сказал стыдливо:

— Не могу... Лучше спроси у мамы.

— А кто твоя мама?

Он засиял серебристым смехом:

— А, это ты так шутишь! А я не понял!.. У вас, людей, странное чувство юмора...

Он летал кругами, кувыркался, подпрыгивал в воздухе, наслаждаясь свободой, смех звучал чисто, по-детски, я все больше убеждался, что это почти младенец, только смышленый младенец. И все зубы у него на месте, если я правильно истолковал его широкую улыбку.

Мне стало жарко от внезапно прихлынувшей мысли, я сказал осипшим голосом:

— Ты можешь попросить маму, чтобы она сегодня пришла ко мне?

— Ты должен звать сам, — ответил он.

— Да, понимаю... — сказал я. — Хорошо, спасибо!

Ты подсказал неплохую мысль. Ладно, лети играй!

Он сделал кувырок через голову, явно бахвалясь высшим пилотажем, и послушно вылетел в распахнутое окно.

Санегерийя могла и не явиться, не каждую же ночь, это в шестнадцать лет без нее не обходилось, но себя

уже знаю, нажрался перед сном жареного мяса со жгучим перцем, пряными травами, что воспламеняют кровь, лег, укрылся одеялом потеплее, и сон пришел яркий, эротический, Санегерийя не появилась откуда-то, а сразу оказалась в объятиях.

— Погоди, — вскрикнул я, — погоди!.. Мне нужно обязательно узнать... Скажи, это было уже на твоей памяти: где спрятал прежний владелец кольцо богов? И что это за кольцо богов?

Я старательно отстранялся от нее, сочной, сдоброй, с пышным зовущим телом, а в теле уже зарождалась горячая волна. Саня сказала задумчиво:

— Да, знаю... Прежний владелец им не пользовался, не знал секрета...

— Отведи меня к нему! — попросил я.

Она засмеялась.

— Не дотерпишь. Весь горишь, в твоих чреслах огонь, что сожжет тебя... Я пришлю нашего сына. Он проведет тебя. Спасибо тебе, такой славный ребенок...

Я задохнулся от подступившего горячего чувства, торопливо ухватил ее, даже не успев ничего правильно, оргазм сотряс меня, впрочем слабенький, как и всегда при поллюциях, но сон оборвался, я брезгливо перекатился на неиспачканную половину постели, хотел было снова провалиться в сон, но воспоминание о сказанном заставило широко распахнуть глаза. Сон слетел, как сдернутое рукой старшины одеяло.

Она сказала, что тот крохотный светящийся ребенок — наш ребенок? Она, значит, забеременела от меня тогда, когда мы с сэром Гендельсоном ехали к монастырю монахов-воинов, родила, и теперь я — отец этого светящегося чуда с крылышками? Ни фига себе финт ушами. Но лучше помалкивать, а то меня даже благочестивый отец Дитрих отправит на дыбу, а

потом на костер. За усиление противника и увеличение его поголовья.

Светящийся огонек влетел в окно, быстрыми кругами прошелся над кроватью. Я ошалело осмотрелся, потом вспомнил, ах да, этот мотылек, будучи ребенком от такого странного мезальянса, в состоянии находится в обоих мирах. Хотя, наверное, возможности его ограничены, но все-таки...

— Мама тебе все сказала? — спросил я.

Он сделал кувырок через голову, крикнул хвастливо:

— Красиво получается?.. Да, мама сказала, куда тебя отвести. Сейчас пойдешь?

— Да, — ответил я торопливо. — Да!..

Он закружился по комнате, показывая, то какую скорость может развить, то делал петлю Нестерова, бочку, иммельман, даже штопор, я не выдержал и подхватил у самого пола:

— Разобьешься, дурачок!

На пальцах осталось ощущение прохлады, словно подержал замерзшего и почти невесомого котенка. Светлячок тут же выпорхнул с веселым смехом.

— Ага, испугался?..

— Еще бы, — ответил я сердито. — Тебя как зовут?

— Еще никак, — ответил он. — Мама сказала, что имя придумаешь ты.

— Ого, — сказал я невольно. — Это непросто..., Ладно, пойдем, буду по дороге думать. Случай не простой, это не какого-нибудь негра назвать Ваней, а пса Мудозвоном, чтобы все мужчины оборачивались... Ты ж не совсем негр, хоть пятая графа у тебя еще та... Мулат, метис или просто гибрид — это не важно, лишь бы человек... гм... хороший, а уж мы с мамой тебя, лягушку, воспитать сумеем, по струнке порхать будешь, Отче наш и Устав молодого бойца без запинки чтоб...

Он кувыркался, не слушал, а я торопливо оделся, руки дрожат, сам не понимаю, что плету, ошалев от такой новости, лишь не молчать, не так дурь будет видна, главное же говорить глубокомысленно, раздумчиво, с паузами, морща лоб и двигая бровями. В окно смотрит глухая ночь, острый луч рассеянного света падает через всю комнату наискось, и когда мой летун пересекал его, тельце вспыхивает, искрится, словно внутренности из одних снежинок.

С разгону налетел на светильник, но увернулся и пролетел над ним, я раскрыл рот, чтобы заорать, обожжешься, дурилка, крылышки на огне тю-тю, это не пальчик обжечь, но призрачный ребенок даже не заметил огня, хотя на огне светильника можно печь яйца и плавить железо. В самом деле, мелькнула мысль, он одной ногой в том мире, другой в этом: может появляться и наяву, но не сдвинет здесь и пушинку. Но это и хорошо, зато никакая пушинка не сдвинет и его...

Я ощущил облегчение, удивился, не проявление ли родительских чуйств, не рано ли, сам еще не вышел из молокососного возраста. В нашем времени можно и до старости остаться ребенком, таких никто идиотами не называет, у нас политкорректность в ходу, это называется сохранением идеалов детства до глубокой старости, должно вызывать восхищение.

— Все, — сказал я, — готов!

Молот на поясе, меч за плечами, кинжал в ножнах, амулет и крестик на груди, я подумал, что бы взять еще, почему-то страшновато вот так по замку, хоть и своему, но это такая шутка юмора, насчет своего, это не совсем свой, если я в постель беру меч и молот, да и доспехи складываю рядом на лавке.

Мы двигались по этажам, но не вверх, а вниз, а потом по туннелям, подземельям, наконец светлячок с довольным воплем пролетел сквозь одну из дверей,

как будто это она нематериальна. Может быть, подумал я сумбурно, просто сильно разрежен, вот и проходит сквозь материю, хотя это не мое дело разбираться в таких материях, во, уже скаламбурил, хоть и криво, как все у меня, значит, прихожу в себя...

Он запорхал перед массивной стеной, описал круг размером с большой щит, пропищал:

— Здесь!

— Здесь стена, — сказал я. — Что, кольцо в стене?

— За стеной комната, — пискнул он торопливо. —

Но дверь заколдована...

— Даже ты не можешь? — спросил я.

Он сказал обидчиво:

— Не сможешь даже ты!

Все верно, подумал я виновато, папа всегда самый сильный и самый умный. Если уж даже я не могу, то чего от ребенка хочу, дубина. Нет во мне родительских чуйств или родительского понимания. Рано мне вообще-то детей заводить. Правда, мы все их заводим, когда... гм... рано. А потом детям врем, что именно так мы все и планировали, не сознаваться же, что проклятая резинка лопнула...

— А дверь где?

— Не знаю, она незрима!

Я отступил к противоположной стене, сказал чаду строго:

— Отыди!

Он радостно пискнул:

— Ого!.. Я еще не видел, как ты этим молотом, но мама рассказывала... ты самый сильный!

— Хорошая у тебя мама, — сказал я. Размахнулся не сильно, а то осколками самого зашибет, в момент броска зажмурился и, едва молот вылетел, сразу же закрылся руками. — Родители должны придерживаться одной версии...

Грохот, камни вывалились на ту сторону, лишь пара камешков упала под ноги. Крылан выметнулся из-за моей спины, молодец, прятался, с разбега влетел в темную дыру. Я вернулся к светильнику и так с теплой тяжелой чашей и оранжевым огоньком в ней заглянул в дыру, кое-как протиснулся.

Комната... кто такие громадные ангары называет комнатами, даже залами, нужен прожектор, чтобы осветить противоположную стену. Я прошелся вдоль стены, отыскал крупную чашу светильника, в три раза больше, чем мой. К стене прикреплено намертво, металлический штырь прямо из каменной глыбы, кто-то показал уровень своей колдовской мощи, хорошо показал, вроде бы пустяк, а показал.

Никто из темноты не бросился с оскаленной пастью и криком «я тебя съем», но во внутренностях стало тяжело и холодно, словно проглотил пролежавшую ночь на морозе наковальню.

Он нетерпеливо танцевал в воздухе, рисовал фигуры, я поднес огонек моего светильника к фитилю стационарного, тот загорелся нехотя, но затем дал высокий и яркий столб пламени, что осветил немалую часть этого... помещения, чтобы сказать литературно.

— Господи, — вырвалось у меня, — что за кунсткамера?

Светлячок ликующе пискнул:

— Как всего много!

— Нужно не многое, — сказал я наставительно, детей надо учить, — а нужное. Ты не вздумай стать коллекционером! Нестоящее дело. Это для слабых — собирать вещи, пусть даже прекрасные. Ты должен их делать.

Светлячок пискнул:

— Делать? Делать я не умею!

— Тогда ломать, — сказал я твердо. — Ах, и ло-

мать не обучен... Ну, может быть, со временем сумеешь? Хотя бы ломать, это тоже дело. Весь мир до основанья мы... ну а потом, когда поспим, покурим, пообедаем, забьем козла, сходим к Нюрке... Тебе мама не сказала какие-то приметы? А то все перерыть — это же борода до пола отрастет...

Он перестал порхать над массивными сундуками, метнулся в темноту.

— Я помню, мама показывала!

Я повертел головой в поисках факела, не увидел, глаза чуточку привыкли, а светлячок вроде бы дает света, пусть немного, но видно, чтобы не наступить на змею или прыгающую мину.

Я пробирался между сундуками, узлами, странными конструкциями, похожими на двигатели внутреннего сгорания, только огромными и украшенными по металлу тиснеными монограммами и вензелями. Под стеной огромные стеллажи с разного вида тиглями, ретортами, кувшинами медными и глиняными, а также хрустальными шарами размером от лесного ореха до крупного арбуза.

Светлячок, надо бы ему имя, завис над массивной металлической шкатулкой. Она дремала посередине металлического стола, но не просто обшитого жестью, как слесарные, а на столешнице толщиной в три пальца. Металл холодно поблескивал. Светлячок от усердия раздулся, светил изо всей мочи, но края стола я не видел, только середину, и только эту шкатулку. Сердце колотилось часто-часто, шкатулок я уже насмотрелся, но это единственная, что словно бы попала сюда из другой эпохи: без старательно нанесенных гербов, вензелей, без выдавленных львиных морд, без парящих корон и вздыбленных коней, без орлов с гордо распростертыми крыльями...

И что еще заставило перехватить дыхание: ни ви-

сячего замка, ни даже дырочки для замочной скважины. Как будто шкатулка открывается по секретному слову или же срабатывает прибор, считывающий узор на пальце. Или сетчатку глаза.

— А как ее открыть? — спросил я шепотом.

— Мама сказала, что кольцо богов здесь, — ответил крылатый малыш.

Он вздохнул, свечение сразу уменьшилось, но все равно хватало, чтобы освещать шкатулку и середину стола. Я оглянулся, далеко-далеко, отделенный тьмой, полыхал зажженный мною светильник. Края дыры в стене щерились осколками, как осколенные зубы огромного каменного зверя. Вот полезу обратно, а оно ка-а-ак стиснет челюсти...

Я тряхнул головой, повернулся к шкатулке. Может быть, прошлый хозяин поставил тут мину? Может быть, крышка от прикосновения откинется, а мне в морду ядовитый газ? Или даже крышка не откинется, но газ или ядовитая стрела меня достанет. Могут быть тысячи других ловушек, но придется рискнуть...

Внезапная мысль пришла в голову, я спросил торопливо:

— Ты можешь заглядывать вовнутрь?

Он сказал в некотором затруднении:

— Да, но...

— Что?

— Мама сказала, что это нехорошо.

— Почему? Ах да, ты еще мал... Впрочем, взрослым тоже не стоит подсматривать, а то вуареризм разовьется. Но в некоторых случаях, исключительных, подсматривать можно.

Он спросил с жадным любопытством:

— Каких?

— Потом расскажу, — пообещал я. — Это очень долгий разговор, а сейчас мы торопимся. В другой

раз. Сейчас скажу только, что за людьми в большинстве случаев подсматривать нельзя, это непристойно, хорошие дети себе так не позволяют, а вот заглянуть в шкатулку... И то лишь в некоторых случаях, иначе получится, что и чужие письма читать можно! — так вот в эту шкатулку и только сейчас — врубился? — заглянуть можешь. Внимательно посмотри, нет ли там чего-то помимо кольца?.. Чего-нибудь такого, что при моем прикосновении к самой шкатулке вдруг шевельнется, сдвинется, что-то сделает?.. Или когда буду поднимать крышку, не сработает ли какая-то штукенция?.. В смысле, крышка просто поднимется или же там что-то рванет?

Он внимательно исследовал, летал, протискался, исчезал в шкатулке полностью, наконец вылез с лицующим криком:

— Понял!

— Молодец, — одобрил я. — Умный ребенок. Весь в меня! Я же умный, хоть и здоровый. И что ты понял?

— Там в самом деле есть туга взвешенная пружина. И еще несколько... Что произойдет, не знаю, я еще слишком мало жил... но могу сказать, что сделать, чтобы... отключить, да?

— Точное слово, — сказал я поощряюще. Детей надо поощрять, тогда не только забор выкрасят. — И как это сделать?

— Вот здесь и здесь одновременно нажать на эти уголки. Они так сцеплены, что если по очереди, но все равно не отключишь. А потом еще раз, но уже на все три сразу... Сумеешь?

— Ты недооцениваешь своего папочкику, — ответил я уверенно. — Я это проделывал тысячи раз!

Наивный ребенок восхликал:

— Я думал, такая шкатулка одна на всем свете!

— Бывают и похитнее штуки, — ответил я. —

Я знаю, что такое трехпальцевое обезвреживание...
Вот эти? Сперва две, а потом эти же и вот эту, третью?

Он с удивлением следил, как я уверенно нажал две и чуть придержал, вдруг да сигнал запаздывает, потом самым привычным жестом нажал три, крышка щелкнула и откинулась. Я постарался не отпрыгнуть, хотя нервы вот-вот порвутся, перед ребенком надо играть все умеющего и всезнающего, это потом у него начнется период сомнений, а потом и потрясающих открытых и разоблачений, когда выяснится, что родитель тоже срет, тоже ковыряется в носу и не все на свете знает!

На дне шкатулки на черном бархате тускло поблескивает кольцо. Это потом я разобрался, что вовсе не бархат, а нечто негорючее, не рвущееся, не сминающееся, не поддающееся ни мечу, даже мечу Арианта, а сейчас во все глаза смотрел на колечко. Из серого металла, с крохотным сиреневым камешком... ах да, чуть дальше еще два: черный и красный... совсем крохотный синий... выглядит просто, пугающе просто. Но я знаю, подлинная власть не нуждается в аффектации, и те, кто на самом деле правит миром, ходят в простых костюмах и не обвешивают себя золотыми цепями.

Пальцы дрожали, я коснулся самыми кончиками кольца, ничего не случилось, током не шарахнуло, даже электрическая искра не пробежала по телу. Слегка ковырнул ногтем, кольцо как кольцо. Сдвинулось, но это значит лишь, что не приkleено и не весит тонну.

Ребенок вился вокруг, как будто целая стая светящейся мошек, хотя, на мой взгляд, с одной точки рассматривать удобнее, но просто не сидится, шило в заднице, зато свет дает со всех сторон, высвечивает все и, когда я наконец решился и надел на палец, тут же сел на ноготь и свесил ножки.

— Устал? — спросил я сочувствующе. — Смотри, а то вдруг ка-а-а-ак рванет! Или стрельнет.

Он удивился:

— Чем стрельнет?

— Откуда я знаю, — ответил я угрюмо. — Боевым лазером, например. Прямо тебе в задницу...

Он вспорхнул, поверил, хороший у меня ребенок, доверчивый, но учится чересчур быстро, беда с ним будет, не уследю, попорхал, но ничего не происходило, я, как баран, смотрел на окольцованный палец, камешки самые простые, даже уникальная драгоценность сомнительна, а если и драгоценные, то все равно мелковаты. Металл тоже не выглядит чем-то необыкновенным, сто двадцатым элементом, обычное железо, разве что с какими-то примесями.

Ребенку надоело сидеть без дела, дети и собаки не могут долго сосредотачиваться на чем-то одном, пропищал над ухом:

— Все, я полетел обратно!.. А то мама будет волноваться.

— Лети, — ответил я рассеянно. Спохватился, сказал доброжелательно: — Скажи маме, что ты молодец. Я твоими успехами очень доволен.

— Скажу! — раздался удаляющийся писк. — Все перескажу...

Назад я тащился, нащупывая дорогу то на ощупь, рано чадо отпустил, то нес, прижимая к пузу коптящий, как подбитый самолет вермахта, светильник. Наверх, казалось, добирался всю ночь, ступеньки забодали, как лента Мебиуса, пришел к себе чуть ли не под утро, завалился в постель, а утром, разлепив глаза, не сразу понял, почему я весь в паутине, как заботливо упакованная пауком на черный день жирная осенняя муха.

На пальце колечко, сиротливое такое, обыденное, единственное подтверждение, кроме паутины, что не во сне бродил по закромам феодала. На всякий случай я попробовал тереть, как Аладдин лампу, дул на ободок, пытался в отражении увидеть будущее, так вроде бы гадают ясновидящие, даже лизнул, в детстве проверял, заряжены ли батарейки, но за язык не пощипало, даже не примерз, как на морозе, никакой реакции, абсолютно нейтральные камешки, нейтральный металл.

Дверь приоткрылась, я вспомнил, что во сне уже слышал этот скрип, заглянула лохматая голова, голос спросил робко:

— Завтрак подавать?

— Да, — сказал я. — А что, без меня так и останетесь голодные?

Он ответил испуганно:

— Но как же за стол без вас?

— Ах да, я же отец народа... Распорядись, чтобы подали сразу горячее, а я пока умоюсь, привычки у меня такие вот дикие.

За столом в ожидании сидели Сигизмунд, Зигфрид, Гунтер с Ульманом и Марк, который сенешаль. Едва я вошел, все начали переглядываться, пошли ухмылочки, я сказал предостерегающе:

— Не надо про красные глаза и поцарапанную спину!.. Я же признался честно, как на исповеди, у меня причуда такая: всю ночь не сплю, спину себе царпаю... В следующий раз не ждите, а то суп остынет.

Я сел, они дружно взяли ножи, и, едва я отрезал себе ломть мяса от зажаренной туши, сразу же пошел стук ножей, чавканье, плямканье, сопение, хрюканье. Зигфрид поинтересовался с набитым ртом:

— Какие будут дела на сегодня?

— Посмотрим границу с владениями Волка, —

сказал я. — Крестьяне жалуются, что с той стороны часто являются всякие разбойники, грабят, обижают, даже насилуют. Вроде бы не только разбойники, сколько крестьяне самого Волка.

Зигфрид вскинул брови.

— А что мы можем сделать?.. Это почти полсуток пути отсюда. Если не больше.

— Посмотрим, — ответил я неопределенно. — На месте решим.

Выехали втроем, я взял с собой только Гунтера и Ульмана, а Зигфриду и Сигизмунду велел охранять замок. Оба и гордились честью, и кривились, что еду без них, но разорваться нельзя, а честь охранять замок в самом деле немалая честь.

Мы миновали мост, выдвинулись из-за холма, и мне почудилось, что алая заря упала на землю: сколько глаз хватает, земля яростно-красная, пурпурная, огненная — это цветут маки, сочные, огромные, тесно прижатые друг к другу, не видно ни земли, ни даже зеленых листьев, только огромные распахнутые на встречу такому же красному небу лепестки.

Я осматривался ошалело, в лицо ударил густой ароматный ветер, через минуту уже чувствовал, что нажрался, как свинья, до отвалу сладких ароматов цветущих яблонь, груш, вишен, уловил знакомый густой запах цветущего клевера, вон сколько над ним пчел, а чуть поотдалу колышутся зеленые хлеба, там тоже все цветет и пахнет...

Дорогу перегородило огромное стадо гусей, толстых, важных, идут, гогоча, важнее, чем какие-то феодалы, Рим спасли, а феодалы шнурки сами не завяжут, оруженосцев держат...

— Не бедно живете, ваша милость, — заметил Гунтер.

— Это здесь, — ответил я, — а что в этой деревне, как ее...

— Большие Печенеги, — подсказал Гунтер.

— Да, Печенеги. Если там все разграбили, придется серьезно браться за этого Волка...

— У Волка впятеро больше людей, — предостерег за нашими спинами Ульман. — И на сотни лиг у него одна родня на родне!

Ехали через леса, луга, по широкой дуге обогнули озеро, лишь к обеду добрались до крохотного села, но это оказалось не село, а хутор от Больших Таганцев. Кони у Гунтера и Ульмана притомились, пришлось спешиться, дать отдохнуть, покормить, а когда выехали, солнце уже клонилось к закату.

Время от времени я спохватывался, вспоминая о кольце богов, принимался тайком от Гунтера и Ульмана вертеть на пальце, тереть, постукивать по нему ногтем, ловить на него солнечные лучи и пускать им зайчики. Все бесполезно, похоже, батарейки истощились, а если и сохранилась капля энергии, то как заставить проявить себя... Почему в шкатулку не положили мануал юзера? Или кольцо взяли, а пухлый том инструкций оставили?

Глава 8

Далеко впереди виднеются хатки, наберется около сотни, большое и богатое село, на такое непросто напасть и ограбить. По дороге мы нагнали огромное стадо, возвращающееся с пастища, на окопице женщины разбирали коров, уводили, все показались мне дородными, как женщины, так и коровы, но в то же время тревога поселилась на лицах, а во взглядах, что бросали на меня, я видел откровенный испуг.

Гунтер посматривал на солнце, а Ульман громыхнул за спиной:

— Придется ночевать...

Гунтер приподнялся в седле, прокричал зычно:

— Где здесь дом старосты? Отвечать быстро, пока его милость, сэр Richard Dlinnye Ruki, которому принадлежит это село Большие Печенеги со всеми землями, лугами, пашнями и народом с живностью, не рассердился и не начал вешать вас... деревья здесь, смотрят, высокие!

Народ начал поспешно опускаться на колени, многие указывали через головы на удаленный дом, добротный, с хорошей крышей, где вертелся деревянный флюгер.

Ульман первым погнал туда коня, мы с Гунтером подоспели, когда он спешился и вошел в дом.

Еще у крыльца мы ощутили сильный запах ладана, воска, горящих свечей. В передней комнате слабо горят три свечи, из второй доносится монотонное бормотание. Я остановился в дверном проеме, тяжелый застойный воздух не пускает дальше, а в бормотании с трудом распознал молитву о здравии и выздоровлении. На широкой кровати лежит укрытый по грудь старец, борода поверх одеяла, седые волосы в красивом беспорядке лежат на плечах и рассыпались по несвежей подушке. Рядом с ложем сгорбленный парнишка монотонно читает толстую-претолстую книгу.

Ульман оглянулся, Гунтер шагнул мимо меня, сказал громко:

— Доброго здоровья! Захворал или как?

Мальчишка вздрогнул, умолк. Старец смотрел просветленным взором, а когда заговорил, голос был чистый, сильный и тоже просветленный, исполненный светлой радости:

— Хвала Господу, здоров!.. Все в руке Господа, он

дает и отнимает... Да продлится Царствие Его, да расточатся врази Его, да бежит от лица его ненавидящий Его, да исчезнет яко дым...

Я отступил, кивнул Гунтеру. Ульман выдвинулся за ним, спросил непонимающее:

— А что с ним?

Я отмахнулся.

— Истину ищет. Пусть, тут уж ничего не сделаешь...

Со стороны озаренной закатным солнцем околицы брел босой мужик средних лет, длинный, костлявый, волосы черные с проседью. Солнце светило ему в спину, голова и плечи казались залитыми кровью, а лицо оставалось в тени, прямо исчадие зла. На меня бросил острый взгляд, помедлил, я не сводил с него глаз, еще раз посмотрел, очень нехотя поклонился, но опять же не подобострастно, а с ленцой, с чувством собственного достоинства.

Я спросил у Гунтера:

— Это кто?

— Разбойник, — ответил Гунтер нехотя. — Мигель Сорока.

— Разбойник? А почему не на дереве?

Гунтер буркнул:

— Своих не грабит.

— А, — сказал я понимающее, — двойные стандарты! Знакомо, знакомо... И чем еще знаменит этот Робин Гуд хренов?

Он пожал плечами.

— Да так... Не влезает в дела села, но когда вмешивается, его слушают больше, чем старосту. Помогает вдовам и сиротам.

— Из награбленного? Легко приходит, легко уходит.

Благородный разбойник уже прошел, я свистнул, он оглянулся, я поманил пальцем. Он подошел с той

же рассчитанной медлительностью, чтобы не уронить себя в глазах сельчан, все видят, но в то же время не слишком медленно, чтобы не вызвать мой феодальный гнев. Волосы всклокочены, морда опухшая, видать, неплохо погулял вчера, да и ночью продолжил, если весь день еще тот видок, но даже в таком виде это ястреб среди перепелок, вон как поводит по сторонам хищным крючковатым носом.

— Слушаю, ваша милость, — проговорил он.

— Ты мне не нравишься, — сказал я, — как и я тебе. Но здесь освободилось место старосты. Придется тебе занять это место.

Он поклонился, в серых холодных глазах удивление. После паузы он спросил осторожно:

— Ваша милость, вы, похоже, ошиблись... Староста жив, его почитают.

— Я его тоже почитаю, — прервал я.

— Вы, наверное, тогда хотели назначить Ганса Мюллера, а я... я не совсем...

— Мне подходишь, — сказал я еще резче. — В деревне должен править человек, которого не только уважают, но и слушаются. Мне не так уж и важно, кто как поклонится. Мне важно, чтобы налоги собирались вовремя, чтобы был порядок, деревня защищалась от разбойников... а если самим будет трудно, чтобы вовремя просил помошь из замка. К сожалению, мы далеко, сразу помошь прислать не можем, так что учитесь отбиваться на месте...

Гунтер напомнил:

— Это же крестьяне, ваша милость! Им не дозволено дома иметь серьезное оружие.

— Теперь дозволено, — отрубил я. Глаза Мигеля расширились, я сказал громче: — Делайте луки, собирайте отряды для самообороны. Кому позволит достаток, пусть покупает мечи, доспехи. Меня не уще-

мит, если у кого-то из вас доспех окажется лучше, чем у меня. Отнимать не стану. Потом, когда укреплюсь, смогу помочь вам больше, а сейчас защищайтесь сами. А ты, Мигель, сумей организовать народ так, чтобы любую шайку разбойников сразу же перебили, как хорьков, что лазают за курами! Сколько у разбойников народу? Трое-пятеро? А здесь сотни две мужиков, верно?

Гунтер отъехал на пару минут, вернулся сияющий, подмигнул Ульману, а мне сообщил очень почтительно:

— Раз уж придется здесь заночевать, я осмелился взять на себя решение, где разместиться...

— Ну-ну, — сказал я с подозрением. — Конечно же, молодая вдова и две спелые дочки?

— Три, — ответил Гунтер и добавил льстиво: — Все-то вы, ваша милость, знаете!

Ночь прошла спокойно, ибо Гунтер отрядил десяток крестьян на ближайший пруд, чтобы стегали длинными прутьями по воде, а то лягушки жутким кваканьем не дадут господину спать. Перед сном я позанимался с кольцом, пробовал показывать его луне, дул на него, дышал, даже совал палец в рот, но колечко даже не нагрелось. Утром мы перекусили, жители деревни постарались с разносолами, я принял несколько жалоб, а Гунтер нетерпеливо посматривал на поднимающееся солнце.

— Ваша милость, если хотим вернуться засветло...

— В дорогу, — сказал я твердо.

Назад мчались то галопом, то рысью, в полдень дали небольшой отдых коням, проезжая через Большие Таганцы, пообедали, я повертел кольцо так и эдак, попробовал надевать на другие пальцы, все проделывал тайком, мои бравые спутники сочтут прибитень-

ким, любая магия должна быть зrimа, неудачников никто не любит, а подчиняться им и вовсе зазорно.

Солнце перешло на западную часть неба, когда вдали показался мой величественный... нет, величественный слабо подходит, я видел и повеличественнее, но мой замок грозен, неприступен, от него веет злой мощью.

Кони наддали, под копытами звонко прозвенели каменные плиты моста. С ворот нас увидели издали, загодя отворили калитку. Челядины выходили навстречу, с любопытством рассматривали, уже не страшась нового повелителя. Конюхи приняли наших коней, повели, охлаждая, по кругу.

Мне придержали стремя, я слез, чувствуя, как застыло тело, пошел в дом. На ступеньках догнал Сигизмунд, лицо встревоженное, спросил:

— Как поездка?

— Все хорошо. А что у вас, ты чего такой взъерошенный?

Он шел рядом, запинался, бледный, с красными от бессонницы глазами.

— Ведьма, — выдавил он. — Ведьма из Беркли...

— Что с нею?

— Двери церкви в полночь слетели с петель! Полчища демонов ворвались, учинили бесчинства!.. Сорвали и вторую цепь, но третью как ни грызли, как ни дергали — не смогли. Всю ночь в замке никто не спал, везде горели свечи, мы читали «Пресвятая Дева, радуйся», а когда под утро прокричал петух и они ушли, в церкви дышать нечем от вони и нечистот...

Мы шли по коридору второго этажа, я выглянул из окна, возле церкви снуют люди с одноколесными тачками в руках, из зияющего проема с натугой вывожат заполненные чем-то зеленым, по земле тянутся следом зеленоватые струйки слизи.

— Черт бы их побрал, — сказал я в сердцах.

Сигизмунд спросил со страхом:

— Что этой ночью будет?

Я отмахнулся.

— Увидим. Вели наполнить бочку теплой водой, а если не приготовят хороший ужин, пока буду купаться, я их всех самих отдам дьяволу...

Сигизмунд отступил, исчез, а я подумал с подловатым чувством, что хорошо все-таки быть феодалом. Самое правильное слово — вождь, ибо я, как уже говорил, и прокурор, и адвокат, и судья. Мое слово — закон. В самом деле хорошо...

Я плескался в теплой воде, усталость медленно вымывается из тела, взамен навалилась сонливость, а я так привык взбадриваться чашечкой крепчайшего кофе...

После сытного ужина выглянул еще раз в окно, дверь уже навесили, кузнец торопливо прилаживает громадный металлический засов, словно священник будет держать оборону от Субудая. Во дворе тихо, так что завалился в постель, натянул одеяло до подбородка, начал подремывать... не помню, успел заснуть или нет, но за окном со стороны двора раздался треск, ужасающий рев, от которого похолодела кровь в жилах, а потом с точки замерзания рванула сразу к точке кипения. Да какого черта, феодал я или не феодал? Мое это хозяйство или не мое? Шум после одиннадцати запрещен, дабы к утру все были выспаны и бодры, так что кто смеет...

Я вскочил, усталость медленно уходила, руки поспешно отыскивали одежду. Доспехи натягивать не стал, опоясался только мечом в ножнах, молот сам прыгнул в ладонь и счастливо успокоился на поясе. Еще сбегая по лестнице, увидел кучу народа, тесняться у раскрытых дверей, жадно и опасливо следят за

происходящим во дворе, словно там сшиблись два мерина, в смысле, «мерса», или горит автобус с богатыми иностранными туристами.

Среди них был и Зигфрид, уже в полном вооружении, тут же бросился за мной, даже иной раз старался опередить, но не слишком усердствовал, так что я добежал до церкви первым. Ворота на земле, сорванные с петель, покореженные страшным ударом, словно удар бревна тарана пришелся в самую середину. Обе половинки оплавлены, металл потек, гротескно изказив барельеф крылатого архангела. В воздухе сильный запах гари, из самой церкви бьет трепещущий свет, словно от гигантской электросварки.

Я побежал с поднятым мечом, ноги мои почти подломились, стали ватными. Перед гробом покачивается на коротких ногах чудовищный зверь, похожий на свежесваренного рака. Красный и пышущий жаром, но вдвое выше меня ростом, втрое шире и наверняка впятеро тяжелее, это чувствуется в его движениях, его реве, так ревела бы ожившая гора.

Я услышал страшные слова, от которых дрожала земля:

— Я, твой хозяин, с которым ты заключила договор, продав душу!.. Повелеваю, выйди ко мне, твой срок истек.

Он умолк, переводя дыхание, я только слышал его сопение, а из каменного гроба через просверленные дырочки донесся слабый голос:

— Не могу... я связана...

Красный гигант прогрохотал:

— Я развязжу тебя на твою погибель!

Он сделал движение ухватиться за последнюю цепь, но заметил меня, быстро повернулся. Он в самом деле был похож на рака, в таком же плотном панцире, только панцирь выглядит попрочнее рачьего.

Гигант уставился злобно, пасть раскрылась, среди пляшущих языков огня я увидел острые и длинные зубы.

— Кто смеет...

Я сказал твердо, сдерживая сердцебиение:

— Это ты как смеешь?.. — Голос дал петуха, страшно, но на меня смотрят с дверного проема Сигизмунд и куча народа, среди который я боковым зрением вычленил Гунтера и Ульмана. — Я — Ричард Длинные Руки, рыцарь и паладин, хозяин этого замка!.. Отвечай, тварь, или я поступлю с тобой, как с разбойником и вором!

Красный гигант проревел:

— О, еще и паладин?.. Давно не встречал паладинов!.. Тогда прибегаю к твоему суду, паладин! Яви справедливость. Суть дела в том, что...

Я прервал:

— Суду все известно. Мене, текел, фарес!.. Забирай!

Я шагнул к гробу, одним ударом перерубил цепь. Гигант ликующее взревел, огромная лапа сбросила каменную крышку, как перышко. Я увидел перекошенное жутким страхом лицо женщины, она уже не казалась ни величественной, ни красивой. Страшно закричала, завизжала, взмолилась, но огромная лапа выдернула ее, как тряпичную куклу. Ведьма продолжала вопить, искаженное смертным ужасом лицо становилось старше и старше, покрывалось жуткими морщинами, серой кожей, щеки отвисли, нос вытянулся и загнулся крючком.

С мечом в руке я вышел вслед за дьяволом. На залитом лунным светом дворе глухо бил в каменные плиты копытом огромный черный конь с красными горящими глазами. На мгновение я подумал, что гость из преисподней спер моего коня, конокрад чертов,

потом с ревностью заметил, что его конь все же ма-
лость крупнее. Дьявол швырнул ведьму, ее тело описа-
ло длинную дугу и с хрустом напоролось на длинные
острые шипы, торчащие из седла и широких кожа-
ных ремней сбруи. Хруст длился, плоть пропускала
через себя шипы все глубже, ведьма визжала, вопила,
стонала, заклинала. Красный гигант вскочил в седло
по-скифски, не касаясь стремян, конь заржал, из пас-
ти выметнулась оранжевая струя огня, надо проверить,
а вдруг и мой тоже умеет, простучали копыта, они ис-
чезли, во двор начали выбегать из дома челядины.

Из церкви вышел, шатаясь, священник. Челяди-
ны метнулись к нему, подхватили под руки, но удер-
жать такую тушу не просто, помогли опуститься на
колоду для рубки дров.

Священник хватал широко раскрытым ртом воз-
дух. Я приблизился, сказал сочувствуяще:

— Дышите глубже, падре... Отдаю дань вашему му-
жеству! Вы стойко дрались с этим... этим исчадием.

Священник спросил меня горестно:

— Почему?..

— Почему забрал ее душу?

— Сэр Ричард, — произнес он слабым задыхаю-
щимся голосом, — почему вы отдали ее душу дьяволу
на вечные муки?

— А потому, — ответил я зло. Увидел, что вокруг
собираются челядины, прислушиваются с жадным
любопытством, тут же Сигизмунд, Зигфрид, Гунтер,
Ульман, Марк-сенешаль, все смотрят с ужасом, как
на пособника дьявола, прокричал рассерженно: —
Потому что я — паладин! Паладин — значит, за спра-
ведливость! Понятно? За справедливость, а не просто
за наших, как обычный рыцарь!.. Рыцарь за своих да-
же в том случае, если свои — сволочи, а паладин...
для паладина все люди — наши!.. Для вас новость, что

за преступления злодей должен быть наказан? На этом общество держится, иначе бы снова в стаю зверей, дерущихся за кусок мяса! Справедливость в том, что каждому да воздастся — так завещал Христос! Каждому — по заслугам. Никто не должен увильнуть от расплаты за злодеяние, иначе вера в справедливость закона... и даже веры в Господа будет подорвана!.. Эта женщина обманом и подлостью завладела большим богатством, за свои успехи и красоту платила жизнями близких ей людей... и что же? Стоило ей покаяться — и все будет прощено? Разве это справедливость?.. Кто так говорит, тот вредит делу Христа! Это потакание бессаконию, потакание преступлениям!.. Зато если кара будет жестокой, то вы, видевшие суровость и неизбежность, призадумаетесь: стоит ли за мелкие богатства расплачиваться так жестоко? Не лучше ли жить честно и по законам? Подумайте над тем, что я сказал! А потом скажете, надо было защищать эту женщину от наказания или нет!

Я отвернулся от священника, толпа в страхе попятилась, меня трясло, я сам чувствовал такой прилив адреналина, что вот-вот разнесет в куски, будто я наглотался взрывчатки. Я сам не понимал, почему такая ярость, потом сообразил, что это же я ору на всю дошедшую до моих дней дурацкую систему.

У дверей донжона меня догнал Зигфрид, я ощутил на плече его крепкую руку. Это было необычно, раньше он не смел хватать меня так бесцеремонно.

— Сэр Ричард, — сказал он настойчиво, — прошу вас, посмотрите!

У входа в оставленную мною церковь Сигизмунд стоял на коленях перед священником, а тот, сидя на колоде, медленно осенял его крестным знамением, что-то говорил, лицо гневное, в глазах огонь.

— Что делать, — сказал я со злостью, — не могу же

я сказать Сигу, чтобы не слушал! У нас демократия. Хоть и военная.

— Священник говорит очень убедительно, — сказал Зигфрид.

Голова от усталости начала трещать, я морщился, спросил грубо:

— Ну и что? А ты почему не послушал?

— Я проще, — возразил Зигфрид. — Истины церкви — великие истины, но тяжело их нести всю жизнь. Я время от времени грешу, потом каюсь. И снова грешу. А Сигизмунд старается прожить вообще без греха...

— Обломится, — буркнул я. — Вот будет разочарование... Зигфрид, у меня был такой тяжелый день! Я всю задницу отбил в седле, с утра не слезал! В голове как будто черти молотками стучат. Пойду спать, а ты здесь последи, чтобы никаких митингов протеста и голодовок, хорошо? И чтоб касками на мосту не стучали.

Хорошо, мелькнула мысль, что никто даже не подумал, что я убрался дьявола. Все-таки в мою мощь и отвагу верят, это немало, надо пользоваться. Просто поняли, что мне глубоко безразлична судьба продавшей душу и получившей за это немалые блага. Кто продаёт совесть или совершает преступление, тот должен и расплачиваться, а если в самом деле существует место, куда дьявол уволакивает свои жертвы, а там на них воду возит, туда им и дорога. Только что-то не верится, что это тот самый дьявол, с которым я уже общался. Даже если предположить, что с каждым он ведет себя в меру его понимания, все равно концы с концами не сходятся. Дьявол как раз усиленно сует эти блага в наше общество и совершенно справедливо уверяет, что ничего за это не будет. Даже если мы пойдем жечь церкви и ломать распятия, он только порукоплещет и скажет что-нибудь о борьбе с мракобесием.

Я ввалился в спальню, рухнул на ложе, но сон не шел. Голова трещала сильнее, в черепе мелькало то искаженное мукой лицо страдающей женщины... а что, если я должен бы в самом деле встать на ее защиту? Милосердие — великое дело, мог бы и простить ее злодеяния... тем более что меня не коснулись, а чужие беды переносить нетрудно, даже как-то совсем легко переносить чужие несчастья... однако не будет ли милосердие к преступнику жестокой несправедливостью к другим, ведущим более праведную жизнь?

Ладно, с этим решили, хватит мерхлюндить. Но что это за такой дьявол, что совсем не прежний? Этот меня явно не знает. И даже не отличал от других рыцарей в железе. Одна из аватар того Великого и Ужасного Стратега? Или форма жизни, возникшая в результате ужасных катаклизмов, то ли естественных, вон их сколько летает по запутанным траекториям, убивая динозавров, топя Атлантиды, пугая оленей в стране Тунгусии и устраивая кратеры для туристов в Аризоне, то ли еще более естественных, то есть понятных человеческому уму, ибо нам гораздо понятнее, как два придурка в драке могут погубить мир, чем представить падающий с неба астероид...

Похоже, все-таки существует этот полупараллельный с нами мир, странный и причудливый, что живет по своим законам, но и вступает с нами в контакты. Простые поселяне именно его считают адом и раем, что понятно, наш мозг всегда предпочитает из сложных построений вылавливать самые простые, ясные и неправильные ответы.

Я некоторое время лежал, укладывая в мозгу еще и этого деревенского дьявола, простого и наглядного, таких же наглядных волосатых и вонючих демонов, вспоминал их отвратительный визг, хрюканье, горящие ненавистью глаза...

Итак, известно, что в прошлом существовала чрезвычайно высокая цивилизация. Технологическая, ибо трудно представить нетехнологическую, что на-творила такое, да и есть уже доказательства, сви-детельства. Даже то, что называется магией, всего лишь слабые отголоски подлинного могущества. Где-то что-то пошло не так, грянул первый катаклизм... все-таки хочется верить, что астероид или что-то подобное. Ударил так, что едва не сорвал с орбиты. Магнитные полюса бегали по всему шарику, запад и вос-ток менялись местами, земную горошину крутило и поворачивало, но удержалась на прежней орбите, хо-тя, мне кажется, с земной осью что-то не совсем то. Недаром же говорят, что есть страны, где вечное ле-то, а есть, где вечная зима.

Люди все-таки выжили, хотя несколько поколе-ний росли вообще без солнечного света, тучи пыли и пепла закрывали небо. А ведь достаточно всего два по-коления не обучить читать и писать, человечество ска-тится к каменному веку. Так что не удивительно, что к некоторым все еще исправным механизмам приходи-ли волосатые парни с каменными дубинами в руках, приносили жертвы, просили у синхрофазотрона удач-ной охоты на мамонта... ну, пусть не на мамонта, а на одичавших коров. Хотя, если имела место радиация, то коровы могли вымахать и покрупнее мамонтов.

Конечно, при всех катаклизмах уцелели какие-то подземные бункеры, атомные станции или то, что пришло вслед за примитивной атомной или термо-ядерной энергией. Некоторые дали течь, имели ме-сто многочисленные мутации. Если какое-то племя поселилось возле работающей атомной станции, от-куда в течение тысячи лет сильнейшая утечка радио-активного вещества, то можно себе представить, ка-кие мутации могли накопиться...

Ладно, это все понятно. Понятно, откуда все эти тролли, гоблины, огры и прочие эльфы. Понятно, что людей если и было сперва намного меньше, то все равно сумели отвоевать себе клочок земли, расплодились, начали теснить остальных, скопом зачислив в нечисть, которых надо уничтожать. И так уничтожали долго, медленно, тесня шаг за шагом, время от времени поднимаясь до таких высот владения магией... если магией, а не снова супертехнологий, что снова то Великое Оледенение, то Огненный Дождь, то Звездный Вихрь...

Понятно даже то, что однажды люди очень серьезно раскололись на два враждебных лагеря. До этого они постоянно раскальвались на тысячи лагерей, постоянно нападали друг на друга, что иной раз вызывало настоящие катаклизмы для всей планеты, но теперь именно на два. И оба провозгласили, что построят на планете царство небесное. И оба решили стереть с лица земли всю нечисть.

Непонятно только, какую нишу занимает этот псевдодьявол, что уволок ведьму из Беркли. Он и его демоны, что, судя по воплям священника, таскают жертв в свой ад, где мучают их души. Что за ад, что за души, с этим надо разобраться, иначе сами со мной разберутся, если попаду между их жерновами.

Глава 9

Утром я проснулся сам, никто не будит, даже петухи откричали свое, пока спал. Полежал, приходя в себя. Во всем теле все еще ломота, скачка чуть не вытрясла душу, даже сейчас чувствую, как внутри все перемешалось. Что-то изнеживаюсь, раньше неделями в седле и ничего, а теперь за пару дней кишки рассыпал?

За окном привычные звуки ударов молота по железу, это кузнец выполняет срочные заказы, пахнет свежим хлебом, навозом, свежепривезенным сеном.

Кое-как поднялся, подвигался, разминая поясницу. Крикнул нетерпеливо:

— Эгей, Фриц!.. Спишь?

Дверь робко приоткрылась, заглянула конопатая глупая морда с торчащими в разные стороны волосами.

— Нет, ваша милость, я здесь.

— Почему не будишь, — спросил я строго. — Всегда будил, а сейчас что?.. Ладно, неси воду, а внизу пусть ставят на стол, да побольше. Я после вчерашнего коня могу съесть.

— Бочка с водой готова, — ответил он, отводя взгляд. — А на стол... да, уже ставят, ставят!

Я наклоно помылся, что-то в интонациях этого Фрица не понравилось. Уж ли не переворот ли готовится, я же нарушил главную заповедь церкви. Или не главную, но, как мне кажется, очень важную.

Наверное, я потерял даже свою паладинность. Да, наверное, все-таки утратил, ибо паладины в своих высоких устремлениях и следовании идеалам зашли даже дальше ястребов церкви. Церковь, какие бы высокие цели ни провозглашала, а они в самом деле высокие, все-таки делит мир на «наших» и «ненаших». По ее идеологии, я обязан был вступить в поединок с дьяволом и вырвать из его лап успевшую покаяться преступницу. Но мое человеческое естество возмущается такой несправедливостью: можно всю жизнь чикатилицы, а перед смертью в последнюю минуту покаяться, и вот тебе полное прощение.

В нижнем зале за столом уже сидели Зигфрид, Ульман и Гунтер, сенешаль и двое из наиболее старательных стражников. Ульман выглядел бледным, я не сразу заметил, что в поясе он стал почти вдвое толще.

— Чего не завтракаете, морды? — спросил я. — Ну что за ритуал — ждать меня?.. Остывает, вон какие запахи... Ульман, что с тобой? Что за повязка?

Все молчали, Ульман пробормотал:

— Это дверью... зацепило, заживет.

Гунтер буркнул:

— Крепко зацепило. Клок мяса вырвало.

— Когда?

Ульман почему-то смолчал, ответил Гунтер:

— Он с этими двумя заперся в церкви. Пока священник читал молитвы, они пробовали держать двери. Тогда его и садануло в бок...

Я вылез из-за стола, подошел, Ульман покачал головой.

— Ваша милость, теперь ваша сила не поможет.

— Почему?

— Священник сказал, вы не паладин отныне. Отныне вы такой, как и мы, а то и ниже. Всякий христианин должен защищать христианскую душу от лап дьявола!

Я зашел к нему со спины, все молча следили за нами, лица хмурые, в глазах тревога.

— Покажи рану, — велел я.

— Но, ваша милость... теперь же не получится.

— Снимай повязку!

Он вздохнул, снял прямо за столом рубашку, тряпок наверчено в десять слоев, и почти сразу же пошли все увеличивающиеся пятна крови. Сперва застывшие, потом уже свежие. Сцепив зубы, он отодрал последний слой, рана раскрылась, пошла бледная кровь пополам с сукровицей.

— Во имя Господа, — произнес я и возложил на его плечо руку. Мог бы и не возлагать, некая сила изошла из меня, а Ульман вздрогнул, непонимающими глазами смотрел на рану. Кровь сворачивалась в ко-

ричневые комочки, осыпалась, края раны сошлись, выдавило последние сгустки крови, и на месте разреза зарозовел длинный шрам.

— Но как это можно! — воскликнул он. — Вы же нарушили... это же противу церкви!

— Я паладин не церкви, — ответил я, чувствуя, как внутри задрожали незримые жилки. — Даже не Церкви... Я — паладин самого Творца. А это значит, живу и действую по его заповедям. Мне по фигу всякие вшивые толкователи, понятно? Даже если они честные. Дурни тоже честные. А есть вообще идиоты. Нет уж, я лучше напрямую, благо Бог — не президент, к нему можно обращаться без посредников.

Словно солнце заглянуло в окна и осветило лица. На меня смотрели блестящие глаза, в которых все еще тревога, но и великое облегчение. Непонятно как, но их хозяин остался паладином. Господь не забрал у него таинство быстрого исцеления, Господь не отринул его, Господь с нами...

— Все, — сказал я нетерпеливо, — давайте есть, а то все остыло. А где Сигизмунд?

Настало странное молчание, Зигфрид помрачнел, буркнул:

— Он со вчерашнего... случая так и остался в церкви. Распростерся перед распятием, исповедуется, беседует с Господом.

— А священник там? — спросил я.

— Там.

Я сказал раздраженно:

— Понятно, как он беседует! Через переводчика, толмача. Уж с Богом-то можно без посредника, он всех слышит!.. Бог не где-то на небесах, а живет в душе каждого. Эх, Сигизмунд, Сигизмунд... Ладно, передай-ка соусницу. И солонку. Спасибо.

Гунтер со стражниками остался допивать вино, я

же вылез из-за стола, вышел на свежий воздух, солнце уже поднялось над замком, челядины задвигались быстрее, а я двинулся к церкви. Зигфрид шел рядом, ворчал, за нами грузно топал Ульман, размахивал окровавленными тряпками, задирал рубашку и показывал бок с крестообразным шрамом.

Тroe плотников спешно чинили дверь, кузнец заново вбивал в проем штыри. Из темноты навстречу мне вышел Сигизмунд, бледный, с отчаянными воспаленными глазами. Веки припухли, белки глаз красные от слез.

Он молча опустился передо мной на колено, склонил голову. Зигфрид вскликнул в тревоге:

— Сигизмунд! Не дури.

Я спросил, предчувствуя беду:

— Сигизмунд, что случилось?

— Монсеньор, — проговорил он глухим голосом, я видел, с каким трудом он произносит: — Я прошу вас освободить меня от клятвы вассала.

Зигфрид ахнул, ударил обеими руками в бока, загремело железо. Лицо стало багровым, глаза полезли на лоб.

— Ты с ума сошел! Мы только начали...

Я остановил его жестом, в Сигизмунде чувствуется душевная мука, он и сейчас терзается, на щеках выступают и гаснут лихорадочные пятна, то поднимает на меня нерешительный взор, то роняет, словно тяжелый топор, в пол.

— Как скажешь, — ответил я, — но, может быть, объяснишь, что случилось?

— Я всю ночь беседовал со священником, — ответил Сигизмунд. — Я постылся, я читал молитвы, я умолял святую Деву Марию просветить меня и наставить на путь истинный... Отец Ульфилла вел со мной краткие и душевые беседы, помогая выбраться из

пучины терзаний и сомнений. Он убедил меня, что не по-христиански было отдавать дьяволу христианскую душу, пусть и согрешившую, пусть и заблудшую. Вы совершили страшную ошибку, сэр Ричард!.. Хуже того, вы взяли на свою душу страшный грех.

Я тяжело вздохнул. Сигизмунд поднял голову и смотрел на меня светлыми синими глазами. На какое-то время, казалось, он преодолел сомнения, во взоре твердость и уверенность в правоте.

— Хорошо, — проговорил я. — Хорошо, Сигизмунд. Ты был мне не вассалом, а моим другом. И я не хочу, чтобы ты оставался вассалом. Когда-нибудь, когда... нет, если вдруг сочтешь, что я был прав... и если наши пути пересекутся, я хотел бы снова встретить тебя, как друга. А сейчас в присутствии сэра Зигфрида и ангелов свиты небесной, от взора которых ничто не укроется, я освобождаю тебя от клятвы верности мне, Ричарду Длинные Руки. Отныне ты свободен и нет у тебя передо мной ни долгов, ни клятв, ни обетов.

Он не вскочил, обрадованный, некоторое время еще стоял, словно заколебавшись, принимать ли освобождение или нет, наконец поднялся так тяжело, словно держал помимо доспехов на плечах еще и своего коня.

— Спасибо, сэр Ричард, — сказал он просто.

Мы с Зигфридом молча смотрели, как он отвесил прощальный поклон и направился к конюшне. Он уже взялся за ручку, резко повернулся, в глазах подозрительно блестело.

— Зачем? — вскрикнул он отчаянно. — Зачем вы отдали эту женщину дьяволу?

— А это не дьявол был, — ответил я тихо и сочувствующе.

— А кто?

— Палач.

— Па... палач?

— Да, палач. Которого назначили все люди. Человечество. Сам Господь! Идите, сэр Сигизмунд. Да пребудет с вами благословение Господне и доброе сердце святой Девы Марии.

Он торопливо вбежал в конюшню, но я успел увидеть его бледное лицо и бегущие по щекам две жемчужины, что оставляют мокрые дорожки.

День оказался доверху забит текучкой: осмелеющие челядины обращались с жалобами и прошениями, минуя сенешаля, полдня потратил с изготовителями луков, что-то забраковал, что-то оприоритетил, знаток, значит, с десяток луков уже склеены, сохнут, через пару дней можно будет пользоваться. Все это время перед глазами бледное лицо Сигизмунда, не сгупил ли я сам, отпустив парня, хоть и ровесник, но я же старше, умнее, мудрее, информированнее в конце концов, мать ее так!

С другой стороны, что я могу? У нас демократия. Как в Спарте, где все равны, не считая рабов, илотов, иностранцев и женщин. Могу только убеждениями, а какие убеждения, когда речь о вере?

Я почти разговаривал сам с собой, стражи на стенах косились, я раздавал направо и налево ценные указания, а глаза смотрят мимо, все еще убеждаю Сига, что он прав, но не совсем, я — правее, так что слушай сюда...

Когда взобрался на башню, острое чувство тревоги вошло в плоть и кровь, словно меня опустили в холодную воду. В небе все еще гаснет зарево, чересчур долго гаснет. И как будто немногого левее, чем ему надлежит быть. Но страх не оттуда, я вообще не уверен, где должно заходить солнце. Но я намного чувствительнее всех этих людей, ибо мои рецепторы привыкли принимать массу информации, что обрушивается

со всех сторон: реклама на стенах, на проезжающих троллейбусах, надписи поперек дороги, на будках, столбах, заборах, сигналы машин, беспрерывный шелест шин, толчки пешеходов, красный свет, дождаться зеленого — и быстрый рывок на ту сторону... нет, долго, успею проскочить между грузовиками...

Пересилил себя, я же несуверный, двинулся по гребню стены, стражи со стуком опускали древки копий, вытягивались, я говорю что-то вроде: бдите, ребята, что-то затевается, вы должны себя показать, лучшие будут отмечены в наградном списке, повешены в красном уголке... да не в прямом смысле, не разбегайтесь, ваш господин изволил пошутить...

Закат прошел незамеченным, я только удивился, что темно, поднял голову, сверху холодно смотрят первые звезды, из-за дальних гор выступает круглая луна. Неслышино пронеслась летучая мышь, я узнал ее только по характерному рисунку крыльев, промелькнувших на лунном диске, и тут же холодок прокатился вдоль спинного хребта, где у женщин мозг с утолщением в нижней части.

Тяжелое чувство тревоги заворочалось, как голодный желудок, я чуть ли не бегом сбежал по винтовой каменной лестнице вниз. Гунтер и Ульман в компании троих стражников развалились за столом, Ульман закинул на столешницу ноги, я еще не видел таких огромнейших ног, разве что у Вернигоры, что сейчас охраняет ворота, стражники смирно отдыхали на лавке у стены.

Все вскинули головы, Ульман поспешил убрал ноги, зато открыл небольшой пузатенький кувшин.

— Тревога, — сказал я буднично.

Гунтер и стражники вскочили, Ульман остался сидеть, я ощутил, как все уставились с тревожным ожиданием. Ульман наконец воздел себя, начал оглядываться и прислушиваться.

— Что случилось, милорд?

— Хрен его знает, — огрызнулся я. — Но надевайте штаны, доспехи, берите в руки хотя бы палки.

И хотя все в доспехах и при оружии, но никто не пикнул, что мне понравилось даже очень, еще не всегда чувствуя себя тем сеньором, что может отдавать приказы. К счастью, в этом мире достаточно титула, чтобы склоняли головы. Впрочем, как будто в моем не так...

— Нам оставаться здесь? — спросил Гунтер.

— Лучше посмотрим, — сказал я, — что там у ворот.

Гунтер поинтересовался:

— А где будете вы, ваша милость?..

— Я? — переспросил я удивленно.

Он смущился, я мог не так истолковать, сказал неуклюже, оправдываясь мимикой, тоном и телодвижениями:

— Ваша милость, я хочу, чтобы правильно поняли, а вы, как вижу, поняли не так. В вашей отваге и воинском умении кто усомнится? Мы ведь знаем, что сэр Галантлар не сам упал с башни и сломал шею. Но я должен знать, куда за вами посыпать, если вдруг что не так.

Я подумал, хотел было сообщить, что проведу ночь на самой высокой башне, но это могут истолковать как трусость, ведь опасность, скорее всего, из подвалов, где таинственные врата, даже Врата, лучше бы как раз заявить, что разделю дежурство с воинами в нижних этажах, но это еще скорее сочтут трусостью, мол, в бункер забился, а если сказать, что буду вот прямо здесь, в середине, то это ж ни рыба ни мясо, избегаю крайних решений, стараюсь отсидеться в середке, опасность всегда приходит с краю...

— Я буду у себя в спальне, — ответил я сердито. — Спать буду!.. А во сне... словом, буду мыслить. Если понадоблюсь, знаете, где меня искать.

Глава 10

В спальне я походил бесцельно вдоль стены, наконец рухнул на ложе, молот рядом, благо ширина постели позволяет, а меч — с другой стороны. Ощущение мерзостное, кто испытывал, тот поймет: когда знаешь, что неприятность вот-вот грянет, но абсолютно не представляешь, где и как обрушится. И в то же время как будто грозовая туча наползает на солнце, по земле медленно движется черная тень, бежит ветерок, взметая пыль...

Закидывая руки за голову, зацепился взглядом за колечко. В тысячный раз поднес к глазам, рассматривал.

Мелкая вязь непонятных значков уходит от красного камешка вниз, я повертел руку, рассматривая колечко со всех сторон, вяло подумал, что красивше будет на тыльную сторону повернуть не черным камешком, я же не фашист, а сиреневый, почти цвет революции все-таки, перемен, смены крови, очищения, эстет хренов, с огромным трудом повернул, кожа как прилипла, тоже поворачивается, стремясь вернуть кольцо в прежнее положение, растягиваясь, наконец закрепил в таком положении, полюбовался, продолжая настороженно прислушиваться к звукам внизу.

Теперь черный камешек сместился на четверть в сторону, спрятался между средним и безымянным, со стороны ладони блестит сиреневый, а снаружи — крохотный рубин. Пока я рассматривал их, какая-то странность коснулась моего сознания, я быстро огляделся, выискивая опасность.

Ветерок, весело треплющий ветки за окном, утих, как будто отрезало: все листья застыли неподвижно, я ощущал себя в застывшем теплом и очень спокойном мире. И все же странное ощущение прокатилось по коже, я огляделся снова, встал с ложа и хотел по-

дойти к окну, но руки показались странно тяжелыми, как и все тело, а когда я соступил с ложа, я завис в воздухе...

Страх и ощущение нереальности стукнули по голове, как мягким деревом. До пола меньше, чем поставленная торцом книга, но я вишу, вишу, вишу, а если и опускаюсь, то просто с астрономической неспешностью!

Спохватившись, я очень осторожно вернул кольцо в обратное положение, черным камешком наверх. Сразу же мои подошвы оказались на полу, за окном зачирикали птицы, залитые лунным светом ветки мерно колыхаются, листья шелестят и трепещут, сверху что-то грюкнуло, донесся раздраженный мужской голос.

Испуганный, обалдевший, я постоял истуканом, глаза не отрывались от колечка. Так вот что за Кольцо Богов! В этом замке все еще работает генератор поля, а колечко замедляет... вернее, самому жить быстрее, еще быстрее, чем остальные. Хотя генератора, может, и нет, это в мое время везде генераторы, как в эпоху Кулибина считали, что будущее воздухоплавания — воздушные шары на две тысячи персон. На смену генераторам пришло что-то еще, может быть, силовое поле прямо из стен замка... Потому кольцо и не включалось, когда я крутил на пальце там, в деревнях...

Перевел дыхание, сдвинул кольцо едва-едва, прислушался, но каменные блоки везде одинаковы, пробежался от стены до стены, встречного давления воздуха нет... или почти нет. Все же что-то подсказывает, что время замедлилось, но не слишком, не слишком. Наверное, я сейчас двигаюсь разве в два-три раза быстрее обычного. Ну, может, в пять. Если в десять, то, наверное, уже ощутил бы хотя бы встречный ветер...

Некоторое время прыгал, бросал вещи, засекал

время по ударам пульса, но выяснил пока одно: чем дальше повернешь кольцо, тем сильнее замедляется время. Вплоть до того, что я, подпрыгнув и повернув кольцо по часовой стрелке на две трети, мог выспаться до того, как опущусь на пол.

С этим кольцом, если подумать, я могу ходить по воде, аки Христос, но только никто этого не увидит, жаль, а так бы перед бабами... Вернее, могу бегать, как одна из ящериц, на задних лапах.

Снизу донесся слабый вскрик, что оборвался резко, словно у кричавшего мгновенно вырвали легкие. Я похолодел, в черепе похоронным звоном отозвалось слово «Ворота». Руки отяжелели, налились свинцом, а ноги, напротив, стали ватными. Я с трудом заставил свое трусливое тело сдвинуться, ну не люблю драться, особенно вот так, когда прямо в доме враги, огромные и сильные, другие просто не вломятся...

Уже на лестнице я обнаружил, что молот оттягивает пояс, меч за спиной, это я не забыл, ковер на ступеньках верхних этажей глушит звуки, но когда опустился вниз, подошвы стучали громко и четко. Странно, такой пустяк добавил уверенности, я пробежал через зал, услышал далеко впереди удаляющиеся крики, ворвался в коридор и споткнулся о человеческое тело. Нет, стражник не спал, оранжевый свет выхватил застывшее лицо с вытаращенными глазами и черную рану, что начинается от горла и так через грудь до живота. Я крутнулся на месте, молот готовый к броску, согнутая в локте левая рука готова принять на себя удар...

Во всем замке странная тишина, из широких медных чащ льется тусклый свет сгорающего дешевого масла.

Я двинулся по коридору, навстречу подул ветер, я

не сразу сообразил, что же здесь неверно, не так, я в замке, откуда здесь ветер?

— Колечко, — проговорил я вслух, — бог мой, это же я сам повернул...

Поднес пальцы к глазам, так и есть, сдвинул чуть, когда ухватил в левую молот, сейчас иду, будто к берегу по горло в воде. Ощущение в точности, там дно повышается, идти становится все легче, так и здесь проламываться через плотный воздух удавалось все легче.

Я повесил молот на пояс, вернул черный камешек на место и ускорил шаг. Далеко внизу, на уровне подземелья, гремело, звякало, доносились злые выкрики.

Дверь распахнута, я сбежал по ступенькам. Светильники горят ярко, широкий, прорубленный в скальном грунте туннель, я в нем бывал, когда шел за призраком, далеко впереди звон оружия, топот, яростные голоса.

Я почти бежал, впереди снова ступеньки вниз, я добежал и оцепенел, снизу поднимаются десятка три высоченных фигур, в полтора моих роста, с темными лицами и красными глазами. У всех в руках огромные шестоперы, а поверх доспехов колышутся длинные темные балахоны. Перед ними, выставив щиты и нанося редкие удары, пятятся Гунтер и Ульман, с боков их прикрывают двое стражников, один из них Вернигора, не давая проскользнуть вдоль стены.

Темные фигуры выжимали всех четверых, как поршень выжимает остатки воздуха. Гунтер и Ульман отступали, вовсю работая топорами, но за темнолицыми гигантами с шестоперами двигались монстры в полтора человеческих роста, широкие, с дубинами, такие не всякий конь повезет. Я закричал с разбегу:

— В стороны!

Гунтер и Ульман уже видели мой молот в дейст-

вии, шарахнулись в стороны. Один из стражников, Тюригем, кажется, вообще вспрыгнул на выступ в стене и прижался там, а Вернигора просто отступил к противоположной стене. Я повернул кольцо чуть ли не до отказа, прыгнул вперед, выдергивая из ножен меч, и ощутил, как завис в воздухе...

Висел не меньше минуты, рассмотрел монстров, а когда увидел, что опущусь разве что к утру, словно остановил время вовсе, повернул чуть обратно, выждал, повернул еще чуть, меня медленно начало опускать к полу.

— Получайте, гады, — прорычал я со злобным торжеством.

Меч двигался медленнее, чем хотелось, я сам поворачивался, как в воде, с трудом преодолевая сопротивление уплотнившегося воздуха. Зато рыцари в балахонах и монстры вообще застыли, лезвие рассекло первого почти до пояса. Меч тут же застрял, я едва выдернул, кошмарное зрелище, когда перед тобой стоит человек, разрубленный, как мясная туша, видны внутренности, но кровь все еще не брызнула из краев страшной раны.

Второго я постарался ударить так, чтобы слетела голова, она тут же зависла над схваткой. Монстры все еще таращат глаза вперед, видят меня там, где меня давно нет. Я ударил первого с бок, где у человека печень, любого болевой шок убьет мгновенно, но с этими монстрами кто знает, какой у них порог, да и есть ли вообще печень, начал рубить ноги, до шеи не достану, проскальзывал среди них, на затылке волосы шевелились от жуткой мысли, казалось, что прикидываются, вот сейчас схватят...

Лезвие меча прошло через ноги монстра на уровне колен. Не думаю, что в обычном времени смог бы перерубить такие бревна, но здесь мне помогает инер-

ция, меч врезается в их твердые тела со скоростью пули, если не быстрее... да нет, намного быстрее, я отступил, огляделся, запыхавшись, разогрелся так, что на мне вот-вот загорится одежда, трение о воздух — не шутка, на лбу закипают капли пота.

— Вот так, — сказал я зачем-то. — Ну вот, гады...

Тюригем висит на стене, как обезьяна на дереве, Гунтер лишь прислонился к камню, полагает, что дает дорогу моему молоту, а Ульман прилип у противоположной стены, застывший, как барельеф.

Я сразил еще двух монстров, понял, что это фигня, если драться мечом. Впечатление такое, что сдвигаю гору, а потом долго борюсь с инерцией, словно стараюсь голыми руками остановить танк. Перебрал свое нехитрое оружие, меч, молот, ага, на поясне небольшой острый нож! А когда монстры застывают, нетрудно найти место, куда ткнуть или какую артерию перерезать.

На этот раз двигался экономнее, работал как мясник, с той лишь разницей, что не видел крови вовсе, иначе могло бы стошнить, просто вскрывал артерии, перехватывал сухожилия, последнему перерезал горло, пробежал чуть вниз, никого, так же бегом вернулся обратно, двигаясь длинными прыжками, словно передвигался на Луне.

Гунтер не сдвинул ни на йоту, как и другие, убитые монстры все еще в тех же позах, даже самый первый, которого я рассек так нещадно, застыл в движении: правая нога вперед, упор на левую, вскинутый меч, раскрытый в крике рот и... от шеи наискось к поясу глубокий разлом, как будто я рассек статую из глины.

Время не двигается, я могу перевести дух, вообще-то самое умное было бы пройтись по всему замку и посмотреть, где, что и как. Но я тоже человек, что

значит — задним умом крепок, так что повернул кольцо в обратную сторону, сразу же коридор наполнился ревом, криком, грохотом, лязгом, стонами и диким воем.

Я громко и яростно прокричал:

— Именем Господа!.. Сдохните!

Рыцари и монстры валились как подкошенные. Многие и так бы упали, когда я пробирался между ними, вернее сказать, — протискивался, а это значит, что сейчас они валились, как кегли.

Гунтер и Ульман мгновенно оказались возле меня, я обнаружил себя сразу за двумя щитами, а спереди еще и прикрыл своим огромным телом Вернигора.

— Спасибо, ребята, — сказал я хрипло. — Если кто выжил после такого удара... Господа Бога нашего, добейте!.. А я побегу наверх. Я вроде бы слышал и там крик... Смотрите, вот тот поднимается!

Они все четверо повернули головы, всматриваясь, кто же в той шевелящейся и все еще громыхающей железом куче остался жив после удара разгневанного Господа Бога, а я быстро повернул кольцо, мир застыл. Я устремился бегом обратно.

Хотя зачем бегом, сейчас это потеряло смысл, но инстинкт не переборешь, я знал, что дурак, но все-таки бежал.

Бой шел, как я понял, у ворот, там этот зловещий лунный блеск на обнаженных лезвиях, на выпуклых панцирях, шлемах, стальных налокотниках, щитах. И — тишина, в которой я перебежал двор, вознесся, как драный кот, по каменным ступеням на стену.

Зигфрид, осатанелый, со зверским лицом и выпученными от усилий глазами, сдерживает натиск двух гигантов, таких же темнолицых, как и в подземелье, но без балахонов, в добротных доспехах, с прекрасными мечами. Стена достаточно широка, чтобы дво-

им сражаться плечом к плечу, но не троим, еще четверо темных рыцарей-гигантов потрясают оружием, судя по застывшим фигурам, за спинами тех, что вот-вот сразят Зигфрида...

Я пригнулся, медленно проскользнул под рукой Зигфрида, не дай бог задеть, это же удар, сравнимый только с ударом моего молота, и, не распрымляясь, толкнул темного рыцаря направо, к краю стены, а другого — налево.

Они так и остались застывшими фигурами, но, если по моему времени, то через час-другой начнут крениться в стороны, рухнут вниз, толкал я основательно, с запасом.

Четверо застывших фигур, нож у меня на поясе, повторим то же самое, незачем придумывать новые трюки, старые хороши... Шагах в пяти дальше слабо освещенные луной две знакомые фигуры, я приблизился, там распахнул рот: сенешаль Марк Форстер, какого он дьявола, и один из стражников...

Я зашел сбоку, чтобы он меня не увидел, повернул кольцо, тут же спросил:

— Марк, что здесь случилось?

Он сильно вздрогнул, как если бы ему на головы вылили ведро холодной воды. Обернулся резко, в глазах страх и ненависть, вскрикнул:

— Сгинь!.. Откуда ты?

— Марк, — вскрикнул я. — Ты с нами... или с ними?

Он отступил, быстро оглянулся, а когда повернулся ко мне, лицо исказилось, как у припадочного. Я отшатнулся, однако он бросился с невероятным проворством, ухватил меня за горло. Я услышал его дикий крик:

— Мелоун!.. Руби его!

Стражник подбежал к нам и быстро замахнулся

мечом. Я увидел вспыхнувшую радость в глазах сенешаля и, задыхаясь, обхватил его обеими руками, ринулся через внутренний край стены. Его дикий вопль резанул мои уши. Я быстро нашупал большим пальцем кольцо.

Встречный ветер сразу ослабел, чувство невесомости осталось. Перед моими глазами застыло перевернутое лицо сенешаля. Руки впились в мое горло, как клещи. Я кое-как расцепил пальцы, пару сломал, отпихнул и обнаружил, что мы уже пролетели половину расстояния.

Совсем близко, как в шахте лифта, очень медленно поднимаются серые глыбы башни. Тело сенешаля опускается со мной рядом, хотя это не тело, а еще сильный и здоровый мужик...

Я судорожно взглянул вверх, страх пронизал все тело. То, что прыгал в комнате и зависал в воздухе, ничего не значит. Законы гравитации еще никто не отменял. Мой вес остается моим весом.

До земли меньше метра, ничего не придумать, падаю с высоты пятиэтажного дома. Вытянутые ноги коснулись почвы, я постарался упереться кончиками пальцев, напряг, как мог, тяжесть опустила меня на всю ступню, я сопротивлялся, сопротивлялся, мышцы трещат, неимоверная тяжесть вгоняет в землю. Кости заныли, я едва успел дать коленям импульс согнуться, иначе бы сломались, раздробились, а теперь тяжесть в теле все так же неумолимо прижимает вниз. Я противился, сцепив зубы, сколько мог, гравитация пригнула, я медленно сел, а потом поспешно лег на спину, раскинул руки.

Рядом медленно-медленно опустилось тело сенешаля. Он сразу упал плашмя, разве что ногу подвернул под себя, тяжесть прижимала меня к земле, сердце захлебывается кровью, грудь сдавило, а рядом тело

сенешаля лопается, медленно-медленно расплзается одежда, из трещин так же медленно высовываются красные куски мяса.

Все это я видел и, заставив мышцы стать каменными, держался, держался, держался, заперев дыхание изо всех сил. В глазах потемнело, начал терять сознание, а из тела сенешаля выдвигаются красные обломки костей, показались странные красные кончики, начали выдвигаться, я не сразу узнал выплескивающиеся струйки крови.

И тут очень медленно тяжесть начала покидать мое тело, оставив чувство бесконечной слабости. Я лежал минуты две, что на самом деле заняло меньше доли секунды. Мир все так же заполнен тишиной, сквозь которую прорываются странные, ни на что не похожие звуки. Теплое коснулось моей руки, я повернул голову, струйки крови все еще в воздухе, но прижимаются к земле, как будто фонтан угасает.

Сенешаля сплющило, расплескало, голова лопнула, как спелая дыня. Кровь выбрызнула из ушей, рта, разломов в черепе. Из тела, прорвав одежду, торчат изломанные кости.

Над краем башни только-только появились головы. Видно, как выдвигаются, для них прошли секунды. Я набрал в грудь воздуха, напряг и распустил мышцы, вроде бы цел, хотел подняться, тут же мелькнула мысль: можно бы уйти вот прямо сейчас, незамеченным, но это же раскрыть свои возможности. Конечно, они не поймут, в чем дело, решат, что пользуюсь неким колдовством...

Я повернул кольцо обратно, сразу же сверху до несся крик, зашелестел ветерок. Я поднялся, помахал рукой, крикнул:

— Господь явил чудо!.. Господь мит унс!..

Сверху донесся восторженный вопль. Мгновение спустя послышался хриплый вопль Зигфрида:

— У нас он тоже... явил свою волю!.. Сэр Ричард, не двигайтесь, я спущусь вниз.

Во дворе слышался топот, с факелами в руках бегали не только воины, но и челядины. Дико ржала лошадь, кто-то пронесся на коне с развевающейся гривой, выбежала полная женщина и швырнула факел в бочку. Оттуда выметнулся огонь, осветил большой участок двора, я узнал женщину, что звала в первый день на обед. Молодец, мелькнуло в голове, сообразила. Надо вспомнить, как зовут. Ах да, Гертруда...

Загремели тяжелые шаги, в красном свете факелов показалась блестящая фигура. Красные отблески играли по доспеху, но я сразу заметил вмятины и глубокие зарубки по металлу. Зигфрид сказал ошеломленно:

— Ну и... ничего не понял!.. Я дрался с двумя, сзади напирали еще, и вдруг эти двое со стены вверх тормашками, а четверо... не поверите... с перехваченными, как у баранов, горлами!

— Почему? — ответил я твердо. — Поверю! Господь на нашей стороне!

— Похоже, — сказал Зигфрид с опаской. — Только бы не пришлось после этого...

— Что?

— Ну, делать что-то очень уж богоугодное...

Он замялся, я сказал твердо:

— Господу угодна такая наша служба. Потому и помог.

На дворе послышались новые голоса, появился Гунтер, за ним маячила огромная фигура Ульмана. Я на всякий случай пощупал обоих, в языках пляшущего огня ран не рассмотрел, но по телу прошел холод, зубы застучали, что значит, кто-то из них, а то и

оба ранены... хотя нет, раз мне поплохело, то зато им похорошело.

Ульман крякнул довольно, а Гунтер сказал:

— Спасибо, ваша милость.

— Нé за что, — ответил я. — Похоже, с Божьей помощью отбились?

Гунтер перекрестился и сказал благочестиво:

— Вот именно, с Божьей. Там в подвале куча побитых. Я велел, уж простите, без ващего ведома, по вытаскивать наверх. Тroe моих людей убито, двое ранены...

— Давай их сюда, — велел я. — Попаладиню, раз уж Господь к нам благоволит.

— Вы-то сами как, ваша милость?

— Да вот выскочил, — ответил я, — но ничего не успел, все уже кончилось. Так хоть лекарем побуду.

На лице Гунтера было сильнейшее недоверие, Ульман тоже вертел головой по сторонам. Искал новых врагов. Зигфрид предложил:

— Давайте пропустим по глотку винца, а то так есть хочется, что вот прямо щас бы упал и заснул. Эй, Люция, крошка, пришли нам на стол чего-нить, понимаешь?

В нижнем зале мы устроились за столом, вытянули гудящие ноги, за окном все еще шум, вопли, мелькают факелы, но свет уже ярче, слышны натужные крики мужчин, что выносят из подвала трупы темнолицых рыцарей и монстров. Заспанная, насмерть перепуганная девушка быстро принесла тяжелый кувшин, расставила глиняные чаши.

Пришел бледный и постоянно вздрагивающий Рихтер, Гунтер почтительно придинул ему самое мягкое кресло, Рихтер поблагодарил кивком, сел, Ульман сунул ему в руки чашу с вином.

— Ну и соседи у меня, — выдохнул я. — Никогда бы не подумал...

Воцарилось молчание, в зале слышалось только тяжелое дыхание. Я уловил недоумевающие взгляды. Наконец Гунтер сказал, морщась:

— Ваша милость, это вы так шутите?

— Почему это? — пробурчал я.

Они смотрели на меня во все глаза, я понял, досадливо повел плечами.

— Хотите сказать, соседи ни при чем?

— Соседи, — ответил Гунтер, — такие же люди. В чем-то хуже, в чем-то лучше. А то, что проникло в замок...

Я зябко передернул плечами.

— Значит, с соседями еще предстоит... А что было это?

Гунтер посмотрел на Рихтера. Старый маг сдвинул плечами.

— В замке сменился хозяин, защитная магия исчезла. Я надеялся, что останется, но... не осталась. Вот и полезли... Кто, не скажу, я маг, а не гадальщик. Это могли быть Темные Дети, но могли быть и Дети Бури. Что-то подобное случалось между Третьей Великой Войной магов и Четвертой. Тогда пытались создать мир, который мог бы существовать без плоти. Что-то получилось, но там жрали магическую энергию, как гигантские свиньи. Пришлось отказаться, тот мир почти вымер, но не целиком...

Гунтер проворчал:

— Темные Дети, Дети Бури... Боюсь и подумать, какие будут взрослые.

Я сказал хмуро:

— Добротное творение всегда переживает творца. По крайней мере знаем, что Двери существуют. И что где-то в нижних этажах.

Рихтер сказал нерешительно:

— Это не Двери.

— А что?

— Сэр Ричард, Дверями пользовались люди. Чтобы ходить друг к другу в гости за тридевять земель. Можно было жить в пустыне, через Двери бывать на море или в густом лесу, а к ужину возвращаться домой. А это что-то другое... Я бы назвал это трещиной, но это не так. Где-то в замке есть еще нежелательные дыры...

Я кивнул.

— Что-то вроде канализации, через которую тоже можно протараканить. Вещь в доме нужная, только ползают в ней пусть рэмбы всякие. И хакеры. Вообще-то их пока лучше вообще заткнуть, посидим малость в деръме... хотя у нас и так все эти службы на улице. Значит, в замок, помимо всего прочего, можно попасть через Двери и канализацию? Может быть, еще и через вентиляцию?

На меня смотрели с ожиданием, даже у мага в глазах недоумение, что за слова такие, я отмахнулся:

— Ладно, в канализацию поставим решетку... только придумаем, как это сделать, а в вентиляционную трубу вообще всобачим пропеллер, чтобы рубил карлсонов. Конечно, когда тоже придумаем. Дорогой Рихтер, это больше по вашей части. Я понимаю ваше стремление заниматься чистой наукой, но когда гражданская война, белые слева, красные справа, хотя должно наоборот, тут уж надо посодействовать родному Отечеству. Иначе сплошная махновщина.

Рихтер виновато мигал добрыми старческими глазами, морщился, ерзал, но все смотрят с надеждой, он прокашлялся, сказал с неловкостью:

— Я, знаете ли, из тех мудрецов, что, глядя на звезды, вступают в лужу... а то и в яму. Вряд ли меня мож-

но допускать... К тому же, сэр Ричард, это ваше личное имущество...

— Ладно уж, — ответил я, — людям доверять надо, как сказал Иосиф Виссарионович. Тем более если приперт к стене, как рогатиной. Или у вас более веские соображения?

Он развел руками.

— Есть, но как скажете! Просто я не очень везуч в жизни, мне больше удавались теоретические изыскания. У меня иногда появляются страхи, что могу такую дверь не закрыть, а совсем наоборот, понимаете? Ну, превратить в ворота. Или же открыть и для других... гм... мест, о которых и упоминать жутко даже к утру.

Я всмотрелся в слабую зарю за окном.

— А что может быть хуже? Дьявол и так со своей оравой вламывается, когда хочет. Думаю, у него свои двери, а их хрен закроешь. Можно было бы, отец Ульфилла давно бы закрыл и замок повесил.

Гунтер сказал осторожно:

— Дьявол и в монастырь или в церковь может зайти, если там не совсем чисто. Или же священник недостойный. У него своя дверь, открывает ее везде, где... есть грех.

Я снова зевнул, челюсти просто выворачивает, сказал сонным голосом:

— Я не думаю, что эти чертовы... тыфу-тыфу, Темные Дети так уж снова повторят попытку. К счастью, мы их всех на щит, ни один со щитом, не расскажет, что нас мало, что все мы — сонные куры, что спаслись по случайности. Э-э, благодаря слову Божьему и защите Господа нашего! Для второго раза придумают что-то еще... Но к этому времени мы должны все перекрыть и навесить пломбы. Я имею в виду... э-э... крепкие молитвы.

Глава 11

Поспать не удалось, малыш летун появился, привет от мамы передал, я поблагодарил за помощь в поисках кольца, вскоре небо озарила алая заря, взошло солнце, из подвалов закончили выносить побитых рыцарей и монстров. Убитых на стене и подобранных под стеной снесли еще раньше, разложили рядком.

Трупов набралось столько, что заняли весь двор по кругу. Челядь дивилась, ахала, женщины падали в обморок, отец Ульфилла пришел с книгой под мышкой и сосудом со святой водой. Звучным голосом прочел молитву, призвал милость Господа, поблагодарил за помощь, а потом долго кропил святой водой неподвижные огромные тела.

Кто-то вскрикнул, я развернулся, хватаясь за меч. На крайнее тело упал первый луч утреннего солнца, воздух задрожал, словно в нем толклась мелкая мошкара. Из щелей в доспехах потянулись сизые струйки дыма. Их тут же развеяло, я постоял, весь подозрение, от этих тварей можно ожидать всего, тень от здания укоротилась, солнечный свет наполз на ноги сраженных. Снова дымок, теперь уже над всеми трупами.

Священник вскинул руки:

— Слава тебе, Господи!.. Ты избавил нас от этих тварей...

Гунтер сказал ревниво:

— Вообще-то это мы избавили...

— Он не то имеет в виду, — сказал я. — Если я правильно понял, теперь припишет себе эту заслугу.

Священник обратился к молчаливым челядинам:

— Вы видите, что сотворила святая вода?.. Такова сила Господня!

Гунтер, оставив меня, заспешил к рядам нашей боевой славы. Мне показалось, что куча трофеинных доспехов как бы слегка просела, словно гора снега

под лучами весеннего солнца. Гунтер оглянулся, помахал мне обеими руками.

— Ваша... Сэр Ричард, нам не придется мозолить руки на рытье могил!

— Что там?

Зигфрид растолкал народ, опустился на корточки перед трупами. Присвистнул:

— Я слышал, что солнце сжигает нечисть напрочь, но думал, брешут, как попы...

Гунтер обеими руками взялся за черный шлем, тот отделился, как будто просто лежал, прислоненный к доспехам. Я ожидал инстинктивно увидеть кости черепа, если уж солнце сожгло плоть, но для солнца в понятие плоти входят и кости. Внутри не осталось даже горстки пепла.

Ульман смотрел жадными глазами на доспехи. Я перехватил взгляд, сказал громко:

— Это все — боевые трофеи!.. Они принадлежат тем, кто участвовал в сегодняшнем бою. Первым отбирает Гунтер, потом его оруженосцы, затем — все остальные. Что останется, снести в общую оружейную.

Священник протолкался к нам, сказал твердо:

— Нет! Сперва молитва, окропление, выгоняние бесов... слышите, серой пахнет?

Я принюхался, в самом деле, запах таков, словно эти явились с другой планеты, где основой жизни является не вода, а сера, аммиак или что-то вонючее.

— Вы правы, падре, — сказал я дипломатично, — выгоняйте!.. Ведь эти доспехи теперь будут на плечах моих воинов.

Священник начал читать громко и патетически, получалось у него здорово, профессионал, а я поднял меч вожака рыцарей Ночи, залюбовался. Рукоять толщиной с водопроводную трубу, как раз удобно в ладони, к тому же ребристая, будто поверхность ручной

гранаты, даже как кастет, крестовина слегка загнута, как бы начало эфеса, а в навершии и в центре крестовины по злобно горящему рубину, словно напоминание, что это меч, этим проливают кровь, а не просто вешают над столом или в спальне, чтобы побахвались перед бабами. Сталь зловеще синеватого цвета, острие заточено настолько тщательно, что острие почти просвечивает, как тончайшая льдинка. Это не наши мечи, лезвия которых больше похожи на топоры, даже на колуны. Да и какой смысл точить до острых бритвы, если первый же удар по железному доспеху...

Впрочем, есть смысл, если сталь этого меча, скажем так, особо легированная. Я увидел, какими жадными глазами на этот меч смотрит Гунтер, улыбнулся ему и с небольшим замахом ударил по рукояти металлической палицы. Гунтер скривился, словно хватил уксуса, но лезвие меча рассекло рукоять толщиной в древко лопаты, как если бы я перерубил сосновый прутик.

— Мать Пресвятая Богородица! — вскричал Гунтер воспламененно. — Что за меч?

— Меч простой, — ответил я сумрачно. — Но что за мир, где перестроенную сталь употребляют всего лишь для мечей?

На лезвии ни малейшей вмятины. Я повертел меч так и эдак, присматриваясь, кое-где есть мельчайшие притупленности, но не отличить от той, что я получил сейчас. Если получил.

— Это непростой меч, — сказал Гунтер с благоговением. — У остальных попроще.

Я наклонился и снял с трупа перевязь, широкий такой ремень через плечо, красивая толстая кожа, удивительно легкая для кожи, что-то подсказывает, что эта «кожа» удивительно прочная, не порвешь, ме-

чом не разрубишь. Ножны на перевязи приятного цвета спелых слив, накладки сдержанно сияют золотом, выполнены умело и тщательно в виде стилизованных голов драконов, вздыбленных львов. По крайней мере, в их мире есть те же самые звери... если только это не сделано для вторжения в наш мир, для незаметного внедрения потом, когда вышли бы из захваченного замка.

Ульман и другие воины, принявшие бой, с жадностью смотрели на павших рыцарей. Полное вооружение рыцаря стоит очень дорого, не меньше чем сто коров, мало кто может позволить себе даже простую кольчугу или нагрудный панцирь, а все еще слышали и передавали друг другу невероятный слух, что вроде бы я пообещал дать часть доспехов тем, кто сегодня пролил кровь.

Я повернулся к ним, все смотрят преданно, с надеждой.

— Вот что, ребята, — сказал я решительно. — Вы показали себя храбро и мужественно... храбрыми и мужественными, истребив таких противников. Не побоюсь сказать, что если бы те гады явились к нашим соседям, от всяких там Волков, Кабанов и Медведей остались бы рожки, ножки да копытца. Да и тех, думаю, не осталось бы... Посему мы посоветовались с народом и решили... Гунтер!

Гунтер вздрогнул, подбежал и вытянулся, глядя в глаза. Я остался собой доволен, сумел рявкнуть так, что старый служака действует на одних инстинктах.

— Слушаю, ваша милость!

Голос был твердый, вид у Гунтера преданный, в глазах верность, готовность бдить и служить.

— На колени!

Гунтер послушно рухнул на колени, даже не сообразив, что и зачем. Все замерли, смотрели непони-

мающими глазами. Я вытащил меч вожака рыцарей Ночи из ножен, холодно и красиво блеснула сталь. Гунтер смотрел мне в глаза преданно и бесстрашно. Я с размаха, но не сильно, ударил его плашмя по плечу.

— Во имя Отца, и Сына, — провозгласил я громко, — Святого Духа и Святого Георгия, я, сеньор Ричард Длинные Руки, возвожу тебя в рыцари. Если кто имеет что сказать против, да скажет сейчас! Ибо если раскроет пасть потом, то пусть лучше это не делает, мой меч и мой молот вобьют те слова обратно в глотку вместе с зубами... Нет отводов?.. Итак, Гунтер... отныне — сэр Гунтер!.. И обращаться к нему надлежит, как к сэру Гунтеру, а простолюдинам, как к вашей милости. Встаньте, сэр Гунтер.

Гунтер поднялся, слишком ошеломленный, побледнел, глаза расширились и остались такими. Он смотрел на меня, все еще не веря.

Я протянул ему меч.

— Держи! Ты захватил у создания Тьмы, отныне он твой. Не стану лобызать, в моем ордене мужчины не лобызаются... иначе что за паладины, таких называем иначе, и даже не стану тебе перечислять все, что должен делать рыцарь, ибо это говорится юноше, принимающему рыцарство, но ты уже жил и вел себя, как рыцарь.

Ульман спросил взволнованным голосом:

— А какие клятвы дает рыцарь?

— В свое время узнаешь, — отрезал я, но увидел горящие глаза Тюрингема, других стражников, сказал покровительственно: — Ну, ладно, вот вам основные: «...да будет щит их прибежищем слабого и угнетенного; мужество их да поддерживает везде и во всем правое дело того, кто к ним обратится. Да не обидят они никогда никого и да убоятся более всего оскорблять злословием дружбу, непорочность, отсутствующих, скорбящих и бедных. Жажда прибыли или благодар-

ности, любовь к почестям, гордость и мщение да не руководят их поступками; но да будут везде и во всем вдохновляемы честью и правдой. Да повинуются начальникам и полководцам, над ними поставленным; да живут братски с себе равными, и гордость и сила их да не возобладают ими в ущерб прав ближнего. Да не вступают в неравный бой: несколько против одного, и да избегают всякого обмана и лжи».

Они слушали, затаив дыхание. Я сам, произнося эти слова, проникся святостью рыцарского дела, внезапно мелькнула мысль, что вот я читаю рыцарский кодекс двенадцатого века, а ведь почти дословно эти слова и клятвы повторялись во всех тайных обществах, желающих перевернуть мир и сделать жизнь счастливой для всех. Эти слова звучат в пионерской клятве, уставе комсомола, законах коммунистов всего мира, впрочем, как и фашистов или клерикалов.

— «Честные блюстители данного слова, — продолжал я, — да не посрамят никогда своего девственного и чистого доверия малейшую ложью; да сохранят непоколебимо это доверие ко всем и особенно к сотоварищам, оберегая их честь и имущество в их отсутствие. Да не положат оружия, пока не кончат предпринятого по обету дела, каково бы оно ни было; да следуют ему и денно, и нощно в течение года и одного дня. Если во время следования начатого подвига кто-нибудь предупредит их, что едут по пути, занятому разбойниками, или что необычайный зверь распространяет там ужас, или что дорога ведет в какое-нибудь губительное место, откуда путнику нет возврата, да не обращаются вспять, но да продолжают путь свой даже и в таком случае, когда убежатся в неотвратимой опасности и неминуемой смерти, лишь была бы видна польза такого предприятия для их сограждан. Да не принимают титулов и наград от чужеземных государей, ибо это оскорбление отечеству».

А вот это правило у нас давно нарушают, мелькнула мысль. Первым, если не ошибаюсь, кто повесил звезду Героя Советского Союза на иностранца, был Хрущев, наградивший ю Фиделя, а потом пошло-поехало, наши награды сразу обесценились и превратились в простые железки, мишени для насмешек.

— «Да сохраняют под своим знаменем порядок и дисциплину между войсками, начальству их вверенными; да не допускают разорения жатв и виноградников; да наказуется ими строго воин, который убьет курицу вдовы или собаку пастуха, который нанесет малейший вред кому бы то ни было на земле союзников. Да блюдут честно свое слово и обещание, данное победителю; взятые в плен в честном бою, да выплачивают верно условленный выкуп, или да возвращаются по обещанию, в означенные день и час, в тюрьму, иначе будут объявлены бесчестными и вероломными. По возвращении ко двору государей да отадут верный отчет о своих похождениях, даже и тогда, когда этот отчет не послужит им в пользу, королю и начальникам под опасением исключения из рыцарства».

Я умолк, а Ульман вздохнул и сказал с великим почтением:

— Великие слова!.. Свидетельствую, хоть вы в этом и не нуждаетесь, что Гунтер... сэр Гунтер всегда следовал этим правилам, даже не будучи рыцарем.

Они ликовали, просто обезумели от счастья, а я, моложе Гунтера вполовину, смотрел с отеческой улыбкой, а сам цинично думал, что вот так, когда правители хотели удвоить силы своих войск, просто возводили достойных воинов в рыцари. И тут же, спеша заслужить звание, осчастливленные бросались на вражеские ряды или на приступ несокрушимой крепости, выбивали ворота под градом падающих сверху камней и врывались в замки, водружали знамена на высоких башнях, а потом падали и умирали от тяжелых ран.

Эти рыцари, в отличие от посвященных после долгих и торжественных церемоний при дворцах королей или принцев, назывались рыцарями схватки, рыцарями сражений, рыцарями подвига в отличие от рыцарей выслуги. Уважением они пользовались большим, хотя позже их начали ограничивать в доступе на рыцарские турниры, в светское общество, на что, правда, были свои причины, достаточно уважительные...

Гунтера обнимали, хлопали по плечам, снова обнимали, а я сказал громко:

— Гунтер, не падай в обморок, дальше будет пир в твою честь. Но это еще не все. Ульман и ты, как тебя?

Стражник, на которого я посмотрел монаршим взором, вытянулся, рявкнул:

— Тюригем, ваша милость!

— Я тебя давно заметил, — сказал я, — сегодня ты дрался бок о бок с Гунтером, был ранен, но не покинул поля боя. Ульман и ты, Тюригем, из простых воинов переводитесь в оруженосцы.. И оба отныне приданы сэру Гунтеру в помощь.

Их глаза засияли счастьем, неописуемым восторгом, а я с циничностью подумал, что в мое время это выродилось во всякого рода похвальные грамоты и почетные дипломы. Ничего не стоит клочок хорошей бумаги с напечатанным текстом, а как человек радуется, вешает в рамочке на стену! Так и эти двое ликуют званию, хотя оно даст лишь больше нагрузки, им придется полировать доспехи и оружие Гунтера, надевать на него железо и снимать после боя, присматривать за его вещами, в бою идти с ним бок о бок, постоянно помогать рыцарю, выносить его с поля боя, если ранен, менять ему коней, обрабатывать раны, вообще служить всегда и везде мальчиками на побегушках, а ночью спать у двери своего господина, охраняя его покой и сон.

Зигфрид сердечно обнял Гунтера, что-то сказал

на ухо, снова обнял, Гунтер стоял красный, как засмутившаяся девица:

Я подозвал Вернигору:

— Поройся в этой груде. Если что-то подойдет тебе, бери и надевай. Если нет, что скорее всего, я скажу кузнецу, чтобы перековал кое-что для тебя, подогнал к твоей фигуре. Ты в хороших доспехах будешь смотреться намного лучше, чем в этих тряпках. Но...

Я остановился, молчание было многозначительным, он спросил голосом потерянного в лесу ребенка:

— Но что, ваша милость?

— Если, конечно, ты останешься на службе. Я не хочу, чтобы хорошие доспехи ушли из замка.

Он упал на колени, ухватил мою руку и поднес к губам.

— Да я весь душой и телом ваш! Я уже забыл, где вообще мой край... И вспоминать о нем не хочу!

Челядины поспешили расцеплять доспехи, складывали в кучку. Стражники помогали, их руки тряслись от жадности, это им обещано это железо, которое могут носить только благородные, но пока никто не решался взять хотя бы поножи. Священник прочел молитву по трем погибшим, я велел выдать жалованье их семьям, а также оказать материальную помощь, но только у одного отыскались родственники. Тут же рядом оказался священник, милосердие — дело церкви, я спорить не стал, ладно, деньги на церковь, священник принял как должное, даже спасибо не сказал, скотина.

Женщины спешно таскали в большой зал на стол вино и еду, я объявил большой пир по случаю победы, а после пира будет раздача пряников, то бишь трофеев. Сорок прекрасно вооруженных воинов сложили головы при попытке захватить замок, почти все их доспехи и оружие уцелели — разве не праздник?

Я не мог успокоиться, пытался садиться, но меня просто подбрасывало, вставал и метался по двору, по

замку, снова во двор, присматривался к огромной груде доспехов, отдельно сложили мечи, шестоперы, кинжалы, щиты.

Женщины пугливо обходили трофеи, хотя священник их уже разминировал, бегом таскали из подвалов в зал окорока, ветчину, буженину, на кухне горят все печи, там пеклось, жарилось, тушилось, ароматные запахи лезут в ноздри.

Среди бегающих слуг только одна двигалась, как будто плавала в воде, я остановил ее, это оказалась хорошенькая девушка, с милым и очень хорошеньким лицом, простым и наивным, я ее сразу узнал, как-то подсмотрел нечаянно, когда переодевалась, и сейчас, кое-что вспомнив, перевел взгляд на ее стан, не осиная талия, что понятно, но и не толстушка, хорошенькая и полненькая...

— Леция, — сказал я, — с тобой что-то случилось? На тебе как будто всю ночь воду возили!.. Бледная, под глазами синие круги... Ты не болеешь?.. А чем от тебя так пахнет? Дьявол, разве же можно так напиваться?.. Ты где, в солдатском бараке провела всю ночь?

Зигфрид делал мне какие-то знаки. Я сперва не уловил, чего он добивается, от чего предостерегает, наконец отпустил ее властным движением руки, повернулся к нему.

— Сэр Ричард, — сказал он, — сегодня же первый день мая!

— Да, — согласился я с легким недоумением, — но мы далеко на юге, так что здесь уже жарко, как летом. А при чем тут май?

Он округлил глаза, спросил страшным шепотом:

— Милорд не знает о Вальпургиевой ночи?

Я открыл и закрыл рот. Конечно, я слышал, видел, что-то читал, в уши одно время лезли отрывки из оперы «Вальпургиева ночь», видел картины старых и современных художников, пил пиво с этим названием,

пользовался кетчупом «Вальпургиева ночь», так что из всей этой мешанины могу сказать, что отмечалась эта ночь с последнего дня апреля на первый мая, то есть как раз со вчера на сегодня. Все ведьмы слетаются на этот ежегодный праздник, там оттягиваются по полной, кайфуют, балдеют, ибо завтра утром снова на работу, снова строгая узда морали, молитвы, шаг вправо и шаг влево — попытка к бегству, а подпрыгнешь...

— Ага, — сказал я довольно глупо, — вот оно что... То-то эти темные рыцари и монстры к нам ломанулись! А давно Святая Вальпурга померла?

Я смутно помнил, что уимбурнская монахиня приехала из Англии в Германию, успела там основать монастырь и померла, это случилось в году трех семерок, что считается счастливой цифрой, можно бы высчитать, какой на самом деле год сейчас, но Зигфрид лишь пожал плечами.

— Я что, монах, чтобы запоминать имена простолюдинов?.. Не всех принцев крови помню...

Да, мелькнула мысль, церковь первая уравняла людей в правах и начала возводить в святые, невзирая на его счет в банке, политический вес или связи с олигархами.

Подошел Гунтер, сразу уловил, о чем речь, предложил:

— Можно шепнуть отцу Ульфилле, он ее сразу на костер... Можно, скажившись, ничего не говорить, а отослать ее обратно в деревню. Правда, у нее там семеро братьев и трое сестер, работы нет, она им еще и помогает...

Я поморщился. Что говорить про этих несчастных бунтарей, когда двое из моих друзей два-три раза в год, в том числе и в ночь с конца апреля на первый день мая, вот так же уезжают в подмосковный лес на слеты таких же противников церкви, переодеваются в одежки, которые их предки носили тысячу лет то-

му, жгут костры, прыгают через огонь, передают по кругу братину с квасом, вырезают на деревьях языческие символы и то кланяются им, то бросают в них легкие туристские топорики! Если это творят через две тысячи лет после начала христианства и при почти полном невмешательстве церкви в жизнь, то что говорить про этих вот задавленных строгостью и пуританством церкви, исполнением множества обрядов, знанием молитв, заговором, необходимостью креститься, молиться, снова креститься и молиться?

— Не надо, — сказал я, — главное, чтобы в остальные дни работала хорошо. Как у нее с этим?

Гунтер выпрямился, сказал с надеждой:

— Работает хорошо, очень старательная.

— Ну и черт с нею, — отмахнулся я. — Пусть расслабится разок-другой, пар выпустит. Нельзя всех силой в царство небесное, обожглись, знаем. Пойдемте за стол, уже зовут!

И все-таки посматривают с недоумением, все понимают буквально, уже представили себе, как тащил и пинками, пинками в распахнутые ворота мимо святого Петра с амбарными ключами на поясе...

За столом, к моему удивлению, уже восседал и священник, хотя я его вроде бы не приглашал. Все-таки в такой наглости что-то есть, уверен же в примате духовности над всеми этими подвигами, сшибанием друг друга с коней, даже уверен в том, что все люди — братья. Уверен и готов отстаивать, получить от меня в зубы недрогнувшей рукой. Более того, наверное, уверен, что это он нам оказывает благоволение, что сел с нами за один стол, ведь он — отец, падре, батюшка, а мы — чада, дети, овечки блеющие...

Когда я опустился за стол, отец Ульфилла провозгласил торжественно:

— Да возблагодарим Отца Небесного за дарованную нам победу над силами Зла!.. Да поклянемся, что

и впредь будем чисты и верны Его заповедям, ибо только верным своим людям Господь помогает и поддерживает в трудные минуты!.. Аминь.

— Аминь, — прозвучали десятки голосов. — Аминь, аминь, аминь...

Священник требовательно взглянул на меня, я намек понял, взялся за нож и вонзил в бок зажаренного целиком олененка. Тут же заблистали ножи, мясорезали, кромсали, пошло чавканье, довольное рычание.

Зигфрид встал с чашей вина в руке, веселый, довольный.

— Выпьем же с разрешения нашего хозяина за нового рыцаря, за сэра Гунтера!

Все поднялись, я тоже встал, огромный зал дрогнул от мощного рева:

— За Гунтера!

— За рыцаря Гунтера!

— За сэра Гунтера!

Гунтер, красный и счастливый, раскланивался, прижимал руку к сердцу. Зигфрид обнял его и облизался, как с равным. Священник под шумок незаметно покинул свое место, я услышал его сварливый и вечно недовольный голос:

— Сэр Ричард, вы заслужили славу и восхваление этих простых и бесхитростных людей! Они полагают это подвигом, в их глазах вы попростили дьявола и его приспешников... Теперь бы еще изловить Черного Пса, что воет по ночам у Больших Печенег... Там же ваши люди, а моя паства. Мы должны заботиться о своих людях. Возможно, тем самым вы хоть немного облегчите свою душу от тяжких прегрешений перед Господом...

Тоже мне соратник, подумал я вяло. Ответил рассеянно:

— Ну и что, если воет собака?.. Другое дело, если бы выла кошка. Или мяукала, не важно. Собаку сотво-

рил Господь, а кошку — дьявол, потому все, что делает собака, это предзнаменование доброе. Бродящие в ночи, Зло видят только собаки, начинают выть, а это уж сами судите, плохой или хороший знак. Вы предпочли бы, чтобы вам в тишине перерезали горло? Собаки предостерегают, а кошки накликивают...

Он покачал головой, дряблое лицо стало строгим, а голос стал громче:

— Вы правы, дьявол чаще всего появляется в облике кошки, но иногда, чтобы обмануть нас, может явиться и в облике большого черного пса! А жителям того села как раз досаждает Черный Пес. Дьявол многолик, он пользуется любой возможностью, чтобы попасть к людям, войти в их дом, сеять смуту, ссорить мужа с женой, детей с родителями...

Голос его креп, становился звучным, как на проповеди, это профессиональное, уже и другие начали умолкать, поворачивались к нам, прислушивались, опустили чаши.

Я поморщился, эти нападки на дьявола сродни обвинениям камню, о который споткнулись.

— Дьявол никогда, — возразил я не так громко, но твердо, — никогда никем не может овладеть без согласия жертвы! Как вообще никто из его команды, как и он сам, не могут войти даже в дом человека без его приглашения. Обязательно громко и четко выраженного!.. Об этом уже забывают, и на бедного дьявола начинают вешать всех собак...

Священник смотрел с ужасом, воскликнул верещащим голосом:

— Вы слышите? Вы все слышали? Он защищает дьявола!.. Он защищает дьявола!

Это было неожиданно, я никак не думал, что начнет ссору вот так прямо за столом, после блестательной победы, дурь какая-то, в самом деле не видит своей выгоды, дурак.

— Я назвал его бедным, — сказал я терпеливо, — ибо дьявол в немилости у Господа, потому он и беден. Бог нас любит и нам помогает, разве это не главное богатство?

Я провел рукой широко в воздухе, показывая, что там за стеной гора трофеев, меня поняли, довольно заорали, на священника смотрели сумрачно, не порть, отче, праздник, но отец Ульфилла заявил непоколебимо:

— Главное богатство — верить в Господа нашего, верить истово, беззаветно... и тогда все сбудется!

Я стиснул челюсти, желание дал ему железным кулаком по его роже высветились на моем лице отчего, священник отступил на шаг, вскрикнул:

— Ага, молитва Господу нашему вызывает корчи?

За столом смотрели с недоумением то на меня, то на отца Ульфиллу, начали шептать молитвы, творить крестные знамения, многие хватались за амулеты и талисманы.

Я сказал зло:

— Господу нужны сильные и стойкие воины, а мы все — воины в борьбе с тьмой, дуростью и тупостью. Господу угодны лишь те, кто сам отвечает за свои поступки, как и хотел Господь, а не тот, кто смиренно ссылается на волю Господнюю, а сам и пальцем не шевельнет, чтобы идти по тропе, указанной Господом.

Отец Ульфилла сказал громко:

— Богохульник! Он не верит, что Господь всегда поможет слугам своим...

Я поднялся, пора этот балаган прекращать, дурак явно жаждет попасть в мученики церкви, взял чашу с вином и сказал громко:

— Давайте я расскажу случай, что имел место в моей стране. Стряслось в одном крае наводнение. Река вышла из берегов, начала заливать ближайшее село... Люди, что делать, со стенами и жалобами собрали

скарб, увязали в мешки да узлы, погрузили на телеги и поехали на сухие места повыше. Понятно, угнали и скот, увезли кур, гусей... И только один очень благочестивый священник остался. Когда вода уже залила землю, оставшиеся плавали на плотах и подбирали опоздавших, подплыли к церкви и начали уговаривать его перейти на плот. Священник твердо ответствовал, что верует в Господа, а тот верных слуг не оставит. Как, думаете, верно ответил? Судя по нашему отцу Ульфилле — верно. Ну, люди на плоту поплыли дальше. Вода все прибывала, залила церковь, пришлось священнику перебраться на хоры, а потом и вовсе на колокольню. Оттуда смотрел на бескрайние прибывающие воды, но вот однажды показалась лодка, направилась прямо к церкви. На веслах сидели мужчины, которые закричали, чтобы немедленно переходил в лодку, вода прибывает, может залить и колокольню. Священник ответил с твердой уверенностью, что он верует в Господа, верует без колебаний и сомнений, а Господь своих слуг не оставит. На лодке поуговаривали, но священник был тверд, пришлось им отправиться ни с чем. Как думаете, он ответил верно? Судя по глазам нашего патера Ульфиллы — верно. Вода прибывала, скрылись крыши домов, большие волны катились на месте большого села, и однажды показался настоящий корабль. Он направился прямо к торчащей из воды верхушке колокольни, с корабля закричали, что в столице узнали про него, священника, который один-единственный среди разбушевавшегося наводнения, и вот прибыли его спасти. Священник вновь ответил красиво и гордо, что он — верный слуга Господа, что Господь его не оставит, так что плывите себе, господа, я останусь, Господь меня спасет... Как вы думаете, он ответил и поступил верно?

Я перевел дух, молча отпил из чаши. Гунтер спросил жадно:

— И что, спас?

А Зигфрид, более практичный, спросил:

— Как спас?

Я открыл рот, они все смотрели жадно, в ожидании чуда, я сказал трезво:

— Вы не ответили, прав он был или не прав? Отец Ульфилла, почему молчите?

Священник смотрел исподлобья, глазки из-под тяжелых набрякших век поблескивают с подозрением, буркнул нехотя:

— Если верный слуга, то спасет. Господь не оставляет своих.

Я оглядел зал, сказал громко:

— Вода прибывала, прибывала. Наконец затопила и колокольню. Священник захлебнулся в грязной холодной воде, где плавали трупы мышей, кошек, барсуков, всякого мелкого зверя... Потом, когда душа понеслась на небо и предстала перед Господом, священник сказал с горьким упреком: «Господи, разве я не был твоим верным слугой? Разве не выполнял все заповеди? Разве грешил, разве не помогал бедным? Разве не верил тебе беззаветно? Так почему же...»

Я умолк, все молчали, ошарашенный Гунтер спросил с недоумением:

— А что ответил Господь?

Все в напряженном молчании ожидали ответа. Я допил вино, отец Ульфилла смотрел исподлобья, чувствует каверзу, но не знает, с какой стороны ждать удара.

— А Господь ответил, — сказал я после паузы, — «Идиот, а кто же посыпал плот, лодку, а потом и цепкий корабль?»

Они остались с раскрытыми ртами. Я поставил пустую чашу, вышел из-за стола и пошел осматривать трофеи.

Глава 12

Пир, по идеи, должен был длиться весь день и до поздней ночи, победа нешуточная, но едва я начал осматривать доспехи, как из донжона едва не бегом начали появляться жующие на ходу стражи. Вернигоро уже унес к кузнецу все то, что надеялся после переделки приладить на себя, куча прекрасных доспехов непотревожено возвышается на высоту человеческого роста, по форме напоминает казацкий или скифский, что одно и то же, курган. Последними вышли Гунтер, Зигфрид, Ульман и Тюрингем. Они сдерживали себя изо всех сил, уже благородные, надо и держаться соответственно, но души их прибежали первыми, с разбега прыгнули в кучу железа и начали рыться там, как тутанхамоны в гробнице Шлимана.

— Все понятно, — сказал я. — Ладно, потом вернемся и догуляем. А сейчас... Я бы предложил, чтобы доспехи не расхватывали, как стая голодных псов, а пусть каждый выбирает себе то, что ему подходит по росту, по руке. Вообще, просто нравится!.. Первым пусть выбирает Гунтер, ему положен лучший доспех, он рыцарь, не забыли?.. Потом Ульман и Тюрингем, они герои битвы в подземелье, потом...

Я оглянулся, подошел священник и смотрит на гору железа глазами собственника.

— Потом, — закончил я, — пусть очередь устанавливает отец Ульфилла! Вы согласны, отец?

Ульфилла важно кивнул, раздулся, поднял крест с распятием и благословил собравшихся. Поднялся шум, но мое ухо уловило далекий звук трубы. Я прислушался, переспросил Зигфрида:

— Чего он раздуделся? Наш или чужой?

Зигфрид ответил уверенно:

— Герольд.

— Да? Ну-ну... это что значит, надо впустить?

Он пожал плечами.

— Это как ваша милость изволит.

— Изволю, — ответил я. — Мы должны жить в мире и дружбе со всем миром. Особенно с соседями. На основе многополярного мира, поддерживая баланс Добра и... Справедливости, наверное. Так что проведи его через мост. Пусть примет душ, заодно и помоется, поест, а потом я изволю спуститься, снизойти с верхов и отслушать. Что он будет петь?

— Герольды не поют, ваша милость, — ответил он серьезно. — Поют барды да менестрели. Еще менни... менниги... менньюзгандеры?.. нет, не вспомню. А герольды передают указы да распоряжение. Но, чуеться мне, это будет сообщение о Вест-Тауэрском турнире...

Он лихо отсалютовал, я остался ждать, а он заспешил к воротам. Через несколько минут в нашу великоканскую калитку въехал худощавый всадник в одежде, словно шахматная доска — из крупных разноцветных лоскутов, конь тоже укрыт такой же яркой, бросающейся в глаза издали попоной. Мол, я всего лишь королевский или чей-то еще вестник, с меня взять нечего, кроме новостей, но и те я выкладываю вам с великой охотой, дыба не нужна, как и сапоги королевы Кастилии.

Его живые глаза сразу вычленили меня на многолюдном дворе, смотрит с любопытством, я выпятил грудь и насупил брови, что должно придать лицу властное и свирепое выражение. Он поклонился, не слезая с коня:

— Ваш покорный слуга, Фредди Эйзен, герольд славного дома благородных Йорков!..

— Привет, Фредди, — сказал я. — Слезай, попасть на кухне, а твоему коню стоит заправиться высокооктановым. Не обращай внимания на ту свалку, ребята делят трофеи. Ночью десантная группа пыта-

лась сместить нынешнего владельца... Ты из рода Крюгеров или Мэркюри?.. Или «бей первым»?

Он ловко спрыгнул с коня, не обремененный доспехами, слуги подхватили животное под уздцы и увели. Сам Фредди учтиво поклонился, голос прозвучал красиво, хорошо модулированный, натренированный:

— Нет, я из простых, хотя о Мэркюри что-то слышал... Хотя мне нравится и род «Бей первым». Красивый девиз!

— Кто не слышал о Мэркюри? — сказал я со вздохом. — Нелепая смерть... Что пьешь? Не фундаменталист, надеюсь?

Бровью не повел на незнакомые слова. Хотя явно запомнит, такая у них профессия, ответил с еще более учтивым поклоном:

— Моя профессия не позволяет выбирать, что пить. Чем изволят угостить в замке, тому и рад.

Голос сорвался, сам герольд вздрогнул всем телом, напрягся. Глаза не отрывали взгляд от щита над воротами донжона. Лицо слегка побледнело, перевел неверящий взгляд на меня.

— Что-то не так? — поинтересовался я любезно.

Он поклонился.

— Я... простите... я, видимо, не очень большой знаток гербов...

— Не скромничайте, — сказал я.

— Да, но... я видел в древних книгах нарисованное лишь по пересказам. Там гербы исчезнувших родов, стран, королей, орденов...

— Ну, я не исчез.

Он выдавил слабую улыбку.

— Да, я вижу. Исчез прежний могучий властелин...

— Он был могучий? — переспросил я. — Вы, как бисексуал... простите, нейтрал, можете свободно передвигаться даже между воюющими, так что знаете всех и вся. Вернемся к столу, пока эта жадная орава

под руководством священника — заметьте! — делит добычу, там за хорошим вином и за сытной едой вы и споете... ах да, вы не поете, вы не тот Фредди, жаль, конечно, но хоть расскажете, что происходит в мире по ту сторону стен этого замка.

За обедом, когда с жарким покончено, доедали горки зажаренных мелких птичек и запивали хорошим вином, он рассказал о цели визита: посещает замки владетельных сеньоров и сообщает о предстоящем великом турнире. За столом уже сидели Зигфрид, Гунтер, Ульман и Тюрингем, теперь уже все в новых доспехах, даже Зигфрид себе подобрал замену, а свои великолдушино подарил кузнецу. Остальные воины все еще выбирали доспехи, примеряли, ругались, священник мирил, срывая голос. Вообще-то Ульмана и Тюрингема тоже при первом же удобном случае в рыцари, пойдут за меня еще дальше, а я сам буду погавкивать не на двух рыцарей, а на четырех, тоже статус повышу.

Король Барбаросса, чье имечко я сразу же перевел как Русский Варвар, устраивает турнир по случаю своего третьего брака с благородной Алевтиной, дочерью короля Джона Большие Сапоги. Только что отгремел турнир по случаю крестийн первенца герцога Ланкаширского, многие рыцари еще не остыли от схваток, кто-то горит жаждой мщения, стыдом за поражение и постараётся смыть позор, кто-то возжалдал еще выше подняться по турнирной лестнице, получить Большой Золотой Шлем, словом, турнир обещает быть многолюдным и насыщенным множеством интересных схваток.

Биться придется *armes courtoises*, т. е. тупьем, копья с закругленными концами, а мечи нарочито затупленные, герольды проследят тщательно, хотя, конечно, добавил он горделиво, убитых и покалеченных на турнирах обычно больше, чем павших в самых жесто-

ких битвах. Я кивнул, помню, что наши папы Иннокентий и Евгений строжайше запретили турниры; такое же припечатал и собор лютеранский в Риме в 1180 году, а папа Климент в октябре 1313 года вообще запретил турниры под страхом отлучения от церкви.

— Вам нужно обязательно принять участие в турнире, — сказал герольд настойчиво.

— Почему? — спросил я.

Он застыл на мгновение, явно ожидал услышать не эти слова, уже не первый год ездит по замкам и передает эти сообщения, язык намозолил, говорит одно и то же, и ему отвечают одинаково, вряд ли бывают разные варианты, и вряд ли кто-то спросил вот так в лоб: а на фиг мне это надо?

— Да, — ответил он с неловкостью, — вижу, вы достойный член вашего древнего Ордена... Но как не показаться на турнире, это же... ну, общество! Как же остаться вне...

Понятно, сказал я себе, тусовка. Показаться на тусовке, ты все-таки их человек. Даже если на самой тусовке примкнешь к той или иной партии, все равно, в целом, ты их человек. А кто не явится на тусовку, тот вроде бы вообще сарацин, на которого сообща набрасываются даже враждующие между собой франки, англы, саксы, французы, немцы, англичане, испанцы.

— Сарацином мне быть ни к чему, — сказал я вслух. — Так что я вообще... в принципе мог бы. Зачитайте весь список, пожалуйста!.. Особенно те пункты в анкете, что мелким шрифтом. И еще, где будет турнир?

— На полях близ Каталауна, — любезно сообщил герольд Фредди. — Прекрасное место, скажу вам. Великолепное!.. В прошлом году герцог Оранский выбрал на нем самого Черного Принца... ну, вы догадываетесь, кто сражался под этим прозвищем...

— Да-да, конечно, — согласился я, — кто не дога-

дается; дурак разве что, ни разу не грамотный в нумизматике, то бишь геральдике... И как далеко это от моего замка?

— Всего двести миль отсюда, — сообщил он жизнерадостно. — За пару недель доберетесь! Зато какой великолепный праздник! Какое...

Я заметил, что он обращался исключительно ко мне, хотя за столом сидят еще двое рыцарей: Зигфрид и Гунтер, кроме того, их оруженосцы одеты в такие великолепнейшие доспехи, что не всякий богатый рыцарь себе такие позволит, однако герольд их словно бы не замечал. Да и они слушали краем уха, у них своя тусовка, сблизили головы на своем краю стола и о чем-то таинственно переговаривались.

Минут пять я слушал рекламный проспект, уже собрался отказаться, как вдруг промелькнуло слово «юг». Одно упоминание о юге действует на меня, как шило в заднице, я переспросил:

— Насчет юга не расслышал...

— Я говорю, благородный сэр, что ехать придется на юг, но зато на турнире будут знатнейшие рыцари юга, благородные сэр Астерин, благородный сэр Тотенк...

Снова я пропустил дальнейшее описание великолепнейшего из турниров, в голову кольнула острая мысль, переспросил:

— Вы ехали ко мне? Точно ко мне?

— К вам, сэр Ричард!.. Правда, мы еще не знали вашего благородного имени, но уже было известно, что некий герой вошел в зачарованный замок и одолел владельца. Потому мой благородный господин герцог Армин Арпагаус, это брат короля Барбароссы, и велел передать вам приглашение...

Я ощутил предостерегающий холодок, поинтересовался медленно:

— Вы говорите, на Каталаунских полях? Отсюда

до них ехать не меньше недели?.. Там и живет ваш герцог?

Он подтвердил с готовностью:

— Все верно!

— Но, — сказал я напряженно, — простите, я все-го четвертый или пятый день здесь! Как могли так быстро... ну, узнать, прислать вас...

На его круглом лице появилось выражение удивления, даже обиды.

— Сэр Ричард!.. Но как же... Я же герольд!.. Как же иначе? Я должен бывать везде, куда меня допускают, я должен.... А, простите, кажется, я начинаю понимать...

Я наклонил голову, глядя исподлобья.

— Скажите, чтобы начал понимать и я.

— Ваше незнание извиняет только то, что вы, возможно... с дальнего севера?

Он произнес так, словно я только что вылез из яранги. Или чума. Что такое вертолет — знаю, а вот про трамвай или троллейбус надо объяснять долго и старательно.

— Да, — ответил я, холодок снова прокатился по спине. — Да, я оттуда... у нас белые медведи ходят прямо по улицам. А герольды передвигаются... чуть медленнее. На оленях потому что. Вы можете сообщить тамошние правила? Вдруг наши в чем-то расходятся? Я не хотел бы никаких дипломатических нот...

Фредди отставил чашу, громко и внятно зачитал правила проведения турнира, я с особым вниманием слушал те пункты, по которым одни могли быть допущены к турниру, другие изгнаны. К изумлению, услышал практически дословное изложение указа короля Филиппа Валуа, что лишь доказывало: турниры турнирами, но, кроме потехи для зрителей, здесь был задействован суровый принцип воспитания даже взрослых и зрелых, развлекая кровавым действом.

— «Рыцарь, — слышался громкий звучный голос, — сделавший противное католической вере, да будет изгнан. Если будет домогаться участия в турнире, основываясь на знатности своего происхождения, да будет сильно побит и изгнан... Кто изобличен в ве-роломстве, да будет изгнан, а герб его бросается под ноги и попирается участниками турнира... Кто изменит, покинет поле битвы или начнет сражаться со злости со своими вместо нападения на врага, да будет побит и изгнан... Кто употребит насилие, оскорбит честь или честное имя дамы или девицы, да будет побит и изгнан с турнира...»

На том конце стола перестали шептаться, Гунтер хмыкнул, я посмотрел на него косо, он сделал каменное лицо, но глаза смотрели хитро. Впрочем, он новоиспеченный рыцарь, таких до турнира, как я понимаю, не допускают.

— «Кто подделает печать свою или чужую, злоупотребит, нарушит, даст ложную клятву, похитит что-то, притеснит бедного, вдову или сироту, отнимет у них собственность, вместо того чтобы им помочь, поддержать их и поберечь, — да будет побит и изгнан...»

— А вот это хорошо, — проворчал Гунтер. — Попчаще бы эти турниры. Повторение — мать ученья.

Герольд перевел дыхание, сказал громко и с при-
дыханием:

— «Кто будет враждовать с соседями и вредить им потравами, поджогами, разграблением сел, из-за чего простой люд терпит убытки и лишения, да будет побит и с позором изгнан с турнира...»

Гунтер сказал довольно:

— А это как раз про Волка! Не так ли, ваша милость? Можно заодно и жалобу...

— Тихо, — сказал я.

— «Кто обложил свои земли новым налогом, от чего простой народ терпит лишения, торговля зами-

рает — да будет наказан публично... Пьяницы и сварливые к турнирам не допускаются, а из турнирного общества изгоняются вовсё... Кто ведет недостойную рыцаря жизнь, существуя ленными доходами, вредит соседям и дурными поступками порочит благородное сословие — да будет побит и изгнан... Кто по алчности женится на простолюдинке, тот изгоняется из турнира... Кто не представит доказательств или поручительств о своем благородном звании, тот к турниру не допускается...»

Я остро посмотрел на герольда. Если некто пытается выманить меня из замка, где я действительно силен, то этот пункт ему надо как-то нейтрализовать. Все остальные пункты прекрасны, под каждым я подписался бы сам. Эти турниры только для рыцарей, выяснение, кто круче, а правители страхом бесчестия принуждают высший слой стремиться к добродетели и удерживаться от порока. Здесь сразу ясно, кто чист, а кто грязная свинья, и только ради того, чтобы показаться в обществе благородных, какой-нибудь местный Троекуров поневоле сдерживает фрейдистские комплексы. Даже запрет недворянам участвовать в турнирах не что иное, как наше обязательное требование при приеме на «благородную работу» наличия диплома о высшем образовании, бездипломные же простолюдины идут на работу черную. Так и называются — чернорабочие, так что не надо ля-ля о несправедливых кастовых барьерах.

Понятна и еще одна тайная цель приглашения на турнир. Сравнительно недавно все воины были на конях, хорошее оружие и хорошие доспехи, драться могли как верхом, так и пешими — никаких проблем, однако каждое столетие прибавляло хотя бы пару новых железок, рыцарь перестал быть орлом, что носится на быстром, как ветер, коне. Теперь это тяжелый, закованый в танковую броню носорог на закованном в

танковую броню носорожистом коне, чья задача уже не скорость, а умение хоть какое-то время продержать на хребте эту закованную в хорошую сталь башню.

А это значит, подумал я хмуро, что рыцарю для выезда за ворота требуется несколько лошадей и куча слуг. Мало того, требуются собственные лучники, что защищают от чужих лучников, ибо малоподвижный рыцарь — идеальная мишень. Конечно, ни один не выходит даже за двери спальни без оруженосца, а это значит, что я уведу из замка всех боеспособных воинов. Правда, остается защитная магия, которая, как вижу, действует как-то избирательно, да и что-то не очень доверяю тому, чему не доверял всю жизнь. Вдруг где-то пробки перегорят или вирус заберется, тогда приходи и бери голыми руками?

Пальцы сами по себе легонько погладили кольцо. Жаль, не работает вне стен замка. Тогда бы все эти суперпуперные рыцари, будь родом даже из горных троллей, для меня стали бы только мясом... или камнями. Посмотрел бы, что у них за шкура и что внутри.

— Я, — проговорил я, чувствуя, что делаю самую огромную в жизни глупость, — я... благодарю за приглашение и... с благодарностью принимаю.

На миг осветившееся лицо герольда стало другим, словно прежнее на кратчайший миг исчезло и появилось снова, а то, что его заменило, отпечаталось в моем мозгу, как отпечатывается на сетчатке глаза молния, длящаяся миллионную долю секунды.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ 1

Глава 1	5
Глава 2	19
Глава 3	38
Глава 4	54
Глава 5	72
Глава 6	90
Глава 7	105
Глава 8	119
Глава 9	135
Глава 10	148

ЧАСТЬ 2

Глава 1	165
Глава 2	180
Глава 3	194
Глава 4	207
Глава 5	221
Глава 6	236
Глава 7	249
Глава 8	262
Глава 9	277
Глава 10	291

ЧАСТЬ 3

Глава 1	315
Глава 2	330

Глава 3	344
Глава 4	357
Глава 5	370
Глава 6	385
Глава 7	396
Глава 8	410
Глава 9	424
Глава 10.	433
Глава 11.	448
Глава 12.	465

Литературно-художественное издание
Гай Юлий Орловский
РИЧАРД ДЛИННЫЕ РУКИ — СЕНЬОР

Ответственный редактор **Д. Малкин**

Редактор **Е. Самойлова**

Художественный редактор **А. Старикив**

Технический редактор **О. Куликова**

Компьютерная верстка **О. Шувалова**

Корректор **Е. Сырцова**

ООО «Издательство «Эксмо»

127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18, корп. 5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.

Home page: www.eksмо.ru E-mail: Info@eksмо.ru

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:

109472, Москва, ул. Академика Скрябина, д. 21, этаж 2.

Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16, многофункциональный тел. 411-50-74.

E-mail: reception@eksмо-sale.ru

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:

117192, Москва, Миуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (095) 411-50-76.

127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (095) 745-89-15, 780-58-34.

www.eksмо-kancl.ru e-mail: kanc@eksмо-sale.ru

**Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо» в Москве
в сети магазинов «Новый книжный»:**

Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12

(м. «Сухаревская», ТЦ «Садовая галерея»). Тел. 937-85-81.

Москва, ул. Ярцевская, 25 (м. «Молодежная», ТЦ «Трамплин»). Тел. 710-72-32.

Москва, ул. Декабристов, 12 (м. «Отрадное», ТЦ «Золотой Вавилон»). Тел. 745-85-94.

Москва, ул. Профсоюзная, 61 (м. «Калужская», ТЦ «Калужский»). Тел. 727-43-16.

Информация о других магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

ООО Дистрибуторский центр «ЭКСМО-УКРАИНА». Киев, ул. Луговая, д. 9.

Тел. (044) 531-42-54, факс 419-97-49; e-mail: sale@eksмо.com.ua

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» в Санкт-Петербурге:

РДЦ СЗКО, Санкт-Петербург, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.

Тел. отдела реализации (812) 285-44-80/81/82/83.

Сеть книжных магазинов «Буквоед»:

«Книжный супермаркет» на Загородном, д. 35. Тел. (812) 312-67-34

и «Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Сеть магазинов «Книжный клуб «СНАРК» представляет самый широкий ассортимент книг издательства «Эксмо». Информация о магазинах и книгах в Санкт-Петербурге по тел. 050.

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» в Нижнем Новгороде:

РДЦ «Эксмо НН», г. Н. Новгород, ул. Маршала Воронова, д. 3. Тел. (8312) 72-36-70.

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» в Челябинске:

ООО «ИнтерСервис ЛТД», г. Челябинск. Свердловский тракт, д. 14. Тел. (3512) 21-35-16.

Подписано в печать с готовых диапозитивов 12.08.2004.

Формат 84x108 1/32. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.

Бум. тип. Усл. печ. л. 25,2. Уч.-изд. л. 19,7.

Тираж 5000 экз. Заказ № 4402371.

Отпечатано с готовых монтажей

на ФГУИПП «Нижполиграф».

603006, Нижний Новгород, ул. Варварская, 32.

СЕРИЯ

«РУССКАЯ ФАНТАСТИКА»

**ЛУЧШИЕ РОМАНЫ
СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ
ПИСАТЕЛЕЙ-ФАНТАСТОВ!**

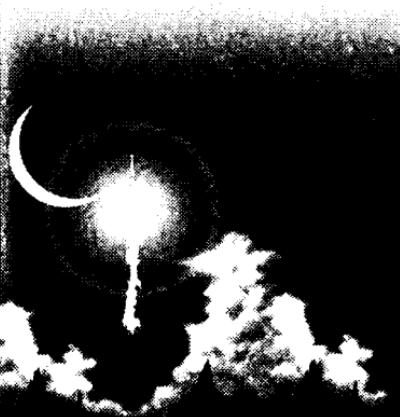
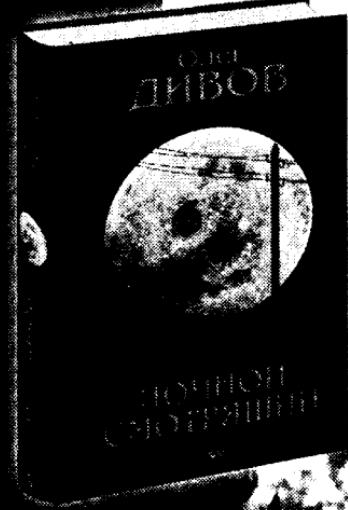
ТАКЖЕ В СЕРИИ:

- В. Звягинцев
«Андреевское братство»,
«Бои местного значения»
- В. Бурцев «Алмазный дождь»
- А. Орлов «База 24»
- А. Селецкий «Древняя кровь»

ЛИДЕР
НОВОЙ
ВОЛНЫ

ОЛЕГ
ДИВОВ

Один из самых ярких
современных
писателей-фантастов,
лауреат многочисленных
литературных
премий.

Читайте книги Олега Дивова:
«К-10», «Выбраковка», «След зомби», «Саботажник»

Открытие 2003 года!

ВАДИМ ПАНОВ

В СЕРИИ «Тайный Город»

Оказывается, человечество – отнюдь не единственная раса на Земле. Потомки давно исчезнувших цивилизаций и сейчас обитают в тайном магическом городе, многие тысячи лет существующем на территории Москвы и скрытом от глаз людей защитными чарами. Однако некоторым все же удается заглянуть под покров тайны...

**Добро пожаловать
в Тайный Город!**

ТАКЖЕ В СЕРИИ:

«И в аду есть герои. Наложницы Ненависти»

«Куколка Последней Надежды»

«Войны начинают неудачники. Командор войны»

«Атака по правилам.

Все оттенки черного»

www.t-grad.com

ISBN 5-699-07481-3

9 785699 074815 >

ЛЮФИЧОР

Длинные Руки —
сеньор

